

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ  
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ  
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*И. С. Дикарев*

**НАДЗОРНО-КАССАЦИОННАЯ ФОРМА  
ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ  
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Монография

Волгоград 2016

УДК 343.156.6

ББК 67.410.215

Д45

д-р юрид. наук, проф. каф. уголовного права и уголовного процесса  
Нижегородского филиала Национального исследовательского университета  
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород)

*Н.Н. Ковтун;*

д-р юрид. наук, проф. каф. судебной власти,  
правоохранительной и правозащитной деятельности  
Московского педагогического государственного университета,  
судья Верховного Суда РФ (отставке) *Н.А. Колоколов*

**Дикарев, И. С.**

Д45 Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе [Текст] : монография / И. С. Дикарев ; общ. ред. и предисл. В. А. Давыдова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. – 400 с. – Библиогр.: с. 346–398.

ISBN 978-5-9669-1534-6

Монография посвящена исследованию процессуальной формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, применяемой в судах кассационной и надзорной инстанций. Показано влияние конституционного права на судебную защиту и принципа правовой определенности на построение данной формы пересмотра судебных решений, именуемой автором надзорно-кассационной. Проведен анализ ключевых процессуальных гарантий, призванных обеспечивать полноценную реализацию и баланс названных принципов уголовного процесса. На этой основе разработан комплекс предложений по совершенствованию законодательной регламентации производства в судах кассационной и надзорной инстанций.

Книга адресована научным сотрудникам, занимающимся проблемами уголовного судопроизводства, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов и факультетов, а также практическим работникам – прежде всего судьям, прокурорам и адвокатам.

УДК 343.156.6

ББК 67.410.215

ISBN 978-5-9669-1534-6

© Дикарев И. С., 2016

© Давыдов В. А., предисловие, 2016

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2016

© Оформление. Издательство Волгоградского государственного университета, 2016



# ОГЛАВЛЕНИЕ

---

<b>ПРЕДИСЛОВИЕ .....</b>	<b>5</b>
<b>Глава 1. НАДЗОРНО-КАССАЦИОННАЯ ФОРМА ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ .....</b>	<b>9</b>
§ 1. Надзорно-кассационная форма как единая процедура пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, применяемая судами кассационной и надзорной инстанций .....	9
§ 2. Предмет разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций .....	25
§ 3. Разграничение форм пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в уголовном процессе .....	46
<b>Глава 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ И ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В НАДЗОРНО-КАССАЦИОННОЙ ФОРМЕ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ .....</b>	<b>64</b>
§ 1. Право на судебную защиту и его реализация в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций .....	64
§ 2. Принцип правовой определенности в надзорно-кассационной форме пересмотра судебных решений по уголовным делам .....	94
§ 3. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений как результат разрешения диалектического противоречия принципов правовой определенности и права на судебную защиту в сфере уголовного судопроизводства .....	119
<b>Глава 3. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СУДАХ КАССАЦИОННОЙ И НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИЙ .....</b>	<b>155</b>
§ 1. Сущность и предназначение предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций .....	155

§ 2. Механизм процессуального контроля за законностью и обоснованностью решений, выносимых судьями по результатам предварительного производства .....	172
§ 3. Направления совершенствования процессуальной формы предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций .....	190
<b>Глава 4. НАДЗОРНО-КАССАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОРОВ, ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ПОСТАНОВЛЕНИЙ СУДА .....</b>	
§ 1. Фундаментальное нарушение закона как основание пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном порядках .....	222
§ 2. Критерии фундаментальности нарушения закона .....	245
§ 3. Система законодательного закрепления надзорно-кассационных оснований пересмотра судебных решений .....	267
<b>Глава 5. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ БАЛАНС ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В НАДЗОРНО-КАССАЦИОННОЙ ФОРМЕ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ .....</b>	
§ 1. Срок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в надзорно-кассационной форме .....	284
§ 2. Запрет поворота к худшему при производстве в судах кассационной и надзорной инстанций .....	306
§ 3. Ревизионное начало в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций .....	322
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>	343
<b>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ .....</b>	346

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

К числу наиболее значимых преобразований, произошедших в последние годы в сфере уголовного судопроизводства, с полным основанием можно отнести реформу проверочных производств, связанную с принятием и введением в действие Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». Законодатель существенным образом изменил процедуру апелляционного, кассационного и надзорного производств, придав обновленный облик всей системе проверки вышестоящими судами правосудности судебных решений.

При всей масштабности изменений, которым подверглось судебное производство по уголовным делам, российской правовой системе удалось сохранить свои процессуальные традиции и национальные особенности. Одной из таких особенностей со временем еще советского уголовного процесса была и остается возможность пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда не только ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, но также и в надзорном порядке.

Наличие в правовой системе механизма пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, объективно обусловлено тем, что судебные ошибки на практике допускаются на всех этапах судебного производства: чаще при рассмотрении уголовных дел судами первой инстанции, но нередко и вышестоящими судебными инстанциями – апелляционной и кассационной. Сохранение в российском уголовном процессе нескольких форм пересмотра вступивших в законную силу судебных актов служит, таким образом, гарантией закрепленного в ст. 46 Конституции РФ права на судебную защиту, являющегося одним из основных неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина и одновременно выступающего гарантом всех других прав и свобод личности.

Прежний надзорный порядок пересмотра судебных актов в действующем уголовно-процессуальном законодательстве разделен на две самостоятельные стадии: производство в суде кассационной инстанции, регламентированное гл. 47.1 УПК РФ, и производство в суде надзорной инстанции, урегулированное положениями гл. 48.1 УПК РФ. Такое деление весьма условно: необходимо понимать, что производство по пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу, как его ни назови, было и остается по своей природе надзорным производством. Не случайно у современных производств в судах кассационной и надзорной инстанций так много совпадающих характеристик – предмет судебного разбирательства, субъекты обжалования, структура стадии, основания отмены и изменения судебных решений, промежуточные и итоговые процессуальные решения и т. д.

В представленной вниманию читателя монографии И.С. Дикарева производства в судах кассационной и надзорной инстанций рассматриваются как стадии уголовного процесса, объединенные общей процессуальной формой пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, которую автор именует надзорно-кассационной. Такой подход представляется правильным, учитывая, с одной стороны, отмеченную выше условность деления прежде единого производства в суде надзорной инстанции на две самостоятельные стадии и сохранение преемственности нового порядка с ранее действовавшим, а с другой – произошедшие преобразования, выразившиеся в придании пересмотру вступивших в законную силу судебных решений судами кассационной и надзорной инстанций некоторых черт классической европейской (континентальной) кассации.

В отличие от прежнего производства в суде надзорной инстанции, современные кассация и надзор нацелены на выяснение исключительно законности судебного акта, то есть проверку вопросов права, не касаясь вопросов факта. Вследствие этого законодателем был ограничен и круг оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном и надзорном порядках только существенными нарушениями уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшими на исход уголовного дела (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). Положение закона о том, что в судах кассаци-

онной и надзорной инстанций проверяется только законность судебного решения, вовсе не означает, что свойства обоснованности и справедливости теперь не имеют для этих судебных инстанций никакого значения. На самом деле указанные свойства, будучи в ряде случаев производными от правильного применения судом норм материального и процессуального права, обязательно попадают в поле зрения судов, проверяющих правосудность вступивших в законную силу судебных решений. Такая позиция отражена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, разделяется и автором монографии, который выдвигает гипотезу о неразрывной взаимосвязи проверки правильности применения закона и оценки всех свойств судебного решения – законности, обоснованности и справедливости. Анализ теоретической конструкции обоснованности судебного решения, конкретные примеры из кассационной практики судов областного уровня позволили автору доказать правильность этой гипотезы и выдвинуть предложения по совершенствованию законодательной формулировки предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций.

Преобразования, произошедшие в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, объясняются прежде всего влиянием на уголовный процесс принципа *res judicata*.

Данный принцип рассматривается в представленной работе как элемент более широкого по своему содержанию принципа правовой определенности, который, наряду с конституционным правом на судебную защиту, отнесен к правовым началам, предопределяющим построение надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений. На основе исследования содержания указанных принципов и их влияния на производство в судах кассационной и надзорной инстанций в монографии сформулирован вывод о том, что надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений является результатом разрешения в сфере уголовного судопроизводства диалектического противоречия принципов правовой определенности и права на судебную защиту.

Такой подход позволил автору объяснить как общее построение стадий производства в судах кассационной и надзорной ин-

станций, так и отдельные элементы и условия процедуры пересмотра судебных актов: предварительное производство, основания и сроки пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, запрет поворота к худшему и ревизионное начало в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций.

Идея выделения принципов правовой определенности и права на судебную защиту в качестве основных начал, формирующих порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в кассационном и надзорном порядках, весьма продуктивна и в плане выработки предложений по совершенствованию надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений. Ведь развитие этой идеи наводит на мысль о том значении, которое имеет достижение баланса этих принципов в процедуре, а это уже прямой путь к выработке конкретных рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Таких рекомендаций в монографии высказано немало. Большинство из них следует поддержать, некоторые представляются дискуссионными, но все они, без сомнения, заслуживают внимания научной общественности, законодателей и правоприменителей.

В условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства проблематика пересмотра вступивших в законную силу судебных решений приобрела особую актуальность – и новые положения закона, и формирующаяся на их основе судебная практика нуждаются в теоретическом осмыслении и всестороннем критическом анализе. Собственно, этому и посвящена работа И.С. Дикарева, предлагаемая читателю.

Хочется верить, что предлагаемая монография будет восреборвана не только учеными-процессуалистами, но и студентами, аспирантами, практическими работниками.

Заместитель Председателя  
Верховного Суда РФ – председатель Судебной коллегии  
по уголовным делам,  
доктор юридических наук,  
заслуженный юрист Российской Федерации  
**В.А. Давыдов**

## Глава 1

# НАДЗОРНО-КАССАЦИОННАЯ ФОРМА ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

---

## **§ 1. Надзорно-кассационная форма как единая процедура пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, применяемая судами кассационной и надзорной инстанций**

Входящие в систему современного российского уголовного судопроизводства стадии производства в судах кассационной (гл. 47.1 УПК РФ) и надзорной (гл. 48.1 УПК РФ) инстанций имеют общее происхождение – в функционировавшей до вступления в силу изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ<sup>1</sup>, стадии производства в суде надзорной инстанции. Закон сохранил действовавший судоустройственный и судопроизводственный порядок проверки и пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, с той лишь разницей, что надзорные инстанции преобразованы в инстанции кассационные, за исключением Президиума Верховного Суда РФ, выполняющего функции надзорной инстанции<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

<sup>2</sup> Принятие Федерального закона № 433-ФЗ – весьма значимый этап судебной реформы : (интервью с членом Президиума Верховного Суда РФ В. А. Даудовым) // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 12.

Общностью происхождения обусловлено неоднократно отмечавшееся в юридической литературе<sup>3</sup> совпадение процессуального порядка пересмотра судебных решений в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций.

Производство в судах кассационной и надзорной инстанций характеризуется следующими общими чертами: кассационное и надзорное разбирательства, во-первых, имеют общий объект – вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда, во-вторых, общий предмет – законность вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ). В-третьих, закон предусматривает единый перечень субъектов кассационного и надзорного обжалования (ч. 1 и 2 ст. 401.2, ч. 1 ст. 412.1 УПК РФ). Отличие здесь состоит лишь в том, что если право *кассационного обжалования* принадлежит как Генеральному прокурору РФ, его заместителю, так и прокурору субъекта РФ или приравненному к нему военному прокурору, то с *надзорным представлением* обратиться в суд могут только Генеральный прокурор РФ и его заместитель (ч. 3 ст. 412.3 УПК РФ). В-четвертых, закон предъявляет общие требования к форме и содержанию кассационных и надзорных жалоб и представлений, устанавливает единый порядок их подачи. В-пятых, действует единая процедура изучения кассационных и надзорных жалоб, представлений в ходе предварительного производства. В-шестых, основания отмены и изменения вступивших в законную силу судебных решений в кассации и надзоре полно-

<sup>3</sup> См., например: Ковтун Н. Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 183 ; Его же. Res judicata реформированной российской кассации // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4. С. 121 ; Белкин А. Р. О некоторых странностях кассационного и надзорного производства // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 25 ; Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : монография. В 2 ч. Ч. I / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Колоколова. М., 2015. С. 496 (автор гл. 6 разд. 3 – А. Р. Белкин) и др.

стью совпадают (ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). И, наконец, в-седьмых, суды кассационной и надзорной инстанций рассматривают в судебном заседании жалобы и представления по общим правилам и наделяются законом практически одинаковым комплексом полномочий<sup>4</sup>. В юридической литературе также обращается внимание на фактическую идентичность решений, которые могут быть приняты по результатам рассмотрения уголовного дела в кассационной и надзорной инстанциях<sup>5</sup>.

По сути, разграничить рассматриваемые стадии уголовного процесса можно только по субъекту пересмотра: суды кассационной инстанции перечислены в ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ, тогда как судом надзорной инстанции является Президиум Верховного Суда РФ (ч. 1 ст. 412.1 УПК РФ)<sup>6</sup>. Еще одно отличие, на которое указывается в юридической литературе, – неоднократность проверки судебного решения в кассационном порядке<sup>7</sup>, не является принципиальным. Дело в том, что и в надзорном порядке судебные решения также могут пересматриваться неоднократно. Только в отличие от кассации, где в пересмотре за действуются последовательно несколько судебных инстанций (президиумы судов областного уровня и судебные коллегии Верховного Суда РФ), в порядке надзора уголовное дело может рассматриваться неоднократно одним и тем же органом – Президиумом Верховного Суда РФ.

---

<sup>4</sup> См.: Дикарев И. С. Президиум Верховного Суда РФ – высший кассационный суд // Библиотека криминалиста. 2015. № 2 (19). С. 319–320.

<sup>5</sup> Валеев А. Т. Обжалование и пересмотр судебных решений по уголовным делам : монография. М., 2016. С. 140.

<sup>6</sup> «Кассация и надзор, – пишет В. А. Лазарева, – различаются только судебными инстанциями, проверяющими законность вступившего в законную силу судебного акта, да и этот критерий четко не выдержан» (см.: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. Ч. I. С. 473 (автор гл. 4 разд. 3 – В. А. Лазарева)).

<sup>7</sup> Омарова А. С. Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. С. 36.

Общность применяемого в судах кассационной и надзорной инстанций процессуального порядка пересмотра судебных решений позволяет законодателю возлагать на суд надзорной инстанции решение задач, которые должны решаться кассационным судом. Во-первых, речь идет о ситуациях, возникающих в тех случаях, когда приговоры и иные решения судов уровня субъекта Российской Федерации были предметом апелляционной проверки в судебных коллегиях Верховного Суда РФ. Такие судебные решения подлежат пересмотру в порядке надзора в Президиуме Верховного Суда РФ, так как коллегии Верховного Суда РФ, проверив эти решения в апелляционном порядке, уже не могут выступать в качестве судов кассационной инстанции (п. 1 и 2 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ). В связи с этим кассационное производство «выпадает» из системы проверочного производства, и пересмотр осуществляется в порядке надзора<sup>8</sup>. Во-вторых, имеется в виду предусмотренная ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ возможность передачи Председателем Верховного Суда РФ или его заместителем на рассмотрение Президиума Верховного Суда РФ кассационных жалобы или представления.

Многочисленность и значимость совпадающих элементов производства в судах кассационной и надзорной инстанций вкупе с предусмотренной законом возможностью замены в ряде случаев кассационного пересмотра судебных решений надзорным позволяют сделать вывод о том, что *в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций применяется единая форма пересмотра вступивших в законную силу судебных решений*.

Под формой пересмотра судебных решений понимается установленная уголовно-процессуальным законом процедура осуществления уголовно-процессуальной деятельности участниками уголовного судопроизводства по инициированию (возбуждению) проверки приговора, принятию уголовного дела к производству вышестоящей судебной инстанцией, проверке обжалуемого су-

<sup>8</sup> Омарова А. С. Неоднократность новой кассации и правило инстанционности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3. С. 101.

дебного решения и принятию решения относительно его соответствия требованиям, установленным УПК РФ<sup>9</sup>.

Возникает вопрос: какая именно форма пересмотра судебных решений применяется в судах кассационной и надзорной инстанций?

Н.Н. Ковтун констатирует, что в результате реформы проверочных стадий (Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ) в уголовном процессе сформировалась модель кассации, которая в основных своих чертах соответствует концепту классической, континентальной кассации, предполагающей, что окончательные акты суда не могут быть предметом повторной проверки на предмет фактической обоснованности итоговых выводов нижестоящего суда<sup>10</sup>. К аналогичному выводу приходит в своей кандидатской диссертации и А.С. Омарова<sup>11</sup>. Собственно говоря, затевая реформу, законодатель использовал классическую европейскую (континентальную) кассацию в качестве образца. В пояснительной записке к законопроекту не только упоминается «кассационное производство в классическом понимании этого процессуального института», но и прямо указывается на то, что законопроектом «предлагается ввести новый кассационный порядок проверки судебных решений... основная цель которого заключается в проверке вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда исключительно по вопросам права»<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> См.: Бородинова Т. Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России : монография. М., 2014. С. 44 ; Ее же. Формы и виды пересмотра приговоров в современном уголовном судопроизводстве России // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2015. С. 58.

<sup>10</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления : монография / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011. С. 82–83 (автор парагр. 3.14 – Н. Н. Ковтун).

<sup>11</sup> Омарова А. С. Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов : дис. ... канд. юрид. наук. С. 3.

<sup>12</sup> Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Идея о том, что в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций реализуется *кассационная форма* пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, высказывалась ранее и автором настоящей работы<sup>13</sup>. Однако по излагаемым ниже соображениям мы вынуждены признать данный вывод поспешным и скорректировать свою позицию в данном вопросе.

Послужившую в XIX столетии образцом для российского законодателя классическую континентальную кассацию, применявшуюся во французском уголовном процессе, отличают следующие основные признаки: 1) единство кассационной инстанции; 2) в кассационном порядке обжалуются окончательные судебные решения, еще не вступившие в законную силу<sup>14</sup>; 3) дело пересматривается только по инициативе сторон и, как правило, лишь в пределах тех доводов, которые содержатся в поданных жалобах; 4) судебные решения проверяются кассационным судом исключительно с позиций правильности применения закона и соблюдения форм процесса без вхождения в выяснение вопросов факта; 5) кассационный суд вправе отменить судебное решение, если находит его незаконным, и направить дело на новое рассмотрение либо оставить приговор в силе, но, как правило, не может вносить изменений в обжалованный судебный акт<sup>15</sup>.

<sup>13</sup> Дикарев И. С. Президиум Верховного Суда РФ – высший кассационный суд. С. 320–321.

<sup>14</sup> Данная черта характерна и для современных уголовно-процессуальных законодательств зарубежных стран, где сохраняется классическая европейская (континентальная) кассация, например, Франции (см.: Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 378–379 (автор гл. 4 – Л. В. Головко)).

<sup>15</sup> См.: Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 388, 399 ; Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск, 1905. С. 310–314 ; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. СПб., 1910. С. 520 ; Чельцов-Бебутов М. А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 509 ; и др.

Большинство из перечисленных признаков классической европейской (континентальной) кассации действующему порядку производства в судах кассационной и надзорной инстанций не свойственны: пересмотр судебных решений в кассационном порядке основан на начале инстанционности (ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ); кассационному и надзорному обжалованию подлежат приговоры, определения и постановления суда, уже вступившие в законную силу (ст. 401.1, ч. 1 ст. 412.1 УПК РФ); на рассмотрение судов кассационной и надзорной инстанций дело может вноситься не только по инициативе сторон, но и по решению руководителей Верховного Суда РФ (ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ); пределы рассмотрения уголовного дела не ограничиваются доводами жалоб – как в предварительном производстве, так и в судебном разбирательстве широко применяется ревизионное начало (ст. 401.16, 412.12 УПК РФ); по результатам рассмотрения уголовного дела суды кассационной и надзорной инстанций вправе не только отменять обжалованные судебные решения, но и вносить в них изменения (п. 6 ч. 1 ст. 401.14, п. 7 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ).

Как пишет Л.В. Головко, Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «не только не восстановил, вопреки заявлению законодателя “классическую кассацию”, но, напротив, извратил институт кассации даже в большей степени, нежели извратило его в свое время советское право»<sup>16</sup>.

Столь существенные отличия действующего процессуального порядка пересмотра судебных решений от классической европейской (континентальной) кассации объясняются тем, что законодатель, осуществляя реформу, не стал просто копировать известные зарубежные образцы организации кассационного суда, равно как и возрождать российскую дореволюционную модель кассации, а модернизировал ранее действовавшее в российском уголовном процессе производство в суде надзорной инстанции (гл. 48

---

<sup>16</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. Ч. I. С. 419–420 (автор гл. 2 разд. 2 – Л. В. Головко).

УПК РФ)<sup>17</sup>, придав ему ключевую черту классической континентальной кассации – ограничение предмета судебного разбирательства проверкой исключительно законности судебных решений<sup>18</sup>. Не случайно многие ученые и практические работники отмечают преемственность уголовно-процессуального законодательства в этой части.

Так, В.А. Давыдов пишет, что новое правовое регламентирование порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам сохранило в большинстве своих сущностных моментов преемственность с надзорным производством (по нормам гл. 48 УПК РФ)<sup>19</sup>. По мнению М.Л. Позднякова, новые кассационный и надзорный порядки по своей структуре «так и остались стадией, ранее известной как надзор»<sup>20</sup>. В.А. Лазарева считает, что «кассационный порядок рассмотрения уголовного дела законом № 433-ФЗ создан по образу и подобию ныне действующего надзорного производства...»<sup>21</sup>. А.Р. Белкин также отмечает, что новая схема пересмотра решений, вступивших в законную силу, фактически в значительной мере сохранила «старый» надзорный пересмотр<sup>22</sup>.

Если же учесть, что в основу гл. 48 УПК РФ «Производство в надзорной инстанции» в свое время легли многие положения гл. 30 УПК РСФСР 1961 г., то можно с уверенностью утверждать, что

<sup>17</sup> На то, что процессуальная форма современной кассационной проверки восприняла достаточно наработанный опыт надзорной инстанции, обращает внимание, в частности, Н. Н. Ковтун (см.: Ковтун Н. Н. *Res judicata* реформированной российской кассации. С. 121).

<sup>18</sup> Именно через этот признак определял кассацию И. Я. Фойницкий: «Кассация есть пересмотр уголовного приговора, ограничивающийся юридической стороной его, не касаясь фактической, то есть доказательной или существа дела» (Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С. 520).

<sup>19</sup> См.: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. Ч. I. С. 529 (автор гл. 9 разд. 3 – В. А. Давыдов).

<sup>20</sup> Поздняков М. Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе : монография. М., 2015. С. 123.

<sup>21</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. Ч. I. С. 474 (автор гл. 4 разд. 3 – В. А. Лазарева).

<sup>22</sup> См.: Там же. С. 495 (автор гл. 6 разд. 3 – А. Р. Белкин).

*ныне действующий порядок производства в судах кассационной и надзорной инстанций продолжает процессуальную традицию еще советского судебного надзора. И вообще, как верно отмечается в юридической литературе, «производство по пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу (выделено нами. – И. Д.), в целях выявления ошибок в применении права, допущенных нижестоящими судами, как его не назови, остается по своей правовой природе производством надзорным»<sup>23</sup>.*

Главным и наиболее значимым новшеством действующей процедуры пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в кассационном и надзорном порядке, приведшим к ее существенной трансформации, стало изменение предмета судебного разбирательства, который был законодательно ограничен проверкой исключительно вопросов права. По сути, произошло «переориентирование на исправление судебной ошибки путем проверки законности судебного решения», которое В.А. Давыдов еще в 2005 г. определил как перспективное направление совершенствования именно надзорного производства<sup>24</sup>.

Таким образом, оценивая произошедшие в уголовно-процессуальном законодательстве преобразования, речь необходимо вести о дальнейшем развитии (модернизации) российской модели судебного надзора, результатом которого стало формирование качественно новой процессуальной формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам<sup>25</sup>.

---

<sup>23</sup> Давыдов В. А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 46.

<sup>24</sup> См.: Давыдов В. А. Производство в надзорной инстанции в уголовном процессе: проблемы и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

<sup>25</sup> Оценивая результаты прошедшей реформы, В. А. Давыдов отмечает, что «в производство по пересмотру судебных решений, которые обрели силу закона, внесены столь кардинальные корректизы, что позволяют говорить не о каких-то технических, а о качественных, принципиальных изменениях данного производства» (Давыдов В. А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения. С. 47).

При этом рассматриваемая процессуальная форма приобрела гибридный характер, сочетаая в себе черты традиционного для российского уголовного процесса судебного надзора и классической европейской (континентальной) кассации. В связи с этим единую процессуальную форму, применяемую при производстве в судах кассационной и надзорной инстанций, следует, по нашему мнению, именовать надзорно-кассационной.

Введение в научный оборот нового термина представляется в данном случае необходимым и оправданным вследствие отсутствия в теории уголовного процесса какого-либо иного понятия, адекватно отражающего сущность модернизированной процессуальной формы пересмотра судебных решений. Ее гибридный характер не позволяет именовать ее ни надзорной, ни кассационной: вобрав в себя черты обеих, она является именно надзорно-кассационной.

Предмет судебного разбирательства, ограниченный проверкой исключительно вопросов права<sup>26</sup>, является сущностным признаком надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений, поскольку именно он отличает данную процессуальную форму как от иных форм проверки судебных решений (апелляции, возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств), так и от ранее действовавшего производства в надзорной инстанции (гл. 48 УПК РФ). Сформулированный в таком виде предмет судебного разбирательства, с одной стороны, служит гарантией *принципа правовой определенности*, препятствуя оспариванию правильности установления фактических обстоятельств дела после вступления судебного решения в законную силу, а с другой стороны, оставляя участникам уголовного процесса возможность добиваться пересмотра неправосудных, по их мнению, судеб-

<sup>26</sup> Согласно ст. 401.1 и ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ суды кассационной и надзорной инстанций проверяют законность вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда. При этом под проверкой законности понимается проверка вопросов права, не касаясь вопросов факта (см.: Давыдов В. А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения. С. 47).

ных решений, тем самым обеспечивает им *конституционное право на судебную защиту*.

**Единая процессуальная форма пересмотра судебных решений, объединяя стадии производства в судах кассационной и надзорной инстанций в целостную систему обеспечения правосудности вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, тем самым создает необходимые условия для реализации судами кассационной и надзорной инстанций своего назначения, состоящего в исправлении судебных ошибок и восстановлении личности в нарушенных правах, достигаемого посредством решения таких задач, как: 1) обеспечение личности конституционного права на судебную защиту; 2) обеспечение единства судебной практики на всей территории страны.**

Заметим, что именно судам кассационной и надзорной инстанций отводится в наши дни ключевая роль в обеспечении единства судебной практики по уголовным делам. Суды второй (апелляционной) инстанции способны решать лишь частные задачи обеспечения законности, обоснованности и справедливости отдельных проверяемых судебных решений. Корректировать же судебную практику в целом могут только вышестоящие суды, чья сфера деятельности охватывает по меньшей мере деятельность судов либо целого субъекта Российской Федерации, военного округа или флота либо же всей территории страны. Понятно, что ключевая роль в обеспечении единства судебной практики на территории всей страны отводится Президиуму Верховного Суда РФ, который, пересматривая вступившие в законную силу судебные решения в том же процессуальном порядке, что и суды кассационной инстанции (то есть в надзорно-кассационной форме), решает общие с ними задачи<sup>27</sup>. Именно этой особой

<sup>27</sup> В пункте 3.2 Регламента Верховного Суда РФ отмечается, что полномочие Президиума Верховного Суда РФ по проверке в порядке надзора вступивших в силу судебных актов осуществляется в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации и в целях обеспечения единства судебной практики и законности (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10. С. 6).

ролью Президиума Верховного Суда РФ и обусловлено, на наш взгляд, во-первых, выделение производства в суде надзорной инстанции в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, и, во-вторых, именование Президиума Верховного Суда РФ судом надзорной инстанции<sup>28</sup>.

По смыслу ч. 2 ст. 401.15 УПК РФ процедура пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда в кассационном порядке применяется для отмены вынесенных заочно приговора, определения или постановления суда в тех случаях, когда устраниются обстоятельства, указанные в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, и осужденный или его защитник заявляют соответствующее ходатайство<sup>29</sup>.

По приговору Ставропольского краевого суда от 3 июля 2012 г. К. осуждена за совершение ряда преступлений. Судебное разбирательство по уголовному делу проведено в отсутствие подсудимой на основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ. 30 ноября 2012 г. К. была задержана, после чего обратилась в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой, в которой просила отменить приговор как незаконный и необоснованный. При этом К. ссылалась на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, нарушение ее права на защиту, фальсификацию доказательств и пр. Судебная коллегия Верховного Суда РФ, принимая во внимание устранение обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, и наличие ходатайства осужденной, приговор суда первой инстанции отменила, указав, что доводы, изложенные в кассационной жалобе осужденной, подлежат проверке при новом рассмотрении уголовного дела<sup>30</sup>.

---

<sup>28</sup> Дикарев И. С. Президиум Верховного Суда РФ – высший кассационный суд. С. 325.

<sup>29</sup> Вследствие упущения законодателя в ч. 7 ст. 247 УПК РФ сохраняется положение о том, что вынесенные заочно судебные решения отменяются в порядке, предусмотренном гл. 48 УПК РФ, хотя данная глава утратила силу в связи с вступлением в силу Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ.

<sup>30</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2015 г. по делу № 19-УД15-18. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1346632](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1346632) (дата обращения: 10.01.2016).

Такого рода практическое приложение надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений не соответствует сформулированным выше задачам данной формы пересмотра судебных решений, и это ставит вопрос о корректности выбора законодателем процессуального порядка отмены заочных судебных решений. Очевидно, что отмена таких решений не имеет никакого отношения к обеспечению единообразного применения судами закона на всей территории страны. Суд кассационной инстанции в данном случае не устраниет нарушений закона и не корректирует правоприменение, а лишь формально осуществляет отмену вынесенных заочно приговоров и определений суда, когда о том ходатайствуют осужденный или его защитник. Не обеспечивает данная процедура и права на судебную защиту, поскольку при отмене заочного судебного решения в порядке ч. 2 ст. 401.15 УПК РФ судебные ошибки не выявляются и не исправляются<sup>31</sup>.

По сути, надзорно-кассационная форма здесь выполняет роль не более чем процессуальной оболочки, в рамках которой происходит формальная отмена вступивших в законную силу заочных судебных решений. Такое законодательное решение, вероятно, объясняется тем, что законодатель попросту не пожелал усложнять процессуальную форму введением новых процедур отмены заочных судебных решений (аналогичных имеющимся в гражданском процессе) и поэтому приспособил для этих целей уже имеющийся в арсенале процессуальных средств порядок.

В уголовно-процессуальной науке рассматриваемый порядок отмены вынесенных заочно приговоров и определений подвергся справедливой критике<sup>32</sup>. При этом высказывается обоснованное предложение ч. 7 ст. 247 УПК РФ из закона исключить, а обязан-

<sup>31</sup> Как пишут М. В. Мерзлякова и А. Д. Прошляков, предназначением данного производства «является не исправление судебных ошибок, а только лишь механическая отмена принятых по делу решений при констатации факта его вынесения в отсутствие подсудимого» (Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М., 2011. С. 20).

<sup>32</sup> См., например: Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография. М., 2009. С. 86.

ность разрешения ходатайств об отмене заочных судебных решений возложить на те суды, которые их вынесли<sup>33</sup>. Полагаем, что одновременно из закона следует исключить и ч. 2 ст. 401.15 УПК РФ.

Устанавливая пределы прав надзорной инстанции, ст. 412.12 УПК РФ предусматривает, что Президиум Верховного Суда РФ «в интересах законности» вправе выйти за пределы доводов надзорных жалобы, представления и рассмотреть уголовное дело в полном объеме, в том числе в отношении лиц, которые не обжаловали судебные решения в порядке надзора.

Использованное законодателем выражение «в интересах законности» ставит вопрос о соотношении современной модели производства в суде надзорной инстанции с известным законодательству некоторых зарубежных стран институтом кассации в интересах закона.

Обжалование (кассация) в интересах закона (*pourvoi dans l'intérêt de la loi*) – уникальная форма проверки законности окончательных судебных решений, возникшая и на протяжении вот уже двух столетий успешно применяемая во Франции. Данная форма кассации впервые получила законодательное закрепление в ст. 442 Кодекса уголовного следствия 1808 г.<sup>34</sup> и в практически неизменном виде была сохранена в Уголовно-процессуальном кодексе 1958 года<sup>35</sup>.

Кассация в интересах закона характеризуется рядом специфических черт, суть которых сводится к следующему:

Во-первых, она применяется для устранения нарушений закона и порядка судопроизводства, допущенных в таких судебных

<sup>33</sup> См.: Кукушкин П., Курченко В. Заочное судебное разбирательство // Законность. 2007. № 7. С. 17–18; Шикаев Д. В. Реализация полномочий защитника при производстве в надзорной инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 18.

<sup>34</sup> Code d'instruction criminelle et Code pénal. Paris, 1912. Один из первых переводов этого кодекса на русский язык был подготовлен Н. А. Неклюдовым (см.: Устав уголовного судопроизводства Франции / пер. Н. Неклюдова. СПб., 1860).

<sup>35</sup> Code de procédure pénale. URL: [http://perlpot.net/cod/procedure\\_penale.pdf](http://perlpot.net/cod/procedure_penale.pdf) (date of access: 28.07.2010).

решениях, которые либо в силу закона не подлежат кассационному обжалованию, либо, не будучи обжалованы в установленный срок сторонами, уже вступили в законную силу (соответственно, общий кассационный порядок обжалования в этом последнем случае также неприменим).

Во-вторых, правом обжалования судебных решений в интересах закона наделен только генеральный прокурор, состоящий при кассационном суде. Прокуроры других судов данным полномочием не наделены<sup>36</sup>.

В-третьих, пересмотр решения, обжалованного в интересах закона, не влечет изменений в правовом положении сторон. Отмена приговора или иного судебного решения осуществляется исключительно в целях соблюдения принципов права и в интересах закона, в связи с чем судебное решение, отмененное по требованию прокурора, не утрачивает своей силы в отношении сторон<sup>37</sup>. Стороны, поскольку они не ставили вопрос об обжаловании судебного решения, не могут использовать в своих интересах его отмену и возражать против его исполнения<sup>38</sup>. В силу этой последней особенности в теории уголовного процесса кассацию в интересах закона именуют иногда «платонической кассацией»<sup>39</sup>.

В правовой системе Франции пересмотр в интересах закона занимает место необходимого элемента обеспечения средствами *ex officio* публичного интереса в уголовном судопроизводстве. Призванный обеспечивать единообразное толкование закона, кассационный суд должен иметь возможность отмены не соответствующего закону судебного решения даже после его вступления

---

<sup>36</sup> См.: Rogron J.-A. *Code d'instruction criminelle expliqué par ses motifs, par des exemples, et par la jurisprudence*. Nouv. éd. Bruxelles, 1846. P. 334 ; Эрлих Е. О кассации оправдательных приговоров // Право. 1914. № 21. С. 1669.

<sup>37</sup> Garnot M. *De l'instruction criminelle, considérée dans ses rapports généraux et particuliers avec les lois nouvelles et la jurisprudence de la Cour de Cassation*. T. V. Paris, 1882. P. 320.

<sup>38</sup> Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 381 (автор гл. 4 – Л. В. Головко).

<sup>39</sup> Чельцов-Бебутов М. А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. С. 794.

в законную силу, с тем чтобы указать на допущенную ошибку как суду, вынесшему данное решение, так и всем другим судам. Как писал J. Ortolan, эта разновидность кассации введена исключительно для того, чтобы обращать внимание на примеры имевших место нарушений и неверного толкования закона и тем самым препятствовать повторению подобных ошибок в будущем<sup>40</sup>.

Российский Устав уголовного судопроизводства 1864 г., многое заимствовавший из французского законодательства, кассацию в интересах закона не воспринял. Неизвестна такая форма кассации и современному российскому уголовному судопроизводству. Такой подход представляется правильным: необходимо отдавать себе отчет в том, что кассация в интересах закона не способна обеспечить решение обеих задач, стоящих перед судами кассационной и надзорной инстанций. Призванная гарантировать исключительно единство судебной практики, «платоническая» кассация не предназначена для исправления судебных ошибок, а значит, ее применение не доносит до личности судебную защиту.

Что же касается нормы ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ о праве Президиума Верховного Суда РФ в интересах законности выйти за пределы доводов надзорных жалобы, представления и рассмотреть уголовное дело в полном объеме, то она может быть истолкована только как регламентирующая ревизионное начало в суде надзорной инстанции и к институту кассации в интересах закона никакого отношения не имеет.

В силу единства формы пересмотра судебных решений ревизионное начало должно применяться в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций на общих основаниях. Однако в отличие от суда надзорной инстанции, которому предписано проверять уголовное дело в ревизионном порядке лишь «*в интересах законности*», применительно к производству в суде кассационной инстанции законодатель (ст. 401.16 УПК РФ) цель выхода суда за пределы доводов рассматриваемых жалоб и представлений не уточняет. Поскольку такая регламентация порож-

<sup>40</sup> Ortolan J. Éléments du droit pénal. Pénalité – juridictions – procédure. 7-me éd. T. 2. Paris, 1886. P. 621.

дает опасность дифференцированного применения ревизионного начала в кассации и надзоре, было бы целесообразно исключить из текста ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ словосочетание «*в интересах законности*».

## § 2. Предмет разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций

Важной новацией, внесенной в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ<sup>41</sup>, стало изменение предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций, который теперь ограничен проверкой только законности приговора, определения или постановления суда (ст. 401.1 и ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ). Это означает, что проверка вступивших в законную силу судебных решений в кассационном и надзорном порядке в настоящее время осуществляется исключительно по вопросам права<sup>42</sup>. Напомним, что ранее, то есть в период действия УПК РСФСР 1960 г. и гл. 48 УПК РФ 2001 г., суды надзорной инстанции проверяли наряду с соблюдением требований закона также правильность установления фактических обстоятельств дела.

Выше уже говорилось о том, что ограниченность компетенции суда проверкой исключительно вопросов права составляет ключевую черту классической (континентальной) кассации. Объясняется это тем, что исторически кассация возникла как

---

<sup>41</sup> Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». Ст. 45.

<sup>42</sup> См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”»; Давыдов В. А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах на кануне их применения. С. 47.

средство обеспечения единообразного применения закона нижестоящими судебными установлениями<sup>43</sup>. Соответственно, от кассационного суда изначально не требовалось вникать в существо дела – его задачей было единствено выяснение того, имело или не имело место в известном деле такое нарушение закона, которое либо прямо запрещалось под страхом кассации (уничтожения последующего производства), либо вообще должно быть признано существенным нарушением<sup>44</sup>. При этом четкое ограничение формальной стороны дела от его существа в предмете кассации традиционно рассматривалось как непременное условие сохранения за кассационным судом предназначенного ему высокого положения «стражи закона»<sup>45</sup>.

Таким образом, изменение предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций привнесло в современную процедуру пересмотра вступивших в законную силу судебных решений черты кассации, известной российскому уголовно-процессуальному законодательству периода действия Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Предприняв такой шаг, законодатель модернизировал сложившуюся еще в советское время национальную модель судебного надзора<sup>46</sup>, характерной чертой которого было включение в предмет проверки вступивших в законную силу судебных решений наряду с законностью также обоснованности и справедливости судебных решений.

Эта модель начала формироваться в отечественном уголовном процессе сразу после Октябрьской революции 1917 г. суще-

<sup>43</sup> Чихачев К. О юридической силе и практическом значении решений кассационных департаментов Правительствующего Сената // Журнал юридического общества. 1896. Кн. 7. С. 55.

<sup>44</sup> Брауэр Э. Суд присяжных по законодательствам Германии / пер. В. Бартенева. СПб., 1865. С. 407.

<sup>45</sup> Фон-Резон А. К. О границах кассационного рассмотрения в уголовном судопроизводстве (5 ст. учр. суд. уст.) // Журнал министерства юстиции. 1902. № 1. С. 107. (Начало).

<sup>46</sup> Напомним, что судебный надзор возник как институт советского уголовно-процессуального права, не имевший в тот период аналогов в зарубежных буржуазных законодательствах (Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956. С. 255–256).

ственных преобразований института «дореволюционной» кассации. Советский законодатель решительно отказался от прежде считавшегося непреложным ограничения компетенции кассационного суда исключительно вопросами права. Уже в Декрете о суде № 2, изданном 7 марта 1918 г.<sup>47</sup>, отчетливо проявилась тенденция отхода в уголовном процессе от идеи «чистой» кассации и возложения на суд кассационной инстанции обязанности проверять приговоры с точки зрения как соблюдения процессуальной формы, так и правильности установления фактических обстоятельств дела. И хотя в первых советских уголовно-процессуальных кодексах сохранялось положение о том, что кассационные жалобы не должны «касаться существа приговора» (ст. 353 УПК РСФСР 1922 г.<sup>48</sup>, ст. 349 УПК РСФСР 1923 г.<sup>49</sup>), а в проекте УПК РСФСР, подготовленном на основе утвержденных Коллегией НКЮ РСФСР 9 июля 1927 г. «Тезисов о реформе УПК», специально указывалось, что при обжаловании приговоров «ни фактическая проверка, ни фактическая переоценка доказательств не могут иметь места»<sup>50</sup>, на практике кассационные инстанции осуществляли юридико-фактическую проверку всех обжалованных приговоров. Как писал М. С. Строгович, советская кассация представляла особую форму обжалования, сочетающую в себе проверку как соблюдения закона, так и правильности решения дела по существу судом первой инстанции<sup>51</sup>.

Вообще советский законодатель сознательно предпринимал усилия, направленные к тому, чтобы преодолеть известное дореволюционному уголовному судопроизводству деление выясняемых судом вопросов на вопросы факта и вопросы права. Так,

<sup>47</sup> Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг. : сб. док. / сост. Л. Н. Гусев ; под ред. С. А. Голунского. М., 1955. С. 40–44.

<sup>48</sup> Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. 3-й сессией ВЦИК от 28 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 320.

<sup>49</sup> Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

<sup>50</sup> Ривлин А. Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958. С. 118.

<sup>51</sup> Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 453.

вначале Законом о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. (ст. 15)<sup>52</sup> была нормативно закреплена обязанность вышестоящего суда проверять наряду с законностью также обоснованность вынесенного нижестоящим судом приговора. При этом под обоснованностью приговора в теории понималась «правильность приговора по существу, соответствие выводов суда, выраженных в приговоре, материалам дела»<sup>53</sup>. А в уголовно-процессуальном законодательстве 1950–1960 гг. «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела» было уже включено в число оснований к отмене или изменению приговора (ст. 49 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., ст. 344 УПК РСФСР 1960 г.). Тем самым ошибки суда в установлении фактических обстоятельств дела переводились в разряд нарушений процессуального закона<sup>54</sup>, что позволяло судам кассационной и надзорной инстанций, проверяя формальное соблюдение процессуального закона, вторгаться в существо дела и выяснить правильность установления фактических обстоятельств дела.

Необходимость возложения на суд кассационной инстанции обязанности вникать в существо дела объяснялась тем, что вследствие полной ликвидации института апелляции кассация стала основной формой проверки правосудности приговоров. В системе советского уголовного процесса попросту не было какой-то другой стадии, на которой могла бы осуществляться проверка правильности установления судом первой инстанции фактических об-

<sup>52</sup> Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик : принят 2-й сессией Верхов. Совета СССР 16 авг. 1938 г. // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11. Ст. 206.

<sup>53</sup> Галкин Б. А., Калашникова Н. Я. Уголовный процесс / отв. ред. Д. С. Ка-рев. М., 1949. С. 183.

<sup>54</sup> Как верно отмечает М. Л. Поздняков, «суть конструкции, изложенной в ст. 344, сводится к тому, чтобы истолковать оценку фактических обстоятельств дела как оценку исполнения процессуальных норм, тем самым перенести отмену по фактическим обстоятельствам в группу процессуальных нарушений» (Поздняков М. Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе. С. 59).

стоятельств дела. Таким образом, советская кассация вобрала в себя черты апелляции и классической европейской кассации: от первой она унаследовала широту предмета проверки, а от второй – скучные познавательные возможности.

Кассационная инстанция осуществляла проверку законности и обоснованности решений суда первой инстанции, основываясь только на имеющихся в деле материалах и в некоторых случаях – дополнительно представленных материалах, которые, однако, не могли быть получены следственным путем<sup>55</sup>. Отсутствие необходимости в проведении полноценного судебного следствия объяснялось тем, что суд кассационной инстанции не выносит нового приговора, а лишь проверяет правильность приговора, вынесенного судом первой инстанции<sup>56</sup>.

Той же логикой советский законодатель руководствовался и при регламентации порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в порядке судебного надзора. Как писал М.С. Стrogович, относительно сути разрешения дела между надзорным и кассационным порядком не было никаких отличий: и в порядке кассации, и в порядке надзора одинаково рассматривались все материалы дела и проверялась правильность его разрешения с точки зрения обоснованности и законности состоявшихся по делу судебных решений; основания к отмене приговора в кассационном порядке или в порядке судебного надзора также были одни и те же<sup>57</sup>. Общий для судов кассационной и надзорной инстанций перечень оснований к отмене и изменению приговора закреплялся в ст. 49 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года<sup>58</sup>.

---

<sup>55</sup> Манова Н. С. Российская кассация: прошлое, настоящее, будущее // Вестник СГАП. 2010. № 6. С. 23.

<sup>56</sup> Галкин Б. А., Калашникова Н. Я. Уголовный процесс. С. 168.

<sup>57</sup> Стrogович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. II. М., 1970. С. 437.

<sup>58</sup> Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

Общность оснований отмены и изменения судебных решений в кассационном и надзорном порядке и вытекающее из этого единство предмета проверки судебных решений, вступивших и не вступивших в законную силу, сохранялись и в УПК РФ 2001 года. Согласно ч. 1 ст. 409 УПК РФ<sup>59</sup> в порядке надзора приговоры, определения и постановления суда подлежали отмене по основаниям, предусмотренным ст. 379 УПК РФ, озаглавленной как «Основания отмены или изменения судебного решения, вступившего в законную силу».

Принципиальным изменением подхода законодателя к регламентации предмета пересмотра вступивших в законную силу судебных решений ознаменовалось принятие Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, ограничившего предмет судебного разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций *законностью* приговора, определения или постановления суда (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ).

Данный шаг законодателя обусловлен стремлением обеспечить в сфере уголовного судопроизводства реализацию принципа правовой определенности, создать для него надежные гарантии, препятствующие оспариванию правильности установления фактической стороны дела после вступления судебного решения в законную силу<sup>60</sup>.

Ограничивая предмет судебного разбирательства в кассации и надзоре, законодатель стремился решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, устраниТЬ единство оснований пересмотра вступивших и не вступивших в законную силу судебных решений, которое уже давно вызывало нарекания со стороны как Европейского Суда по правам человека, так и Конституционного Суда РФ, считающих такое положение несовместимым с принципом правовой определен-

<sup>59</sup> В редакции Федерального закона от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

<sup>60</sup> Нельзя не заметить, что укрепление позиций принципа правовой определенности в данном случае осуществлялось за счет серьезного ограничения права заинтересованных лиц обжаловать вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда.

ности<sup>61</sup>, а также активно критиковалось в юридической литературе<sup>62</sup>; а во-вторых, исключить после вступления судебного решения в законную силу продолжение споров между сторонами относительно правильности установления судом фактических обстоятельств дела.

Предпосылкой ограничения предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций стало введение по всем уголовным делам апелляции в качестве основной формы проверки правосудности судебных решений. Производство в суде второй инстанции позволяет осуществлять полную и всестороннюю юридико-фактическую проверку выносимых судами первой инстанции приговоров, определений и постановлений суда, что делает излишним обращение к существу дела при реализации надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений.

По смыслу уголовно-процессуального закона и с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ<sup>63</sup> следует прийти к

<sup>61</sup> См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10. С. 119–132 ; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

<sup>62</sup> См., например: Неказаков В. Я. Конституционно-правовые вопросы реализации в российском праве и правоприменительной практике статей 5 и 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Право на свободу, личную неприкосновенность и справедливое судебное разбирательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 28 ; Давыдов В. А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам (производство в надзорной инстанции) : науч.-практ. пособие. М., 2006. С. 26 ; Османов Т. С. Актуальные проблемы совершенствования деятельности суда надзорной инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 18 ; Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 52 ; и др.

<sup>63</sup> В п. 1 Постановления от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (см.: Российская газета. 2014. 7 февр.) Пленум Верховного Суда РФ указал, что производство в суде кассационной инстанции предназначено для выявления и устраниния допущенных органами предварительного расследования или судом существенных нарушений уголовного закона (неправильного его применения) и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, и нарушений, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

выводу, что проверка законности вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда выражается в выявлении и устранении судебных ошибок, ставших следствием неправильного применения уголовного закона<sup>64</sup> либо существенных нарушений уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, и нарушений, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, допущенных органами предварительного расследования, прокурором<sup>65</sup> или судом в ходе предшествующего разбирательства дела. Однако этим проверка судебного решения в кассационном и надзорном порядке не исчерпывается. Поскольку гражданский иск в уголовном деле разрешается по нормам гражданского права<sup>66</sup>, очевидно, что в рамках проверки законности судебного решения вышестоящий суд обязан выяснить, не было ли допущено в ходе предшествующего производства по делу нарушений гражданско-правовых норм. Учитывая отсутствие в УПК РФ указаний на нарушение норм гражданского материального права как основание пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, очевидно, судам кассационной и надзорной инстанций в настоящее время следует

---

<sup>64</sup> Ранее нами обращалось внимание на некорректность использования законодателем в ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ выражения «нарушения уголовного закона», поскольку всякое нарушение уголовного закона есть не иное, как преступление. Законодателю следовало бы употребить другой, более точный и известный действующему законодательству (п. 3 ст. 389.15 УПК РФ) термин – «неправильное применение уголовного закона» (см.: Дикарев И. С. Предмет пересмотра судебных решений по уголовным делам в кассационном и надзорном порядках // Библиотека криминалиста. 2015. № 1 (18). С. 133).

<sup>65</sup> По буквальному смыслу положения ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ Президиум Верховного Суда РФ проверяет правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального законов только нижестоящими судами, рассматривавшими дело. При таком толковании из предмета проверки оказываются исключенными процессуальные действия и решения, имевшие место в ходе досудебного производства, что, конечно же, неправильно. В этой связи представляется необходимым исключить из ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ слова: «нижестоящими судами, рассматривавшими дело».

<sup>66</sup> См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 октября 2002 г. по делу Маркина и Мишушина : [извлечение] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 6. С. 12.

применять по аналогии нормы гражданского процессуального законодательства (ст. 387, 391.9 ГПК РФ)<sup>67</sup>. В перспективе же проверку соблюдения норм гражданского права при разрешении гражданского иска следовало бы на законодательном уровне включить в предмет разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций. Случай обращения судов кассационной инстанции к нормам гражданского права при пересмотре судебных решений по уголовным делам весьма распространен на практике.

Так, приговором Энгельсского районного суда Саратовской области от 27 мая 2013 г. с осужденных К., С. и Ц. в солидарном порядке в пользу Б. взыскано 100 000 руб. в счет компенсации морального вреда. В апелляционном порядке уголовное дело не рассматривалось.

Президиум Саратовского областного суда, проверив приговор по кассационной жалобе осужденного К., пришел к выводу, что, устанавливая солидарную ответственность по возмещению морального вреда, суд первой инстанции не принял во внимание, что по смыслу закона (ст. 151, п. 2 ст. 1101 ГК РФ) в случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке с учетом степени вины каждого. В связи с этим приговор суда первой инстанции изменен: в счет компенсации морального вреда в пользу Б. с осужденного К. взыскано 30 000 руб., с осужденных С. и Ц. – по 35 000 руб. с каждого<sup>68</sup>.

<sup>67</sup> Поскольку суд первой инстанции при рассмотрении гражданского иска применяет некоторые правила гражданского процесса, если иное прямо не предусмотрено УПК РФ (см.: Гуреев П. П. Гражданский иск в советском уголовном процессе. М., 1961. С. 6 ; Власов А. Возмещение вреда жертвам преступлений / / Законность. 2000. № 2. С. 40 ; Милицин С., Попкова Е. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 48 ; Сысоев В., Храмцов К. Так ли уж неуместен гражданский иск в уголовном процессе? // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 68 ; Лившиц Ю., Тимошенко А. Назначение института гражданского иска в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 44 ; и др.), то и суды кассационной и надзорной инстанций в вопросах, не урегулированных УПК РФ, также должны руководствоваться положениями гражданского процессуального законодательства.

<sup>68</sup> См.: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-46/2015.

Примеры пересмотра судебных решений в связи с нарушением нижестоящими судами норм гражданского права имеются и в практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Например, коллегия изменила приговор Химкинского городского суда Московской области от 11 сентября 2014 г. и последующие судебные решения по уголовному делу в отношении С., исключив из них указание о взыскании с осужденного в пользу потерпевшей В. денежных средств в счет компенсации морального вреда. В этой части состоявшиеся судебные решения противоречили ст. 151 ГК РФ, поскольку действующее законодательство не предусматривает компенсацию потерпевшему морального вреда, причиненного преступлением против собственности (С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ)<sup>69</sup>. По другому делу Судебная коллегия отменила приговор Ейского городского суда Краснодарского края от 4 июля 2014 г. и последующие судебные решения в связи с тем, что в нарушение ст. 1068 ГК РФ суд первой инстанции возложил обязанность возмещения вреда, причиненного работником юридического лица при исполнении им своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей, не на юридическое лицо (как того требует закон), а на самого работника<sup>70</sup>.

На основании изложенного следует прийти к выводу, что **предмет разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций составляет проверка вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда путем оценки правильности применения в ходе предшествующего судопроизводства норм уголовного и уголовно-процессуального права, а также норм гражданского права при разрешении гражданского иска.**

<sup>69</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. по делу № 4-УД15-29. URL: [http://www.vscr.ru/stor\\_pdf.php?id=1388530](http://www.vscr.ru/stor_pdf.php?id=1388530) (дата обращения: 10.01.2016).

<sup>70</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 сентября 2015 г. по делу № 18-УД15-50. URL: [http://www.vscr.ru/stor\\_pdf.php?id=1371050](http://www.vscr.ru/stor_pdf.php?id=1371050) (дата обращения: 10.01.2016).

Оценка правильности применения норм уголовно-процессуального права включает в себя и оценку такого свойства уголовных доказательств, как допустимость. Как подчеркнул Пленум Верховного Суда РФ, доводы кассационных жалоб о нарушениях уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшие на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, не должны оставляться без проверки (п. 10 Постановления от 28 января 2014 г. № 2). На практике признание судом кассационной инстанции отдельных доказательств недопустимыми в ряде случаев приводило к внесению существенных изменений в состоявшиеся судебные решения.

Так, приговором Энгельсского районного суда Саратовской области, с учетом последующих изменений, Б. осужден за покушение на незаконный сбыт 18, 19 и 21 июня 2010 г. наркотического средства.

18 июня 2010 г. в ходе проведения проверочной закупки сотрудниками УФСКН была подтверждена имевшаяся оперативная информация и выявлен факт сбыта Б. наркотического средства. Однако после этого 19 и 21 июня 2010 г. в отношении Б. было проведено еще два аналогичных оперативно-розыскных мероприятия.

В приговоре суда первой инстанции не приведено доказательств, подтверждающих обоснованность проведения повторных оперативно-розыскных мероприятий. Постановления о проведении в отношении Б. проверочных закупок в указанные дни были идентичны постановлению от 18 июня 2010 г. и не содержали иного обоснования и целей проведения проверочных закупок.

Указав, что недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, президиум Саратовского областного суда признал осуждение Б. за покушение на незаконный сбыт наркотических средств 19 и 21 июня 2010 г. незаконным и необоснованным.

ванным. Соответствующие эпизоды исключены из осуждения Б., размер назначенного наказания снижен<sup>71</sup>.

Примечательно, что по некоторым уголовным делам, где выявлялись схожие нарушения закона, судьи Саратовского областного суда в постановлениях о передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции прямо ссылались на ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указывая, что общественные интересы в борьбе против наркоторговли не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации со стороны правоохранительных органов<sup>72</sup>.

В современной юридической науке развернулась оживленная полемика о корректности законодательного определения предмета судебного разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций. Отмечается, что в кассационном и надзорном порядке наряду с законностью должны проверяться также обоснованность и справедливость обжалуемого судебного решения<sup>73</sup>. По мнению Т.Г. Бородиновой, «усечение» объекта познавательной деятельности в кассационном и надзорном производствах до единственного критерия выглядит не вполне оправданным, поскольку все виды пересмотра судебных решений должны обладать равными правами и достаточными средствами восстановления правосудности приговора<sup>74</sup>.

<sup>71</sup> Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-51/2015. Аналогичные нарушения закона повлекли признание недопустимыми доказательств по уголовному делу № 18-УД15-38, рассмотренному Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ по жалобе осужденного Т. (см.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 августа 2015 г. по делу № 18-УД15-38. URL: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1362066](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1362066) (дата обращения: 10.01.2016)).

<sup>72</sup> Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационные производства № 44у-33/2015, № 44у-78/2015.

<sup>73</sup> Колоколов Н. А. Новые элементы в структуре судов общей юрисдикции: подсудность, порядок производства, обжалование // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 24 и др.

<sup>74</sup> Бородинова Т. Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России. С. 222, 224.

Редкое исключение представляет собой позиция В.Д. Потапова, считающего, что при реализации исключительных форм проверки (кассация и надзор) следует в принципе исключить любые апелляции к фактической стороне приговора или к свойствам его справедливости, оценивая и проверяя исключительно существенность нарушений закона и их причинно-следственную связь с правосудностью окончательного акта суда<sup>75</sup>.

В.А. Давыдов верно отмечает, что от правильного применения судом норм материального и процессуального права производны не только законность, но и такие свойства правосудного судебного решения, как его обоснованность и справедливость<sup>76</sup>. Данный вывод в рамках настоящего исследования служит основой гипотезы о неразрывной связи проверки правильности применения закона и оценки всех свойств судебного решения – законности, обоснованности и справедливости.

Прежде всего отметим, что без выяснения обоснованности судебного решения в ряде случаев бывает невозможно оценить правильность применения закона нижестоящим судом. Дело в том, что на пути познания обстоятельств дела и принятия на их основе правоприменительного решения суд проходит два этапа. Вначале на основе исследованных доказательств суд устанавливает юридически значимые фактические обстоятельства дела, которые, в свою очередь, служат основанием для вынесения определенного решения, завершающего соответствующую процедуру<sup>77</sup>. Таким образом, *итоговое правоприменительное решение основывается на доказательствах не непосредственно, а опосредованно*.

---

<sup>75</sup> Потапов В. Д. О коллизиях в предмете кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда // Российский следователь. 2012. № 18. С. 20.

<sup>76</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. Ч. I. С. 533 (автор гл. 9 разд. 3 – В. А. Давыдов).

<sup>77</sup> Принятие правового решения, писала П. А. Лупинская, проходит два этапа. Первый включает установление фактических обстоятельств, второй является актом непосредственного правоприменения, основанным на установленных фактических обстоятельствах и юридической норме (см.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 20–21).

ванно – через выводы суда относительно фактических обстоятельств, с которыми закон связывает принятие того или иного решения о применении закона<sup>78</sup>.

На этом основании можно сделать вывод о том, что обоснованность судебного акта имеет два уровня:

*1-й уровень* – исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства служат основой для выводов суда относительно юридически значимых фактических обстоятельств дела;

*2-й уровень* – установленные судом на предыдущем уровне юридически значимые фактические обстоятельства дела выступают в качестве основы для правоприменительного решения (применения закона).

Таким образом, проверка вышестоящим судом обоснованности судебного акта складывается из двух элементов, соответствующих этим уровням.

*Проверка обоснованности первого уровня* выражается в выяснении правильности установления фактических обстоятельств дела. Вышестоящий суд проверяет, подтверждаются ли выводы нижестоящего суда относительно наличия юридически значимых фактических обстоятельств дела исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами, отвечают ли эти доказательства требованиям относимости, допустимости и достоверности. Установив необоснованность судебного решения, вышестоящий суд отменяет или изменяет его по основаниям, предусмотренным ст. 389.16 УПК РФ (несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела<sup>79</sup>).

---

<sup>78</sup> См.: Дикарев И. С. Предмет пересмотра судебных решений по уголовным делам в кассационном и надзорном порядках. С. 136.

<sup>79</sup> На неточность данной формулировки обоснованно обратил внимание А. В. Смирнов, указавший, что речь в данном случае должна идти «о несоответствии выводов суда о фактических обстоятельствах дела исследованным судом доказательствам» (см.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., доп. и перераб. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ»).

*Проверка обоснованности второго уровня* заключается в выяснении того, соответствуют ли вынесенные по делу право-применительные решения установленным судом по делу юридически значимым фактическим обстоятельствам. Другими словами, здесь проверяется то, что П.А. Лупинская называла «соответствием между нормативными условиями принятия решения и выясненными обстоятельствами дела»<sup>80</sup>.

Для проверки разных уровней обоснованности судебных решений вышестоящим судам требуются существенно различные познавательные возможности, что предполагает зависимость между задачами, стоящими перед вышестоящими судами, и процессуальной формой, в которой эти суды осуществляют свою деятельность. Так, для выяснения правильности установления фактических обстоятельств дела (первый уровень обоснованности) вышестоящий суд должен обладать правом непосредственного исследования доказательств. Именно по этой причине законодатель, возлагая на суд апелляционной инстанции проверку наряду с юридической также фактической стороны дела, включает в порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции полноценное судебное следствие (ст. 389.13 УПК РФ).

Суды кассационной и надзорной инстанций судебного следствия не проводят и доказательства непосредственно не исследуют, поскольку в их задачу проверка правильности установления фактических обстоятельств дела не входит<sup>81</sup>. Эти судебные инстанции проверяют только второй уровень обоснованности судебных решений, опираясь при этом на письменные материалы дела,

---

<sup>80</sup> Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. С. 18–19.

<sup>81</sup> Следует в полной мере согласиться с В. А. Давыдовым, который пишет: «Фактические обстоятельства преступления, установленные нижестоящими судами, кассационным судом признаются априори и не могут подвергаться сомнению <...> ...вступившие в законную силу судебные решения по уголовным делам, по вопросам факта считаются окончательными и не могут быть пересмотрены в кассационном порядке» (см.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 764, 781 (автор гл. 10 – В. А. Давыдов)).

в том числе на содержание судебного решения. При этом вышестоящие суды, по сути, дают оценку законности судебного акта. Дело в том, что вынесение правоприменительного решения в отсутствие или без учета юридически значимых фактических обстоятельств, признаваемых законом основаниями такого решения, – это и есть не что иное, как существенное нарушение (неправильное применение) закона.

В качестве примера проверки судом кассационной инстанции обоснованности судебного решения в части соответствия выводов суда установленным фактическим обстоятельствам дела можно привести уголовное дело по обвинению Б., который был осужден по ч. 1 ст. 330 УК РФ приговором мирового судьи судебного участка № 133 Волгоградской области от 10 января 2013 года. Он признан виновным в том, что самовольно, вопреки установленному порядку, совершил вывоз лотка-киоска по продаже кваса, принадлежащего Т., с земельного участка, переданного последнему в аренду. Суд пришел к выводу, что этими действиями потерпевшему был причинен существенный вред на сумму 25 000 руб., определенный исходя из стоимости киоска. Апелляционным постановлением Волжского городского суда от 4 апреля 2013 г. приговор суда первой инстанции оставлен в силе.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные решения, президиум Волгоградского областного суда указал на то, что судами не было учтено, что данный киоск без каких-либо повреждений, которые могли бы привести к уменьшению его стоимости, был впоследствии возвращен владельцу (что подтверждается исследованными судом первой инстанции доказательствами). В связи с этим президиум прекратил производство по уголовному делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления<sup>82</sup>.

Как видно, президиум Волгоградского областного суда выявил допущенное по делу существенное нарушение закона, установив несоответствие вынесенных нижестоящими судами решений

---

<sup>82</sup> Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. Кассационное производство № 44у-173/2013.

уже установленным и отраженным в материалах дела фактическим обстоятельствам.

Таким образом, поскольку без проверки обоснованности судебного решения вышестоящий суд не в состоянии оценить законность обжалованного судебного акта, исключать проверку обоснованности приговоров, определений и постановлений суда из предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций недопустимо.

В ряде случаев для выяснения законности судебного решения требуется оценка справедливости назначенного судом наказания<sup>83</sup>. Так, суды кассационной и надзорной инстанций вправе проверить доводы жалоб, представлений, в которых оспаривается справедливость приговора, выразившаяся в назначении наказания, не соответствующего тяжести преступления или личности осужденного. Однако, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ<sup>84</sup>, такие доводы жалоб, представлений подлежат проверке судом исключительно с позиции правильности применения норм Общей части УК РФ<sup>85</sup>. Соответственно, проверка справедливости судебного решения также из предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций исключаться не должна.

Следует остановиться на основании отмены или изменения судебных решений, предусмотренном п. 4 ст. 389.16 УПК РФ (доводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение воп-

<sup>83</sup> Как верно отмечает А. Т. Валеев, согласно ст. 297 УПК РФ приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона. Следовательно, справедливость является одним из аспектов законности приговора (см.: Валеев А. Т. Обжалование и пересмотр судебных решений по уголовным делам. С. 127).

<sup>84</sup> Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2014. 7 февр.

<sup>85</sup> См.: Дикарев И. С. Предмет пересмотра судебных решений по уголовным делам в кассационном и надзорном порядках. С. 137.

роса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания). По смыслу закона, по данному основанию отменить или изменить судебное решение вправе только суд апелляционной инстанции. Вместе с тем данный дефект может быть выявлен и судами кассационной или надзорной инстанций при проверке второго уровня обоснованности судебного решения.

Так, приговором Заводского районного суда г. Саратова от 26 августа 2013 г. К., А.Т., А.Р. и М. осуждены за совершение ряда преступлений.

Из содержания описательно-мотивированной части приговора следует, что при описании судом обстоятельств совершения осужденными разбоя отсутствует указание на применение ими в отношении потерпевшего предметов, используемых в качестве оружия. Указанные в приговоре предметы применялись лишь для совершения вымогательства. Однако, квалифицируя действия осужденных по ч. 2 ст. 162 УК РФ, суд признал, что они совершили разбой, то есть нападение с целью хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения такого насилия, группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия. В связи с этим президиум Саратовского областного суда приговор суда первой инстанции и апелляционное определение изменил, исключив из осуждения К., А.Т., А.Р. и М. по ч. 2 ст. 162 УК РФ квалифицирующий признак с применением предметов, используемых в качестве оружия, смягчив наказание, назначенное осужденным<sup>86</sup>.

В науке уголовного процесса дореволюционного периода отмечалось, что при наличии подобного основания приговор подлежит отмене и в кассационном порядке. «Кассационный суд, – писал Н.А. Буцковский, – не должен принимать на себя обсуждение фактической стороны дела даже и в том случае, когда бы в уголовном приговоре признаны были противоречия между со-

<sup>86</sup> Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-73/2015.

бою факты; но, по нашему мнению, он обязан отменить такой приговор по неприменимости закона к противоречащим фактам»<sup>87</sup>.

Данное суждение вполне применимо и к современному уголовному судопроизводству. Проверяя второй элемент обоснованности судебного решения, вышестоящий суд выясняет, имеются ли в судебном решении выводы о наличии тех фактических обстоятельств, которые выступают юридическим основанием применения закона. При отсутствии таковых судебный акт не может быть признан законным. Если же в судебном решении суд одновременно констатирует наличие обстоятельств, одни из которых служат основанием для вынесения решения, а другие исключают его, признать судебное решение законным также невозможно. В связи с этим проверка законности вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда должна, по нашему мнению, включать в себя и проверку изложенных в приговоре выводов суда с точки зрения наличия в них существенных противоречий, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания. Данное нарушение, при условии, что оно соответствует критериям, указанным в ст. 412.9 УПК РФ, должно влечь за собой пересмотр вступившего в законную силу судебного решения.

Изложенное приводит к выводу о том, что *предмет разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций сформулирован в законе (ст. 401.1 и ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ) не вполне корректно*. Ошибка законодателя видится в том, что он определяет предмет судебного разбирательства через указание на подлежащее проверке свойство судебного решения – законность, игнорируя при этом его неразрывную связь с другими свойствами судебного решения (обоснованностью и справедливостью). Думается, именно неопределен-

<sup>87</sup> Буцковский Н. А. Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам 1864 года // Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года / соч. сенатора Н. Буцковского. СПб., 1874. С. 31.

ность формулировки нормы ст. 401.1 УПК РФ заставила и Пленум Верховного Суда РФ<sup>88</sup>, и Конституционный Суд РФ<sup>89</sup> специально пояснить, что проверка законности судебных решений есть не что иное, как проверка правильности применения норм уголовного и уголовно-процессуального права.

Как представляется, именно недостаточная ясность закона является причиной разнобоя в судебной практике, выражавшегося в том, что судьи судов кассационной инстанции нередко входят в обсуждение доводов кассационных жалоб, касающихся вопросов факта. При этом в постановлениях об отказе в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции судьи приводят содержание имеющихся в деле доказательств, подтверждающих виновность осужденных, оценивают правильность установления нижестоящими судами фактических обстоятельств дела<sup>90</sup>. Такая практика представляется ошибочной, не основанной на требованиях уголовно-процессуального закона. Более правильную позицию заняли судьи, которые, изучая кассационные жалобы, отказываются проверять доводы, связанные с оспариванием правильности установления судом фактических обстоятельств дела, ссылаясь при этом на ст. 401.1 УПК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ<sup>91</sup>. Верный подход к определению предмета кассационного пересмотра судебных решений проявляется и в деятельности судов кассационной инстанции. Так, рассматривая уголовное дело в отношении Т. по кассационной жалобе адвоката К., прези-

<sup>88</sup> Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

<sup>89</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2031-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

<sup>90</sup> См., например: Архив Саратовского областного суда за 2013 г. Материал № 4у-2010/2013 ; Архив Саратовского областного суда за 2014 г. Материалы № 4у-315/2014, № 4у-318/2014.

<sup>91</sup> См., например: Архив Саратовского областного суда за 2014 г. Материал № 4у-317/2014.

диум Саратовского областного суда в своем постановлении от 27 июля 2015 г. указал, что «...фактические обстоятельства преступлений, установленные судом первой инстанции (было или не было, доказано или не доказано), по общему правилу для суда кассационной инстанции считаются установленными окончательно», в связи с чем не стал проверять доводы кассационной жалобы о том, что органами предварительного расследования, а затем судом не было установлено и не доказано, что Т. совершил инкриминированные ему преступления<sup>92</sup>. Аналогичная линия проводится и в практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Рассматривая 13 августа 2014 г. дело № 18-УД14-11, Судебная коллегия отказалась проверять доводы осужденного о несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела, сославшись на то, что они не относятся к предмету рассмотрения суда кассационной инстанции<sup>93</sup>. В кассационном определении от 12 марта 2015 г. по делу № 18-УД-14-65 Судебная коллегия также указала на то, что доводы жалобы, касающиеся правильности установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта), проверке не подлежат, так как «в силу ст. 401.1 УПК РФ при рассмотрении кассационных жалоб суд кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений»<sup>94</sup>.

Представляется, что в законодательном определении предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций необходимо прямо указать на то, что эти суды *проверяют правильность применения норм права*. Такой подход, с одной стороны, обеспечит включение в предмет судебного разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций оценку

---

<sup>92</sup> Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-68/2015.

<sup>93</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 августа 2014 г. по делу № 18-УД14-11. URL: [http://www.vscr.ru/stor\\_pdf.php?id=602356](http://www.vscr.ru/stor_pdf.php?id=602356) (дата обращения: 10.01.2016).

<sup>94</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 марта 2015 г. по делу № 18-УД-14-65. URL: [http://www.vscr.ru/stor\\_pdf.php?id=1243382](http://www.vscr.ru/stor_pdf.php?id=1243382) (дата обращения: 10.01.2016).

иных, помимо законности, свойств судебного решения в той их части, которая непосредственно связана с правильностью применения норм права, а с другой – исключит всякие споры относительно того, охватывается ли предметом судебного разбирательства проверка правильности установления фактических обстоятельств дела (вопросы факта). В этой связи предлагается изменить ст. 401.1 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Суд кассационной инстанции проверяет вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда, оценивая правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального права, а также норм гражданского права при разрешении гражданского иска». Аналогичные изменения следует внести и в ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ.

### **§ 3. Разграничение форм пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в уголовном процессе**

Уголовно-процессуальный закон выделяет три стадии уголовного процесса, предназначенные для пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда: 1) производство в суде кассационной инстанции (гл. 47.1 УПК РФ); 2) производство в суде надзорной инстанции (гл. 48.1 УПК РФ); 3) возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ).

Выше уже отмечалось, что в судах кассационной и надзорной инстанций применяется единая – надзорно-кассационная – форма пересмотра судебных решений, в связи с чем возникает необходимость четкого ее ограничения от возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Поскольку в обеих формах объектом пересмотра являются вступившие в законную силу судебные решения, эти формы имеют ряд общих черт, обусловленных прежде всего необходимостью обеспечения принципа правовой определенности.

В частности, предусмотренные гл. 47.1, 48.1 и 49 УПК РФ процедуры объединяют наличие предварительного «буферного» этапа, задачей которого является предотвращение пересмотра вступивших в законную силу судебных решений при отсутствии необходимых к тому оснований.

В судах кассационной и надзорной инстанций роль такого «буферного» этапа выполняет предварительное производство, выражающееся в предшествующем судебному заседанию изучении кассационных и надзорных жалоб, представлений судьей соответствующего суда (ст. 401.8, 412.5 УПК РФ).

Порядок возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств также включает в себя этап, в ходе которого выясняется наличие оснований для возобновления производства по уголовному делу. Однако процессуальная форма данной процедуры существенно отличается от предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций, что объясняется спецификой оснований возобновления производства по уголовному делу в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ.

Согласно ст. 415 и 416 УПК РФ вопрос о наличии оснований возобновления производства по уголовному делу решается в рамках специальной проверки, именуемой производством ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств<sup>95</sup>. Указанная проверка не проводится лишь в тех случаях, когда основаниями для возобновления производства по уголовному делу являются признание Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ,

<sup>95</sup> Следует сказать о том, что в юридической литературе высказывается обоснованное предложение наделить заинтересованных лиц правом непосредственно обращаться в соответствующий суд с ходатайством о пересмотре приговора или иного решения, если обстоятельство для пересмотра установлено вступившим в законную силу судебным решением либо постановлением должностного лица, осуществляющего уголовное преследование, о прекращении уголовного дела либо о его приостановлении (см.: Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : автореф. д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 31–32).

или установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела (в силу преюдициального значения названных решений для отечественных судов и правоохранительных органов). В этом случае пересмотр приговора, определения или постановления суда осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ не позднее одного месяца со дня поступления данного представления (ч. 5 ст. 415 УПК РФ).

Основные процедурные различия рассматриваемых форм пересмотра вступивших в законную силу судебных решений сводятся к следующему:

1. Инициировать пересмотр вступившего в законную силу судебного решения в кассационном или надзорном порядке вправе судьи, указанные соответственно в ст. 401.8 и 412.5 УПК РФ. Пересмотр судебных решений в порядке гл. 49 УПК РФ допускается на основании заключения прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств либо по представлению Председателя Верховного Суда РФ.

2. Судебные инстанции, пересматривающие вступившие в законную силу приговор, определение или постановление в кассационном и надзорном порядке, не совпадают с теми, что решают вопрос о возобновлении производства по уголовному делу.

3. Имеются различия и в установленных законом сроках пересмотра вступивших в законную силу судебных решений (ст. 401.6, ч. 3 ст. 414 УПК РФ).

4. В ходе производства в судах кассационной и надзорной инстанций в качестве дополнительных материалов не могут использоваться документы, полученные путем производства следственных действий (поскольку вступление в законную силу приговора, определения или постановления, разрешающего уголовное дело по существу, является препятствием для производства по этому делу каких-либо процессуальных действий), тогда как в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду

новых или вновь открывшихся обстоятельств материалы, полученные следственным путем (в ходе возбуждаемого прокурором производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств), составляют основу принимаемых судом решений.

5. Различаются и полномочия судов, пересматривающих в рамках рассматриваемых процедур вступившие в законную силу судебные решения (ст. 401.14, 412.11, 418 УПК РФ). Например, суд, разрешающий вопрос о возобновлении производства по уголовному делу, не наделен правом изменения судебных решений, вступивших в законную силу.

Актуальной для судебной практики была и остается проблема корректного выбора правоприменителем надлежащей процессуальной формы пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда.

До реформы проверочных стадий, осуществленной Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, решение проблемы выбора правильной формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений существенно осложнялось тем, что в порядке надзора проверялись не только вопросы права, но и вопросы факта. В связи с этим судебная ошибка, приведшая, например, к односторонности или неполноте судебного следствия, могла в одних случаях служить основанием для надзорного пересмотра приговора, определения или постановления суда, а в других – основанием для возобновления уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Как писал Б.С. Тетерин, вновь открывшиеся обстоятельства – это лишь особые случаи таких нарушений, как односторонность или неполнота предварительного или судебного следствия, несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, существенное нарушение уголовно-процессуального закона и несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного<sup>96</sup>.

Разграничение рассматриваемых форм пересмотра осуществлялось в зависимости от того, была ли обусловлена подлежа-

<sup>96</sup> Тетерин Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 26.

щая исправлению судебная ошибка недостатками в деятельности нижестоящего суда.

Так, производство в суде надзорной инстанции предназначалось для исправления судебных ошибок, ставших результатом *недостатков* в правоприменительной деятельности, когда нижестоящие суды имели реальную возможность своевременно (то есть до вступления судебного решения в законную силу) предотвратить или исправить судебную ошибку, однако не сделали этого. В подобных ситуациях материалы уголовного дела содержали все необходимые для выявления судебной ошибки сведения, что позволяло суду надзорной инстанции пересмотреть судебное решение и исправить ошибку без предварительной следственной проверки.

Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлено не на устранение недостатков правоприменительной деятельности на предшествовавших этапах уголовного судопроизводства, а на обеспечение возможности исследования тех имеющих уголовно-правовое значение фактических обстоятельств дела, которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу<sup>97</sup>. Речь идет об обстоятельствах, которые либо возникли уже после рассмотрения уголовного дела судом, либо существовали на момент рассмотрения уголовного дела, но не могли быть известны суду. Поскольку информация о таких обстоятельствах в материалах дела отсутствует, их выяснение, как правило, возможно только следственным путем<sup>98</sup>.

<sup>97</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1. С. 71–80.

<sup>98</sup> В. С. Посник об этом пишет следующим образом: «Пересмотру же в порядке надзорного производства неизвестна проверка наличия оснований следственным путем... нарушения, свидетельствующие о его (приговора. – И. Д.) незаконности или необоснованности, содержатся в самих материалах дела и обнаруживаются при более тщательном исследовании. А вновь открывшиеся обстоятельства невозможно обнаружить в материалах дела, они не нашли в них своего отражения и именно поэтому должны быть установлены материалами расследования... и вступившим в законную силу приговором» (Посник В. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. С. 36).

*Именно необходимость применения особых процессуальных методов для установления вновь открывшихся обстоятельств послужила основанием для обособления возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в качестве самостоятельной формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.*

Исходя из этого в юридической науке было выработано правило, которым должен был руководствоваться правоприменитель, выбирая процессуальную форму пересмотра вступившего в законную силу судебного решения: приговор, определение или постановление суда подлежали пересмотру в порядке надзора только в том случае, если основания пересмотра вытекали из материалов уголовного дела и не требовали предварительной их проверки путем производства следственных действий<sup>99</sup>. Соответственно, наличие в материалах дела сведений о допущенной судебной ошибке (и вытекающая отсюда возможность ее обнаружения на основе изучения материалов дела) приобрело значение критерия, позволявшего отделить надзорные основания от оснований возобновления производства по уголовному делу и тем самым обеспечить правильный выбор процессуальной формы пересмотра.

**В действующем уголовно-процессуальном законе предмет судебного разбирательства в кассационном и надзорном порядке ограничен проверкой законности вступивших в законную силу судебных решений, что позволяет провести четкую границу между надзорно-кассационной формой пересмотра судебных решений, предназначенной для исправления ошибок в применении права, и возобновлением производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, направленным на устранение фактических ошибок.**

---

<sup>99</sup> Подобные рекомендации можно встретить в юридической литературе и в настоящее время (см., например: Османов Т. С. Актуальные проблемы совершенствования деятельности суда надзорной инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. С. 152 ; Его же. Новая кассация – старый надзор // Судья. 2012. № 10. С. 49).

Другими словами, в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств устраняются судебные ошибки, выражавшиеся в неправильном установлении фактических обстоятельств дела и вызванные различными причинами – от наличия обстоятельств, оказавшихся по объективным причинам скрытыми от суда, до злоупотреблений со стороны участников уголовного судопроизводства. В надзорно-кассационном порядке устраняются ошибки, выражавшиеся в нарушении или неправильном применении судом закона при наличии в его распоряжении всех необходимых для вынесения правосудного решения сведений.

Однако законодателю не удалось сохранить последовательность в этом вопросе, следствием чего стало отнесение к новым обстоятельствам оснований пересмотра судебного решения, выражавшихся в нарушении норм права.

Согласно ч. 3 ст. 46 Конституции РФ каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Согласно ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»<sup>100</sup> Российской Федерации, ратифицировав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод не содержит положений, обязывающих Договаривающиеся Стороны предусмотреть во внутреннем праве возможности для пересмотра дел и возобновления производства по делу в связи с решениями Европейского Суда по правам человека. Однако наличие такого процессуального механизма составляет необходимое условие

<sup>100</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

реального устранения последствий нарушений Конвенции, допущенных национальными судами, в связи с чем Комитет министров Совета Европы<sup>101</sup> призывал все страны – участницы Конвенции убедиться, что в их национальных правовых системах существуют необходимые возможности для достижения, насколько это возможно, *restitutio in integrum*, и в особенности обеспечить соответствующие возможности для пересмотра дел, включая и возобновление производства по делу.

Конституционный Суд РФ исходит из того, что лицо, по жалобе которого вынесено постановление Европейского Суда по правам человека, должно во всяком случае иметь возможность обратиться в компетентный национальный суд с заявлением о пересмотре вынесенных по его делу судебных постановлений и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено. Иное свидетельствовало бы об умалении и ограничении права каждого на судебную защиту, предполагающего конкретные гарантии, которые позволяют реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости<sup>102</sup>.

В целях обеспечения заинтересованным лицам возможности пересмотра судебных решений, вынесенных с нарушением Конвенции о защите прав человека и основных свобод, законодатель предусмотрел в УПК РФ в числе новых обстоятельств, служащих основанием для возобновления производства по уголовному делу в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ, «установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с: а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод; б) иными

<sup>101</sup> См.: Рекомендация № R (2000) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека / пер. с англ. О. Митина // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 68–69.

<sup>102</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 11. Ст. 1255.

---

нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

Констатация Европейским Судом по правам человека несоответствия примененного в деле федерального закона положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подп. «а» п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ), как и признание Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ (п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ) действительно образуют новое обстоятельство, поскольку такое решение принимается после рассмотрения уголовного дела судом<sup>103</sup>.

Что же касается выявляемых Европейским Судом по правам человека *иных нарушений положений Конвенции*, то их отнесение к числу оснований для возобновления уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств представляется дискуссионным.

В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что нарушение общепризнанных принципов и норм международного права должно рассматриваться как основание отмены или изменения приговоров, определений и постановлений суда в надзорном порядке<sup>104</sup>.

Действительно, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15

---

<sup>103</sup> Так, например, признание Конституционным Судом РФ 17 июня 2014 г. положения ч. 4 ст. 222 УК РФ неконституционным повлекло отмену приговора Пресненского районного суда г. Москвы от 2 февраля 2007 г. в отношении У. и последующих судебных решений с возобновлением производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств (см.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 ноября 2014 г. по делу № 109-П14. URL: [http://www.vsrif.ru/stor\\_pdf.php?id=670594](http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=670594) (дата обращения: 09.11.2015)).

<sup>104</sup> См.: Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань, 2004. С. 253 ; Ее же. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 35 ; Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 8, 14.

Конституции РФ) и законодательства Российской Федерации, в том числе регулирующего уголовное судопроизводство (ч. 3 ст. 1 УПК РФ). На этом основании общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры (в том числе Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод) входят в число источников уголовно-процессуального права<sup>105</sup>. Соответственно, нарушение общепризнанных принципов и норм международного права (положений ратифицированных международных договоров Российской Федерации) вполне вписывается в понятие «существенное нарушение уголовно-процессуального закона» и при условии, что оно отвечает критериям, указанным в ст. 401.15 УПК РФ, может и должно выступать в качестве надзорно-кассационного основания пересмотра судебных решений.

Но если нарушение общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации в целом и положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в частности составляет основание пересмотра судебного решения в надзорно-кассационной форме, почему такое же нарушение, будучи выявленным Европейским Судом по правам человека, отнесено законодателем к новым обстоятельствам? Очевидно, что общность оснований пересмотра судебного решения должна предполагать единую процессуальную форму, в которой такой пересмотр осуществляется.

Контрольная функция Европейского Суда по правам человека связана с разрешением обоснованных предположений частных лиц о том, что они явились жертвой нарушения со стороны государства их прав, признанных в Конвенции или в Протоколе к ней (ст. 34 Конвенции), что предполагает исследование Судом фактических и

---

<sup>105</sup> См.: Малиновский О. Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 8 ; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб., 2005. С. 17 ; Ковтун Н. Н., Симагин А. С. Европейская конвенция и акты Европейского Суда по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод личности при осуществлении уголовного судопроизводства России : учеб. пособие. Н. Новгород, 2007. С. 22, 27 ; и др.

юридических обстоятельств, послуживших основанием для обращения заявителя за конвенционной защитой. Следовательно, отвечая на поставленный перед ним в жалобе вопрос, Европейский Суд анализирует конкретную, имевшую место в деле заявителя правоприменительную практику и соотносит ее с вытекающими из конвенционных положений требованиями. Таким образом, объектом контроля Европейского Суда является правоприменительная практика конкретного государства в конкретном деле<sup>106</sup>. Подавляющее большинство вынесенных Европейским Судом решений против России касаются нарушений процессуальных прав граждан и принципов судопроизводства<sup>107</sup>, то есть полностью вписываются в понятие существенного нарушения закона.

В то же время установление Европейским Судом по правам человека нарушений положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод не соответствует признакам «нового обстоятельства», на что неоднократно указывалось в юридической литературе.

Во-первых, такое нарушение «трудно признать неизвестным на момент вынесения судебного решения, поскольку нормы международного права являются составной частью законодательства РФ, имеют преимущество перед нормами внутригосударственного права и подлежат непосредственному применению при от правлении правосудия»<sup>108</sup>. Речь идет о таких нарушениях, которые были допущены в ходе досудебного или судебного производства по уголовному делу и объективно могли быть своевременно обнаружены и исправлены судом, который, однако, по каким-то причинам этого не сделал.

Во-вторых, такие нарушения, как правило, никак не влияют на уголовно-правовую оценку совершенного лицом деяния, тогда

---

<sup>106</sup> Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 198.

<sup>107</sup> Девятова О. В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования. М., 2010. С. 170.

<sup>108</sup> Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. С. 64.

как по смыслу закона новые обстоятельства должны исключать преступность и наказуемость деяния или подтверждать наступление новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления (п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ)<sup>109</sup>.

*Таким образом, установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подп. «б» п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ), не соответствует признакам нового обстоятельства, а является разновидностью существенного нарушения закона.*

Так, например, Президиум Верховного Суда РФ Постановлением от 15 апреля 2015 г. по делу № 22-П15 отменил приговор Заречинского городского суда Пензенской области от 26 мая 2008 г. и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Пензенского областного суда от 6 августа 2008 г. и возобновил производство по уголовному делу в отношении Н. в связи с установленным Европейским Судом по правам человека нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции. Нарушение выразилось в том, что национальные суды не рассмотрели надлежащим образом довод заявительницы о провокации взятки, а сторона обвинения не доказала отсутствие подстрекательства к совершению преступления<sup>110</sup>. Нарушение права на справедливое судебное разбирательство выступало основанием для отмены Президиумом Верховного Суда РФ в порядке, установленном гл. 49 УПК РФ, окончательных судебных решений с передачей уго-

<sup>109</sup> Девятова О. В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования. С. 167.

<sup>110</sup> Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 апреля 2015 г. по делу № 22-П15. URL: [http://vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1334100](http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1334100) (дата обращения: 10.11.2015).

---

ловного дела на новое судебное рассмотрение и во многих других случаях<sup>111</sup>.

Во всех указанных примерах основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений послужили существенные нарушения уголовно-процессуального закона, то есть такие нарушения, которые по общему правилу служат основанием для отмены или изменения приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке.

Единственной особенностью рассматриваемого основания (впрочем, не изменяющей его правовую природу) является то, что нарушение закона устанавливается Европейским Судом по правам человека и фиксируется в его решении, которое должно иметь для национальных судов преюдициальное значение<sup>112</sup>. Однако при этом выводы Европейского Суда по правам человека не предрешают исход рассмотрения дела судом надзорной инстанции: Президиум Верховного Суда РФ принимает решение об отмене или изменении вступивших в законную силу приговора, определения и

---

<sup>111</sup> См., например: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 2 апреля 2014 г. по делу № 9-П14. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=589016](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=589016) (дата обращения: 09.11.2015) ; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12 ноября 2014 г. по делу № 107-П14. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=697446](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=697446) (дата обращения: 09.11.2015) ; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19 ноября 2014 г. по делу № 153-П14. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=908258](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=908258) (дата обращения: 09.11.2015) ; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2014 г. по делу № 150-П14. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1230214](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1230214) (дата обращения: 09.11.2015) ; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 апреля 2015 г. по делу № 19-П15. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1280426](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1280426) (дата обращения: 09.11.2015) ; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 апреля 2015 г. по делу № 17-П15. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1280178](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1280178) (дата обращения: 09.11.2015) ; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 июня 2015 г. по делу № 46-П15. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1352246](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1352246) (дата обращения: 09.11.2015) ; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2015 г. по делу № 167-П15. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1409636](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1409636) (дата обращения: 08.02.2016) ; и др.

<sup>112</sup> Заржицкая Л. С. Преюдициальное значение актов Европейского Суда по правам человека и других международных судов // Мировой судья. 2013. № 5. С. 28.

---

постановления суда в тех случаях, когда установленное Европейским Судом нарушение Конвенции позволяет сделать вывод о незаконности, необоснованности или несправедливости состоявшихся судебных решений<sup>113</sup>.

Следует заметить, что ни в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ни в Протоколах к ней не содержится положений, которые однозначно указывали бы на то, что возобновление производства по делу в связи с выявленным Европейским Судом по правам человека нарушением Конвенции должно непременно осуществляться в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ. Положение п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции содержит общую норму, допускающую повторное рассмотрение дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства в тех случаях, когда имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела. Комитет министров Совета Европы отметил, что нарушения Конвенции могут быть устраниены, начиная от административного пересмотра дела (к примеру, разрешение на проживание, в котором ранее было отказано) и заканчивая полным возобновлением судебного разбирательства (к примеру, по уголовным делам). При этом термин «пересмотр» используется в качестве общего термина, а «возобновление производства по делу» означает возобновление судебного разбирательства в качестве характерного средства пересмотра дела<sup>114</sup>.

Очевидно, что возобновление производства по делу, о котором говорится в Рекомендации № R (2000) 2 от 19 января 2000 г., приводящее к последующему повторному рассмотрению дела, упоминаемому в Протоколе № 7 к Конвенции, может осуществляться не только в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ, но

---

<sup>113</sup> Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 апреля 2015 г. по делу № 16-П15. URL: [http://vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1280184](http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1280184) (дата обращения: 10.11.2015).

<sup>114</sup> Рекомендация № R (2000) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека. С. 68–69.

также и в надзорно-кассационном порядке в случае принятия судом решения об отмене приговора, определения или постановления суда и возвращении уголовного дела прокурору или направлении его на новое судебное рассмотрение<sup>115</sup>.

Таким образом, законодатель свободен в выборе формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, а значит, нет никаких препятствий для внесения изменений в действующую законодательную регламентацию пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

*Поскольку общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство (ч. 3 ст. 1 УПК РФ), нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод является по своей сути нарушением уголовно-процессуального закона. Следовательно, пересмотр вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушения в ходе уголовного судопроизводства положений Конвенции (когда такое нарушение не связано с применением федерального закона, не соответствующего Конвенции), должен осуществляться Президиумом Верховного Суда РФ в порядке, установленном гл. 48.1 УПК РФ.*

На основании изложенного предлагаем внести изменения в п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, исключив из него указание на иные

---

<sup>115</sup> Во Франции вопрос о возбуждении процедуры по пересмотру судебного решения по уголовному делу решается в таких случаях Комиссией по пересмотру при Кассационном суде Франции, которая разрешает судьбу дела, в частности возможность его нового рассмотрения в суде по существу. Собственно пересмотр судебного решения по общему правилу входит в компетенцию судов общей юрисдикции. Комиссия по пересмотру, таким образом, является неким «фильтром» в процессе рассмотрения ходатайств о пересмотре, которые могут быть поданы в течение одного года с момента вынесения решения ЕСПЧ (см.: Заксон А. Ю. Институт пересмотра судебных решений в уголовном процессе Франции в связи с вынесенным постановлением Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 145–146).

нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и изложив его в следующей редакции: «2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Нарушения общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации могут также выражаться в выявленных Комитетом по правам человека, а также Рабочей группой по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека (далее по тексту – Рабочая группа) нарушениях положений Международного пакта о гражданских и политических правах<sup>116</sup>.

Конституционный Суд РФ разъяснил, что принятие Комитетом по правам человека соображений, содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства, является достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные Комитетом нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах не могут быть исправлены в другом порядке, а их устранение необходимо для обеспечения правосудности вступившего в законную силу приговора (определения, постановления) суда и восстановления прав и законных интересов граждан и иных лиц<sup>117</sup>.

По аналогии с порядком, установленным УПК РФ для возобновления производства по делу в случае выявления Европейским Судом по правам человека нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конституционный Суд РФ ре-

---

<sup>116</sup> Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11.

<sup>117</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О. С. 78–79.

комендует правоприменителю использовать в данном случае форму пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, предусмотренную гл. 49 УПК РФ.

Что касается выносимой Рабочей группой просьбы (призыва) к Российской Федерации принять меры по исправлению положения лица, чье задержание было произвольным вследствие нарушения норм Международного пакта о гражданских и политических правах, то оно, по мнению Конституционного Суда РФ, может выступать поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств<sup>118</sup>.

По нашему мнению, в обоих указанных случаях выбор Конституционным Судом РФ формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам противоречит им же самим сформулированному выводу о том, что при возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств суд обеспечивает не восполнение недостатков обвинительной и судебной деятельности, а возможность исследования новых для него обстоятельств<sup>119</sup>. Но разве не недостатком правоприменительной деятельности является допущенное органами уголовного преследования или судом и своевременно не устранившее нарушение положений Международного пакта о гражданских и политических правах?

По изложенным выше соображениям представляется, что возобновление производства по уголовному делу в случае принятия Комитетом по правам человека соображений, содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства в связи с выявленным Комитетом нарушением положений Международного пакта о гражданских и политических правах, должно осуществляться Президиумом Верховного Суда РФ в надзорном порядке.

---

<sup>118</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 1276-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

<sup>119</sup> Там же.

При вынесении же Рабочей группой просьбы (призыва) к Российской Федерации принять меры по исправлению положения лица, чье задержание было произвольным вследствие нарушения норм Международного пакта о гражданских и политических правах, пересмотр должен осуществляться по жалобе заинтересованного лица в кассационном или надзорном порядке в соответствии с требованиями инстанционности.

Лишь такой подход способен обеспечить четкое разграничение форм пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда с учетом сущностных различий применяемых оснований.

## Глава 2

# РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ И ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В НАДЗОРНО-КАССАЦИОННОЙ ФОРМЕ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

---

## **§ 1. Право на судебную защиту и его реализация в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций**

Осуществляемая судом деятельность может признаваться правосудием только при условии, что она отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах.

Соответствие правосудия требованию справедливости и его способность обеспечить эффективное восстановление в правах – это не просто взаимосвязанные, но взаимозависимые характеристики правосудия. С одной стороны, справедливость достижима только в условиях реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, обеспечить права и свободы личности возможно только при условии вынесения судами справедливых решений.

Вопрос о понятии справедливости в уголовном процессе относится к числу тех, которые постоянно находятся в центре внимания юридической науки.

В отечественном уголовном судопроизводстве справедливость судебного решения традиционно связывается с соразмерностью назначенного наказания тяжести содеянного и личности виновного (ст. 363 УПК РСФСР 1922 г., ст. 417 УПК РСФСР 1923 г., ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ 2001 г.). Такое положение является результатом проекции в уголовно-процессуальное законо-

дательство нормы ч. 1 ст. 6 УК РФ, согласно которой наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Однако в современных условиях отождествление понятий «справедливость приговора» и «справедливость наказания» является очевидным анахронизмом, не учитывающим новых для нашей правовой системы подходов к пониманию справедливости, основанных на положениях Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и правовых позициях Европейского Суда по правам человека.

Соразмерность совершенного деяния и назначенного наказания, несомненно, составляет важный и необходимый компонент справедливости приговора<sup>1</sup>, но не исчерпывается ею. Введение в юридический оборот понятия права на справедливое судебное разбирательство наполняет справедливость новым содержанием, в связи с чем проблема определения ее содержания приобретает исключительную актуальность. Как обоснованно отмечает О.В. Евстигнеева, вхождение России в мировое сообщество требует рассматривать справедливость как требование к форме осуществления уголовно-процессуальной деятельности, в основе которой лежит необходимость сбалансировать интересы сторон<sup>2</sup>.

Надо сказать, еще в советское время наметилась тенденция изучать справедливость в сфере уголовного судопроизводства в ее буквальном значении, то есть как категорию морали. В данном контексте справедливость обычно представляют как критерий, с помощью которого правоприменительный процесс и юридические акты оцениваются с нравственных позиций.

<sup>1</sup> Артамонова Е. А. О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиций справедливости // Российский судья. 2011. № 1. С. 41.

<sup>2</sup> Евстигнеева О. В. Справедливость как принцип уголовного судопроизводства // Вестник СГАП. 2010. № 6. С. 48.

Так, М.С. Строгович писал, что выделение справедливости как требования, предъявляемого к приговору, имеет тот смысл, что этим подчеркивается правильное не только с правовой, но и с нравственной, моральной стороны отношение к человеку, судьба которого решается приговором<sup>3</sup>.

В современной юридической науке такой взгляд на значение справедливости в судопроизводстве разделяют многие ученые. Справедливость приговора рассматривается как «нравственно-правовое требование»<sup>4</sup>, «нравственная характеристика судебных решений», «моральная безупречность»<sup>5</sup>, как «соответствие решений суда нравственным представлениям общества»<sup>6</sup>, как «требование, сочетающее в себе правовую и нравственную оценки судебного решения»<sup>7</sup>.

Посредством справедливости приговора, пишет А.А. Кухта, устанавливается соответствие между юридической правильностью и миром общезначимых представлений о добре и зле, объединяющих людей в единую нацию, общество, народ. Справедливость приговора призвана отразить нравственную сторону правосудия<sup>8</sup>.

Закономерным результатом такого подхода является вывод об обязанности правоприменительных органов, действующих в сфере уголовной юстиции, руководствоваться в своей деятельности моральными нормами<sup>9</sup>.

<sup>3</sup> Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. II. М., 1970. С. 326.

<sup>4</sup> Кобликов А. С. Юридическая этика : учеб. для вузов. М., 2002. С. 118.

<sup>5</sup> Тельнов А. В. Справедливость как необходимое требование к судебному решению // Мировой судья. 2005. № 7. С. 22, 23.

<sup>6</sup> Моисеева Т. В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции. М., 2006. С. 13.

<sup>7</sup> Ивасенко К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10.

<sup>8</sup> Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : монография. Н. Новгород, 2009. С. 540.

<sup>9</sup> Подольный Н. А., Урявин Д. А. Справедливость – критерий правосудности // Российский судья. 2011. № 1. С. 32.

Конечно, оценивать с нравственных позиций судопроизводство и решения суда могут как участники уголовного процесса, так и любые иные лица, посещающие судебные заседания либо осведомленные о ходе рассмотрения дела из средств массовой информации или иных источников. Более того, такая оценка неизбежна. Однако из-за отсутствия формальной определенности моральных предписаний невозможно обеспечить единообразный подход к оценке справедливости той или иной процедуры, судебного решения. По этой причине, несмотря на всю свою общественную и политическую значимость, нравственные оценки правосудия и его актов, как правило, не влекут за собой каких-либо юридических последствий.

Как моральная категория, справедливость не имеет собственного механизма реализации заложенных в нее требований и, лишь получив правовое оформление посредством придания нравственным нормам правового характера, приобретает значение принципа права. Другими словами, представления о справедливости в том ее понимании, которое характерно для данного социума в конкретном историческом контексте, отпечатываются, отражаются в правовых предписаниях, в результате чего право становится средством выражения принципа справедливости, ее защиты и охраны.

Принцип справедливости обладает высшей степенью нормативной обобщенности, вбирает в себя и предопределяет содержание других принципов, конституционных и отраслевых прав граждан и оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. В масштабах всего общества справедливость складывается в особый режим, который, будучи результатом претворения в жизнь господствующих в данном обществе норм политики, права, морали, обычаяев и других социальных норм, реально демонстрирует меру и уровень достигнутой обществом социальной справедливости<sup>10</sup>.

---

<sup>10</sup> Вопленко Н. Н. Понятийный ряд справедливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2010. № 2 (13). С. 11.

В связи с этим **принцип справедливости в процессуальном праве** следует определить как комплексное, фундаментальное правовое положение, вбирающее в себя совокупность правовых норм, устанавливающих требования и условия, реализация которых в юридической практике обеспечивает вынесение законных и обоснованных правоприменимых решений и является необходимым условием признания как самой процедуры судопроизводства, так и ее результата отвечающими требованиям закона, а также **принятым в обществе нравственным представлением о справедливом**.

О достижении справедливости в уголовном процессе можно говорить лишь в том случае, если судом на основе *истинного знания* об обстоятельствах криминального события дана правильная правовая оценка содеянному и вынесено законное и обоснованное решение.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П указал, что в рамках уголовного судопроизводства правосудие должно по меньшей мере обеспечивать установление на основе исследованных доказательств обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния<sup>11</sup>. Судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправосудности<sup>12</sup>.

Не будучи истинным, убедительным, правильным, судебное решение никогда не будет воспринято как справедливое. Н.Н. Волленко совершенно прав, когда определяет юридическую справед-

---

<sup>11</sup> Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

<sup>12</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // Российская газета. 2007. 2 июня.

ливость как правовое закрепление нравственно обоснованного решения по юридическому делу. Это совпадение, тождество правовой и нравственной оценок в правоприменительном акте<sup>13</sup>.

В советской юридической науке был выработан подход, отождествляющий справедливость с законностью. «Быть законным, – писал А.И. Экимов, – значит обладать качеством юридической справедливости»<sup>14</sup>. Надо сказать, что на подобной позиции стоят и современные ученые. Так, например, В.В. Булгаков отмечает: «Обладать качеством юридической справедливости – это означает быть законным, наоборот, тот, кто нарушает законность, не соблюдает нормы права, то действует вопреки юридической справедливости»<sup>15</sup>.

Такая позиция объясняется через механизм проникновения норм морали в право. Если на этапе выработки правовых норм их содержание наполняется нравственной сущностью, то в последующем соблюдение этих норм в юридической практике обеспечивает нравственно безупречный результат правоприменения.

В.П. Нажимов высказывал сомнения в правильности такого решения рассматриваемого вопроса. Отмечая тесную взаимосвязь принципов законности и справедливости, он все же констатировал, что они не совпадают по своему содержанию. По мысли автора, соответствующая закону деятельность правоприменительных органов может не отвечать требованию справедливости, если несправедливы сами применяемые законы<sup>16</sup>.

Отрицать наличие проблемы, на которую указал В.П. Нажимов, невозможно. Действительно, в реальных условиях закон может оказаться несправедливым, но отступить от его требований со ссылкой на несправедливость нормативных установлений пра-

<sup>13</sup> Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. С. 169.

<sup>14</sup> Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 98.

<sup>15</sup> Булгаков В. В. Принцип справедливости в праве // Вопросы теории государства и права: историко-правовые исследования. Тамбов, 2004. С. 73.

<sup>16</sup> Нажимов В. П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. П. Нажимов. Калининград, 1989. С. 8.

воприменитель не вправе. Иное подрывало бы принцип законности, единство судебной практики, дестабилизировало бы сферу правовых отношений.

Вместе с тем в результате произошедших в правовой системе России в последние десятилетия преобразований появились дополнительные гарантии, обеспечивающие возможность соблюдения принципа справедливости даже тогда, когда, по мнению право-применителя, закон является несправедливым. Мы имеем в виду возможность суда обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле (п. 3.1 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Принцип справедливости, как верно отмечает О.В. Евстигнеева, как бы растворен в нормативном содержании Конституции РФ, выражает «дух» Основного закона<sup>17</sup>, в связи с чем соответствие применяемого в деле закона конституционным положениям может использоваться для оценки того, насколько этот закон отвечает требованиям справедливости.

Конечно, и в данном случае критерием юридической справедливости выступает все та же законность, которая служит одновременно критерием оценки справедливости и правопримени- тельных актов. Однако отказаться от этого критерия невозможно, поскольку иных формализованных показателей правильности, истинности юридической деятельности попросту не существует<sup>18</sup>.

Итак, судебное решение является справедливым только тогда, когда оно соответствует требованиям законности и обоснованности<sup>19</sup>. Всякий незаконный судебный акт, поскольку он нару-

<sup>17</sup> Евстигнеева О. В. Справедливость как ценностный ориентир и его отражение в Основном законе // Юридическая наука и правоприменение (V Саратовские правовые чтения) : сб. тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 1–2 июня 2012 г.). Саратов, 2012. С. 169.

<sup>18</sup> Вопленко Н. Н. Понятие и виды юридической справедливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 12.

<sup>19</sup> Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу : монография. М., 2010. С. 94.

шает субъективные права и свободы, есть проявление несправедливости.

Как будет показано ниже, важнейшей гарантией восстановления субъективных прав и свобод, нарушенных действиями государственных органов (в том числе суда) и должностных лиц, является право на судебную защиту, включающее в себя в качестве элемента право на обжалование судебных решений. Одновременно праву обжалования судебных решений отводится исключительно важная роль в деле обеспечения юридической справедливости. Собственно принцип справедливости, как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П<sup>20</sup>, лежит в основе конституционных гарантий охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека. Совершенно прав Н.Н. Вопленко, когда называет институт обжалования «процессуальной инновацией в сфере права, порожденной исторически развивающейся проблемой наибольшего обеспечения юридической справедливости»<sup>21</sup>. Такой вывод вполне логичен: если нарушение законности, допущенное судом при разрешении уголовного дела, является отступлением от справедливости, то ее восстановление возможно только посредством исправления этого нарушения (устранения судебной ошибки), что и происходит вследствие реализации заинтересованным лицом права обжалования.

Потребность личности прибегать к защите своих прав и законных интересов, нарушенных вследствие неправильного разрешения судом правового спора, свидетельствует о том, что правосудие в данном случае оказалось неэффективным, не соответствовало требованию справедливости. Отстаивая свои права и законные интересы, личность тем самым добивается восстановления справедливости. Следовательно, *процессуальные средства и условия, обеспечивающие защиту прав и свобод, нарушенных вследствие вынесения незаконного судебного решения, являются одновременно гарантиями принципа справедливости в судопроизводстве.*

<sup>20</sup> См.: Российская газета. 2005. 20 мая.

<sup>21</sup> Вопленко Н. Н. Понятие и виды юридической справедливости. С. 11.

Вся правовая система стоит на страже принципа справедливости, который заложен в самом содержании права и проявляется в конкретных его отраслях<sup>22</sup>.

Согласно ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждому человеку в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом, гарантируется право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. возлагает на государства обязанность обеспечить эффективные средства правовой защиты всем лицам, права и свободы которых нарушены. При этом в Пакте специально отмечается, что правовая защита должна быть гарантирована и в тех случаях, когда нарушение допущено лицами, действующими в официальном качестве. Схожая норма закреплена также в ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Роль гарантии всех прав и свобод человека и гражданина выполняет конституционное право на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Для определения того, что следует понимать под правом на судебную защиту, необходимо иметь четкое представление о самой судебной защите.

В юридической теории судебная защита рассматривается в нескольких аспектах: во-первых, как правовой институт, во-вторых, как вид государственной деятельности, или функция государства.

Как комплексный (межотраслевой) правовой институт судебная защита представляет собой объединенную общими принципами права систему взаимосвязанных материальных и процессуальных норм, регулирующих юрисдикцию суда, его надлежащую организацию, статус судей, судебные процедуры и другие аспекты осуществления деятельности органов судебной власти в целях преодоления препятствий в реализации юридического ста-

---

<sup>22</sup> Артамонова Е. А. О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиций справедливости. С. 40.

туса субъектов права, восстановления их нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов<sup>23</sup>.

Как *функция государства* судебная защита выражается в осуществляющей исключительно судом государственной деятельности, направленной на защиту прав и свобод личности. В юридической литературе судебная защита обоснованно рассматривается как вершина пирамиды государственной защиты личности, подчиняющая себе все остальные внешние и внутренние функции государства<sup>24</sup>. Это наиболее эффективный механизм правовой защиты личности из всех выработанных в мировой общественной практике.

Кроме того, судебную защиту, по нашему мнению, следует рассматривать также как выражющийся в восстановлении нарушенных прав и свобод *результат*, к достижению которого стремится как личность, прибегающая к судебной защите, так и государственные органы и должностные лица, осуществляющие соответствующую деятельность в рамках исполнения обязанности, предусмотренной ст. 2 Конституции РФ<sup>25</sup>.

Если судебная защита представляет собой деятельность суда по восстановлению права, то, как верно заметил П.М. Филиппов, *конституционное право на судебную защиту – это право личности и объединений граждан на деятельность суда*<sup>26</sup>.

Конечно, в современной юридической литературе даются и более развернутые определения права на судебную защиту, однако прежде чем их анализировать, необходимо рассмотреть ряд

<sup>23</sup> Вершинин В. Б. Судебная защита как комплексный институт российского права : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2011. С. 43.

<sup>24</sup> Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. С. 37.

<sup>25</sup> Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25 июня 2013 г. № 14-П (см.: Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3428), право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями.

<sup>26</sup> Филиппов П. М. Судебная защита и правосудие в СССР. Саратов, 1987. С. 124.

вопросов, решение которых позволит корректно определить содержание данного конституционного права.

Единственное, на что сейчас следует обратить внимание, так это на то, что **право на судебную защиту относится к числу важнейших конституционных принципов**<sup>27</sup>. Принципиальное значение праву на судебную защиту придают всеобщность и значимость характера содержащихся в нем требований<sup>28</sup>, а также его нормативный характер (закрепление на конституционном уровне и развитие в системе относительно частных норм в процессуальных отраслях права).

Статус права на судебную защиту как процессуального принципа заставляет обратиться к вопросу о его соотношении с другим принципом правосудия – правом на справедливое судебное разбирательство, закрепленным в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В юридической литературе данное право определяют как комплексное соблюдение процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод и существующей системы их толкований Европейским Судом по правам человека<sup>29</sup>.

Высказывается мнение, что право на судебную защиту и право на справедливое судебное разбирательство тождествен-

<sup>27</sup> Головко Л. В. Отечественное понятие «право на судебную защиту» и европейское понятие «право на доступ к правосудию»: попытка функционального сравнения // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20–22 сент. 2007 г.) / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2007. С. 3.

<sup>28</sup> В Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П Конституционный Суд РФ указал, что право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ и обеспечивается на основе закрепленных в ней принципов правосудия (см.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398).

<sup>29</sup> Ягофаров С. М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 8.

ны друг другу. Так, С.А. Голубок ставит между правом на судебную защиту и правом на справедливое судебное разбирательство знак равенства, прямо указывая, что данные понятия являются синонимами<sup>30</sup>.

Данная позиция представляется дискуссионной. По нашему мнению, закрепленное в Конституции РФ право на судебную защиту по своему содержанию шире, нежели предусмотренное ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое судебное разбирательство<sup>31</sup>.

Оба рассматриваемых принципа являются по своей природе публично-правовыми, поскольку не могут быть реализованы без деятельного участия со стороны государства. Как указал Конституционный Суд РФ, право на судебную защиту носит публично-правовой характер, поскольку может быть реализовано лишь с помощью государства, создающего для этого необходимые институциональные и процессуальные условия<sup>32</sup>. В реализации права на справедливое судебное разбирательство главная роль также отводится государству<sup>33</sup>.

Однако публично-правовая составляющая в праве на судебную защиту значительно объемнее, нежели в праве на справедливое судебное разбирательство.

Вопрос об элементах права на справедливое судебное разбирательство решается в юридической литературе по-разному.

---

<sup>30</sup> Голубок С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 116, 117–124.

<sup>31</sup> Это как раз тот случай, когда российское законодательство предусматривает более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении с гарантированными Конвенцией и Протоколами к ней стандартами (см.: п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. 2013. 5 июля).

<sup>32</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2012 г. № 2008-О // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7325.

<sup>33</sup> Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: Международное и внутригосударственное правовое регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 7.

Так, например, С.Ф. Афанасьев применительно к гражданскому судопроизводству выделяет институциональный, органический, процессуальный и специальный элементы<sup>34</sup>. Авторы монографии «Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики)» – институциональный и процессуальный<sup>35</sup>. Однако при любом решении данного вопроса назначение закрепляемого в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права сводится к обеспечению со стороны государства в лице его органов и должностных лиц определенных условий и гарантий, обеспечивающих личности, отстаивающей свои права в судебном разбирательстве, режим справедливого правосудия.

Конституционное право на судебную защиту предполагает не только создание необходимых условий для самостоятельной защиты личностью своих прав и свобод, но также возложение на государственные органы и должностных лиц обязанности принимать меры для восстановления нарушенных прав *ex officio*. Российское государство приняло на себя обязанность не только признавать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, но и защищать их (ст. 2 Конституции РФ). В сфере уголовного судопроизводства такая защита осуществляется как по инициативе заинтересованного лица (например, в делах частного обвинения или при обжаловании процессуальных действий и решений), так и без таковой, а иногда и вопреки воле заинтересованного лица, то есть в официальном порядке (назовем данную форму реализации права на судебную защиту *passivной*).

Публично-правовая составляющая права на судебную защиту обеспечивается за счет: применения в вышестоящих судах реви-

<sup>34</sup> См.: Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 15–17, 32–33.

<sup>35</sup> Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / [М. Р. Воскобитова, Г. В. Диков, С. А. Насонов [и др.]] ; под ред. д-ра юрид. наук Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 36.

зионного начала<sup>36</sup>; деятельности прокурора, на которого возложена обязанность при наличии к тому оснований приносить кассационные представления на вступившие в законную силу судебные решения<sup>37</sup>; права Уполномоченного по правам человека в РФ обжаловать вступившие в законную силу судебные решения<sup>38</sup>; полномочий руководителей Верховного Суда РФ, предусмотренных ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ и др.

С учетом сказанного следует полностью согласиться с С.В. Астратовой, отмечающей, что в конституционно-правовом

<sup>36</sup> На то, что ревизионный порядок является особенностью процессуального режима надзорного производства, обусловленной действием принципа публичности, прямо указывает М. Т. Аширбекова: «Обеспечение государственной защиты прав и свобод личности не может быть предметом усилий самих частных лиц. Потому-то она и государственная» (см.: Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. С. 363, 365–366).

<sup>37</sup> Пункт 24 Приказа Генеральной прокуратуры России от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

<sup>38</sup> Примером реализации Уполномоченным по правам человека в РФ данного права является принесение им ходатайства в президиум Саратовского областного суда об отмене определения суда второй инстанции в связи с нарушением права на судебную защиту осужденного С. Рассмотрев данное дело, президиум Саратовского областного суда своим постановлением от 12 мая 2015 г. ходатайство Уполномоченного по правам человека в РФ удовлетворил, определение суда второй инстанции отменил, направив дело на новое апелляционное рассмотрение (см.: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-40/2015).

Думается, усилению публично-правовой составляющей права на судебную защиту способствовало бы предоставление права обжалования вступивших в законную силу судебных решений также Уполномоченному при Президенте РФ по правам ребенка [данная должность учреждена Указом Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» (см.: Собрание законодательства РФ. 2009. № 36. Ст. 4312)], Уполномоченному по правам человека в субъекте РФ и Уполномоченному по правам ребенка в субъекте РФ (см.: Дикарев И. С. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка как участник уголовного судопроизводства: постановка проблемы // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 45–47).

отношении по реализации права на судебную защиту главную роль играет обязанная сторона – государство, в чьи обязанности входит нормативное установление прав и обязанностей участников судопроизводства, *закрепление порядка судебной защиты в силу закона*, а также создание гарантий для реализации конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина<sup>39</sup>.

Однако, давая определение конституционного права на судебную защиту, С.В. Астратова не упоминает о возможности его реализации *в силу закона*. По ее мнению, право на судебную защиту представляет собой гарантированную Конституцией РФ и обеспеченную государством универсальную возможность обратиться в суд в целях восстановления своих нарушенных или оспариваемых прав и свобод, а также предотвратить необоснованное и незаконное ограничение конституционных прав и свобод посредством судебной защиты<sup>40</sup>. Тот же недостаток присутствует и в определении, даваемом В.Б. Вершининым: «Конституционное право на судебную защиту предполагает право на справедливое, публичное и компетентное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, с соблюдением принципов состязательности и равноправия сторон»<sup>41</sup>.

По нашему мнению, рассмотренная особенность права на судебную защиту должна быть непременно отражена в его определении, что не только позволит раскрыть определяемое понятие, но и покажет существенное отличие права на судебную защиту от права на справедливое судебное разбирательство.

Необходимо также учесть позицию Конституционного Суда РФ, который отметил, что право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и право на эффек-

<sup>39</sup> Астратова С. В. Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 7, 15.

<sup>40</sup> Там же. С. 7, 17–18.

<sup>41</sup> Вершинин В. Б. Судебная защита как комплексный институт российского права : дис. ... канд. юрид. наук. С. 56.

тивное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости<sup>42</sup>. Следовательно, право на справедливое судебное разбирательство охватывается содержанием права на судебную защиту, являясь тем элементом, который обеспечивает ее эффективность.

Изложенное позволяет сформулировать следующее определение:

**Право на судебную защиту представляет собой гарантированное Конституцией РФ право заинтересованного лица добиваться эффективного восстановления нарушенных или защиты оспариваемых прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, а также право на то, что суд по собственной инициативе или по инициативе и при содействии уполномоченных государственных органов или должностных лиц в установленных законом случаях и порядке обеспечит восстановление и защиту прав и свобод личности без соответствующего обращения с ее стороны.**

Конституция РФ (ч. 3 ст. 56) относит право граждан на судебную защиту к таким правам, которые не могут быть ограничены ни каких условиях<sup>43</sup>.

Однако в юридической литературе все же высказывается мнение о возможности ограничения данного права<sup>44</sup>. Европейский Суд по правам человека также прямо указывает на то, что право на обращение в суд не является абсолютным, оно может подлежать ограничению. Однако, как и все ограничения на права, гарантированные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, они не должны лимитировать соответствующие права или

<sup>42</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 538-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 2. С. 114–117.

<sup>43</sup> См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4551.

<sup>44</sup> Астратова С. В. Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 19, 20.

уменьшать их объем настолько, чтобы был нанесен ущерб самой их сущности<sup>45</sup>.

Механизм реализации права на судебную защиту по своей структуре является весьма сложным, а по содержанию многообразным. Право обжалования правоприменительных (в том числе судебных) решений является одним из элементов механизма реализации права на судебную защиту. При этом в любой правовой системе возможность использования данного права ограничена четкой процедурой. Невозможно даже представить себе такое положение, при котором гражданин пользовался бы не обусловленной ни предметом, ни сроками, ни необходимостью соблюдения определенных формальностей возможностью обращения в суд с жалобами на любые действия и решения, ограничивающие, по его мнению, субъективные права и свободы.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что Конституция РФ не предполагает возможность для гражданина по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебного оспаривания<sup>46</sup>. Порядок реализации данного права определяется законодателем, устанавливающим четкие границы обжалования, с тем чтобы обеспечить защиту иных конституционно значимых ценностей. В одних случаях – независимости судей<sup>47</sup>, в других – принципа правовой определенности и т. д.

---

<sup>45</sup> Лукайдес Лукас Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 15.

<sup>46</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1799-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был ; Определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 345-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

<sup>47</sup> Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П, исходя из принципа независимости судей порядок обжалования промежуточных решений в суд второй инстанции должен исключать какое-либо ограничение его дискреционных полномочий не только в части завершающих рассмотрение выводов, но и применительно к последующим промежуточным процессуальным решениям, потребность в которых может возникнуть в ходе судебного разбирательства до вынесения приговора (см.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 28. Ст. 3393).

Устанавливая процедурные правила и условия обжалования, законодатель тем самым не ограничивает (в конституционно-правовом смысле) право на судебную защиту, а определяет процессуальный механизм его реализации. Регламентация порядка обжалования может сужать или расширять возможности личности добиваться судебной защиты, главное, чтобы она не становилась реальным препятствием для защиты в судебном порядке нарушенных или оспариваемых прав и свобод. Другими словами, степень ограничений права обжалования не должна достигать той степени, которая может быть охарактеризована как запрещенное ч. 3 ст. 56 Конституции РФ ограничение права на судебную защиту.

В юридической литературе обоснованно обращается внимание на то, что право, закрепленное в самом общем виде, может оказаться трудно реализуемым из-за отсутствия правовых норм, которые бы конкретизировали его применительно к тем или иным отношениям<sup>48</sup>. Данное положение в полной мере относится и к праву на судебную защиту, эффективная реализация которого также возможна только при условии наличия в правовой системе государства процедурного механизма, обеспечивающего реализацию права в юридической практике.

В целом ряде международных правовых актов встречается термин «средство правовой защиты». Так, в ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится о том, что каждый, чьи права и свободы, признанные в Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

*Под средствами правовой защиты необходимо понимать правовые инструменты защиты и восстановления нарушенных прав и свобод*<sup>49</sup>. Такие средства весьма многообразны, но

<sup>48</sup> Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 155.

<sup>49</sup> Одно из значений слова «средство» – орудие для осуществления определенной деятельности (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М., 1987. С. 660).

ключевая роль в их системе принадлежит *средствам судебной защиты*, что вполне закономерно, учитывая, что конституционное предназначение правосудия состоит именно в обеспечении прав и свобод человека и гражданина.

Е.А. Борисова определяет понятие «средство судебной защиты» как совокупность процессуальных действий, осуществляемых участниками процесса в установленном законом порядке и направленных на защиту нарушенного права. К числу таких средств автор относит проверку судебных актов, которая осуществляется в установленном законом порядке с использованием процессуальных гарантий, обеспечивающих справедливое правосудие<sup>50</sup>.

Средства судебной защиты разнообразны. Так, право потерпевшего на судебную защиту реализуется как посредством деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, направленной на привлечение виновного к уголовной ответственности и возмещение вреда, причиненного преступлением, так и через процедуры, обеспечивающие потерпевшему возможность самостоятельно осуществлять уголовное преследование, предъявлять исковые требования о возмещении вреда. Право обвиняемого на судебную защиту гарантировано судебной процедурой, в рамках которой только и может решаться вопрос о его виновности в совершении преступления.

Как верно замечает В.А. Лазарева, предмет судебной защиты – не только материальные, но и процессуальные права. Являясь способом обеспечения правового статуса личности и гарантией конституционных прав граждан, процессуальные права сами включаются в правовой статус и нуждаются в защите в случае их нарушения или ущемления постольку, поскольку их нарушение ограничивает для лица возможность защиты прав материальных<sup>51</sup>. И в

<sup>50</sup> См.: Борисова Е. А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в гражданском, арбитражном процессах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 7, 16 ; Ее же. Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2006. С. 17–18, 41.

<sup>51</sup> Лазарева В. А. Судебная защита прав и свобод как функция правового государства // Государство и право на рубеже веков : материалы Всерос. конф. / ред. совет: Б. Н. Топорнин, О. Е. Кутафин [и др.]. М., 2001. С. 248.

этой связи универсальным средством судебной защиты, к которому могут прибегать любые граждане, организации, чьи права и законные интересы нарушены в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, служит судебный порядок обжалования действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц (ст. 125 УПК РФ).

Совершенно очевидно, что права и законные интересы личности могут нарушаться и в результате принятия незаконных, необоснованных или несправедливых судебных актов, что также предполагает необходимость адекватных и эффективных средств судебной защиты.

Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 февраля 1996 г. № 4-П, ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено<sup>52</sup>. Соответственно, реализация права на судебную защиту в уголовном судопроизводстве предполагает необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве эффективных механизмов исправления ошибочного судебного акта.

Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту<sup>53</sup>.

Исходя из этого *в содержание права на судебную защиту обоснованно включается право на исправление судебных ошибок*, реализуемое путем обжалования судебного акта в вышестоящую судебную инстанцию<sup>54</sup>. Наличие в процессуальном законодательстве совершенного (эффективного) механизма исправления судебных ошибок выделяется в юридической лите-

---

<sup>52</sup> Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

<sup>53</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1734.

<sup>54</sup> Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. С. 94.

туре в качестве одного из условий успешного выполнения в целом судебной системой своих задач<sup>55</sup>.

Предусмотренными законом способами исправления судебных ошибок являются отмена или изменение судебного акта – процессуальные решения, выносимые в результате *пересмотра* приговора, определения или постановления суда вышестоящим судом.

«Главнейшее жизненное основание и задача пересмотра, – писал И. Я. Фойницкий, – заключается... в ограждении суда от ошибки. Судебное решение считается за истину, но если эта пререквизития падает, если решение оказывается ошибочным, оно должно быть заменено другим, справедливым. Истина – высший закон правосудия, и стремлением к ней должны быть проникнуты все меры его»<sup>56</sup>.

В соответствии с нормами международного права (ст. 2 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 и 29 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) судебная защита, обеспечиваемая государством, должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной. Именно поэтому «средой» реализации субъективного права на судебную защиту является сфера правосудия. А поскольку сама по себе судебная защита является деятельностью государства, думается, есть все основания согласиться с В. А. Лазаревой в том, что правосудие и есть способ осуществления судебной защиты, форма ее реализации<sup>57</sup>.

Таким образом, для личности правосудие представляет собой ту сферу, в пределах которой она может реализовать свое субъективное право на судебную защиту, а для государства правосудие является той деятельностью, посредством которой оно может предоставить личности судебную защиту.

<sup>55</sup> Колоколов Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М., 2010. С. 257.

<sup>56</sup> Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. СПб., 1910. С. 487.

<sup>57</sup> См.: Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: Проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2000. С. 69–73.

Как отмечается в юридической литературе, судебная форма рассмотрения противоречий, возникающих в ходе как нормотворческой, так и особенно правоприменительной деятельности, призвана служить подлинным гарантом против произвола бюрократии и чиновничества, местничества, дает реальный шанс утвердить идеи правового государства в цивилизованном гражданском обществе<sup>58</sup>.

Назначение правосудия состоит в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Это предполагает необходимость организации правосудия таким образом, чтобы решения, принимаемые по правовым спорам, отвечали требованиям законности, обоснованности и справедливости. Достижение такого результата зависит от множества факторов, среди которых немаловажную роль играют правовое и фактическое положение субъекта, которому народ и государство доверяют отправление правосудия, – суда, а также процессуальная форма рассмотрения дела.

Поскольку сторонами в правовых спорах могут выступать не только отдельные граждане, но также наделенные властными полномочиями органы и должностные лица государства, носители судебной власти должны обладать реальной независимостью, которая исключала бы любую возможность оказания давления на субъекта принятия решения. От того, насколько объективными, беспристрастными и профессиональными будут органы судебной власти, зависит в конечном итоге уровень защищенности прав и законных интересов личности. Учитывая то обстоятельство, что человек, его права и свободы признаны в России высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), укрепление независимости и авторитета судебной власти, стоящей на защите прав личности, можно без колебаний отнести к важнейшим задачам правового государства. Поэтому в Конституции РФ и федеральном законодательстве содержится комплекс предписаний, направленных на обеспечение независимости и высокого профессионализма носителей судебной власти. Реализация этих предписаний на практике превращает правосудие в универсаль-

<sup>58</sup> Комаров С. А., Ростовщиков И. В. Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб., 2002. С. 68.

ный механизм, активно используемый государством для разрешения правовых споров, независимо от того, в какой сфере общественной жизни они возникают<sup>59</sup>.

В тех случаях, когда объектом правовой защиты выступают субъективные права и законные интересы, нарушенные ошибочным, незаконным судебным решением, никакие иные формы защиты, кроме судебной, недопустимы. Данный вывод следует из закрепленного в ч. 1 ст. 118 Конституции РФ принципа осуществления правосудия только судом: всякий приговор, определение или постановление суда являются актами правосудия, в связи с чем их изменение или отмена также возможны лишь в рамках осуществления правосудия вышестоящим судом (п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ). Иное, то есть допущение пересмотра судебного акта органами, не относящимися к судебной власти, или в ходе деятельности, не являющейся правосудием, означало бы нарушение исключительной, определенной Конституцией РФ компетенции суда, его подмену.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает комплекс процессуальных механизмов, предназначенных для своевременного обнаружения и исправления судебных ошибок с целью восстановления нарушенных субъективных прав и свобод.

В частности, исправление судебных ошибок гарантируется наличием в уголовном процессе специальных контрольных стадий: производство в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также возобновление уголовного дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Практика подтверждает полезность такого многоступенчатого построения уголовного судопроизводства, поскольку, исправляя большое число различных ошибок, допущенных нижестоящими судами, оно обеспечивает восстановление нарушенных этими ошибками прав и свобод<sup>60</sup>.

Для проверки правосудности выносимых судом решений в структуру уголовного процесса включена специальная стадия –

<sup>59</sup> Дикарев И. С. Принцип осуществления правосудия только судом // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 2–3.

<sup>60</sup> Лазарева В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу. С. 90.

производство в суде второй (апелляционной) инстанции, призванная служить заслоном, препятствующим вступлению в законную силу неправильных, ошибочных судебных решений. В рамках производства в суде апелляционной инстанции осуществляется юридико-фактическая проверка не вступивших в законную силу решений суда первой инстанции<sup>61</sup>. Процессуальный порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, объем полномочий суда по исследованию доказательств и широкие возможности активного участия сторон в судебном разбирательстве обеспечивают оптимальные условия для обнаружения и устранения судебных ошибок еще до вступления приговора, определения или постановления суда в законную силу.

Вместе с тем апелляционное производство в силу разных причин не может обеспечить выявление и устранение всех допускаемых судами ошибок (особенно если учесть, что далеко не все уголовные дела проходят стадию производства в суде второй инстанции).

И хотя Конституция РФ прямо не наделяет осужденного и иных участников уголовного судопроизводства правом на пересмотр вынесенного по уголовному делу приговора, определения или постановления суда после их вступления в законную силу, возможность создания дополнительных процессуальных механизмов проверки вступивших в законную силу судебных решений не исключается.

В Постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П<sup>62</sup> Конституционный Суд РФ прямо указал, что Основной закон страны не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством признается окончатель-

<sup>61</sup> См.: Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. С. 59 ; Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления : монография / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011. С. 10 (автор введения – Н. А. Колоколов) ; Соловьева Н. А., Тришина Н. Т. Юридико-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве : монография. М., 2013 ; и др.

<sup>62</sup> Российская газета. 2005. 20 мая.

ным. Отсутствие возможности пересмотра окончательного судебного решения в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства существенным (фундаментальным) нарушением, которое повлияло на исход дела, означало бы, по мнению Конституционного Суда РФ, что вопреки принципу справедливости и основанным на нем конституционным гарантиям охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека такое ошибочное судебное решение не может быть исправлено.

В связи с этим в качестве дополнительных способов обеспечения правосудности судебных решений (дополнительных гарантий защиты от неправосудных решений) функционируют процедуры пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда – производства в судах кассационной и надзорной инстанций (гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ)<sup>63</sup>, а также

<sup>63</sup> В подтверждение необходимости существования процессуальных механизмов исправления судебных ошибок после вступления судебных актов в законную силу можно привести данные судебной статистики. Так, в 2013 г. в суды областного уровня поступило 170,5 тыс. жалоб и представлений о пересмотре вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам. 11,4 % от общего числа рассмотренных жалоб и представлений переданы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (см.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году. URL: [http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya\\_statistika/OBZOR\\_sudebnoy\\_statistiki\\_2013\\_g.pdf](http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki_2013_g.pdf) (дата обращения: 22.12.2015)). В Верховном Суде РФ в 2013 г. Судебной коллегией по уголовным делам по жалобам на вступившие в законную силу судебные акты изучено 1 897 уголовных дел, по 1 153 делам возбуждены надзорные производства. В Президиуме Верховного Суда РФ изучено 324 уголовных дела, надзорные производства возбуждены по 235 делам (см.: Обзор статистических данных о результатах деятельности Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению гражданских дел, дел об административных правонарушениях и уголовных дел за 2013 год. URL: <http://www.vscr.ru/catalog.php?c1=Обзоры судебной статистики Верховного Суда Российской Федерации&c2=2013> (дата обращения: 22.12.2015)). В первом полугодии 2014 г. в судах областного уровня было изучено 49,7 тыс. кассационных жалоб и представлений, из которых 9,6 % были переданы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (см.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в первом полугодии 2014 года. URL: [http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya\\_statistika/OBZOR\\_sudebnoy\\_statistiki\\_1\\_pol\\_2014\\_g\\_.pdf](http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki_1_pol_2014_g_.pdf) (дата обращения: 22.12.2015)).

возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ).

Раскрывая природу института пересмотра приговоров, определений и постановлений суда, вступивших в законную силу, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П отметил, что указанные способы, имея резервное значение, используются, когда неприменимы или исчерпаны все другие средства процессуально-правовой защиты<sup>64</sup>. При всех отличиях (особенности процедуры, объем полномочия суда, предмет пересмотра и т. п.) стадии уголовного процесса, предназначенные для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, входят, наряду с производством в суде апелляционной инстанции, в единый процессуальный механизм исправления судебных ошибок и восстановления нарушенных неправосудным судебным актом субъективных прав и свобод.

Для обозначения процедур, предназначенных для обнаружения и устранения судебных ошибок после вступления приговора, определения или постановления суда в законную силу, в уголовно-процессуальном законодательстве употребляется родовое понятие «пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда» (раздел XV УПК РФ). Некоторые ученые высказывают мнение, что термин «пересмотр» не должен использоваться для характеристики деятельности судов кассационной и надзорной инстанций.

Так, В.В. Демидов писал: «Употребление термина “пересмотр” вряд ли можно признать удачным. Этот термин означает, что суд надзорной инстанции в результате рассмотрения дела должен вынести по нему новое решение, отличное от того, которое “пересматривается”. Указание на “пересмотр” было бы приемлемо, если бы надзорная инстанция во всех без исключения случаях отменяла либо изменяла судебные решения по рассматриваемым ею делам... поэтому правильно было бы говорить не о “пересмотре”, а о проверке законно-

<sup>64</sup> Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

сти и обоснованности вступившего в законную силу судебного решения...»<sup>65</sup>

Е.Т. Демидова также считает наименование раздела XV УПК РФ некорректным. По ее мнению, понятие «пересмотр» сужает рамки производства в вышестоящем суде. Автор предлагает именовать соответствующий раздел закона «Производство по проверке и пересмотру вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда»<sup>66</sup>.

Сторонником употребления термина «проверка» вместо «пересмотр» является и Г.Г. Демурчев, который аргументирует свою позицию тем, что «производство в порядке надзора нельзя рассматривать только как контрольный пересмотр дела вышестоящей инстанцией, так как основная функция данной стадии – проверить законность и обоснованность решений, вступивших в законную силу...»<sup>67</sup>.

Идея о необходимости именовать деятельность судов кассационной и надзорной инстанций проверкой, а не пересмотром разделяется и представителями науки гражданского процессуального права. Как пишет Е.А. Борисова, понятие «проверка» является родовым по отношению ко всем видам производств по жалобам на не вступившие и вступившие в законную силу судебные акты. Использование понятия «пересмотр» противоречит содержанию апелляционного производства, кассационного производства, производства в порядке надзора, поскольку содержанием деятельности судов соответствующих инстанций была и есть проверка судебных постановлений с точки зрения их законности и обоснованности либо только законности<sup>68</sup>.

---

<sup>65</sup> Демидов В. В. Производство по уголовным делам в президиуме областного суда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. С. 5.

<sup>66</sup> См.: Демидова Е. Т. Теоретические и практические проблемы надзорного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7 ; Ее же. Теоретические и практические проблемы надзорного производства по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 10, 121.

<sup>67</sup> Демурчев Г. Г. Основания отмены или изменения решений суда по уголовным делам, вступившим в законную силу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 7.

<sup>68</sup> Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. С. 54.

Для правильного выбора термина первостепенное значение имеет объект обозначаемой деятельности. Если объектом является уголовное дело, то, конечно, слово «пересмотр» в своем буквальном смысле (новое, повторное рассмотрение) более всего подходит для обозначения деятельности суда апелляционной инстанции<sup>69</sup>.

Однако уголовно-процессуальный закон объектом пересмотра судов кассационной и надзорной инстанций называет не уголовное дело, а вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда. Корректна ли такая терминология? Полагаем, да.

Во-первых, она является традиционной для отечественного уголовно-процессуального законодательства. Уже в первых советских кодексах законодатель говорит о «пересмотре вошедших в законную силу приговоров народного суда и революционных трибуналов» (например, ст. 461 УПК РСФСР 1922 г.). Эта терминология была сохранена и в советском законодательстве середины XX в. (ст. 48 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., раздел VI УПК РСФСР 1960 г.), а затем воспринята и УПК РФ 2001 года. Во-вторых, за десятилетия использования в юридическом обороте термин «пересмотр» применительно к судебным решениям приобрел собственный смысл, не совпадающий с его общелингвистическим значением. Как писал И.Д. Перлов, пересмотреть приговор или иное судебное решение – значит проверить их законность и обоснованность, отменить или оставить их без изменения. Именно этим и занимается суд надзорной инстанции: он рассматривает дело, но не пересматривает его<sup>70</sup>. Следовательно, в контексте уголовно-про

<sup>69</sup> «Назначение апелляционного суда, – пишет Н. Г. Муратова, – заключается в том, что он *еще раз рассматривает* (выделено нами. – И. Д.) дело по существу, а не только с точки зрения правильности применения закона (материального и процессуального) и соблюдения формы уголовного судопроизводства» (Муратова Н. Г. Апелляция по уголовным делам: история и современность // Мировой судья. 2004. № 4. С. 19).

<sup>70</sup> См.: Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974. С. 6–7.

цессуального законодательства и правовой доктрины термином «пересмотр» применительно к судебному решению обозначается не что иное, как его проверка вышестоящим судом.

С учетом сказанного представляется спорной точка зрения Т.Г. Бородиновой, полагающей, что проверка и пересмотр представляют собой достаточно различные направления судебной деятельности. Проверка состоит в применении таких методов, как изучение и сопоставление, анализ и обобщение и др. Пересмотр – деятельность, направленная на ревизию конкретных выводов, содержащихся в судебном акте. В основе пересмотра лежатственные полномочия вышестоящей судебной инстанции и их императивная реализация<sup>71</sup>.

Если в общелитературном употреблении термины «проверка» и «пересмотр» обладают четкими смысловыми оттенками, то в контексте уголовно-процессуальной деятельности, связанной с исправлением судебных ошибок, содержащихся во вступившем в законную силу судебном решении, проверку и пересмотр можно рассматривать только в неразрывном единстве. Очевидно, что пересмотр судебного решения без предшествующей проверки невозможен, проверка же бессмысленна без полномочий суда по пересмотру. Деятельность по проверке судебного решения направлена на выяснение оснований для пересмотра, то есть является его предпосылкой, пересмотр же есть не что иное, как результат проверки.

В связи с этим, как представляется, нет никакой необходимости менять устоявшуюся терминологию и отказываться от использования понятия «пересмотр вступивших в законную силу судебных решений». При этом с учетом сказанного полагаем вполне допустимым при характеристике процессуальной деятельности судов кассационной и надзорной инстанций говорить как о пересмотре, так и о проверке вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

---

<sup>71</sup> Бородинова Т. Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России. М., 2014. С. 201.

---

**Обеспечивая восстановление субъективных прав и законных интересов, нарушенных вследствие вынесения судом неправосудного решения, пересмотр приговоров, определений и постановлений суда вышестоящей судебной инстанцией выступает в качестве средства судебной защиты, применение которого в конечном счете направлено на восстановление нарушенной справедливости вследствие вынесения неправосудного судебного акта.**

Предоставляя гражданам судебную защиту, правосудие реализует тем самым свое назначение, состоящее в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Будучи средством судебной защиты, пересмотр судебных решений вышестоящим судом, естественно, оказывается «причастным» правосудию. Он составляет его часть, одну из тех форм, которые принимает правосудие в процессе своей практической реализации.

Соответственно, нет оснований возражать тем авторам, которые рассматривают деятельность судов кассационной и надзорной инстанций, связанную с пересмотром вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, как одну из форм осуществления правосудия<sup>72</sup>.

Право на судебную защиту предполагает наличие конкретных гарантий, обеспечивающих эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Данная задача решается благодаря закреплению в законе конкретных средств реализации данного права, которые могут носить как диспозитивный, так и публично-правовой характер, а также конкретных условий, обеспечивающих эффективную судебную защиту.

---

<sup>72</sup> См., например: Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-роверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. М., 2012. С. 11 ; Бородинова Т. Г. Деятельность вышестоящих судов по проверке приговоров // Российская юстиция. 2013. № 6. С. 36 ; и др.

## § 2. Принцип правовой определенности в надзорно-кассационной форме пересмотра судебных решений по уголовным делам

«Право вообще есть процесс придания человеческой жизни целенаправленности и определенности. По существу право – это согласованное решение жить по определенным правилам, поэтому и существо права – в придании общественной жизни заданности, скоординированности и порядка»<sup>73</sup>. Эти слова профессора Н.А. Власенко весьма точно характеризуют определенность, с одной стороны, как одно из ключевых, сущностных свойств права, а с другой – как цель, в которой выражается социальное предназначение права.

Чтобы свойство определенности реально присутствовало в праве и было надлежащим образом обеспечено, ему придается характер нормативного требования, выраженного в совокупности правовых норм как международного, так и внутригосударственного права.

Советская теория процессуального права не рассматривала правовую определенность как идею, которая должна лежать в основе системы процессуальных норм. Лишь с признанием юрисдикции Европейского Суда по правам человека данное понятие прочно вошло в лексикон российской процессуальной науки. Как отмечает В.С. Синенко, выделение данного принципа является веянием практики Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации<sup>74</sup>.

Примечательно, что в тексте Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в Протоколах к ней термин «правовая определенность» не употребляется<sup>75</sup>. Признание данного принципа, равно как и раскрытие его содержания явились

<sup>73</sup> Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография. М., 2015. С. 12.

<sup>74</sup> Синенко В. С. Некоторые аспекты принципа правовой определенности в гражданском процессуальном праве // Новая правовая мысль. 2013. № 1. С. 114.

<sup>75</sup> См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

результатом системного толкования положений Конвенции Европейским Судом по правам человека.

Этот принцип фиксируется в целом ряде положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод: в требованиях наличия правовых оснований для любых допустимых ограничений (вмешательств в осуществление) гарантируемых ею прав (ст. 2, 5, 8–12 Конвенции, ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции и др.); создания судов на основании закона (п. 1 ст. 6 Конвенции); правовой регламентации процедуры установления виновности обвиняемого (п. 2 ст. 6 Конвенции); правовой определенности преступления и налагаемого за него наказания (ст. 7 Конвенции); правового регулирования процедуры обжалования приговоров по уголовным делам (ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции) и выплаты компенсации в случае судебной ошибки (ст. 3 Протокола № 7 к Конвенции); недопустимости повторного осуждения или наказания в уголовном порядке (ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции)<sup>76</sup>.

Европейский Суд по правам человека, отметивший, что принцип правовой определенности является одним из основных аспектов верховенства права<sup>77</sup>, весьма часто обращается к этому принципу и конкретизирует заложенные в нем требования, в том числе в тех своих решениях, которые приняты в отношении Российской Федерации<sup>78</sup>. Данные правовые позиции имеют для российской правовой системы нормативное значение, поскольку, ратифицируя Европейскую Конвенцию, Российская Федерация приняла на себя обязательство признавать *ipso facto* и без

<sup>76</sup> См.: Анишина В. И., Назаренко Т. Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2. С. 40–47.

<sup>77</sup> См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. Дело «Брумареску (Brumarescu) против Румынии» (жалоба № 28342/95). Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

<sup>78</sup> См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110–119 ; Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; и др.

специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов<sup>79</sup>. Как отметил Конституционный Суд РФ, решения Европейского Суда по правам человека – в той части, в какой ими дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права<sup>80</sup>.

Положения, в которых раскрывается содержание принципа правовой определенности, закреплены как в Конституции РФ, так и в отраслевом законодательстве.

В связи с этим на правовую определенность как объективно выраженный в законодательстве принцип, соблюдение которого является обязательным, ссылаются и Конституционный Суд РФ в своих решениях<sup>81</sup>, и Пленум Верховного Суда РФ, давая разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике<sup>82</sup>. Статус правовой определенности как принципа права не оспаривается и в российской юридической науке. Его признают как специалисты в

<sup>79</sup> См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

<sup>80</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

<sup>81</sup> См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Российская газета. 2005. 20 мая ; Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. № 662-О-Р // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 6. С. 104–106.

<sup>82</sup> См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Российская газета. 2012. 21 дек.

области конституционного права<sup>83</sup>, так и представители других отраслевых юридических наук, в частности, теории уголовного процесса<sup>84</sup>.

Значимость принципа правовой определенности обусловлена тем, что его соблюдение есть гарантия качества и эффективности законодательной, а впоследствии и правоприменительной деятельности<sup>85</sup>. Принцип правовой определенности играет роль одного из ключевых элементов механизма реализации государством принятой на себя обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Цель его реализации состоит в обеспечении нормальных условий жизни личности, включенной в сферу общественных отношений и взаимодействующей с органами власти (на всех ее уровнях), когда гражданин имеет реальную возможность сообразовывать свои действия с требованиями закона и прогнозировать правовые по-

<sup>83</sup> См., например: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 251 ; Гаджиев Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16–28 ; и др.

<sup>84</sup> См.: Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 22 ; Омарова А. С. Инстанционность в суде кассационной инстанции // Российский судья. 2013. № 7. С. 11 ; Аширбекова М. Т. Влияние принципа правовой определенности на построение систем судебно-роверочного производства УУС и УПК РФ // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 6–10 ; Ковтун Н. Н., Шунаев Д. М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека // Российский судья. 2014. № 9. С. 38–42 ; Ярцев Р. В., Гордеева Н. А. Надзорное производство в контексте принципа правовой определенности // Уголовный процесс. 2008. № 4. С. 43–55 ; Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10, 86 и др.

<sup>85</sup> Плашевская А. А. Понимание категории «правовая определенность» применительно к уголовному судопроизводству в решениях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. 22 марта 2013 г. / сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. СПб., 2013. С. 133.

следствия своих действий (бездействия). Причем правовая определенность становится частью действительности только в том случае, когда прогнозируемые последствия действий (бездействия) гражданина не просто предусмотрены законом, но и реально наступают (например, ответственность действитель но неотвратима, судебные решения исполнимы и т. п.).

Очевидно, что ни содержание, ни сфера реализации принципа правовой определенности не могут быть ограничены рамками какой-то одной или даже нескольких отраслей права. Данный принцип призван обеспечивать присутствие в праве того свойства, без которого оно перестало бы быть правом, – определенности<sup>86</sup>. В связи с этим, по нашему мнению, есть все основания для отнесения принципа правовой определенности к числу общих (общеправовых) принципов права. Как писал М.И. Байтин, общие принципы права характеризуются тем, что относятся к праву в целом, распространяются на все его отрасли, объединяют и как бы цементируют их, способствуют единству и стабильности действующей системы права<sup>87</sup>.

Обладая общеправовым значением, принцип правовой определенности имеет в то же время и отраслевой аспект, отражающий, во-первых, конкретные задачи, решение которых обеспечивает правовую определенность в сфере правоотношений, регулируемых соответствующей отраслью права, а во-вторых, отраслевые гарантии его реализации. Эффективность этих гарантий и достижимость поставленных задач на уровне каждой отрасли права являются непременными условиями реализации правовой определенности в масштабах всей правовой системы.

В сфере уголовного судопроизводства вообще и в контексте проводимого исследования в частности особое значение имеют

<sup>86</sup> «Два великих начала, – пишет Н. А. Власенко, – рождают, сопровождают и совершенствуют право и его механизм в обществе – разумность и определенность. Они выполняют уникальную роль, являясь началом права, его целью, принципом и свойством» (Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. С. 11).

<sup>87</sup> Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 149.

такие элементы принципа правовой определенности, как единообразное применение закона (единство судебной практики) и стабильность правоприменительных решений<sup>88</sup>, поскольку именно они оказывают наиболее заметное влияние на построение системы и форму пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

Выше уже говорилось, что обеспечение **единства судебной практики на всей территории страны** составляет одну из задач, стоящих перед судами кассационной и надзорной инстанций<sup>89</sup>. Как элемент принципа правовой определенности единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики) имеет исключительно важное правовое и политическое значение.

Во-первых, без достижения единообразия в применении закона на всей территории страны не может идти речи о реализации принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ), который, в свою очередь, составляет одну из характерных черт (элементов) справедливости<sup>90</sup>. Так, различная квалификация одного и того же правонарушения, совершенного разными гражданами, как и назначение им не совпадающего по степени тяжести наказания ставят граждан в вопиюще неравное положение, нарушая тем самым принцип справедливости. Во-вторых, единообразное применение закона является непременным условием реализации принципа законности, ведь неверное истол-

<sup>88</sup> По мнению Н. Н. Ковтуна и А. А. Зорина, принцип стабильности судебных решений, вступивших в законную силу, необходимо рассматривать как составляющую содержание (элемент) более общего принципа правовой определенности (Ковтун Н. Н., Зорин А. А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 145).

<sup>89</sup> См. подробнее парагр. 1 гл. 1 настоящей работы.

<sup>90</sup> См.: Байтинг М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 152 ; Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. С. 9 ; Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2010. С. 188 (автор гл. 7 – О. И. Цыбулевская) ; и др.

кование или применение закона в правоприменительной практике приводит к нереализованности нормативной правовой воли, невозможности достичь той цели, которую ставил перед собой законодатель, регламентируя те или иные общественные отношения. Без единства судебной практики невозможно достичь назначения уголовного судопроизводства, нельзя обеспечить полноценную реализацию принципов уголовного процесса. В-третьих, только в условиях единообразного применения закона возможно эффективное проведение на территории страны правовой политики<sup>91</sup>. Правовые акты, к числу которых относятся правоприменительные акты, выступают в качестве важнейшего средства правовой политики, то есть инструмента, используемого для достижения ее целей и задач, для реального осуществления стратегических правовых идей<sup>92</sup>. Отсутствие единообразного применения закона на территории всей страны, свидетельствующее о неправильном толковании и применении закона отдельными правоприменительными органами, наносит существенный вред правовой политике, снижает значение правоприменительных актов как ее средств. В этом аспекте обеспечение единообразного применения закона приобретает, без преувеличения, значение залога успешного государственного управления.

Будучи элементом единообразного применения закона, **единство судебной практики представляет собой такое состояние правоприменительной практики, которое характеризуется едиными подходами к толкованию и применению судами норм права.**

Механизм обеспечения единства судебной практики включает в себя обеспечение ясности, недвусмысленности и согласо-

<sup>91</sup> В. А. Рудковский определяет правовую политику как обусловленную общим политическим курсом стратегию (тактику) деятельности государства в правовой сфере, выражающую его официальную позицию по ключевым вопросам правового регулирования и направленную на совершенствование и развитие действующего права в соответствии с определенной иерархией социальных ценностей (Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права : монография / под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград, 2009. С. 153).

<sup>92</sup> Малько А. В. Теория правовой политики : монография. М., 2012. С. 107, 131.

ванности правовых норм; систему проверки судебных решений вышестоящими судебными инстанциями (прежде всего судами кассационной инстанции и Президиумом Верховного Суда РФ); дачу Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений по вопросам судебной практики; а также информирование нижестоящих судов и иных лиц, участвующих в правоприменительной деятельности, о складывающейся судебной практике путем публикации решений высших судебных инстанций<sup>93</sup>.

Стабильность актов применения права, в том числе стабильность окончательных судебных решений, является выражением динамического (temporalного) аспекта правовой определенности. Его содержание сводится прежде всего к обеспечению неизменности правового статуса субъекта права<sup>94</sup>.

Необходимость обеспечения стабильности судебного решения возникает тогда, когда это решение приобретает значение регулятора общественных отношений, то есть после того, как активизируется весь комплекс заложенных в него законом свойств – неопровергимости, общеобязательности и исключительности. Этот момент именуется в законе вступлением приговора, определения или постановления суда в законную силу<sup>95</sup>.

Здесь следует обратить внимание на то, что в современном юридическом обороте используются два термина, соотношение которых является принципиально важным как для уяснения содержания принципа правовой определенности (в аспекте обеспечения стабильности судебных решений), так и для определения процессуальной формы пересмотра судебных решений в уголовном процессе. Речь идет о терминах «окончательное судебное

---

<sup>93</sup> См. подробнее: Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе : монография. Волгоград, 2015. С. 30–33.

<sup>94</sup> Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 38.

<sup>95</sup> Уголовно-процессуальный закон предусматривает случаи, когда приговор исполняется до вступления в законную силу (ст. 311 УПК РФ), однако они настолько немногочисленны, что не меняют указанного общего правила.

решение», или «окончательный приговор» (ст. 3, 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и «вступившее в законную силу судебное решение» (например, ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ).

В уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран континентальной Европы эти понятия не совпадают: окончательным признается решение суда второй (апелляционной) инстанции, тогда как в законную силу решение вступает только после его проверки в кассационном порядке либо по истечении срока кассационного обжалования, если стороны не обратятся в кассационный суд. Весьма обстоятельно и лаконично данный порядок раскрыл Л.В. Головко: «После рассмотрения дела в двух инстанциях (первой и апелляционной), одной из которых является суд достаточно высокого (апелляционного) уровня, приговор становится **окончательным** с точки зрения установления фактических обстоятельств дела... Более споры по фактическим обстоятельствам... не допускаются. Именно поэтому судебное следствие и существует только в первой и апелляционной инстанциях. Но после того, как приговор стал окончательным с точки зрения установления фактических обстоятельств дела, он еще **не вступает в законную силу**, поскольку у сторон есть право обратиться в высший судебный орган страны с претензиями на неправильное применение судами первой и апелляционной инстанций материально-правовых или процессуальных норм, превышение ими компетенции, незаконный состав вынесшего решение суда, то есть у них возникает *право на кассацию*»<sup>96</sup>.

Применительно к российскому судопроизводству Конституционный Суд РФ исходит из того, что окончательным является такое судебное решение, которое не может быть изменено в обычной процедуре<sup>97</sup>. Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека, который, ссылаясь на Пояснительный доклад к Протоколу № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указывает, что «судебное решение

<sup>96</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления. С. 47 (автор парагр. 3.1 – Л. В. Головко).

<sup>97</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П.

является окончательным, если в соответствии с традиционным выражением оно приобрело силу *res judicata*»<sup>98</sup>.

Таким образом, в уголовном процессе России *окончательными являются приговоры, определения и постановления суда, вступившие в законную силу*<sup>99</sup>.

Вступая в законную силу, судебное решение приобретает свойство *res judicata*, рассматриваемое как определенный статус окончательного судебного акта<sup>100</sup> и вполне справедливо отождествляемое с законной силой судебного решения<sup>101</sup>.

Европейский Суд говорит о *res judicata* как о силе, которую приобретает судебное решение, когда оно становится окончательным, то есть отсутствуют обычные средства по его отмене или изменению или стороны их исчерпали или пропустили установленные сроки для того, чтобы ими воспользоваться<sup>102</sup>.

Конституционный Суд РФ также использует в своих решениях термин *res judicata*, когда речь идет об окончательности, неопровержимости, исключительности и общеобязательности вступившего в законную силу приговора<sup>103</sup>, либо только о неопро-

---

<sup>98</sup> Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>99</sup> По мнению Л. В. Головко, наблюдаемое в российском уголовном процессе смешение понятий окончательных и вступивших в законную силу судебных решений является ошибкой, которую можно было бы исправить в ходе реформы проверочных стадий, с тем чтобы «восстановить логику, которая была известна стране в дореволюционный период по судебной реформе 1864 года» (см.: Головко Л. В. «В ходе реформы судебных инстанций можно исправить ошибки в построении проверочных стадий» // Уголовный процесс. 2013. № 12. С. 33, 34).

<sup>100</sup> Ковтун Н. Н., Шунаев Д. М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека. С. 40.

<sup>101</sup> Ковтун Н. Н., Зорин А. А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ. С. 147.

<sup>102</sup> См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99).

<sup>103</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1526.

вержимости<sup>104</sup> или об обязательности исполнения судебного решения<sup>105</sup>, стабильности и окончательности судебных решений и сложившихся на их основе правоотношений<sup>106</sup>.

Термин *res judicata* пришел в современный юридический оборот из римского права, где в соответствии с дословным переводом с латинского языка он обозначал «решенное дело», «дело, по которому вынесено решение»<sup>107</sup>.

Для правильного понимания сущности *res judicata* следует принять во внимание его трактовку в римском праве, где данное понятие охватывало целый ряд аспектов: во-первых, спорная ситуация урегулирована – вынесено судебное решение, определяющее права и обязанности сторон, во-вторых, решение вступило в законную силу. *Res judicata* порождало определенные последствия: сторонам вменялось руководствоваться решением как законом (*jus facit inter partes*), в случае повторного обращения с тождественным иском становилось возможным применение возражения о решенном деле (*exceptio rei judicata*)<sup>108</sup>. Наличие судебного решения по делу исключало повторение процесса как в негативном плане, поскольку оно становилось основанием для *exceptio rei judicata* (преклюзивного эффекта), так и в позитивном, ибо отпадала

<sup>104</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1. С. 71–80.

<sup>105</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

<sup>106</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1616-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

<sup>107</sup> Приговор в Риме не подлежал обжалованию и обладал авторитетом вынесенного судебного решения, то есть выступал в качестве образца, в соответствии с которым могли рассматриваться аналогичные правовые ситуации. Данное положение нашло выражение в сформулированном Ульпианом правиле: *Res judicata pro veritate habetur* – «Решенное дело принимается за истину» (Словарь латинских юридических афоризмов / сост. Ю. А. Кузнецова. Саратов, 2009. С. 18).

<sup>108</sup> См.: Цепкова Т. М., Борисов М. С. Соотношение законной силы судебного решения и принципа *res judicata* в свете постановлений Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 52–55.

необходимость в дальнейших судебных разбирательствах по вопросам, которые получили в нем решение (преюдициальный эффект) <sup>109</sup>.

Очевидно, что все перечисленные аспекты *res judicata* сохраняют свое значение и в современном процессуальном праве, воплощаясь в присущие судебному акту свойства – неопровергимости, общеобязательности и исключительности.

На этом основании можно сделать вывод, что *res judicata* – это сила, которую приобретает судебное решение в тот момент, когда активизируется весь комплекс заложенных в нем, как акте правосудия, свойств – неопровергимости, общеобязательности и исключительности (то есть в момент вступления судебного решения в законную силу).

Однако термином *res judicata* в современном юридическом обороте обозначается не только сила судебного решения, но и обеспечивающий ее процессуальный принцип.

Европейский Суд по правам человека в одних случаях определяет *res judicata* как принцип недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела <sup>110</sup>, в других – как принцип окончательного характера судебных решений <sup>111</sup>.

Содержание данного принципа раскрыто в решении Европейского Суда по правам человека по делу «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации»:

– ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления;

---

<sup>109</sup> См.: Рехтина И. В. Правовая определенность (*res judicata*) в истории права Древнего Рима // История государства и права. 2011. № 22. С. 43–47.

<sup>110</sup> См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110–119.

<sup>111</sup> См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2009 г. Дело «Сутяжник» (*Sutyazhnik*) против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 3. С. 114–131.

- полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу;
- пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра;
- отступления от этого принципа оправданы, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера<sup>112</sup>.

Как видно, принцип *res judicata* призван гарантировать прежде всего неопровергимость окончательного судебного решения. Тем самым обеспечивается недопустимость повторного рассмотрения однажды окончательно разрешенного судом дела, составляющая квинтэссенцию принципа *res judicata*.

Вступление решения в законную силу должно окончательно поставить точку в деле, исключив в последующем возможность пересмотра приговора и изменения установленных судом правовых отношений. Оправданный, осужденный, потерпевший и иные участники правового спора должны быть ограждены от неопределенности, связанной не только с продолжающимся судебным разбирательством, но и длительной возможностью отмены или изменения вынесенного по делу судебного решения.

Среди участников разрешенного судом дела, чьи права и интересы защищает принцип недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела, особую группу составляют осужденный; оправданный; лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия, и лицо, подвергнутое принудительной мере медицинского характера.

Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что ст. 6 Конвенции применительно к уголовным делам призвана

---

<sup>112</sup> См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110–119.

предотвратить чрезмерно длительное пребывание обвиняемого в состоянии неопределенности относительно своей судьбы<sup>113</sup>.

По отношению к указанной категории участников судопроизводства принцип *res judicata* имеет своим основанием правило *non bis in idem*<sup>114</sup>.

Логическая основа принципа *res judicata* выражена в двух латинских максимах: «*Interest reipublicae ut sit finis litium*» («В общественных интересах, чтобы судебный процесс имел окончание») и «*Nemo debet bis vexari pro una et eadem causa*» («Никто не должен представлять перед судом дважды по одному и тому же делу»)<sup>115</sup>. Ж. Пикерез, исследуя основные проблемы уголовно-процессуального права Швейцарии, отмечает, что следствием действия принципа *res judicata* в уголовном судопроизводстве выступает недопустимость повторного возбуждения публичного иска в отношении тех же преступных фактов, что соответствует правилу *non bis in idem*<sup>116</sup>. По сути, недопустимость повторного привлечения к уголовной ответственности обеспечивается за счет сохранения силы ранее вынесенным судебным решением, исключительность которого препятствует возбуждению и рассмотрению дела по тому же предмету.

В международном праве формула принципа *non bis in idem* излагается по-разному:

Так, в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.<sup>117</sup> говорится: «Никто

<sup>113</sup> См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 2009 г. Дело «Колчинаев (Kolchinayev) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 12. С. 8, 57–61 ; Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 2006 г. Дело «Нахманович (Nakhmanovich) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 9. С. 55, 81–99.

<sup>114</sup> Non bis in idem – «Нельзя [наказывать] дважды за одно» (Словарь латинских юридических афоризмов. С. 45).

<sup>115</sup> Смбатян А. С. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение // Международное публичное и частное право. 2012. № 1. С. 2–5.

<sup>116</sup> Цит. по: Жидкова Е. И. Формирование пределов производства по делу в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2014. С. 23–24.

<sup>117</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11.

не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны».

Пунктом 1 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.<sup>118</sup> этот принцип сформулирован следующим образом: «Никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальным законодательством этого государства».

В пункте 2 ст. 7 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.<sup>119</sup> записано: «Никто не должен быть осужден или наказан вторично за преступление, за которое он уже был осужден или понес наказание на основе национального законодательства».

Российское национальное законодательство закрепляет рассматриваемый принцип как на конституционном, так и на отраслевом уровне законодательства: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» – сказано в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ и «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» – говорится в ч. 2 ст. 6 УК РФ.

При всех текстуальных расхождениях в формулировках рассматриваемого принципа его суть заключается в запрете осуществления уголовного преследования, а также осуждения и наказания лица за преступление (запрещенное уголовным законом деяние), за которое это лицо уже было окончательно осуждено или оправдано. Данное требование составляет одну из важных гарантий, связанных с общей гарантией справедливого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве.

В отечественном уголовном процессе содержание принципа *non bis in idem* традиционно сводится к недопустимости осуществ-

<sup>118</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

<sup>119</sup> См.: Там же. 1999. № 13. Ст. 1489.

ления в отношении лица уголовного преследования, а также осуждения и наказания в тех случаях, когда оно уже осуждено или оправдано по обвинению в совершении данного преступления либо когда уголовное дело, возбужденное по данному факту, прекращено.

В соответствии с п. 4 и 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо решения о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела является основанием для прекращения уголовного преследования. Таким образом, перечисленные процессуальные решения обладают свойством исключительности (то есть исключают возможность осуществления процессуальной деятельности в отношении того же лица и по тому же обвинению). В равной мере данным свойством обладают решения суда о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего и применении к нему принудительной меры воспитательного воздействия, а также постановление об освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Само существование неотмененного процессуального решения, которым разрешен вопрос о причастности лица к деянию, запрещенному уголовным законом, исключает возможность постановки вопроса о привлечении данного лица вновь к уголовной ответственности за совершение этого же преступления или применения к нему иных мер уголовно-правового характера. Пока соответствующее процессуальное решение не отменено, оно сохраняет свойство исключительности, а значит, и запрет *non bis in idem* остается в силе.

В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о необходимости полностью исключить возможность осуществления нового уголовного преследования в отношении лица, однажды осужденного или оправданного по обвинению в совершении данного преступления.

«Лицо, – писал И.Л. Петрухин, – считается осужденным после вынесения и вступления в силу окончательного приговора... Если после окончательного приговора проводятся какие-либо дей-

ствия и лицо признается виновным в совершении того же преступления или подвергается более тяжкому наказанию, это означает повторное осуждение за одно и то же деяние»<sup>120</sup>.

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, исходя из того, что вступление решения суда в законную силу означает «конец состязания сторон», пришли к выводу о недопустимости любых требований обвинителя вернуться к вопросу об усилении уголовной ответственности лица, в отношении которого состоялось данное судебное решение, за то же самое деяние<sup>121</sup>. После вступления приговора суда в законную силу его пересмотр возможен лишь в сторону, благоприятную для осужденного (если нет вновь открывшихся обстоятельств, направленных против интересов последнего)<sup>122</sup>.

Следует заметить, что у приведенной позиции глубокие исторические корни. Еще Устав уголовного судопроизводства 1864 г. в ст. 22 закреплял: «Присужденный вошедшим в законную силу приговором к наказанию или взысканию не может быть вновь судим по тому же делу, хотя бы в последствии были обнаружены обстоятельства, увеличивающие его вину». Целью законодателя, писал А. Жемчужников, было установить незыблемость судебных приговоров, вошедших в законную силу. Установлением этой незыблемости охранялось, с одной стороны, спокойствие тех лиц, которые имели несчастье попасть под уголовное следствие и затем судом были оправданы или приговорены. Опасение нового преследования по тому же делу не будет угрожать им, «опасение», как справедливо замечается в рассуждениях, на которых основаны судебные уставы, «безвыходное, часто несравненно более тяжкое, нежели то наказание, которому они могут подвергнуться». С другой стороны, незыблемость судебного приговора вселяет доверие и уважение к суду<sup>123</sup>.

<sup>120</sup> Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография. М., 2009. С. 165–166.

<sup>121</sup> Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб., 2005. С. 228.

<sup>122</sup> Смирнов А. Принцип *non bis in idem* и формы пересмотра судебных решений по уголовным делам // Уголовное право. 2001. № 2. С. 74.

<sup>123</sup> Жемчужников А. Незыблемость судебных решений перед кассационной практикой Сената // Юридический вестник. 1872. Кн. 6–7. С. 2.

Провести законодательно данный подход в жизнь возможно лишь одним способом – посредством полного запрета пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты. Только так можно добиться того, чтобы судебное решение стало абсолютно незыблемым, а присущее ему свойство исключительности – постоянно действующим.

Именно по такому пути и пошел российский законодатель, приняв в 2001 г. УПК РФ, ст. 405 которого гласила: «Пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела не допускаются».

Как отмечали разработчики УПК РФ, вместе с правилом о запрете поворота к худшему «навсегда упраздняется возможность повторного осуждения лица за одно и то же преступление»<sup>124</sup>.

Однако уже в августе 2002 г., то есть спустя всего месяц после вступления в действие нового УПК РФ, в Президиум Верховного Суда РФ в порядке надзора поступил протест заместителя Генерального прокурора РФ на приговор Калининградского областного суда от 9 июня 2001 г. по делу А.В. Юрченко. Суть возникшей процессуальной проблемы состояла в следующем. Юрченко вместе со своими соучастниками совершил ряд преступлений, связанных с проникновением в жилище, избиением хозяев из хулиганских побуждений, незаконным завладением их имуществом. Один из эпизодов обвинения был связан с нанесением ножевых ранений супругам Ш. и поджогом находившегося в их квартире имущества.

<sup>124</sup> См.: Крашенинников П. А., Мизулина Е. Б. Новое уголовное судопроизводство – надежная система гарантий прав граждан // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации со всеми приложениями : (офиц. текст от 18 дек. 2001 г.). М., 2002. С. 3–13. Профессиональный комментарий Кодекса по главам авторского коллектива ученых под руководством В. И. Радченко, В. П. Кашепова, А. С. Михлина.

Суд признал Юрченко виновным по всем предъявленным ему обвинениям, включая обвинение в умышленном уничтожении чужого имущества путем поджога, повлекшем причинение потерпевшим значительного ущерба (ч. 2 ст. 167 УК РФ). Однако при этом судом была допущена существенная ошибка: в резолютивной части приговора в нарушение требования ч. 1 ст. 69 УК РФ наказание за это преступление отдельно указано не было. Для потерпевших создалась ситуация, ставящая под сомнение правовые основания последующего предъявления иска к Юрченко о возмещении материального ущерба: обвиняемый вроде бы виновным в поджоге признан, но не осужден. В протесте в порядке надзора ставился вопрос об отмене приговора в отношении Юрченко с направлением дела на новое судебное рассмотрение. Очевидно, Президиум Верховного Суда РФ так бы и поступил, однако возникло серьезное препятствие в виде изменившегося процессуального законодательства. Статья 405 УПК РФ исключила возможность поворота к худшему, хотя общая мера наказания осужденного по совокупности преступлений – 8 лет лишения свободы с принудительным лечением от наркомании – могла бы и не измениться. Поиски выхода из правового тупика заставили Верховный Суд РФ вынести вопрос на обсуждение Научно-консультативного совета. Были отвергнуты такие способы исправления судебной ошибки, как отмена приговора с направлением дела на новое рассмотрение или изменение приговора путем исключения из него эпизода обвинения, связанного с поджогом. А.Д. Бойковым, как членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, было подготовлено заключение с рекомендацией направить запрос в Конституционный Суд РФ<sup>125</sup>.

Сложившаяся в правоприменении ситуация вызвала шквал критики, обрушившейся на положение ст. 405 УПК РФ<sup>126</sup>.

<sup>125</sup> Бойков А. Д. Жертвы преступности // Мировой судья. 2006. № 10. С. 23. (Окончание).

<sup>126</sup> См.: Вырастайкин В. Восстановить право потерпевшего на надзорную жалобу // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 50 ; Бобылев М. В чью пользу состязательность в уголовном процессе? // Законность. 2003. № 11. С. 28–29 ; Демидов В. Обеспечить положение потерпевшего реальными правами // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 20–21 ; Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и

Даже в Рекомендации, принятой 12 мая 2003 г. участниками Всероссийской научно-практической конференции «Права человека в России и правозащитная деятельность государства», содержалось обращение к Федеральному Собранию привести УПК РФ в соответствие с положениями ст. 4 Протокола № 7 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе внести изменения в ст. 405 УПК РФ, урегулировав возможность пересмотра в порядке надзора вступивших в законную силу обвинительных приговоров, определений и постановлений суда, если в ходе судебного разбирательства были допущены нарушения закона, подпадающие под критерий, установленный п. 2 ст. 4 указанного Протокола<sup>127</sup>.

Высказывались претензии к ст. 405 УПК РФ и с позиций защиты интересов оправданных и лиц, в отношении которых уголовные дела прекращались, поскольку по буквальному смыслу закона эти граждане также лишились права обжаловать мотивы оправдания и основания прекращения уголовного дела<sup>128</sup>.

---

личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. С. 308–309 ; Чебуренков А. А. Полномочия суда надзорной инстанции в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004. С. 9–10, 18 ; Терехин В. Судебные процедуры в уголовном процессе: некоторые проблемы правового регулирования // Уголовное право. 2004. № 4. С. 71 ; Шинелева Т. Безусловный запрет поворота к худшему ущемляет права потерпевших // Законность. 2004. № 7. С. 42–44 ; Митин Н. Недопустимость поворота к худшему // Законность. 2004. № 11. С. 51–52 ; Егоров А. Ю. Пересмотр вступившего в законную силу приговора в свете международно-правовых и конституционных принципов // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2005. С. 275–276 ; Кехлеров С. Судебный надзор: за и против // Законность. 2005. № 5. С. 2–7 ; Яковлев Н. М. Ограничение прав потерпевших на свободный доступ к правосудию // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 79 ; Мачинский В. Конституция и УПК: коллизии законов // Законность. 2005. № 6. С. 5–7 ; и др.

<sup>127</sup> См.: Законность. 2003. № 7. С. 61.

<sup>128</sup> См.: Ковтун Н. Н., Подшибякин А. С. Производство в суде надзорной инстанции: вопросов больше, чем ответов // Российский судья. 2002. № 9. С. 18 ; Ковтун Н. Н. Нужен ли возврат к ревизионному началу в кассационном и надзорном производстве? // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 74 ; и др.

Сторонники первоначальной редакции ст. 405 УПК РФ придерживались мнения, что оспаривание окончательного судебного решения с целью ухудшения положения стороны защиты несовместимо с принципом *non bis in idem*. Так, по словам В.И. Радченко, само выдвижение требования об отмене судебных постановлений с целью усиления их репрессивного содержания означало бы возобновление процедуры уголовного преследования и, по существу, повторное осуждение обвиняемого за одно и то же преступление, что противоречит требованиям ч. 1 ст. 50 Конституции РФ<sup>129</sup>.

В Определении от 3 июля 1997 г. № 87-О Конституционный Суд РФ указал, что исключения из запрета повторно осуждать за то же деяние и, следовательно, пересматривать окончательные приговоры судов допускаются, лишь если это необходимо в силу новых или вновь обнаруженных обстоятельств, в том числе указывающих на судебную ошибку, приведшую к незаконному осуждению. В других случаях окончательные приговоры судов пересмотру не подлежат<sup>130</sup>.

Думается, именно эта правовая позиция легла в основу регламентации в УПК РФ 2001 г. порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, включая положение ст. 405 УПК РФ в его первоначальной редакции. Однако позднее Постановлением от 11 мая 2005 г. № 5-П<sup>131</sup> Конституционный Суд РФ признал ст. 405 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устраниить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные нарушения, ведущие к неправильному разрешению дела.

<sup>129</sup> Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В. М. Лебедева. М., 2004. С. 307 (автор гл. 18 – В. И. Радченко).

<sup>130</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

<sup>131</sup> Российская газета. 2005. 20 мая.

Явное противоречие между приведенными правовыми позициями Конституционного Суда РФ вполне объяснимо. Дело в том, что, формулируя свою первоначальную позицию, Конституционный Суд РФ опирался на ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.<sup>132</sup>, допускающую исключения из запрета повторно осуждать за то же деяние лишь в случаях, *если это необходимо в силу новых или вновь обнаруженных обстоятельств*. К моменту же вынесения Постановления от 11 мая 2005 г. № 5-П Российской Федерацией уже ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протокол № 7 к ней<sup>133</sup>, существенно расширивший, в сравнении с Пактом, возможности пересмотра окончательных судебных решений. Согласно п. 2 ст. 4 Протокола принцип *non bis in idem* «не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, *если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела*».

С учетом сказанного следует прийти к выводу, что принцип *res judicata* не предполагает абсолютного запрета на пересмотр окончательных судебных решений. Такой запрет составляет лишь общее правило, которое, однако, не действует в том случае, если имеются указанные в п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции основания для повторного рассмотрения дела.

Не случайно Н.Н. Ковтун и Д.М. Шунаев включают основания преодоления окончательности судебного решения в формулу принципа *res judicata*, который, по их мнению, представляет собой правило о недопустимости пересмотра окончательных судебных решений в отсутствие исключительных (экстраординарных) на то оснований<sup>134</sup>.

<sup>132</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11.

<sup>133</sup> См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Ст. 1514.

<sup>134</sup> Ковтун Н. Н., Шунаев Д. М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека. С. 40, 41.

Учитывая изложенное, следует прийти к выводу, что правило *res judicata*, с одной стороны, является элементом и гарантией принципа правовой определенности, а с другой – ограничивает пределы его действия соразмерно интересам общества и личности, требующим исправления судебной ошибки, приводящей к несправедливости судебного акта. Причем ограничение действия принципа правовой определенности происходит в сфере уголовного судопроизводства, что подтверждает идею о том, что процедура пересмотра вступивших в законную силу судебных решений является той специфической формой, в которой разрешается противоречие между принципами правовой определенности и правом на судебную защиту.

Поскольку применительно к фигурам осужденного, оправданного и лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, принцип *res judicata* имеет своим основанием правило *non bis in idem*, возникает вопрос: как с этим последним соотносится отмена окончательного судебного решения и повторное рассмотрение уголовного дела?

По мнению Конституционного Суда РФ, отмена вступившего в законную силу судебного решения по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, с последующим проведением по делу нового разбирательства является *исключением* из принципа *non bis in idem*. В Постановлении от 16 мая 2007 г. № 6-П сказано, что «...исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших»<sup>135</sup>. Такая позиция представляется дискуссионной.

Принцип *non bis in idem* устанавливает запрет осуществления *повторного* уголовного преследования, осуждения и наказания лица, то есть когда лицо ранее уже подвергалось уголовному преследованию, осуждению и наказанию за совершение того же преступления. Однако о повторности уголовного преследования

<sup>135</sup> См.: Российская газета. 2007. 2 июня.

можно говорить только при условии, что первоначальное судебное решение, которым был разрешен вопрос о причастности лица к совершенному преступлению, сохраняет свою силу. Само существование такого судебного решения, как было сказано выше, исключает возможность уголовного преследования того же лица за совершение того же преступления, поскольку в противном случае один и тот же правовой вопрос был бы разрешен одновременно несколькими правоприменительными решениями, что несоставимо с принципом правовой определенности.

Отмена судебного решения означает его аннулирование, в том числе утрату им свойства исключительности, а значит, последующее уголовное преследование и возможное привлечение лица к уголовной ответственности, применение к нему иных мер уголовно-правового характера уже *не могут рассматриваться как повторные*. Другими словами, преодоление *res judicata* устраняет само основание применения принципа *non bis in idem*.

Подтверждением данному выводу служит позиция Комитета по правам человека ООН, который в п. 56 Замечаний общего порядка № 32 (81) «Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство»<sup>136</sup> отметил, что предусматриваемый в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах запрет «не имеет значения, если вышестоящий суд отменяет приговор и распоряжается о проведении нового судебного разбирательства».

Аналогичную позицию занял и Европейский Суд по правам человека, который в Постановлении по делу «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» указал, что при отсутствии иного сохраняющего юридическую силу решения, то есть в случае отмены первоначального судебного решения, последующее будет единственным решением по уголовному делу<sup>137</sup>.

Таким образом, правовую ситуацию, складывающуюся при отмене вступившего в законную силу приговора, определения или

---

<sup>136</sup> См.: Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 384.

<sup>137</sup> Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99).

постановления суда, *правильнее характеризовать не как исключение из общего запрета повторного к худшему, а как устранение правовой и фактической основы для применения правила non bis in idem*.

Правильность данного вывода подтверждается и высказанной в юридической литературе точкой зрения о том, что пересмотр вступивших в законную силу приговоров (в том числе оправдательных) полностью совместим с принципом *non bis in idem*<sup>138</sup>.

Выше мы не случайно обратили внимание на то, что принцип *res judicata* имеет своим основанием правило *non bis in idem* лишь применительно к фигурам осужденного, оправданного и лица, уголовное дело в отношении которого прекращено. Понятно, что запрет повторного осуждения за одно и то же преступление не имеет никакого отношения к иным участникам окончательно разрешенного судом правового дела, например, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику (когда в этом качестве выступает не сам обвиняемый).

Вместе с тем очевидно, что принцип *res judicata* должен гарантировать права и законные интересы этих лиц в той же мере, что и интересы осужденного или оправданного. Следовательно, основания *res judicata* не исчерпываются правилом *non bis in idem*, они значительно шире – в принципе правовой определенности, призванном обеспечить стабильность правовых отношений и установленного окончательным решением суда статуса всех участвовавших в деле лиц.

Думается, именно поэтому законодатель, моделируя процедуру пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, не должен ограничиваться установлением лишь тех условий, которые закреплены в ч. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но обязан предусмотреть и иные процессуальные гарантии, которые в своей совокупности способны обеспечить баланс ключевых для данной процедуры ценностей – права на судебную защиту и принципа правовой определенности.

<sup>138</sup> Чумаков А. В. Европейские стандарты в области прав человека в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 20.

### § 3. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений как результат разрешения диалектического противоречия принципов правовой определенности и права на судебную защиту в сфере уголовного судопроизводства

Движимая несовпадающими, зачастую противоположными интересами человеческая деятельность, в том числе юридическая, не может уместиться в тесные рамки формального запрета на противоречие. Вследствие этого формально-логические противоречия проникают не только в повседневную юридическую практику, но и в правовую материю, становясь неизбежной характеристикой норм права<sup>139</sup>.

Констатация объективной противоречивости социальной реальности вынуждает признать не только бесплодными, но и вредными попытки искоренить формально-логическое противоречие из наших рассуждений о ней. По нашему убеждению, для юриста не может быть никакой «непротиворечивой логической формы», никакого запрета, налагаемого на конъюнкцию высказываний или принципов, находящихся друг к другу в отношении логического отрицания. Соответственно и законотворчество не в состоянии обеспечить конструирование непротиворечивой системы принципов – оно призвано искать и находить форму разрешения противоречий.

В отличие от формально-логического мышления, именно диалектика способна охватить в рамках единого понимания противоборствующие принципы, «каждый из которых развивается в систему, претендующую на всеобщее значение и признание»<sup>140</sup>. Эта борь-

<sup>139</sup> На актуальность исследования противоречий в уголовном процессе обратил внимание Ю. В. Францифоров, посвятивший этой проблеме свое диссертационное исследование (Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного процесса. М., 2006 ; Его же. Противоречия уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007).

<sup>140</sup> Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М., 1984. С. 56.

ба не может быть устранена – речь должна идти только о том, как в каждом конкретном случае отыскать сферу и способ разрешения возникших противоречий, споров и антагонизмов.

Диалектическое противоречие является источником развития любых явлений и процессов. С точки зрения диалектической логики, «любой объект есть живое противоречие»<sup>141</sup>.

Стороны диалектического противоречия не являются чуждыми друг другу противоположностями; это «соотносительные, взаимно обусловливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности»<sup>142</sup>. В системе права такими противоположностями в ряде случаев оказываются принципы, которые взаимодействуют и ставятся в отношение друг к другу в некотором общем «пространстве» – например, в рамках единого процесса или процедуры. При этом всегда существует некоторая общая область, где «снимаются» противоположные стороны противоречия. Без этого стороны или принципы оставались бы внешними (внеположенными) друг другу и не могли бы функционировать как ограничивающие друг друга (и в этом смысле подчиненные друг другу) моменты.

Доктрина процессуального права исходит из органической связи правосудия и справедливости. Само слово «юстиция» (*justitia*), обозначавшее в латинском языке справедливость, теперь переводится на русский язык как правосудие. Во многих европейских языках правосудие и справедливость обозначаются одним словом (*justice* – в английском и французском, *justicia* – в испанском, *giustizia* – в итальянском и т. д.).

Правосудие представляет собой деятельность суда, составляющую его исключительную компетенцию и заключающуюся в рассмотрении и разрешении в особой процессуальной форме правовых споров. Причем неотъемлемой качественной характеристикой этой деятельности является соответствие как процедуры ее осуществления, так и ее результата (судебного решения) тре-

<sup>141</sup> Ильинков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. С. 56.

<sup>142</sup> Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала. М., 1983. С. 57.

бованию справедливости. Собственно говоря, обеспечение справедливости и составляет главную цель правосудия, является обоснованием и смыслом существования этого вида государственной деятельности.

Начало справедливости охватывает и всю уголовно-процессуальную деятельность, им проникнуты цели и задачи уголовного судопроизводства, его принципы, все его стадии и институты, все действия и все решения<sup>143</sup>. Будучи общеправовым, принцип юридической справедливости оказывает влияние как на законотворческую деятельность, связанную с регламентацией процедуры уголовного судопроизводства, так и на правоприменение в сфере уголовного процесса.

Достижение справедливости – тот идеал, к которому постоянно стремится юридическая деятельность. Приближению к этому идеалу способствует не только исполнение действующих законов, но и никогда не прекращающийся процесс совершенствования законодательства, нацеленный на то, чтобы сама процедура обеспечивала необходимые условия для достижения справедливого результата судопроизводства.

Проведенный в предыдущих параграфах анализ содержания принципов правовой определенности и права на судебную защиту показал, что именно эти принципы играют ключевую роль в обеспечении юридической справедливости в сфере уголовного судопроизводства на этапах пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда. Право на судебную защиту обеспечивает заинтересованным лицам возможность добиваться исправления судебных ошибок и восстановления нарушенной справедливости, тогда как принцип правовой определенности придает судебной защите реальный характер, гарантируя стабильность окончательных судебных решений, неизменность установленных судом правоотношений и исполнимость судебных актов.

Некоторые авторы придерживаются мнения, что принципиальный характер для пересмотра судебных решений по уголовным

<sup>143</sup> См.: Цыпкин А. Л. Очерки советского уголовного судопроизводства. Саратов, 1975. С. 75.

делам имеют право на обжалование<sup>144</sup>, свободы обжалования приговоров и иных судебных решений<sup>145</sup>. Действительно, это диспозитивное по своей природе правомочие имеет исключительно важное значение для защиты и восстановления прав и свобод, нарушенных неправосудным судебным решением. Однако оно является лишь одним из элементов права на судебную защиту, которое включает в себя также комплекс публично-правовых средств защиты субъективных прав и свобод. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве это полномочия вышестоящих судов по проверке уголовного дела в ревизионном порядке, а истории уголовного процесса известны и другие публично-правовые средства, в частности действовавший в советском судебном надзоре порядок о протестования приговоров, определений и постановлений суда должностными лицами органов суда и прокуратуры. В связи с этим не право обжалования, а право на судебную защиту следует выделять в качестве системообразующего начала процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам.

И правовой определенности, и праву на судебную защиту свойственно общее для всех принципов права стремление занять в правовой системе доминирующее положение, абсолютизироваться, то есть прийти к такому состоянию, когда заложенные в них требования реализуются без каких-либо ограничений. Для принципа правовой определенности такая абсолютизация предполагает непреодолимую окончательность вступивших в законную силу судебных решений. Возведенное же в абсолют право на судебную защиту означало бы ничем не ограниченную возможность отмены и изменения судебных решений с целью исправления ошибок и нарушений закона, допущенных в ходе предшествующего производства по делу.

---

<sup>144</sup> См., например: Иvasенко К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. С. 50.

<sup>145</sup> Демидова Е. Т. Теоретические и практические проблемы надзорного производства по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. С. 9.

Очевидно, что в таком виде рассматриваемые принципы оказываются не совместимыми друг с другом, представая в качестве антиномии, то есть противоречия между рядом положений, из которых каждое имеет законную силу<sup>146</sup>.

Вследствие такого положения система принципов права приобретает незавершенный вид, размыкается, что порождает объективную необходимость ее совершенствования – «вызревания» в конкретное диалектическое противоречие. Как писал Ф.Ф. Вяккерев, прямое и непосредственное, самое острое столкновение тезиса и антитезиса, называемое *антиномией*, является собой *всего лишь первое действие* той многоактной драмы, имя которой – диалектическое противоречие<sup>147</sup>. Сферой, в которой возникает объективная необходимость реализации обоих указанных принципов и, как следствие, происходит «вызревание» их антиномии в диалектическое противоречие, является уголовный процесс.

**В сфере уголовного судопроизводства противоречие между принципами правовой определенности и права на судебную защиту становится диалектическим и находит свое разрешение в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. В ней, с одной стороны, сохраняется антиномичность указанных принципов, а с другой – обнаруживается их функциональное единство, способность к одновременной реализации в рамках единой процедуры.**

При этом следует отдавать себе отчет в том, что вне процедуры пересмотра вступивших в законную силу судебных решений диалектического противоречия между принципами правовой определенности и права на судебную защиту существовать не может. Дело в том, что ни антиномия сама по себе, ни разрешенное в новом понятии противоречие, взятое вне внутренней связи с антиномией, порознь диалектического противоречия не порождают: в антиномии, взятой изолированно, его *еще нет*, а в результатах

---

<sup>146</sup> См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 23.

<sup>147</sup> Вяккерев Ф. Ф. Предметное противоречие и его теоретический «образ» // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 239.

разрешения его, оторванных от антиномии и сопоставленных с нею внешним образом, его уже нет<sup>148</sup>.

Будучи той формой, в которой опосредуются принципы правовой определенности и права на судебную защиту, процедура производства в судах кассационной и надзорной инстанций представляет собой синтез, качественно новое явление, которое, вбирая в себя содержание антиномичных принципов, в то же время уже не может быть только к ним сведено.

Необходимо понимать, что пересмотр вступивших в законную силу судебных решений – это вовсе не существующая в «готовом» виде процедура, в которой рассматриваемые антиномичные принципы «находят» сферу для разрешения существующего между ними противоречия. В действительности исторически процедура пересмотра вступивших в законную силу судебных решений как раз вводится в систему уголовного процесса именно для того, чтобы реализовать потенциал, заложенный в этих принципах, и разрешить объективно существующее между ними противоречие. Другими словами, антиномия принципов правовой определенности и права на судебную защиту, требующая своего разрешения в диалектическом противоречии, и «вызывает к жизни» соответствующую правовую процедуру. Именно это и дает основание для вывода о том, что надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений является *результатом разрешения диалектического противоречия* указанных принципов<sup>149</sup>. Так, окончательность судебного акта вовсе не исключает его неправосудности, что требует от законодателя предусмотреть эффективные средства для исправления допущенной судебной ошибки, а это возможно только путем его пересмотра. Однако любая попытка регламентировать процес-

<sup>148</sup> Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. С. 100.

<sup>149</sup> Аналогичное противоречие свойственно и процедуре возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ). Однако обусловленные несовпадением в предмете судебного разбирательства процедурные различия между данной формой пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, с одной стороны, и надзорно-кассационной формой – с другой, не позволяют исследовать данное противоречие в рамках одной работы.

дуре отмены или изменения судебного решения после его вступления в законную силу обнажает антиномию с принципом правовой определенности, имеющим кардинально противоположное назначение. Следовательно, *катализатором рассматриваемого противоречия является особый объект пересмотра – вступившее в законную силу судебное решение, поскольку в силу принципа правовой определенности такое судебное решение должно быть окончательным, не подлежащим отмене или изменению.*

Значение рассматриваемого диалектического противоречия как основного для производства в судах кассационной и надзорной инстанций проявляется в том, что именно оно придает ту специфику пересмотру вступивших в законную силу судебных решений, которой нет и не может быть в производстве в суде второй (апелляционной) инстанции.

Будучи реализованными в надзорно-кассационной форме пересмотра судебных решений, принципы правовой определенности и права на судебную защиту придают ей внутренне противоречивый характер, делают ее «самопротиворечивой». С одной стороны, эта процедура должна обеспечивать заинтересованным лицам судебную защиту, открывая возможность пересмотра незаконных, ошибочных судебных решений, а с другой – гарантировать стабильность вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда. Здесь как раз и проявляется диалектический характер противоречия как единства взаимоисключающих противоположностей; находит свое подтверждение диалектическая формула противоречия как единства тождества и различия.

Столь противоречивое определение функций надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений, на первый взгляд, нарушает законы формальной логики. Однако особенность формальной логики как раз и состоит в том, что она «оставляет без внимания различия сталкивающихся в дискуссии представлений». По этой причине «самое твердое знание правил (в том числе и правил общей логики) вовсе не гарантирует безошибочности их применения»<sup>150</sup>. Единство противоположных определе-

<sup>150</sup> Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. С. 59.

ний образует обязательный элемент выражения диалектического противоречия. Это позволяет не только конкретно обозначить и добиться решения теоретической проблемы раскрытия понятия и сущности надзорно-кассационной формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в уголовном процессе, но и наметить практические пути обеспечения эффективности решения стоящих перед этой процедурой задач (прежде всего путем выработки рекомендаций, направленных на совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства). Выводя из внутреннего противоречия внешнее, удается понять и то и другое в их объективной необходимости.

Осознание диалектического противоречия, которое находит свое разрешение в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам, позволяет объяснить происходящие в последние десятилетия преобразования уголовно-процессуального законодательства.

Принятие в 1993 г. Конституции РФ и последовавшая за этим ратификация Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод<sup>151</sup> обострили антиномию принципов правовой определенности и права на судебную защиту. В процедуре судебного надзора советского образца рассматриваемое противоречие также присутствовало, однако оно было выражено не так отчетливо и остро, как в современной российской правовой системе. Предусмотренное УПК РСФСР 1960 г. производство в надзорной инстанции не было способно обеспечить должным образом ни право на судебную защиту (жалобы граждан на неправосудные, по их мнению, приговоры, определения и постановления суда разрешались во внепроцессуальном порядке должностными лицами суда и прокуратуры в условиях отсутствия какой-либо возможности оспаривать принятое по ним решение), ни принцип правовой определенности, так как отмена и изменение судебных решений осуществлялись по широкому кругу оснований (включая связанные с уста-

---

<sup>151</sup> См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Ст. 1514.

новлением фактических обстоятельств дела) при отсутствии у стороны защиты реальных гарантий запрета поворота к худшему.

Практика Конституционного Суда РФ, прецеденты Европейского Суда по правам человека не только раскрыли российскому законодателю и правоприменителю всю глубину содержания рассматриваемых принципов, но и поставили на повестку дня вопрос о приведении в соответствие с этими принципами процедуры пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда. На первый план выдвинулась проблема обеспечения принципа правовой определенности, уважения законной силы судебных решений. Европейский Суд по правам человека неоднократно обращал внимание на то, что возобновление уголовного судопроизводства возможно лишь в тех случаях, когда серьезные законные соображения перевешивают принцип правовой определенности<sup>152</sup>.

Как следствие, законодателю пришлось вносить существенные изменения в процедуру уголовного судопроизводства (принятие УПК РФ 2001 г., Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ), выразившиеся, с одной стороны, в изменении структуры проверочных стадий уголовного процесса за счет включения предварительного производства, ограничения предмета судебного разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций, «разведении» апелляционных и кассационных оснований для пересмотра судебных решений и т. д., а с другой – в придании процессуального значения жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные решения, ограничении доводами жалоб, представлений пределов рассмотрения дела судом и т. д.

Таким образом, *заключенное в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений диалектическое противоречие выступает внутренним источником развития процессуальной формы, а внешние и внутренние*

---

<sup>152</sup> См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июля 2006 г. Дело «Фадин против Российской Федерации» (жалоба № 58079//00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11. С. 5–12.

*факторы, связанные с изменением законодательства, становлением судебной практики, служат движущей силой этого развития.*

Принципы правовой определенности и права на судебную защиту не просто сталкиваются между собой в процедуре производства в судах кассационной и надзорной инстанций, но постоянно взаимодействуют, находясь в состоянии динамического отношения. Чем больше одна противоположность, тем меньше другая. Соответственно, данные принципы, взаимодействуя внутри системы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, находятся в жесткой оппозиции по отношению друг к другу, стремятся к доминированию и подавлению своей противоположности, ее «сведению к нулю».

Рассматриваемое противоречие является для стадий производства в судах кассационной и надзорной инстанций основным, поскольку оно, с одной стороны, считается специфическим, присущим именно пересмотру вступивших в законную силу судебных решений: только на данном этапе уголовного судопроизводства необходимость исправления судебной ошибки «сталкивается» с фактом вступления судебного решения в законную силу (в суде второй инстанции данной специфики нет, поскольку осуществляется проверка правосудности судебных решений, которые еще не приобрели окончательного характера). С другой стороны, данное противоречие может характеризоваться как основное в силу того, что оно является в известном смысле всеобщим применительно к рассматриваемой процедуре, поскольку именно противоречие принципов правовой определенности и права на судебную защиту лежит в основе всех остальных противоречий, свойственных как законодательной регламентации отдельных этапов процедуры (например, предварительного слушания), так и правоприменительной практики.

За внешней, формально фиксируемой противоположностью принципов правовой определенности и права на судебную защиту скрывается внутренняя, органическая противоречивость интересов участников уголовного процесса, защищаемых этими принципами. Причем данное противоречие не может быть све-

дено к банальной оппозиции традиционных для уголовного процесса сторон обвинения и защиты. Различные позиции по вопросу пересмотра вступившего в законную силу судебного решения могут занимать и участники уголовного процесса, относящиеся к одной стороне (например, прокурор и потерпевший, осужденный и оправданный и т. д.).

Реализуя свои процессуальные функции, участники уголовного процесса руководствуются интересами (как личными, так и должностными). Эти интересы далеко не всегда нацелены на достижение справедливости. В частности, осужденный, как правило, заинтересован в отмене или смягчении обвинительного приговора и в тех случаях, когда для принятия такого решения нет законных оснований. Однако и такие интересы получают со стороны закона необходимую защиту через предоставление лицу права на судебную защиту. При этом процедура пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда должна быть организована таким образом, чтобы реализация этого права была эффективной лишь в том случае, когда к тому имеются необходимые законные основания (то есть когда судебная ошибка имела место в действительности). С этой целью в качестве противовеса устанавливаются процессуальные средства и условия, гарантирующие принцип правовой определенности, не допускающий при отсутствии к тому оснований пересмотра окончательного судебного решения.

Поскольку в принципах правовой определенности и права на судебную защиту заложены правовые гарантии интересов участников уголовного судопроизводства, противоречие между этими принципами не может быть снято путем простого отказа от одного из них. В отсутствие процессуальных средств, гарантирующих реализацию в уголовном процессе любого из этих принципов, оказались бы необеспеченными соответствующие права личности, что привело бы к утрате правосудием свойства справедливости, то есть искажению его сути. К тому же как правовая определенность, так и право на судебную защиту обладают свойством нормативности, что исключает возможность их игнорирования в уголовном судопроизводстве, которое должно строиться в строгом

соответствии с требованиями Конституции РФ и международного права.

Такое положение делает невозможным радикальное разрешение<sup>153</sup> противоречия: любой из вариантов такого разрешения привел бы к изменению самой системы уголовного судопроизводства, поскольку упразднял бы процедуру производства в судах кассационной и надзорной инстанций в том виде, в котором она функционирует в настоящее время. Так, «подавление» правовой определенности принципом права на судебную защиту имело бы следствием приобретение процедурой пересмотра вступивших в законную силу судебных решений ординарного характера, то есть его совпадение по форме и содержанию с производством в суде второй (апелляционной) инстанции. При ином варианте развития событий, то есть абсолютном доминировании принципа правовой определенности, пересмотр вступивших в законную силу судебных решений оказался бы невозможным, что привело бы к полной ликвидации соответствующих стадий уголовного процесса.

Таким образом, ни принцип правовой определенности, ни право на судебную защиту не могут приобрести в уголовном процессе абсолютного характера. Они должны сосуществовать не только на уровне выраженных в законе деклараций, но и будучи воплощенными в конкретных процессуальных формах пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

Способом разрешения противоречия между принципами правовой определенности и права на судебную защиту является закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве конкретных правовых гарантiiй, обеспечивающих одновременную реализацию обоих этих принципов в процедуре пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда. При этом **реализация принципа справедливости в уголовном судопроизводстве оказывается достижимой только в том случае, если законодателю удается обеспечить**

---

<sup>153</sup> Под таким разрешением мы понимаем полное «подавление» одной противоположности другой.

**баланс<sup>154</sup> принципов правовой определенности и права на судебную защиту.**

Категорически нельзя согласиться с тем, что «...справедливость как ценность содержательно характеризуется актуальным присутствием всех иных ценностей в *непротиворечивом* (выделено нами. – И. Д.) отношении между собой»<sup>155</sup>. Достижение баланса обеспечивает взаимное сдерживание конфликтующих ценностей, препятствует подавлению одной из них другой, но вовсе не снимает и не устраниет противоречия между ними. Такой баланс – не статическое, застывшее положение вещей, а постоянно развивающийся процесс, на который влияет целый комплекс факторов, действующих как внутри, так и за пределами системы (в нашем случае – уголовного судопроизводства). Любой из этих факторов, оставшись не замеченным, не учтеным законодателем, может привести к нарушению баланса, вследствие чего процессуальная форма перестанет отвечать требованиям справедливости, а правосудие окажется неспособным реализовать свое назначение.

На то, что достижение в судопроизводстве (причем как по уголовным, так и по гражданским делам) искомого баланса конституционных ценностей является остройшей проблемой законодательства и правоприменения, неоднократно обращалось внимание в юридической литературе<sup>156</sup> и в решениях высших судебных органов страны.

Следует обратить внимание на то, что Конституционный Суд РФ в решениях, принятых по вопросам, связанным с регламента-

---

<sup>154</sup> Как пишет О. В. Евстигнеева, баланс предполагает взвешивание каждой из вступивших в конфликт ценностей с целью определения их верного соотношения, в том числе и в сфере уголовно-процессуального регулирования (см.: Евстигнеева О. В. Справедливость как ценностный ориентир и его отражение в Основном законе. С. 169).

<sup>155</sup> Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 12.

<sup>156</sup> См.: Султанов А. Р. Находится ли защита прав и свобод человека в коллизии с правовой определенностью? // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2. С. 60–64.

цией порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, говорит о балансе принципа правовой определенности, с одной стороны, и принципа справедливости<sup>157</sup> либо права на справедливое судебное разбирательство<sup>158</sup> – с другой. На конкуренцию между этими принципами указывают и комментаторы решений Конституционного Суда РФ<sup>159</sup>.

Однако противопоставление принципа правовой определенности принципу справедливости является некорректным, поскольку право на справедливое судебное разбирательство (которое выступает уголовно-процессуальным проявлением общеправового принципа справедливости) предполагает, помимо прочего, окончательность и стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, а также их исполнимость, на что обоснованно указывал и сам Конституционный Суд РФ<sup>160</sup>. Следовательно, без правовой определенности справедливость в уголовном процессе недостижима – очевидно, что состояние нестабильности правовых отношений, произвольного изменения установленного окончательным судебным актом правового статуса их участников, неопределенность в материальных и процессуальных правоотношениях весьма далеки от торжества справедливости. А раз так, для противопоставления принципов правовой определенности и справедливости нет ни формальных (правовых), ни фактических (в сфере правоприменения) оснований.

Выявленное противоречие в позиции Конституционного Суда РФ носит формально-логический характер, поскольку вызвано неточным употреблением термина «справедливость», в который

<sup>157</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П ; и др.

<sup>158</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П. Ст. 932 ; Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2573-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был ; и др.

<sup>159</sup> Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации. В 2 т. Т. 2. Защита прав и свобод граждан / отв. ред. Б. С. Эбзеев. М., 2000. С. 798.

<sup>160</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П. Ст. 932.

вкладывается слишком узкий смысл. По сути, Конституционный Суд РФ под справедливостью понимает только исправление судебных решений, тогда как его реальное содержание неизмеримо шире. Очевидно, что в рассматриваемом контексте правовой определенности необходимо противопоставлять не принцип справедливости в целом, а более частный принцип, обеспечивающий ее достижение за счет исправления судебных ошибок, а именно право на судебную защиту.

В юридической литературе можно встретить и иной вариант решения вопроса о том, какие правовые ценности противостоят друг другу в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Так, некоторые исследователи полагают, что перед российской правовой системой стоит задача поиска баланса между принципами правовой определенности и законности. В частности, высказываются мнения, что требование законности является противовесом правовой определенности<sup>161</sup>, что эти принципы конкурируют между собой<sup>162</sup>, что в отечественной правовой системе проявился конфликт между требованием законности судебных решений и требованием защиты определенности устанавливаемого ими правового состояния<sup>163</sup>.

Очевидно, что в данном контексте принцип законности связывается прежде всего с исправлением судебных ошибок. Однако ошибки исправляются не только (и не столько) ради торжества формальной законности, но прежде всего в целях восстановления нарушенных ошибочным судебным решением прав личности, которые берет под свою защиту государство (ст. 2 Конституции РФ). Исправление судебных ошибок осуществляется посредством отмены или изменения судебных решений в ходе их пересмотра вышестоящими судами. Поскольку, как было сказано выше, та-

<sup>161</sup> См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). С. 126–127, 132–133.

<sup>162</sup> Синенко В. С. Некоторые аспекты принципа правовой определенности в гражданском процессуальном праве. С. 118.

<sup>163</sup> Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук. С. 47.

кой пересмотр является средством судебной защиты, именно право на судебную защиту оказывается в оппозиции принципу правовой определенности, который, будучи нацеленным на обеспечение стабильности судебных решений, служит препятствием отмене или изменению окончательных судебных актов.

Стремление законодателя «равновесно учесть как действие принципа правовой определенности, так и положения о праве каждого на судебную защиту» отмечается и в юридической литературе<sup>164</sup>. Именно баланс этих двух принципов имеет для процедуры пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам ключевое значение<sup>165</sup>. **Результатом поисков законодателем такого баланса является закрепляемая в уголовно-процессуальном законодательстве процессуальная форма производства в судах кассационной и надзорной инстанций (надзорно-кассационная форма).** Только осознавая это, можно понять и объяснить как общее строение, так и частные особенности действующей модели пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

Рассматриваемые принципы подкрепляются многочисленными правовыми гарантиями, образующими сложную систему процессуальных средств и условий, реализация которых на практике, с од-

---

<sup>164</sup> См.: Аширбекова М. Т., Омарова А. С. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 62. О необходимости создания «такой модели процессуальной деятельности проверочных инстанций, которая органично синтезировала бы в себе, с одной стороны, уважение требования правовой определенности, а с другой – безусловный учет необходимости соблюдения... положений ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции», говорят и представители науки арбитражного процессуального права (см., например: Пацация М. Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 6).

<sup>165</sup> Дикарев И. С. Исключительность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секции «Уголовно-процессуальное право» и «Юридическая психология» : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Россия, г. Волгоград, 13–14 дек. 2012 г. Волгоград, 2012. С. 137.

ной стороны, служит обеспечению возможности заинтересованных лиц добиваться судебной защиты своих прав и свобод, нарушенных незаконным приговором, определением или постановлением суда, а с другой – препятствует преодолению окончательности судебных актов в тех случаях, когда к тому нет достаточных оснований.

В уголовно-процессуальной литературе принято выделять основные начала (черты) производства в судах кассационной и надзорной инстанций, под которыми М.В. Мерзлякова, например, понимает установленные законодателем положения, которые, во-первых, позволяют охарактеризовать его как особый вид уголовно-процессуальной деятельности, отграничить от других производств, а во-вторых, предопределяют уголовно-процессуальную форму стадии, способствуют достижению назначения уголовного судопроизводства<sup>166</sup>.

Обращение к теоретическим работам, подготовленным в период действия УПК РФ 2001 г., демонстрирует разнообразие точек зрения относительно того, какие конкретно положения составляют основные начала (черты) пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

По мнению А.В. Абрамова, такими началами являются: проверка законности и обоснованности приговора и иных решений нижестоящих судов; широкие полномочия суда надзорной инстанции; возможность представления в надзорную инстанцию копий процессуальных документов, подтверждающих доводы заявителя, и дополнительных материалов, не предрекающих вопросов необходимости проверки или оценки доказательств; приостановление исполнения судебного решения в случае возбуждения надзорного производства; недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора; ревизионный порядок проверки при производстве в надзорной инстанции; неоднократность надзорного производства<sup>167</sup>.

---

<sup>166</sup> Мерзлякова М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 38.

<sup>167</sup> Абрамов А. В. Надзорное производство как форма судебного контроля в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 106.

Ю.В. Сафиуллина выделяет в качестве общих свойств или принципов стадии надзорного производства следующие: ревизионный характер проверки уголовного дела в надзорной инстанции; запрет поворота к худшему (*reformatio in peius*); свобода обжалования судебного решения, вступившего в законную силу; инстанционность<sup>168</sup>.

Е.Т. Демидова полагает, что основные черты надзорного производства детерминированы правилами, регулирующими деятельность судов надзорной инстанции, и относит к ним: свободу обжалования приговоров и иных судебных решений; недопустимость поворота к худшему; инстанционность проверки и пересмотра судебных решений; ревизионный порядок проверки и пересмотра<sup>169</sup>.

М.В. Мерзлякова полагает, что основными началами надзорного производства являются: особый объект и процедура возбуждения пересмотра; недопустимость поворота к худшему; инстанционность; ревизионный порядок<sup>170</sup>.

Выделяет общие начала проверки судебных решений в судах вышестоящих инстанций и С.В. Бурмагин, который относит к ним единство (общность) задач; инстанционность пересмотра дела; свободу обжалования судебных решений; сочетание проверки законности с проверкой обоснованности судебных решений; ревизионный порядок рассмотрения дел; недопустимость поворота к худшему и обязательность указаний вышестоящих судов для нижестоящих<sup>171</sup>.

Вопрос об основных началах проверки судебных решений специально исследовался В.Д. Потаповым<sup>172</sup>. На основе проведен-

<sup>168</sup> Сафиуллина Ю. В. Проблемы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 72–74.

<sup>169</sup> См.: Демидова Е. Т. Теоретические и практические проблемы надзорного производства по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. С. 9, 79–116.

<sup>170</sup> Мерзлякова М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора : дис. ... канд. юрид. наук. С. 38.

<sup>171</sup> Бурмагин С. В. Уголовный суд России : монография. М., 2010. С. 275.

<sup>172</sup> См.: Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в уголовном судопроизводстве России. Сыктывкар, 2011 ; Его же. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-роверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России ; Его же. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-роверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

ного исследования им были выделены универсальные для всех форм проверки судебных решений начала, объединенные в две группы: 1. Основные начала проверки судебных решений, призванные к обеспечению интересов и прав заинтересованных лиц, при реализации контрольно-проверочных производств (широкая свобода обжалования судебных решений как исходное начало проверки в контрольно-проверочных стадиях и производствах; недопустимость поворота к худшему в процессуальном механизме проверки и пересмотра обжалованных судебных решений; проверка фактической и юридической сторон обжалованных актов суда). 2. Основные начала судебной проверки, призванные к обеспечению оптимальности отправления правосудия в суде вышестоящей инстанции (ревизионное начало деятельности суда апелляционной, кассационной и надзорной инстанций; инстанционность обжалования и судебной проверки в механизме проверки обжалованных актов суда; обязательность указаний суда как организующее начало проверки в судах вышестоящих инстанций).

Как видно, исследователям проблем пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в целом удалось выделить ключевые черты процедур производства в судах кассационной и надзорной инстанций. Будучи элементами процессуальной формы соответствующих стадий, эти черты характеризуют и определяют, выражаясь в системе частных правовых норм, порядок пересмотра приговоров, определений и постановлений суда. Однако принципиально важно понимать, что названные основные черты имеют производный характер, с одной стороны, являясь продуктом влияния более общих правовых положений, под воздействием которых и формируется процессуальная форма пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, а с другой – выполняя роль регуляторов, обеспечивающих в судопроизводстве баланс этих общих правовых положений.

Поскольку процессуальная форма производства в судах кассационной и надзорной инстанций определяется влиянием принципов правовой определенности и права на судебную защиту, их диалектическое противоречие и детерминирует возникновение и развитие в процедуре пересмотра вступивших в законную силу

судебных решений большинства положений, именуемых в юридической литературе «началами».

Большинство этих положений, как будет показано ниже, выполняют роль гарантий принципов правовой определенности и права на судебную защиту, обеспечивая их сбалансированность в процедуре пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

**Баланс принципов правовой определенности и права на судебную защиту представляет собой такое их соотношение, при котором эти принципы являются полноценными противовесами друг другу, вследствие чего обеспечивается одновременная их реализация в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.**

Приходится констатировать, что законодателю далеко не всегда удается обеспечить такой баланс. В качестве примера можно привести регламентацию порядка принятия решений судами кассационной и надзорной инстанций: согласно ч. 9 ст. 401.13 и ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ *при равном количестве голосов кассационные или надзорные жалобы, представление считаются отклоненными*. В этом правиле, основанном на презумпции истинности приговора, заложен приоритет принципа правовой определенности, вследствие чего возникают непреодолимые препятствия для реализации права на судебную защиту. Очевидно, что разделение голосов судей поровну свидетельствует о весьма высокой вероятности судебной ошибки. Когда при таких результатах голосования судей стоит вопрос о пересмотре судебного решения по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, оставление судебного решения без изменения возражений не вызывает. Но когда половина состава суда считает, что по делу было допущено фундаментальное нарушение закона, в результате которого пострадали права и свободы осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, оставлять судебное решение без пересмотра – значит, по нашему мнению, отказывать личности в судебной защите.

Ранее на эту проблему неоднократно обращал внимание В.А. Давыдов, с позиции которого при равенстве голосов членов

президиума принятым должно считаться решение, наиболее благоприятное для осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено<sup>173</sup>. Добавим, что и по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. при равенстве голосов судей, рассматривавших дело в кассационном порядке, предпочтение отдавалось мнению председателя (первоприсутствующего сената), а когда мнения разделялись так, что голос председателя не мог дать перевеса, – то тому из равносильных по числу голосов мнений, которое снисходительнее к участи подсудимого<sup>174</sup>.

В связи с этим предлагается изменить последнее предложение ч. 9 ст. 401.13 и ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ, изложив их в следующей редакции: «При равном количестве голосов принятым считается решение, наиболее благоприятное для осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено»<sup>175</sup>.

О достижении баланса принципов правовой определенности и права на судебную защиту можно говорить только тогда, когда эти принципы, с одной стороны, сдерживают друг друга, не допуская абсолютизации какого-то одного из них, а с другой – появляется возможность реализации заложенного в этих принципах потенциала ради достижения справедливости (формально выра-

---

<sup>173</sup> См.: Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 18 ; Его же. Порядок совещания судей при рассмотрении уголовного дела в президиуме суда нуждается в более детальном урегулировании // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 36–37 ; Его же. Толкование сомнений в пользу осужденного: пробел в новеллах УПК РФ // Уголовный процесс. 2011. № 6. С. 14–15 ; Его же. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 49.

<sup>174</sup> Буцковский Н. А. Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам 1864 года // Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года / соч. сенатора Н. Буцковского. СПб., 1874. С. 167.

<sup>175</sup> Необходимо также обратить внимание на несовершенство второго предложения ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ, так как в нем говорится только об осужденном и не упоминаются оправданный и лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено. Полагаем, что данное предложение должно быть изложено в следующей редакции: «Первым выносится на голосование предложение, наиболее благоприятное для осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено».

женной в назначении уголовного судопроизводства, закрепленном в ст. 6 УПК РФ). В практической плоскости рассматриваемый баланс выражается в такой организации пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, при которой решение об отмене или изменении вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда принимается только тогда, когда необходимость исправления допущенной по уголовному делу судебной ошибки велика настолько, что ради этого оправдано преодоление окончательной силы судебного решения.

Законодатель регулирует процедуру пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда посредством установления комплекса процессуальных гарантий, служащих своего рода «настройками», изменение любой из которых неизбежно отражается на балансе принципов правовой определенности и права на судебную защиту.

В этой связи вопрос об уголовно-процессуальных гарантиях заслуживает отдельного внимания. Его разрешение позволит: во-первых, показать механизм реализации в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений принципов правовой определенности и права на судебную защиту, а во-вторых, станет отправной точкой для рассмотрения конкретных процессуальных средств и условий, с помощью которых в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений достигается баланс этих принципов.

Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. В этой норме принцип гарантированности выражен как общее, универсальное начало, распространяющееся на все права и свободы, признаваемые за личностью в правовом государстве.

Гарантия – от фр. *garantie* – «ручательство; условие, обеспечивающее что-либо»<sup>176</sup>. Как верно замечает В.М. Корнуков, «все то, что в той или иной мере содействует достижению опре-

<sup>176</sup> Современный словарь иностранных слов : ок. 20 000 слов. М., 1992. С. 136.

деленных результатов или обеспечивает определенное состояние, может быть расценено как гарантия соответствующей деятельности или состояния, потому что способствует деятельности, защищает состояние, то есть гарантирует их»<sup>177</sup>.

Всю совокупность гарантий, обеспечивающих реализацию прав и свобод личности, принято разделять на экономические, политические, идеологические (духовные), общественные и специально-юридические<sup>178</sup>. Конкретные гарантии конструируются законодателем для обеспечения реализации отдельных прав и свобод. Такие гарантии носят характер специально-юридических и закрепляются как в конституционном, так и в отраслевом законодательстве, развивающем и конкретизирующем основополагающие конституционные нормы. Одной из разновидностей специально-юридических являются уголовно-процессуальные гарантии, вопрос о форме которых вызывает в теории уголовного судопроизводства непрекращающиеся дискуссии.

Одни авторы полагают, что процессуальные гарантии – это *средства (меры)*, направленные на обеспечение, в том числе охрану, соответствующих прав, свобод и интересов. При этом в слова «средство» и «мера» вкладывается общий смысл, поскольку «мера» есть не что иное, как «средство для осуществления чего-н., мероприятия»<sup>179</sup>.

Так, Э.Ф. Кузьова определяла уголовно-процессуальные гарантии как многочисленные и многообразные по своему конкретному содержанию средства, предусмотренные нормами уголовно-процессуального права, служащие обеспечению возможности осуществления, защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе<sup>180</sup>.

---

<sup>177</sup> Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. С. 27.

<sup>178</sup> См.: Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 346 ; Вопленко Н. Н. Законность и правовой порядок. Волгоград, 2006. С. 123.

<sup>179</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. С. 343.

<sup>180</sup> Кузьова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 8, 12.

По мнению Л.Д. Кокорева, процессуальные гарантии в уголовном судопроизводстве – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры, средства, направленные на реальное обеспечение общественных и личных интересов<sup>181</sup>.

В.М. Корнуков считает, что гарантиями конституционных прав и свобод личности выступают те правовые средства, с помощью которых гражданам обеспечивается охрана и реальная возможность использования предоставленных им прав и свобод<sup>182</sup>.

Ф.Н. Багаутдинов определяет процессуальные гарантии как установленные законом средства, которыми охраняются, обеспечиваются и защищаются права и законные интересы участвующих в уголовном процессе физических и юридических лиц<sup>183</sup>.

Другие исследователи относят к процессуальным гарантиям не только средства, но и *способы*, содействующие успешному осуществлению правосудия (достижение задач уголовного судопроизводства), защите прав и законных интересов личности<sup>184</sup>.

Отметим, что содержательно данная позиция мало чем отличается от вышеприведенной (то есть сводящей уголовно-процессуальные гарантии к соответствующим средствам и мерам), ведь средство – это и есть способ действия для достижения чего-нибудь<sup>185</sup>. По сути, в практической плоскости одни и те же уголовно-процессуальные гарантии могут именоваться и средствами, и мерами, и способами обеспечения прав и свобод личности. Однако для внесения в рассматриваемый воп-

<sup>181</sup> Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / науч. ред. Л. Д. Кокорев. Воронеж, 1984. С. 73–74.

<sup>182</sup> Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. С. 28.

<sup>183</sup> Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. С. 56.

<sup>184</sup> См., например: Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 59 ; Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. С. 54 ; Манова Н. С. Уголовный процесс : курс лекций. М., 2010. С. 22 ; и др.

<sup>185</sup> См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. С. 749.

рос терминологической определенности необходимо выбрать из названных терминов один, который максимально точно передает суть определяемой категории. Применительно к уголовно-процессуальным гарантиям наиболее правильно, по нашему мнению, использовать термин «средство». Дело в том, что *средство представляет собой способ действия*, а под способом понимается действие или система действий, применяемые при осуществлении чего-либо. Таким образом, средство выступает как общее понятие, которым охватываются как отдельные предусмотренные законом действия (меры), направленные на обеспечение прав и свобод личности, так и комплексы (системы) таких действий, представляющие собой сложные, комплексные правовые конструкции, выполняющие роль процессуальных гарантий.

В теории можно также встретить определение юридических гарантий через категории *приема* и *метода*<sup>186</sup>. Однако прием – это отдельное действие или способ осуществления чего-нибудь<sup>187</sup>, а метод – способ действовать, поступать каким-нибудь образом, прием<sup>188</sup>. Таким образом, именуемые приемами или методами, уголовно-процессуальные гарантии по сути остаются *средствами* обеспечения прав и свобод личности, что лишний раз подтверждает адекватность и соответствие избранного термина смыслу определяемого явления. В связи с этим Л.Д. Воеводин обоснованно выделяет группу уголовно-процессуальных гарантий, именуемую «средствами», включая в нее гарантии, выступающие в качестве способов, приемов и методов охраны и обеспечения прав и свобод личности. Вторую группу гарантий автор именует «условиями», которые направлены на создание благоприятной обстановки для пользования основными правами и свободами и исполнения обязанностей<sup>189</sup>.

<sup>186</sup> См., например: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие. М., 1997. С. 229.

<sup>187</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. С. 580.

<sup>188</sup> Там же. С. 346.

<sup>189</sup> Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. С. 229.

Существование гарантий-условий признают представители как теории уголовного судопроизводства<sup>190</sup>, так и науки гражданского процессуального права<sup>191</sup>.

Выделение в отдельную группу юридических гарантий-условий представляется совершенно правильным. В отличие от гарантий-средств, используемых посредством совершения уполномоченными субъектами процессуальных действий (бездействия) и принятия ими процессуальных решений, существуют процессуальные гарантии, функционирующие в уголовном судопроизводстве независимо от усмотрения и деятельности субъектов правоприменения. Их назначение – в создании предпосылок, определенной обстановки («среды»), необходимых для соблюдения и защиты прав и свобод личности. Не являясь средством или результатом деятельности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, такие гарантии функционируют объективно, в силу закона.

В юридической литературе условия и средства иногда называют структурными элементами процессуальных гарантий. Такую точку зрения высказывает, в частности, О.В. Еременко. При этом сами процессуальные гарантии автор определяет как основанные на общепризнанных принципах и нормах международного права, международно-правовых договорах, нормах Конституции РФ и конкретизированные в действующем гражданском процессуальном законе условия, средства и способы, создающие реальные возможности для охраны, защиты и реализации прав, свобод и законных интересов участников гражданского судопроизводства в рамках гражданской процессуальной формы<sup>192</sup>. Такой подход

<sup>190</sup> Громов Н. А., Курушин С. А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ. М., 2005. С. 21.

<sup>191</sup> См., например: Кожухарь А. Н. Гражданко-процессуальные гарантии реализации гражданами конституционного права на судебную защиту // Обеспечение прав и свобод граждан в СССР : сб. ст. / под ред. Е. Г. Мартынчика. Кишинев, 1988. С. 147 ; Еременко О. В. К вопросу о понятии и сущности процессуальных гарантий прав участников гражданского судопроизводства // Вестник СГАП. 2010. № 1. С. 95 ; и др.

<sup>192</sup> Еременко О. В. К вопросу о понятии и сущности процессуальных гарантий прав участников гражданского судопроизводства. С. 95.

представляется спорным, поскольку условия, средства и способы не могут быть одновременно и гарантиями, и их структурными элементами.

По нашему мнению, правильнее рассматривать средства и условия как *форму* процессуальных гарантий. При этом отнесение гарантий к средствам или условиям определяется по их функциональности, то есть в зависимости от способа, посредством которого конкретная юридическая гарантия выполняет свое предназначение.

Итак, *уголовно-процессуальные гарантии, имеющие форму средств обеспечения прав и свобод личности, представляют собой предоставленные законом участникам уголовно-процессуальной деятельности правомочия (в том числе властные полномочия) и возложенные на них обязанности, реализация которых служит обеспечению прав и свобод личности, а также закрепленные в законе процедуры, применение которых на практике обеспечивает решение тех же задач.*

Включая в число гарантий-средств правовую процедуру<sup>193</sup>, мы разделяем точку зрения М.И. Байтина и О.В. Яковенко, которые понимают под ней особый нормативно-установленный порядок осуществления юридической деятельности, обеспечивающий реализацию норм материального права и основанных на них материальных правоотношений, охраняемый от нарушений правовыми санкциями. Конкретные правовые процедуры подразделяются на макропроцедуры и микропроцедуры, соотносящиеся между собой как целое и его части<sup>194</sup>. К числу макропроцедур, выступающих в качестве уголовно-процессуальных гарантий, относится и пересмотр вступивших в

---

<sup>193</sup> На особое место юридических процедур среди гарантий прав человека обоснованно обращают внимание И. В. Ростовщиков и А. Г. Тарасова (см.: Ростовщиков И. В., Тарасова А. Г. Юридические процедуры и реализация прав человека: вопросы теории. Волгоград, 2014. С. 76).

<sup>194</sup> Байтин М. И., Яковенко О. В. Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 97–98.

законную силу судебных решений по уголовным делам<sup>195</sup>, а, например, предварительное слушание (как элемент процедуры производства в судах кассационной и надзорной инстанций) является микропрцедурой.

*Уголовно-процессуальные гарантии, имеющие форму условий обеспечения прав и свобод личности, представляют собой правовые нормы, реализация которых призвана создать необходимую среду и предпосылки, обеспечивающие соблюдение и защиту прав и свобод личности.*

В качестве примера процессуальных гарантий-условий можно назвать установленные законом сроки<sup>196</sup>, а также отдельные принципы уголовного процесса, например, гласность судопроизводства. Как писал М.И. Байтин, одной из гарантий соблюдения прав человека в уголовном процессе является прозрачность деятельности органов уголовно-процессуального применения<sup>197</sup>.

Определение юридических (в частности, процессуальных) гарантий в качестве средств и условий позволяет обозначить их функциональное значение в механизме обеспечения прав и свобод личности, но не дает ответа на вопрос, чем является процессуальная гарантия – правовой нормой, актом юридической деятельности или чем-то иным. В юридической литературе на этот счет высказаны различные суждения.

---

<sup>195</sup> Как гарантию правосудия, прав и законных интересов личности надзорное производство по уголовным делам рассматривал Е. Г. Мартынчик (см.: Мартынчик Е. Г. Гарантии прав осужденного в надзорном производстве / отв. ред. В. И. Мокряк. Кишинев, 1985. С. 5).

<sup>196</sup> Отнесение сроков к числу уголовно-процессуальных гарантий в теории уголовного процесса является общепризнанным (см.: Гуляев А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1976. С. 5, 7 ; Уголовный процесс : учебник / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001. С. 11–12 ; Маслов И. В. Правовая регламентация уголовно-процессуальных сроков (досудебное производство). М., 2004. С. 13).

<sup>197</sup> Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 377.

Одни авторы сводят юридические гарантии к *правовым нормам* либо отождествляют их с *законами*<sup>198</sup>, другие полагают, что юридическими гарантиями являются *не только правовые нормы, но и практическая деятельность по их реализации*<sup>199</sup>. Высказывается в науке уголовного процесса и идея о том, что уголовно-процессуальные гарантии сводятся к *уголовно-процессуальной деятельности* и исчерпываются ею. Сторонником данной позиции являлся А.М. Ларин, писавший: «...уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов лиц, участвующих в расследовании, – это предписанные законом действия следователя (и их результаты), которыми создается реальная возможность использования субъективных прав и охраняются законные интересы»<sup>200</sup>.

По нашему мнению, включение уголовно-процессуальной деятельности в понятие юридической гарантии не вполне обосновано. Здесь уместно воспользоваться способом *contradiccio in contrarium*. Так, если встать на позиции сторонников идеи о том, что юридические гарантии представляют собой результат взаимодействия норм права и правовой деятельности<sup>201</sup>, то придется признать, что вне этой деятельности юридических гарантий не существует. Однако это не так – юридическая теория и практика исходят из того, что нормативное закрепление того или иного

---

<sup>198</sup> См.: Цыпкин А. Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 22 ; Кузьова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. С. 9–10 ; Комаров С. А., Ростовчиков И. В. Личность. Права и свободы. Политическая система. С. 60–61 ; Зумакулов А. Д. Институт возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как гарантия прав и свобод личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2005. С. 11.

<sup>199</sup> См.: Александров С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе : учеб. пособие. Горький, 1976. С. 9 ; Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. С. 56 ; и др.

<sup>200</sup> Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 60.

<sup>201</sup> См., например: Александров С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе. С. 9.

субъективного права само по себе является одной из важнейших его гарантий. В частности, Конституционный Суд РФ признает важной гарантией защиты прав и свобод гражданина положения ст. 45 и 46 Конституции РФ, согласно которым каждому гарантировается судебная защита его прав и свобод и обеспечивается право обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц<sup>202</sup>. Таким образом, нормативно закрепленные гарантии прав и свобод личности существуют не только вне деятельности по реализации права, но и предшествуют ей.

В связи с этим представляется, что *юридическими гарантиями являются только нормы права*. В одних случаях такие нормы непосредственно служат средствами или условиями, выступающими в качестве гарантий прав и свобод личности, в других – строительным материалом правовых конструкций (прежде всего процедур), выполняющих ту же роль. В своей совокупности такие правовые нормы образуют институциональный элемент обеспечения прав и свобод личности.

Юридическая деятельность сама по себе не является юридической гарантией, но входит в качестве органического (динамического) элемента наряду с гарантиями в структуру обеспечения прав и свобод личности. Эти элементы, несмотря на их глубокую взаимосвязь, все же являются вполне самостоятельными по отношению друг к другу и не совпадают.

В рамках механизма обеспечения прав и свобод личности юридическая деятельность выступает в качестве проводника юридических гарантий в жизнь, то есть играет роль того элемента, благодаря которому гарантии выполняют свое назначение.

В общей теории права выделяют юридические гарантии, обеспечивающие реализацию как общеправовых принципов, так и отраслевых уголовно-процессуальных принципов. В частности, о юри-

---

<sup>202</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13 января 2000 г. № 11-О // Российская газета. 2000. 19 апр.

дических гарантиях обеспечения законности и правопорядка пишут в своих работах М.И. Байтин<sup>203</sup> и Н.Н. Вопленко<sup>204</sup>.

Выделение юридических гарантий *принципов* ни в коей мере не противоречит сделанному выше выводу о том, что уголовно-процессуальными гарантиями являются средства и условия, обеспечивающие соблюдение и защиту *прав и свобод личности*. Система процессуальных гарантий имеет сложную организацию. Не всегда гарантии обеспечивают то или иное субъективное право непосредственно (напрямую). Зачастую они выстраиваются «в цепочку», в результате чего гарантирование субъективных прав и свобод осуществляется опосредованно – через обеспечение принципов, назначение которых состоит в защите совершенно конкретных интересов личности.

Именно такая ситуация складывается, когда речь заходит об уголовно-процессуальных гарантиях принципов правовой определенности и права на судебную защиту. Каждый из этих принципов отражает определенные интересы, отстаиваемые в уголовном судопроизводстве его отдельными участниками. Соответственно, процессуальные средства и условия, выступающие в качестве гарантий этих принципов, в конечном счете нацелены на обеспечение конституционно значимых прав и свобод личности.

Осуществляемый в рамках производства в судах кассационной и надзорной инстанций пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу, может повлечь за собой существенное изменение правового положения сторон, уже определенного таким решением (в том числе в сторону его ухудшения), в связи с чем Конституционный Суд РФ отметил, что закрепление в законе экстраординарных, чрезвычайных по своему характеру способов обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений требует: 1) установления специальной процедуры открытия соответствующего производства, 2) ограниченного перечня оснований для отмены таких судебных постановлений, которые не

<sup>203</sup> Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 346–416.

<sup>204</sup> Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. С. 746–759.

могут совпадать с основаниями для отмены судебных постановлений в ординарном порядке, а также 3) закрепления особых процессуальных гарантит для защиты как частных, так и публичных интересов от их необоснованной отмены<sup>205</sup>. Другими словами, процедура пересмотра окончательных судебных актов должна быть снабжена комплексом процессуальных гарантит принципа правовой определенности, которые (опираясь на приведенную выше классификацию) можно разделить на гарантии-средства и гарантии-условия. Именно наличие этих процессуальных гарантит в механизме пересмотра вступивших в законную силу судебных решений и отличает такой пересмотр от ординарной (апелляционной) процедуры проверки правосудности судебных решений.

В процедуре пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном порядке принципы правовой определенности и права на судебную защиту, в силу их диалектического единства, настолько глубоко проникают друг в друга, что их жесткая демаркация становится невозможной. В связи с этим одни и те же правовые средства (в том числе процедуры) и условия одновременно выполняют функции процессуальных гарантит обоих этих принципов. Это общее правило распространяется на все элементы надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений, среди которых можно выделить ключевые процессуальные гарантии (средства и условия), обеспечивающие баланс принципов правовой определенности и права на судебную защиту:

И. Предварительное производство – гарантия-средство (процедура), предназначение которой состоит, с одной стороны, в разрешении поступающих жалоб и представлений (что позволяет реализовать заинтересованным лицам свое право на судебную защиту), а с другой – в обеспечении неопровергимости судебных решений (правовая определенность).

II. Гарантии-условия:

– предмет разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций, который, с одной стороны, обеспечивает заинте-

---

<sup>205</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // Российская газета. 2010. 2 апр.

ресурсованным лицам возможность исправления судебной ошибки, а с другой – ограничивает такую возможность выяснением только вопросов права;

– закрепление в законе особого, отличного от применяемых в суде второй инстанции основания отмены и изменения приговоров, определений и постановлений суда, фундаментального нарушения закона;

– неоднократность пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда;

– установленный законом срок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено;

– установленный законом запрет поворота к худшему (*reformatio in peius*);

– ревизионное начало (ревизия) в деятельности судов кассационной и надзорной инстанций.

В качестве иллюстрации диалектической взаимосвязи принципов правовой определенности и права на судебную защиту, которая проявляется в их процессуальных гарантиях, кратко рассмотрим неоднократность пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда.

Проводя реформу проверочных стадий, российский законодатель не воспринял идею единства кассационного суда, чем навлек на себя критику со стороны ряда ученых-процессуалистов, отмечающих, что российский уголовный процесс так и не приблизился к европейским стандартам<sup>206</sup>.

Действительно, надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений, продолжая отечественную процессуальную традицию, характеризуется неоднократностью проверки вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, которая обеспечивается:

---

<sup>206</sup> См., например: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления. С. 45, 48 (автор парагр. 3.1 – Л. В. Головко).

– во-первых, предусмотренной законом возможностью пересмотра отдельных судебных решений как в кассационном, так и в надзорном порядке;

– во-вторых, множественностью кассационных инстанций, выражющейся в том, что функции судов кассационной инстанции выполняют последовательно: 1) президиумы верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда; 2) Судебная коллегия по уголовным делам и Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ<sup>207</sup>;

– в-третьих, полномочием Президиума Верховного Суда РФ неоднократно пересматривать свои собственные постановления (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ)<sup>208</sup>.

Сохранение в уголовном процессе возможности неоднократного пересмотра вступивших в законную силу судебных решений получило в уголовно-процессуальной теории в целом негативную оценку. Высказываются мнения, что в подобных условиях правило *res judicata* превращается в фикцию<sup>209</sup>, что неоднократный

<sup>207</sup> А. С. Омарова в качестве признака кассационного производства выделяет «инстанционную неоднократность кассационной проверки» (Омарова А. С. Инстанционность в суде кассационной инстанции. С. 11).

<sup>208</sup> Положения закона, допускающие повторную проверку Президиумом Верховного Суда РФ своих собственных постановлений, неоднозначно оцениваются в юридической литературе. Одни авторы относятся к ним критически, предлагая их из закона исключить (см., например: Потапов В. Д. Право заинтересованных лиц на рассмотрение по существу повторных жалоб в суд вышестоящей инстанции // Российский следователь. 2012. № 17. С. 10), другие же, и эта позиция представляется нам более обоснованной, исходят из того, что законодательство должно допускать пересмотр судебных решений и после их проверки Президиумом Верховного Суда РФ (см., например: Колмаков П., Обухов И. О влиянии оснований отмены и изменения судебных решений на вывод о повторности надзорных жалобы или представления // Уголовное право. 2008. № 5. С. 87–88).

<sup>209</sup> См.: Ковтун Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 3–9 ; Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. С. 305.

пересмотр вступивших в законную силу судебных актов снижает уровень их стабильности и не согласуется с принципом правовой определенности<sup>210</sup>.

Нет оснований спорить с тем, что неоднократность надзорно-кассационного пересмотра вступивших в законную силу судебных решений ограничивает принцип правовой определенности. Однако следует отдавать себе отчет в том, что данное ограничение является вполне оправданным и необходимым. Всякая повторная проверка вышестоящим судом вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда значительно повышает шансы обнаружения и исправления судебных ошибок. Следовательно, неоднократность пересмотра служит гарантией-условием конституционного права личности на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), выступая одним из регуляторов баланса двух ключевых для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений принципов – правовой определенности и права на судебную защиту.

К тому же, как ни парадоксально это звучит, неоднократность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, с одной стороны, ограничивая принцип правовой определенности, с другой стороны, служит одновременно гарантией его же реализации, поскольку выступает предпосылкой для решения судами кассационной и надзорной инстанций задачи обеспечения единства судебной практики<sup>211</sup>, являющегося одним из ключевых элементов данного принципа.

---

<sup>210</sup> См.: Ковтун Н. Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 220 ; Свиридов М. К. Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 357. С. 141 ; Вишневский Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости // Современное право. 2013. № 11. С. 76–83.

<sup>211</sup> «Инстанционность, – пишет В. Б. Вершинин, – позволяет не только своевременно выявлять и устранять процессуальные ошибки нижестоящих судов, но и формировать единобразную судебную и в целом правоприменительную практику» (Вершинин В. Б. Судебная защита как комплексный институт российского права : дис. ... канд. юрид. наук. С. 47).

Таким образом, неоднократность надзорно-кассационного пересмотра судебных решений одновременно выступает гарантшей как права на судебную защиту, поскольку расширяет возможности обжалования заинтересованными лицами судебных решений, так и принципа правовой определенности, поскольку обеспечивает условия для эффективного решения судами кассационной и надзорной инстанций возложенной на них задачи обеспечения единства судебной практики.

## Глава 3

# ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СУДАХ КАССАЦИОННОЙ И НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИЙ

---

## **§ 1. Сущность и предназначение предварительного производства в судах кассиационной и надзорной инстанций**

Отмена или изменение судебного решения, вступившего в законную силу, всегда наносит ущерб престижу правосудия, поскольку является отступлением от принципов правовой определенности и правовой безопасности, вытекающих из ч. 2 ст. 19 и ст. 55 Конституции РФ и являющихся элементами принципа верховенства права. Соответственно, в уголовно-процессуальном законе должен быть предусмотрен процедурный механизм, препятствующий тому, чтобы пересмотр вступивших в законную силу судебных решений становился общим правилом, то есть превращался в ординарное явление. Традиционно эта задача решается посредством установления особого порядка возбуждения производства по пересмотру судебных актов, который выступает в качестве «фильтра», обеспечивающего отсев заведомо необоснованных или не отвечающих формальным требованиям ходатайств сторон об отмене или изменении обжалуемого судебного решения.

Когда Законом от 27 ноября – 1 декабря 1790 г. в Париже был учрежден кассационный суд (*Tribunal de cassation*), в его структуру наряду с двумя палатами, гражданской и уголовной, вошло также отделение для предварительного рассмотрения кассационных жалоб (*bureau de requêtes*), преобразованное позднее в особую палату, которой вменялось в обязанность простым большинством голосов решать вопрос о принятии кассационной жалобы.

Российский законодатель в ходе Судебной реформы 1864 г. первоначально отверг такую организацию кассации, счтя ее неоправданной и нецелесообразной. Разделение французского кассационного суда на два отделения рассматривалось как «остаток старого времени, отживший свой век». Считалось, что подобное разделение кассации усложняет и замедляет разрешение кассационных жалоб, что оно вносит в кассационный суд разделение в возражениях, суждениях и разнообразие в разрешении дел<sup>1</sup>. Однако со временем отсутствие процедуры предварительного рассмотрения кассационных жалоб привело к чрезмерной загруженности Правительствующего Сената. Накопилось огромное число нерассмотренных дел, а сенаторам приходилось докладывать более 300 дел в год. Число разрешаемых дел, писал К.К. Арсеньев, столь велико что невозможно достигнуть надлежащей полноты в обсуждении их, надлежащей тщательности в изложении решений. Отсюда неизбежные недосмотры, недомолвки и противоречия, так сильно затрудняющие изучение кассационных решений, без того уже нелегкое вследствие крайней их многочисленности, и значительно уменьшающие приносимую ими пользу<sup>2</sup>.

Как следствие, в юридической литературе тех лет стали раздаваться призывы установить предварительное рассмотрение кассационных жалоб. С этой целью предлагалось учредить в Сенате специальное отделение, которое имело бы право оставлять кассационные жалобы без последствий, тем самым разгружая кассационные департаменты<sup>3</sup>. И хотя некоторые авторы считали учреждение в составе Сената камеры прошений бесполезным и даже вредным, предрекая, что оно усложнит и замедлит кассационное производство<sup>4</sup>, законодатель со временем все же внес в Устав уголовного судопро-

<sup>1</sup> Марков П. Французский кассационный суд решений // Журнал Министерства юстиции. 1862. Т. XIV. Кн. 12. С. 478.

<sup>2</sup> Арсеньев К. Реформа кассационного суда и кассационного производства // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Кн. 4. С. 43.

<sup>3</sup> См.: Мальчевский К. К вопросу об устранении медленности в производстве кассационных дел // Юридический вестник. 1876. Кн. 3–4–5. С. 14–40.

<sup>4</sup> Арсеньев К. Реформа кассационного суда и кассационного производства. С. 91.

изводства соответствующие дополнения. Статья 916.1, которой был дополнен Устав уголовного судопроизводства, предусматривала, что все поступавшие в Кассационный Департамент Правительствующего Сената протесты лиц прокурорского надзора, а также жалобы частных лиц об отмене окончательных приговоров судебных мест подлежали предварительному рассмотрению в распорядительных заседаниях Департамента: 1) для устранения тех из сих ходатайств, кои предъявлены с нарушением установленных законом формальных условий или же не заключают в себе никаких указаний на поводы к отмене решения, и 2) для распределения остальных засим дел к слушанию в судебных заседаниях присутствия Департамента или его Отделений. По замыслу законодателя, распорядительное заседание должно было ограничиваться рассмотрением жалоб лишь с формальной стороны без вхождения в разрешение вопроса об их уважительности или неуважительности<sup>5</sup>. Однако на практике в распорядительном заседании жалобы стали устраниться от рассмотрения не только в силу формальных своих дефектов, но и в связи с тем, что указанные в жалобах поводы признавались неосновательными<sup>6</sup>.

В советском уголовном процессе основной формой проверки судебных решений, вступивших в законную силу, стало производство в порядке надзора, которое уже на самых ранних этапах истории советского уголовного процесса объявлялось исключительным. «Судебный надзор, – говорил Н.В. Крыленко, – в противоположность кассационному надзору или, вернее, контролю, является порядком экстраординарным, кассационный контроль – нормальным»<sup>7</sup>.

В отличие от дореволюционной кассации, где инициатива в пересмотре судебного решения принадлежала сторонам по делу, а распорядительное заседание предназначалось лишь для проверки соответствия жалоб формальным требованиям, советский судебный надзор изначально создавался как форма контроля за деятельностью ни-

<sup>5</sup> Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. СПб., 1910. С. 528.

<sup>6</sup> Кулишер Е. М. Новые черты кассационного производства // Журнал уголовного права и процесса. 1912. Кн. 1. С. 225.

<sup>7</sup> Доклад тов. Крыленко по п. 4 повестки дня: «Вопросы судебного надзора». – содоклад тов. Стучки // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 11. С. 263.

жестоящих судов со стороны руководителей органов суда и прокуратуры. Именно этим должностным лицам со временем и было предоставлено исключительное право *ex officio* не только инициировать проверку приговора, но и передавать уголовное дело на рассмотрение в порядке надзора. Согласно ч. 1 ст. 48 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. пересмотр в порядке надзора вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда допускался лишь по протесту того прокурора, председателя суда и их заместителей, которым это право было предоставлено законодательством Союза ССР и союзных республик.

Действовавшая в советском судопроизводстве конструкция пересмотра вступивших в законную силу судебных решений порождала в теории процессуального права разногласия относительно того, следует ли включать в содержание соответствующей судопроизводственной стадии предшествующий принесению протеста этап рассмотрения соответствующим прокурором или председателем суда надзорных жалоб, включавший в себя истребование уголовного дела из нижестоящего суда.

Некоторые исследователи отвечали на этот вопрос утвердительно, полагая, что стадия пересмотра судебных решений в порядке надзора начинается с момента принятия надзорных жалоб и, соответственно, включает в себя их рассмотрение и истребование уголовного дела<sup>8</sup>. При таком подходе данная стадия не могла рассматриваться как чисто судебная, поскольку в ее содержание включалась деятельность должностных лиц органов прокуратуры, которые наряду с руководителями соответствующих судов наделялись полномочиями рассматривать надзорные жалобы и приносить протесты в порядке надзора.

<sup>8</sup> См., например: Рахунов Р. Д. Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов. М., 1956. С. 33 ; Кац С. Ю. Возбуждение производства в порядке надзора по гражданским делам. М., 1965. С. 10 ; Алексеев В. Б. Оценка доказательств в надзорной инстанции в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 3 ; Его же. Оценка доказательств в стадии надзорного производства. М., 1971. С. 11, 78–79 ; Мизулина Е. Б. Природа надзорного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1983. С. 13–14.

Принципиальную важность вопросу о начальном моменте стадии пересмотра судебных решений в порядке надзора придавало то обстоятельство, что от ответа на него зависело признание данной стадии исключительной. Ведь если исходить из того, что рассмотрение надзорной жалобы должностным лицом органов прокуратуры или суда охватывается содержанием данной стадии, то необходимо признать, что именно принесение надзорной жалобы стороной по делу инициировало начало процедуры пересмотра судебных решений в порядке надзора, вследствие чего она уже не могла считаться исключительной.

Именно поэтому приведенная выше позиция относительно начального момента рассматриваемой стадии вызывала категорические возражения со стороны многих ученых, считавших, что она ведет к стиранию грани, отличающей надзорное производство от кассационного. Как писал С.С. Москвин, подача и принятие надзорной жалобы не влекут за собой обязанности истребовать и пересмотреть дело. Следовательно, началом пересмотра решений в порядке надзора нужно считать истребование дела – процессуальное действие соответствующих должностных лиц<sup>9</sup>. Данную позицию разделяли и другие ученые<sup>10</sup>. При этом в юридической литературе всячески подчеркивалось, что инициировать пересмотр судебного решения в порядке надзора могли только специально уполномоченные на то должностные лица, тогда как у сторон по делу такая возможность отсутствовала. Именно в этом, по убеждению советских ученых-процессуалистов, и состояла исключительность стадии пересмотра судебных решений в порядке надзора.

«Исключительным, – писал Н.Н. Полянский, – пересмотр дел в порядке надзора остается все же и теперь, поскольку субъектами, от которых зависит возбуждение данного вида пересмотра, являются не стороны в процессе, а представители судебного над-

<sup>9</sup> Москвин С. Рецензия на книгу С.Ю. Каца // Советская юстиция. 1965. № 19. С. 28.

<sup>10</sup> См., например: Стrogович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956. С. 267 ; Его же. Курс советского уголовного процесса. Т. II. М., 1970. С. 443 ; Трубников П. Я. Пересмотр решений в порядке судебного надзора // Советское государство и право. 1970. № 2. С. 24.

зора»<sup>11</sup>. Данная точка зрения была весьма распространена в юридической литературе<sup>12</sup>.

В этой особенности состояло ключевое отличие судебного надзора от ординарного способа проверки правосудности судебных решений судом второй (в тот период – кассационной) инстанции. Если принесение стороной по делу кассационных жалобы или протеста на не вступившие в законную силу судебные решения автоматически влекло за собой их пересмотр судом второй инстанции, то подача заинтересованным лицом надзорной жалобы такого эффекта не имела – жалоба служила лишь поводом для проведения проверки уполномоченным должностным лицом органов прокуратуры или суда, от которого и зависело возбуждение надзорного производства. Как отмечал М.С. Строгович, кассационный порядок является нормальной стадией прохождения уголовного дела; порядок же судебного надзора предполагает экстраординарное, особое вмешательство надзорного органа в нормальный ход дела<sup>13</sup>.

УПК РФ 2001 г. по-новому урегулировал процедуру производства в суде надзорной инстанции – законодатель решительно отказался от непроцессуального порядка рассмотрения надзорных жалоб и возбуждения надзорного производства.

Произошедшие в законе изменения были объективно необходимы, поскольку действовавший в советском уголовном процессе порядок принесения протестов в порядке надзора должностными лицами суда и прокуратуры не соответствовал европейским стандартам справедливого правосудия. По мнению Европейского Суда по правам человека, принесение протеста об отмене окончательного судебного решения считалось формой «чрезвычайной» жалобы, поскольку это средство не являлось непосред-

<sup>11</sup> Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д. С. Карева. М., 1956. С. 217.

<sup>12</sup> См., например: Строгович М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. М., 1946. С. 488 ; Грун А. Я. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. М., 1969. С. 6 ; Уголовный процесс / отв. ред. Н. С. Алексеев [и др.]. М., 1972. С. 466 ; Демидов В. Производство по уголовным делам в суде надзорной инстанции // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 31 ; и др.

<sup>13</sup> Строгович М. С. Уголовный процесс. С. 488.

ственno доступным обвиняемому по уголовному делу и его применение зависело от усмотрения уполномоченных на то должностных лиц. В связи с этим Суд не признавал надзорное производство эффективным средством правовой защиты ни в гражданском, ни в уголовном судопроизводстве<sup>14</sup>.

Предложения придать процессуальную форму процедуре изучения надзорных жалоб и принятию решения о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта настойчиво высказывались в период работы над проектом УПК. Так, П.А. Лупинская, выступая на парламентских слушаниях, отмечала: «Я думаю, здесь мы должны идти судебным путем. И отказ человеку в перенесении его дела на рассмотрение вот этой высшей судебной инстанции должен быть тоже судебным решением. Иначе мы оборвем линию возможности на кассационном решении дела, потому что ни одна сторона не признает... административного порядка прохождения жалобы и реализации человеком своего права на обжалование в вышестоящий суд судебного решения»<sup>15</sup>.

Уголовно-процессуальное законодательство 2001 г. закрепило полномочие рассматривать надзорные ходатайства участников уголовного процесса и иных заинтересованных лиц за судьями и руководителями судов областного уровня и Верховного Суда РФ. При этом законодатель в гл. 47 УПК РФ регламентировал не только

<sup>14</sup> См.: Решение Европейского Суда по правам человека от 22 июня 1999 г. по вопросу приемлемости жалобы № 47033/99 «Людмила Францевна Тумилович (Lyudmila Frantsevna Tumilovich) против Российской Федерации» // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 58–61 ; Решение Европейского Суда по правам человека от 29 января 2004 г. по вопросу приемлемости жалобы № 31697/03 «Леван Валерьевич Бердзенишвили (Levan Valeryevich Berdzenishvili) против Российской Федерации» // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 123–130 ; Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>15</sup> Стенограмма парламентских слушаний на тему «Проект уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (общие положения)», 23 апреля 2001 г. // Уроки реформы уголовного правосудия в России : По материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие : сб. ст. и материалов / отв. ред. Е. Б. Мизулина, А. Е. Лебедев ; вступ. ст. С. М. Миронова. М., 2007. С. 711–712.

процедуру рассмотрения, но и сам порядок принесения надзорных жалоб и представлений, вследствие чего данная деятельность приобрела уголовно-процессуальный характер.

В соответствии с положениями ныне утратившей силу гл. 47 УПК РФ по результатам изучения надзорной жалобы (представления) и уголовного дела, если оно было истребовано, судья суда надзорной инстанции выносил одно из следующих постановлений: 1) об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления; 2) о возбуждении надзорного производства и передаче надзорных жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции вместе с уголовным делом, если оно было истребовано (ч. 3 ст. 406 УПК РФ). В части 1 ст. 407 УПК РФ решение судьи о возбуждении надзорного производства и передаче надзорных жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции именовалось *предварительным*, что представляется верным, поскольку данное решение не завершало производство в суде надзорной инстанции, но являлось основанием передачи надзорных жалобы или представления для рассмотрения судом надзорной инстанции по существу.

Первоначальный этап стадии производства в суде надзорной инстанции, начинающийся с момента поступления в суд надзорных жалобы или представления и завершающийся принятием судьей решения по результатам их изучения, получил в теории уголовного процесса<sup>16</sup> название *предварительного производства*<sup>17</sup>.

<sup>16</sup> См.: Ковтун Н. Н., Подшибякин А. С. Производство в суде надзорной инстанции: вопросов больше, чем ответов // Российский судья. 2002. № 9. С. 16 ; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 1008 (автор комментария к гл. 48 – Н. Н. Ковтун) ; Дикарев И. С. Предварительное производство в суде надзорной инстанции. М., 2010 ; Потапов В. Д. Предварительное производство при пересмотре окончательных актов суда: отказ в правосудии или обеспечение правила *res judicata?* // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 152–155.

<sup>17</sup> Следует заметить, что этот термин в науке уголовного процесса не является новым. Еще в 1965 г. В. Б. Алексеев именовал так предварительную проверку дела лицами, уполномоченными на ее проведение или принесение протеста в порядке надзора (см.: Алексеев В. Б. Оценка доказательств в надзорной инстанции в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 3).

Изменения в организации пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, произошедшие в уголовном судопроизводстве после принятия УПК РФ 2001 г., возобновили дискуссию об исключительности соответствующих стадий.

Широкое распространение среди исследователей получила точка зрения о том, что производство в суде надзорной инстанции после принятия УПК РФ утратило свой исключительный характер.

Так, например, В.А. Давыдов полагает, что надзорное производство являлось ранее и является в настоящее время вполне ординарной стадией процесса, поскольку правовая система Российской Федерации предусматривала прежде и предусматривает сегодня пересмотр окончательного судебного решения в целях исправления судебной ошибки<sup>18</sup>. Е.Т. Демидова строит свою аргументацию отрицания исключительного характера надзорного производства на единстве задач, стоящих перед всеми проверочными стадиями; одинаковой последовательности производства во всех вышестоящих судах; единстве оснований к отмене или изменению судебных решений; единстве правил, регулирующих производство во всех вышестоящих стадиях<sup>19</sup>. Об утрате исключительности и превращении производства в суде надзорной инстанции в обычную проверочную стадию пишут также В.Н. Калинин, Ю.К. Якимович, Т.Г. Бородинова<sup>20</sup>.

<sup>18</sup> См.: Давыдов В. А. Производство в надзорной инстанции в уголовном процессе: проблемы и перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9–10 ; Его же. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам (производство в надзорной инстанции). М., 2006. С. 16.

<sup>19</sup> Демидова Е. Т. Теоретические и практические проблемы надзорного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7.

<sup>20</sup> См.: Калинин В. Н. Принцип недопустимости ухудшения положения осужденного при пересмотре судебных решений // Следователь. 2004. № 5. С. 18 ; Якимович Ю. К. Может ли быть модернизирован современный уголовный процесс? // Избранные труды / Ю. К. Якимович. СПб., 2011. С. 761–770 ; Бородинова Т. Г. Конституционное право на пересмотр судебных решений и эффективность его реализации в современном уголовном судопроизводстве // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса : сб. материалов Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 30–31 окт. 2009 г. / сост. К. Б. Калиновский. СПб., 2010. С. 60.

Не меньше сторонников и у противоположной позиции, в соответствии с которой стадия производства в суде надзорной инстанции не утратила после принятия УПК РФ своего исключительного характера<sup>21</sup>.

После внесения в УПК РФ изменений и дополнений Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ проверка законности вступивших в законную силу судебных решений в уголовном процессе была возложена на суды кассационной и надзорной инстанций. Будучи звеньями целостной системы обеспечения правосудности вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, эти стадии строятся на единых началах, имеют общий предмет и одинаковую структуру. Предварительное производство при этом сохраняет значение обязательного элемента структуры указанных стадий<sup>22</sup>.

Аналогичные процедуры предусмотрены и в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран, что подтвер-

<sup>21</sup> См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. С. 1008 (автор комментария к гл. 48 – Н. Н. Ковтун) ; Демурчев Г. Г. Основания отмены или изменения решений суда по уголовным делам, вступившим в законную силу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 12 ; Мерзлякова М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 8–9 ; Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М., 2011. С. 11 ; Закотянская А. Ф. Обжалование и пересмотр решений суда в ходе досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 5.

<sup>22</sup> Так, например, В. Д. Потапов выделяет в структуре обновленных стадий производства в судах кассационной и надзорной инстанций два относительно самостоятельных процедурных этапа: 1) предварительное кассационное / надзорное производство, назначение которого – проверка легитимных оснований для возбуждения собственно производства в кассационном или надзорном суде (ст. 401.7–401.11, 412.5 УПК РФ); 2) кассационное / надзорное производство по существу внесенного отзыва, осуществляемое непосредственно в кассационном / надзорном суде и имеющее своей непосредственной задачей проверку законности окончательных актов суда (ст. 401.12–401.14, 412.10 УПК РФ) (см.: Потапов В. Д. Предварительное производство при пересмотре окончательных актов суда: в контексте правила *res judicata* // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2012. № 7. С. 57).

ждает признание данного элемента порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений как *одного из важнейших средств обеспечения баланса принципов правовой определенности и права на судебную защиту*. Так, например, в уголовном процессе Украины соответствующий этап производства в суде кассационной инстанции регламентируется ст. 428 УПК Украины и носит название «открытие кассационного производства»<sup>23</sup>. Существенное отличие данной процедуры от российского предварительного производства состоит в том, что решение об открытии кассационного производства принимается не единолично судьей, а судом кассационной инстанции в целом<sup>24</sup>.

Согласно положениям ныне действующих ст. 47.1 и 48.1 УПК РФ все поступающие в суды кассационной и надзорной инстанций жалобы и представления в ходе предварительного производства изучаются судьей соответствующего суда на предмет обоснованности требования о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта. По результатам изучения жалобы, представления судья выносит постановление: 1) об отказе в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ, либо 2) о передаче кассационных или надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ.

Решая вопрос о том, носят ли стадии производства в судах кассационной и надзорной инстанций исключительный характер, исходить, как представляется, необходимо из следующего.

Судебный надзор советского образца характеризовался тем, что процессуальная деятельность в данной стадии инициирова-

<sup>23</sup> Уголовный процессуальный кодекс Украины / пер. Л. И. Фокина. Харьков, 2012. С. 231–232.

<sup>24</sup> Ковтун Н. Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 27.

лась принесением протеста уполномоченным должностным лицом органов прокуратуры или суда. Уже только по этой причине стадия пересмотра судебных решений в порядке надзора не могла быть отнесена к обычным стадиям уголовного процесса – ее начало всецело зависело от реализации дискреционных полномочий специальными субъектами.

Существенное отличие современной процедуры производства в судах кассационной и надзорной инстанций от советской модели состоит в придании этапу рассмотрения ходатайств заинтересованных лиц о пересмотре судебного решения (предварительному производству) процессуальной формы, а самим этим ходатайствам – процессуального значения<sup>25</sup>. Тем самым законодателю удалось гарантировать сторонам и иным лицам, чьи права и законные интересы затрагиваются судебным решением, *конституционное право на судебную защиту*. Влияние данного принципа на производство в судах кассационной и надзорной инстанций выразилось в том, что процессуальная деятельность в этих стадиях инициируется сторонами и иными заинтересованными лицами. Все приносимые в суды кассационной и надзорной инстанций жалобы, представления подлежат изучению в предусмотренном процессуальным законом порядке. В связи с этим следует прийти к выводу, что *в настоящее время стадии производства в судах кассационной и надзорной инстанций являются вполне ординарными*, так как для начала предварительного производства в них достаточно подачи в соответствующий суд стороной или иным заинтересованным лицом жалобы или представления.

Другое дело, что подача жалобы или представления вовсе не обязательно повлечет за собой пересмотр вступившего в законную силу судебного решения судом кассационной или надзор-

<sup>25</sup> На данные новеллы, как ставящие под сомнение исключительный характер стадии производства в суде надзорной инстанции, обратил в свое время внимание Н. Н. Ковтун (см.: Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: Понятие, сущность, формы : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 417, 420).

ной инстанции. По своей сути кассационные и надзорные жалобы, представления – не более чем ходатайства о пересмотре вступившего в законную силу судебного решения, которые подлежат изучению уполномоченным судьей, от решения которого и зависит начало следующего этапа производства в судах кассационной или надзорной инстанции – пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда (осуществляемого в форме рассмотрения соответствующих жалобы или представления в судебном заседании суда кассационной или надзорной инстанции).

Только такой порядок может обеспечить соответствие процедуры пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном порядках принципу правовой определенности (в аспекте обеспечения стабильности окончательных судебных решений).

Окончательные судебные решения не могут пересматриваться в силу одного лишь обращения заинтересованных лиц (подачи жалобы, представления), а требуют особых оснований для реализации столь исключительных процедур<sup>26</sup>. Вмешательство в судьбу дела, решение по которому вступило в законную силу, не должно быть произвольным. И если при обжаловании решений, не вступивших в законную силу, препятствий и фильтров быть не должно, то при обжаловании вступивших в силу постановлений ситуация складывается иная. Вступившее в силу решение суда является окончательным, исполняемым, оно презумируется правильным. Мотив несогласия с этим постановлением не может считаться достаточным для пересмотра<sup>27</sup>.

Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П, исключительная по своему существу возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов предполагает установление таких особых процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы

<sup>26</sup> Потапов В. Д. Предварительное производство при пересмотре окончательных актов суда: в контексте правила *res judicata*. С. 57.

<sup>27</sup> Терехова Л. А. Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования. М., 2009. С. 98.

прежде всего требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, их неопровергимости<sup>28</sup>. Европейский Суд по правам человека также неоднократно отмечал в своих решениях<sup>29</sup>, что пересмотр окончательного и вступившего в законную силу приговора не может осуществляться только с целью добиться повторного рассмотрения и вынесения нового решения по делу, а скорее с целью исправления судебных ошибок и ошибок в направлении правосудия.

В связи с этим представляется дискуссионной позиция тех авторов, которые полагают, что действующий порядок передачи жалоб, представлений для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной или надзорной инстанции только по решению судьи ограничивает право на судебную защиту<sup>30</sup> и что полномочия судьи должны быть ограничены проверкой лишь соответствия жалобы формальным требованиям, но не обоснованности<sup>31</sup>.

Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что предварительная процедура рассмотрения кассационных жалоб, в рамках которой определяются правовые основания для дальнейшего движения дела (истребования дела, передачи его для рассмотрения по существу в суд кассационной инстанции) исходя из доводов, изложенных в жалобе, и содержания обжалуемых судебных решений (материалов истребованного уголовного дела), как таковая отвечает правовой природе и предназначению кассационного производства и не может расцениваться как не совместимая с правом каждого на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство, притом что при рассмотрении уголовного дела по существу судом кассационной инстанции в отношении сторон и иных участвующих

<sup>28</sup> См.: Российской газета. 2012. 11 янв.

<sup>29</sup> См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10. С. 128.

<sup>30</sup> См.: Чебуренков А. А. Полномочия суда надзорной инстанции в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004. С. 9, 15.

<sup>31</sup> Костанов Ю. А. Порядок предварительного рассмотрения надзорных жалоб: отказ в правосудии или баланс интересов? // Уголовный процесс. 2011. № 6. С. 17.

в данном деле лиц обеспечивается соблюдение основных процессуальных принципов и гарантий<sup>32</sup>. Думается, есть все основания распространить приведенную правовую позицию Конституционного Суда РФ и на производство в суде надзорной инстанции.

Изложенное приводит к выводу о том, что **в современных условиях законодатель придает исключительный характер не стадиям производства в судах кассационной и надзорной инстанций в целом, а лишь отдельному, хотя и ключевому элементу их структуры – пересмотру вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда (осуществляемому в форме рассмотрения соответствующих жалобы или представления в судебном заседании суда кассационной или надзорной инстанции).**

Нынешняя организация предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций является важным элементом в механизме обеспечения баланса принципов правовой определенности и права на судебную защиту при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений. С одной стороны, такой порядок создает необходимые условия для реализации заинтересованными лицами права обжалования, обеспечивает им возможность добиваться исправления судебных ошибок, а с другой – служит важной гарантией принципа правовой определенности, препятствуя пересмотру окончательных судебных решений при отсутствии к тому необходимых оснований.

Решение в рамках предварительного производства противоречащих друг другу задач вполне закономерно и объяснимо. Данный этап производства в судах кассационной и надзорной инстанций является микропрцедурой, которая хотя и отличается от макропрцедуры (соответствующей стадии) меньшей, ограниченной по сравнению с ней сферой действия, но при этом обладает всеми характерными чертами, свойственными макропрцедуре<sup>33</sup>. Сле-

<sup>32</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П // Российской газета. 2014. 9 апр.

<sup>33</sup> Байтин М. И., Яковенко О. В. Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 98.

довательно, предварительное производство в той же мере, что и надзорно-кассационная форма, частью которой оно является, несет в себе диалектическое противоречие принципов правовой определенности и права на судебную защиту.

**Предварительное производство – начальный этап стадий производства в судах кассационной и надзорной инстанций, представляющий собой судебную процедуру<sup>34</sup>, обеспечивающую, с одной стороны, рассмотрение кассационных и надзорных ходатайств и принятие решений об их передаче для рассмотрения по существу в судебном заседании соответствующего суда, а с другой – отсев жалоб и представлений, которые не содержат в себе сведений о нарушениях закона, могущих служить основанием для пересмотра вступившего в законную силу судебного решения, либо поданы с нарушением установленного законом срока или иных формальных требований, предъявляемых к жалобам и представлениям.**

Следует обратить внимание на то, что основания принятия судьей решения о передаче кассационных или надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда, полностью совпадают с установленными законом основаниями отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном или надзорном порядке<sup>35</sup>. В обоих случаях таким основанием является нарушение (неправильное применение) закона, отвечающее критериям, указанным ст. 401.6 и 401.15 УПК РФ. Особенность состоит лишь в том, что в предварительном решении вывод о нали-

---

<sup>34</sup> Емкое и содержательное определение судебной процедуры дано С. В. Бурмагиным: это совокупность последовательных и взаимосвязанных между собой судебных действий и решений, предназначенных для решения одной локальной задачи (Бурмагин С. В. Уголовный суд России : монография. М., 2010. С. 83).

<sup>35</sup> Так же решался данный вопрос и в советской процессуальной науке (см., например: Комиссаров К. И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 80 ; Мартынчик Е. Г. Гарантии прав осужденного в надзорном производстве / отв. ред. В. И. Мокряк. Кишинев, 1985. С. 71 ; и др.).

ции данного нарушения является вероятностным, а в итоговом решении суда кассационной или надзорной инстанции – категорическим. Иное решение данного вопроса (например, выделение особых, отличающихся от указанных в ст. 401.6 и 401.15 УПК РФ оснований передачи дела на рассмотрение судов кассационной или надзорной инстанции) противоречило бы принципу правовой определенности, поскольку не обеспечивало бы должных гарантий неопровергимости окончательных судебных решений.

В период разработки проекта УПК РФ рассматривался вариант установления коллегиального порядка разрешения вопроса о возбуждении надзорного производства<sup>36</sup>. Представители науки гражданского процессуального права также призывают ввести коллегиальное предварительное производство и в гражданском процессе<sup>37</sup>. Однако даже в арбитражном процессе, где ранее заявления или представления о пересмотре судебного акта в порядке надзора рассматривались составом судей Высшего Арбитражного Суда РФ в судебном заседании (ст. 299 АПК РФ), законодатель отказался от коллегиальности предварительного производства и предусмотрел в гл. 36.1 АПК РФ, введенной Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ<sup>38</sup>, что надзорные жалобы и представления рассматриваются судьей Верховного Суда РФ единолично (ч. 2 ст. 308.4 АПК РФ).

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что институциональные и процедурные условия пересмотра вступивших в законную силу судебных решений должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в ис-

<sup>36</sup> Стенограмма парламентских слушаний на тему «Проект уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (общие положения)», 23 апреля 2001 г. С. 745.

<sup>37</sup> См., например: Терехова Л. А. О концепции надзорного производства в новом ГПК // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса, 2002–2003. № 2. СПб., 2004. С. 72 ; Рехтина И. В. Надзорное производство в гражданском процессе: вопросы теории и практики : монография. М., 2010. С. 43.

<sup>38</sup> Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 4 июля.

пользовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать возможность затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем – правовую определенность<sup>39</sup>.

Думается, единоличный порядок вынесения предварительного решения по кассационным и надзорным жалобам, представлениям призван прежде всего обеспечить процессуальную экономию, которая, конечно, «не является для законодателя самоцелью: в первую очередь она призвана заложить основу для организационно наиболее быстрого и эффективного разрешения дел в судебной системе в целом»<sup>40</sup>. Что же касается субъективизма, неизбежного при принятии решения единолично одним судьей, то он компенсируется: в Верховном Суде РФ – контролем за законностью и обоснованностью предварительных решений со стороны руководителей данных судов, а в судах областного уровня (частично) – возможностью последующего обжалования судебных решений в Верховный Суд РФ.

## **§ 2. Механизм процессуального контроля за законностью и обоснованностью решений, выносимых судьями по результатам предварительного производства**

Предварительное рассмотрение кассационных и надзорных жалоб, представлений судьями судов кассационной и надзорной инстанций служит гарантией принципа правовой определенности, поскольку призвано воспрепятствовать пересмотру вступивших в законную силу судебных решений при отсутствии к тому необходимых оснований.

---

<sup>39</sup> См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1734.

<sup>40</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П // Российская газета. 2011. 27 июля.

В то же время эта процедура не должна становиться преградой реализации участниками уголовного процесса и иными заинтересованными лицами их конституционного права на судебную защиту в тех случаях, когда по делу было допущено нарушение закона, являющееся достаточным основанием для отмены или изменения вступившего в законную силу судебного решения. Такое может произойти в случае принятия судьей на этапе предварительного производства незаконного или необоснованного решения об отказе в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ (далее в тексте такие решения будут именоваться также «отказными». – *И. Д.*).

Для нейтрализации подобной опасности российский законодатель использует контроль за «отказными» решениями судей со стороны руководителей соответствующих судов. Так, ныне утратившая силу гл. 48 УПК РФ содержала норму, согласно которой председатель верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, Председатель Верховного Суда РФ либо его заместители имели право не согласиться с решением судьи об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления. В этом случае указанное должностное лицо своим постановлением отменяло вынесенное судьей постановление об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления и передавало надзорную жалобу или представление на рассмотрение суда надзорной инстанции.

Следует подчеркнуть важность и эффективность рассматриваемого полномочия руководителей Верховного Суда РФ в обеспечении права личности на судебную защиту. В ряде случаев только благодаря их вмешательству в дело исправлялись судебные ошибки, которые не удавалось выявить даже после многочисленных обращений заинтересованных лиц в вышестоящие суды.

Так, осужденный Т. обратился в Саратовский областной суд с надзорной жалобой на приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 12 февраля 2010 г., которым он был при-

зан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 116 и ч. 2 ст. 162 УК РФ, и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда. В своей жалобе осужденный ссылался на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона, а также неправильное применение уголовного закона, просил изменить квалификацию своих действий на ч. 1 ст. 162 УК РФ.

Постановлением судьи Саратовского областного суда от 10 августа 2010 г., с которым согласился председатель Саратовского областного суда (письмо от 30 декабря 2010 г.), в удовлетворении надзорной жалобы осужденного Т. было отказано.

В передаче кассационной жалобы осужденного Т., поданной в Верховный Суд РФ, также было отказано постановлением судьи Верховного Суда РФ от 27 декабря 2011 года. Данное постановление было проверено заместителем Председателя Верховного Суда РФ, который 30 июня 2015 г. вынес постановление об отмене постановления судьи и передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, в котором указал, что квалификацию действий Т. по ч. 2 ст. 162 УК РФ нельзя признать соответствующей установленным судом фактическим обстоятельствам преступного деяния и требованиям уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение разбойного нападения.

Рассмотрев жалобу осужденного Т., президиум Саратовского областного суда удовлетворил ее: действия Т. переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ, назначенное наказание снижено<sup>41</sup>.

После внесения в УПК РФ изменений и дополнений Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ контроль руководителей суда на этапе предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций сохранился, но только за «отказными» постановлениями, выносимыми судьями Верховного Суда РФ. Постановления об отказе в передаче кассационных

<sup>41</sup> См.: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-72/2015.

жалоб, представлений для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, выносимые судьями судов областного уровня, оказались выведенными из-под процессуального контроля, поскольку уголовно-процессуальный закон не предоставил права их отмены председателям верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, а также окружного (флотского) военного суда.

Такое законодательное решение представляется ошибочным. Во-первых, контроль руководителей судов за «отказными» постановлениями судей составляет важную гарантию права на судебную защиту, которое в его отсутствие оказывается необеспеченным, вследствие чего нарушается баланс принципов правовой определенности и права на судебную защиту. Во-вторых, нарушаются принцип равенства всех перед законом и судом: лицам, чьи кассационные жалобы, представления рассматриваются в Верховном Суде РФ, обеспечены большие возможности добиться судебной защиты, нежели лицам, обжалующим в кассационном порядке судебные решения в президиум суда областного уровня.

А.В. Смирнов еще в 2011 г. предположил, что рассматриваемое «нелогичное “ограничение” является следствием неточности при подготовке текста ФЗ от 29 декабря 2010 г., которая будет скоро исправлена законодателем»<sup>42</sup>. Однако до сих пор соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон не внесено.

В этой связи в целях повышения гарантий конституционного права личности на судебную защиту, обеспечения оперативности исправления судебных ошибок и восстановления личности в правах представляется необходимым *возвратить председателю верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и его заместителю полномочие отменять поста-*

<sup>42</sup> См.: Смирнов А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: кассация. Подгот. для системы «КонсультантПлюс», 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*новление судьи об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда. Аналогичным полномочием следует наделить также заместителей председателей указанных судов*<sup>43</sup>.

Отсутствие у руководителей судов областного уровня полномочия отменять постановления судей об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции в совокупности с ранее действовавшей редакцией ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ, согласно которой кассационное обжалование судебных решений, указанных в п. 1 и 3 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ, в судебные коллегии Верховного Суда РФ допускалось только в том случае, «если они являлись предметом рассмотрения президиума» суда областного уровня или окружного (флотского) военного суда, существенно ограничивало право заинтересованных лиц на судебную защиту. По сути, единолично принятые судьей суда областного уровня или окружного (флотского) военного суда «отказное» решение становилось непреодолимым препятствием для дальнейшего обжалования

<sup>43</sup> Заметим, что прежде уголовно-процессуальное законодательство не наделяло заместителей председателей судов областного уровня рассматриваемым полномочием. Однако, по нашему мнению, его следует предоставить и этим должностным лицам, поскольку это повысит оперативность и доступность судебной защиты. Идею о необходимости наделения правом отмены «отказных» решений наряду с председателями судов областного уровня также их заместителей в юридической литературе высказывают и другие авторы (см., например: Ашировская М. Т., Омарова А. С. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 63 ; Безмельницина Э. О. Прокурор в судах второй, кассационной и надзорной инстанций : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 15 ; Ивасенко К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 127 ; Гехова Д. Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе : генезис и перспективы развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 11).

сторонами решений, вынесенных по уголовным делам, подсудным мировому судье, районному или гарнизонному военному суду.

На эту проблему неоднократно обращалось внимание в юридической литературе<sup>44</sup>. В качестве решения учеными предлагалось наделить полномочием отменять постановления судей судов областного уровня с передачей кассационных жалобы, представления на рассмотрение соответствующего суда кассационной инстанции, Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя<sup>45</sup> и даже судей Верховного Суда РФ<sup>46</sup>. Однако законодатель вышел из положения иначе.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 382-ФЗ<sup>47</sup> в п. 2 и 5 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ слова «если они являлись предметом рассмотрения президиума» были заменены словами «если они обжаловались в кассационном порядке в президиум». Как отмечено в пояснительной записке к проекту данного закона<sup>48</sup>, предписания п. 2 и 5 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ, с одной стороны, лишали заинтересованных лиц права на обращение в Верховный Суд РФ в целях исправления судебной ошибки, а с другой – ограничивали Верховный Суд РФ в реализации его конституционных полномо-

<sup>44</sup> См., например: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления : монография / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011. С. 132 (автор парагр. 3.15 – В. А. Лазарева) ; Разинкина А. Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке // Законность. 2013. № 9. С. 9 ; Бутенко Т. П., Петров М. Г. К вопросу о праве обжалования вступившего в законную силу приговора в Верховный Суд Российской Федерации // Российский судья. 2014. № 1. С. 36–39 ; и др.

<sup>45</sup> Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-роверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография. М., 2012. С. 127–128.

<sup>46</sup> Разинкина А. Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке. С. 10.

<sup>47</sup> Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 382-ФЗ «О внесении изменений в статью 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 30 дек.

<sup>48</sup> Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в статью 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чий по осуществлению судебного надзора за деятельностью нынешних судов и исправлению судебных ошибок посредством пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

После внесения в УПК РФ указанных изменений для обращения с кассационными жалобами, представлениями в Верховный Суд РФ заинтересованным лицам достаточно предварительно обжаловать судебные решения в президиум суда областного уровня. Принятое судьей верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа решение об отказе в передаче жалобы, представления на рассмотрение суда кассационной инстанции более не является препятствием для обращения в соответствующую судебную коллегию Верховного Суда РФ.

В Верховном Суде РФ такие кассационные жалобы и представления изучаются судьей Верховного Суда РФ, который принимает по ним одно из решений, указанных в ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ. Установив основания для пересмотра вступившего в законную силу судебного решения, судья Верховного Суда РФ в соответствии с требованием инстанционности передает такие жалобы, представления для рассмотрения в президиум суда областного уровня или окружного (флотского) военного суда<sup>49</sup>.

Возникает вопрос: не устраняется ли в связи с принятием Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 382-ФЗ необходимость установления контроля за «отказными» решениями со стороны руководителей судов областного уровня? Думается, нет. Такой

<sup>49</sup> В связи с этим представляется нецелесообразным внесение в УПК РФ изменений, предусмотренных законопроектом № 465180-6, находящимся в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы (см.: Законопроект № 465180-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=465180-6&02> (дата обращения: 10.11.2015)). Предлагаемое этим законопроектом наделение судей Верховного Суда РФ правом, не согласившихся с «отказным» постановлением судьи суда областного уровня, вынести постановление о передаче кассационных жалоб, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции, не способно внести ничего существенно нового в действующую процедуру судопроизводства и сколько-нибудь повысить уровень гарантий судебной защиты прав личности.

контроль значительно эффективнее и оперативнее, нежели обращение в Верховный Суд РФ. Председатель суда областного уровня (окружного (флотского) военного суда) и его заместитель имеют возможность в более короткие сроки выявить допущенную судьей ошибку и обеспечить своевременный пересмотр вступившего в законную силу судебного решения, что принципиально важно, учитывая установленный законодателем срок допустимости повтора к худшему (ст. 401.6 УПК РФ).

Согласно ч. 3 ст. 401.13 УПК РФ судья, вынесший постановление о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, не вправе участвовать в рассмотрении данного уголовного дела. Указанное положение распространяется и на председателя соответствующего суда, его заместителя в случае принятия ими решения об отмене «отказного» постановления судьи и передаче жалобы, представления на рассмотрение суда кассационной или надзорной инстанции. Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П, в случаях, когда Председатель Верховного Суда РФ либо его заместитель по обращениям заинтересованных лиц вносят соответствующее представление, основанное на сложившемся у них убеждении о нарушении вынесенными судебными постановлениями единства судебной практики и законности, они в дальнейшем не могут входить в состав суда, рассматривающего дело по существу. Их участие в рассмотрении дела Президиумом Верховного Суда РФ ставило бы под сомнение беспристрастность суда и противоречило бы принципу независимости судей<sup>50</sup>. Данная правовая позиция сформулирована Конституционным Судом РФ применительно к гражданскому судопроизводству, однако она в полной мере распространяется на схожие правоотношения, возникающие в уголовном процессе. Основанием для отвода судей и руководителей судов, передавших кассационные или надзорные жалобы, представления на рассмотрение соответствующего суда, является то, что, констатируя наличие в деле оснований для пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления

<sup>50</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

суда, они тем самым высказывают свою позицию относительно предмета предстоящего судебного разбирательства.

Очевидным пробелом действующего уголовно-процессуального закона следует признать отсутствие регламентации порядка проверки руководителем соответствующего суда «отказных» постановлений судей. Из закона невозможно понять, осуществляется ли им такая проверка по собственной инициативе или только на основании просьбы об этом лица, в передаче жалобы или представления которого для рассмотрения в судебном заседании было отказано. Неудивительно, что в юридической литературе на этот счет высказаны диаметрально противоположные суждения<sup>51</sup>.

Судебная практика еще в период действия положений гл. 48 УПК РФ выработала подход, согласно которому председатель соответствующего суда вправе реализовать свои процессуальные полномочия в надзорном производстве лишь в случае внесения в суд надзорной инстанции жалобы или представления, в которых оспаривается правильность выводов судьи, решением которого в их удовлетворении было отказано<sup>52</sup>.

В основе данного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ лежит правовая позиция Конституционного Суда РФ, который, анализируя в Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П<sup>53</sup> положения ГПК РФ, регулирующие сходное правомочие председателя суда и его заместителя в гражданском процессе, прямо указал на то, что правомочие председателя соответствующего суда и его заместителя не согласиться с определением судьи об отказе в передаче дела для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции может быть реализовано только при наличии соответствующего обращения лица,

<sup>51</sup> См., например: Демидов В. Производство по уголовным делам в суде надзорной инстанции // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 32 ; Божьев В. Пленум Верховного Суда России о производстве в суде надзорной инстанции // Законность. 2007. № 4. С. 18 ; и др.

<sup>52</sup> См.: Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции» // Российская газета. 2007. 20 янв.

<sup>53</sup> Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

подававшего надзорную жалобу (представление). В Определении от 4 октября 2011 г. № 1459-О-О<sup>54</sup> Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что в случае отказа в удовлетворении надзорных жалобы, представления лица, их подавшие, пользуются правом *обжалования* соответствующего решения судьи.

Думается, в целях обеспечения единообразного применения закона *уголовно-процессуальная регламентация должна однозначно указывать на то, что рассматриваемое полномочие председателя соответствующего суда и его заместителя реализуется в связи с обжалованием заинтересованным лицом «отказного» постановления судьи*<sup>55</sup>.

Такой подход требует регламентации в законе контрольной процедуры, осуществляемой в связи с обжалованием заинтересованным лицом «отказного» постановления судьи, с указанием конкретных сроков подачи жалобы или представления и их рассмотрения руководителем соответствующего суда. Как верно отмечается в юридической литературе, закрепление в законе полномочия председателя Верховного Суда РФ и его заместителей без ограничений во времени возбуждать кассационный пересмотр вступивших в законную силу судебных решений не соответствует принципу правовой определенности<sup>56</sup>. Представляется целесообразным установить срок обжалования постановления об отказе в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции равным 30 суткам, срок рассмотрения поданных жалобы, представления председателем суда

<sup>54</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1459-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

<sup>55</sup> См.: Аширбекова М. Т. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам : монография. Волгоград, 2008. С. 201 ; Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-роверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. С. 207.

<sup>56</sup> Плашевская А. А. Действие ревизионного начала при обнаружении ошибки в приговоре при апелляционном и кассационном пересмотре в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 г. // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 59 / отв. ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович ; под ред. О. И. Андреевой, И. В. Чадновой. Томск, 2013. С. 190–191.

областного уровня, его заместителем равным 10 суткам, а Председателем Верховного Суда РФ, его заместителем – 30 суткам.

При этом решение, выносимое руководителем соответствующего суда по поступившим жалобе или представлению, должно оформляться постановлением. Принятая в настоящее время практика письменного извещения заявителя об отсутствии оснований для отмены «отказного» постановления обоснованно критикуется в юридической литературе<sup>57</sup>. Как указал Конституционный Суд РФ, председатель суда или его заместитель не могут ограничиться констатацией правильности принятого судьей решения, но должны дать оценку доводам, изложенным в жалобе, принять обоснованное решение, мотивировав его в случае несогласия с этими доводами указанием на конкретные, достаточные, с точки зрения принципа разумности, основания, по которым они отвергаются<sup>58</sup>.

УПК РФ не конкретизирует предмет контроля со стороны руководителей судов кассационной и надзорной инстанций за постановлениями судей об отказе в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда. По нашему мнению, «отказные» постановления, выносимые судьями судов кассационной и надзорной инстанций, должны проверяться руководителями судов с позиций как законности, так и обоснованности<sup>59</sup>, и это необходимо прямо закрепить в уголовно-

<sup>57</sup> См., например: Калинкина Л. Д. Повторное производство в Российском уголовном процессе : монография. Саранск, 2010. С. 231 ; Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. С. 87 ; и др.

<sup>58</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2007 г. № 934-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

<sup>59</sup> Как верно отмечается в юридической литературе, распространение на решения, выносимые судьями по результатам изучения кассационной или надзорной жалобы, представления, требований законности, обоснованности и мотивированности вытекает из положения ч. 4 ст. 7 УПК РФ (см.: Никитина Л. В. Законность, обоснованность и мотивированность решений, выносимых по результатам предварительной процедуры рассмотрения судьями кассационных и надзорных жалоб, представлений // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2015. С. 127–134).

процессуальном законе. При этом необходимо учесть, что отмена «отказанного» постановления суды как незаконного далеко не во всех случаях должна влечь за собой передачу жалобы, представления на рассмотрение соответствующего суда. Из этого следует, что среди решений, принимаемых руководителями судов по результатам проверки законности и обоснованности предварительных «отказных» решений, должно быть и такое: «об отмене постановления судьи и об отказе в передаче кассационных / надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции».

В судебной практике нельзя исключать ситуации вынесения с нарушением требований закона также и *постановлений о передаче кассационных или надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда*. В частности, такое постановление может быть вынесено либо при наличии оснований для возвращения жалобы, представления без рассмотрения, либо судьей, подлежащим отводу, и т. д. Однако на этот вид предварительных решений контроль руководителей судов кассационной и надзорной инстанций не распространяется, что, по нашему мнению, следует признать существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства.

Очевидно, что пересмотр вступившего в законную силу судебного акта на основании незаконного решения судьи существенно нарушает требование *res judicata* и потому несовместим с принципом правовой определенности. В целях обеспечения необходимых и достаточных гарантий данного принципа на этапе предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций *председатели судов областного уровня, их заместители, а также Председатель Верховного Суда РФ и его заместитель должны обладать полномочиями по собственной инициативе отменять постановления, предусмотренные п. 2 ч. 2 ст. 401.8 и п. 2 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ*. Соответствующие положения следовало бы закрепить в ст. 401.8 и 412.5 УПК РФ<sup>60</sup>.

---

<sup>60</sup> См. об этом: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : монография. В 2 ч. Ч. I / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Колоколова. М., 2015. С. 524 (автор гл. 8 разд. 3 – И. С. Дикарев).

Еще в период действия положений гл. 48 УПК РФ руководители судов надзорной инстанции, проверяя постановления судей об отказе в удовлетворении надзорных жалоб и представлений, сталкивались порой с необходимостью отмены таких постановлений ввиду их незаконности. Такое происходило, когда, к примеру, «отказаное» постановление выносилось судьей, ранее принимавшим участие в рассмотрении того же дела в кассационном порядке и, соответственно, подлежавшим отводу. Т.С. Османов высказывал мнение, что в таких случаях председатель суда должен отменять постановление и передавать надзорную жалобу на новое предварительное рассмотрение другому судье<sup>61</sup>. Аналогичные ситуации имеют место и в настоящее время, когда руководители Верховного Суда РФ, реализуя предоставленные им контрольные полномочия, выявляют несоответствие «отказных» постановлений судей требованиям закона. На данный момент в Верховном Суде РФ сложилась практика отмены незаконных постановлений судей об отказе в передаче кассационных и надзорных жалоб, представлений для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда и передачи в связи с этим жалоб и представлений на рассмотрение другому судье.

Постановлением от 30 сентября 2014 г. судья Верховного Суда РФ отказал в передаче кассационной жалобы адвоката А. в интересах осужденного З. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Проверив данное постановление и установив, что в нем в нарушение ст. 401.10 УПК РФ не приведены и не рассмотрены доводы кассационной жалобы заявителя, заместитель Председателя Верховного Суда РФ отменил данное постановление и передал кассационную жалобу адвоката А. на рассмотрение другому судье<sup>62</sup>. Аналогичный порядок применяется и при производстве в суде надзорной инстанции. Так, постановлением от 30 марта 2015 г. судья Верховного Суда РФ отказал в передаче надзорной жалобы осужденного П. для рас-

<sup>61</sup> Османов Т. С. Актуальные проблемы совершенствования деятельности суда надзорной инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 95.

<sup>62</sup> См.: Архив Верховного Суда РФ за 2014 г. Материал № 33-УКС14-99.

смотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ. Изучив надзорную жалобу осужденного П. и материалы надзорного производства, заместитель Председателя Верховного Суда РФ отменил данное постановление и передал жалобу на рассмотрение другому судье по следующим основаниям. Из резолютивной части постановления от 30 марта 2015 г. усматривается, что судьей Верховного Суда РФ отказано в передаче надзорной жалобы осужденного П. на *приговор Калининградского областного суда от 9 декабря 2013 г.* и апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Между тем надзорная жалоба осужденного П. была подана на *приговор Пермского краевого суда от 17 октября 2014 г.* и апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 января 2015 года<sup>63</sup>.

Полагаем, что сложившаяся практика является правильной, служит гарантией конституционного права граждан на судебную защиту и нуждается в законодательном закреплении. В связи с этим полагаем, что в ст. 401.8 УПК РФ необходимо включить положение следующего содержания: «Установив, что решение, предусмотренное пунктом 1 части 2 настоящей статьи, вынесено с нарушением требований настоящего Кодекса, председатель суда или его заместитель вправе по собственной инициативе отменить данное постановление и передать кассационные жалобу, представление на рассмотрение другому судье». Аналогичной нормой следует также дополнить ст. 412.5 УПК РФ.

Необходимо обратить внимание на то, что кассационные и надзорные жалобы, представления должны передаваться на рассмотрение другому судье только в том случае, когда «отказанное» постановление судьи проверяется руководителем соответствующего суда *по собственной инициативе*. Если же такая проверка проводится *по жалобе* заявителя на «отказанное» постановление судьи, то руководитель суда должен самостоятельно принять решение. Передача этого вопроса на рассмотрение другому судье означала бы, что последнему делегируются кон-

---

<sup>63</sup> См.: Архив Верховного Суда РФ за 2015 г. Материал № 44-ун15-332.

трольные полномочия председателя суда или его заместителя, а это недопустимо.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство существенно расширило полномочия Председателя Верховного Суда РФ и его заместителя, связанные с осуществлением контроля за «отказными» решениями судей. Согласно ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ если кассационные жалобы, представление были переданы на рассмотрение суда кассационной инстанции постановлением Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя, то суд кассационной инстанции обязан в течение 10 дней с момента принятия решения направлять его копию Председателю Верховного Суда РФ или его заместителю, который своим постановлением *вправе передать кассационные жалобу, представление, если они были оставлены без удовлетворения или удовлетворены частично, для рассмотрения в вышестоящий суд кассационной инстанции либо в Президиум Верховного Суда РФ.*

Приходится констатировать, что законодательная регламентация данного полномочия Председателя Верховного Суда РФ и его заместителя характеризуется рядом существенных недостатков.

Прежде всего обращает на себя внимание несогласованность предусмотренной ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ возможности передачи кассационных жалобы, представления на рассмотрение Президиума Верховного Суда РФ с положениями закона, определяющими компетенцию суда надзорной инстанции. В гл. 48.1 УПК РФ возможность рассмотрения Президиумом Верховного Суда РФ кассационных жалоб и представлений даже не упоминается. Согласно ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ суд надзорной инстанции проверяет законность приговора, определения или постановления суда только по надзорным жалобе, представлению. Для устранения данного недостатка необходимо изменить редакцию ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ<sup>64</sup>.

<sup>64</sup> Выше нами уже была предложена новая редакция данной нормы, которая вполне согласуется с положением ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ: «2. Суд надзорной инстанции проверяет приговор, определение и постановление суда, вступившие в законную силу, на предмет правильности применения норм уголовного и уголовно-процессуального права, а также норм гражданского права при разрешении гражданского иска».

Без учета нормы ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ сформулированы также положения ст. 412.10 и 412.11 УПК РФ, в которых речь идет о рассмотрении Президиумом Верховного Суда РФ только надзорных жалоб и представлений. В этой связи в уголовно-процессуальное законодательство следовало бы внести ряд изменений и дополнений:

- из заголовка ст. 412.10 УПК РФ исключить слова «по надзорным жалобе, представлению»;
- дополнить ч. 1 ст. 412.10 УПК РФ после слов «Надзорные жалоба, представление» словами «либо кассационные жалоба, представление, переданные для рассмотрения в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации в порядке, установленном частью 6 статьи 401.14 настоящего Кодекса»;
- дополнить ч. 2 и 5 ст. 412.10 УПК РФ после слова «надзорных» словами «или кассационных»;
- в ч. 7 ст. 412.10 УПК РФ слова «надзорных жалобы, представления» заменить словами «уголовного дела»;
- ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ изложить в следующей редакции: «8. При рассмотрении уголовного дела все вопросы решаются большинством голосов судей. Первым выносится на голосование предложение, наиболее благоприятное для осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. При равном количестве голосов принятым считается решение, наиболее благоприятное для осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено»<sup>65</sup>;
- п. 1 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ изложить в следующей редакции: «1) оставить надзорные жалобу, представление либо кассационные жалобу, представление, переданные для рассмотрения в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации в порядке, установленном частью 6 статьи 401.14 настоящего Кодекса, без удовлетворения»;
- п. 8 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ изложить в следующей редакции: «8) оставить надзорные жалобу, представление либо касса-

<sup>65</sup> На необходимость изменения данной нормы было обращено внимание в парагр. 3 гл. 2 настоящей работы.

ционные жалобу, представление, переданные для рассмотрения в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации в порядке, установленном частью 6 статьи 401.14 настоящего Кодекса, без рассмотрения по существу при наличии оснований, предусмотренных статьей 412.4 настоящего Кодекса».

Ранее автором этих строк отмечалось, что активность в ос-паривании судебных решений, проявляемая руководителями Вер-ховного Суда РФ при реализации полномочия, предоставленного им ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ, больше подобает стороне правового спора и не соответствует роли суда в состязательном уголовном процессе. На этом основании нами даже предлагалось исключить ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ из закона<sup>66</sup>. Однако положительный опыт применения данной нормы на практике, заложенный в ней право-защитный потенциал заставляют нас пересмотреть свою пози-цию по данному вопросу.

15 декабря 2014 г. заместителем Председателя Верховного Суда РФ было отменено постановление судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационной жалобы осужденного П. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной ин-станции, в связи с чем кассационная жалоба П. направлена на рассмотрение президиума Алтайского краевого суда. В постанов-лении заместителя Председателя Верховного Суда РФ указано, что суд первой инстанции при решении вопроса о виде и размере наказания не учел положения ч. 1 ст. 62 УК РФ; при назначении наказания исходил из санкции от 6 до 15 лет лишения свободы, тогда как следовало исходить из санкции от 6 до 10 лет лишения свободы, и назначил осужденному наказание, близкое к макси-мальному.

Постановлением президиума Алтайского краевого суда от 3 февраля 2015 г. приговор суда первой инстанции и апелляцион-

<sup>66</sup> См.: Дикарев И. С. Контрольные полномочия председателя Верховного Суда РФ и его заместителя в стадиях производства в судах кассационной и над-зорной инстанций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2014. № 1. С. 25–29 ; Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. Ч. I. С. 528 (автор гл. 8 разд. 3 – И. С. Дикарев).

ное определение оставлены без изменения, а кассационная жалоба осужденного – без удовлетворения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ своим постановлением от 16 апреля 2015 г. в порядке, установленном ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ, передал кассационную жалобу осужденного П. на рассмотрение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая кассационным определением от 20 мая 2015 г. отменила постановление президиума Алтайского краевого суда от 3 февраля 2015 г., а приговор суда первой инстанции и апелляционное определение изменила, снизив назначенное осужденному П. наказание<sup>67</sup>.

Как видно, предусмотренное ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ полномочие руководителей Верховного Суда РФ служит эффективным средством восстановления прав и свобод личности, нарушенных вследствие судебной ошибки, обеспечивая личности конституционное право на судебную защиту. Реализация данного полномочия в интересах лица, пострадавшего вследствие судебной ошибки, выступает таким образом в качестве элемента механизма реализации государством принятой на себя обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ).

Вместе с тем действующий уголовно-процессуальный закон не содержит положений, препятствующих использованию руководителями Верховного Суда РФ данного полномочия в целях пересмотра судебного решения по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты. В этом видится недостаток уголовно-процессуального законодательства, нуждающийся в устраниении. Очевидно, что использование предусмотренного ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ полномочия в целях ухудшения положения осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, несовместимо с принципом состязательности сторон, поскольку означало бы реализацию представителями судебной власти функции уголовного преследования.

Учитывая изложенное, предлагается ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ изложить в следующей редакции: «6. Если кассационные жалоба,

<sup>67</sup> См.: Архив Верховного Суда РФ за 2015 г. Материал № 51-УД15-2.

представление были переданы на рассмотрение суда кассационной инстанции постановлением Председателя Верховного Суда Российской Федерации или его заместителя, в течение 10 дней с момента принятия решения суд кассационной инстанции направляет копию этого решения Председателю Верховного Суда Российской Федерации или его заместителю, который своим постановлением вправе передать кассационные жалобу, представление, если они принесены по основаниям, не влекущим ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, и были оставлены без удовлетворения или удовлетворены частично, для рассмотрения в вышестоящий суд кассационной инстанции либо в Президиум Верховного Суда Российской Федерации».

### **§ 3. Направления совершенствования процессуальной формы предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций**

1. Несмотря на то, что принесение кассационных и надзорных жалоб, представлений не влечет за собой автоматического пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, значение этих процессуальных документов при рассмотрении уголовных дел соответствующими судами весьма велико. Во-первых, они служат поводом для начала производства в судах кассационной и надзорной инстанций, во-вторых, их содержанием ограничены полномочия судов кассационной и надзорной инстанций отменить или изменить вступившее в законную силу судебное решение по основаниям, ухудшающим положение осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено. Значимость кассационных и надзорных ходатайств, усиление их роли в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений привело к необходимости предъявления более строгих требований к их форме.

Кассационные и надзорные жалобы, представления прежде всего должны содержать определенный законом (ст. 401.4, 412.3

УПК РФ) объем сведений. Если жалоба подается лицом, не принимавшим участия в деле, то в ней должно быть указано, какие права или законные интересы этого лица нарушены вступившим в законную силу судебным решением.

Очевидно, что ходатайство, составленное с нарушением установленной законом формы либо принесенное ненадлежащим субъектом (лицом, не имеющим права кассационного или надзорного обжалования судебных решений), не может влечь за собой пересмотр вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда, – иное являлось бы грубым отступлением от принципа правовой определенности.

До внесения в УПК РФ изменений и дополнений Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ в теории уголовно-процессуального права активно обсуждались вопросы о том, кем и в каком порядке должны возвращаться заявителям надзорные жалобы или представления.

Одни авторы придерживались мнения, что в случаях, когда надзорная жалоба, представление не отвечают требованиям закона, они должны возвращаться заявителям *аппаратом (канцелярией) суда*<sup>68</sup>. На консультантов (помощников) судей возлагались полномочия по возвращению жалоб заявителям и действовавшей в тот период редакцией абз. 2 п. 14.4 Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов (далее по тексту – Инструкция по судебному делопроизводству) <sup>69</sup>.

---

<sup>68</sup> См.: Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В. М. Лебедева. М. : Норма, 2004. С. 308 (автор гл. 18 – В. И. Радченко) ; Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004. С. 247, 248 ; и др.

<sup>69</sup> См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 дек. 2004 г. № 161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Другие авторы полагали, что в подобных случаях возвращать надзорные жалобы, представления должен *судья* суда надзорной инстанции<sup>70</sup>.

Почвой для такого рода дискуссий служило отсутствие в гл. 47 УПК РФ регламентации порядка действий суда надзорной инстанции в случае принесения надзорных жалоб, представлений, не соответствовавших требованиям закона.

С принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ ситуация с регламентацией порядка возвращения кассационных и надзорных жалоб существенно улучшилась, хотя далеко не все вопросы получили должное освещение. Законодатель включил в гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ нормы, устанавливающие основания возвращения кассационных и надзорных жалоб, представлений без рассмотрения (ст. 401.5, 412.4 УПК РФ). Такими основаниями являются следующие: форма жалобы, представления не отвечает требованиям закона; жалоба, представление поданы лицом, не имеющим права на обращение в суд кассационной или надзорной инстанции; пропущен срок обжалования судебного решения; поступила просьба об отзыве жалобы, представления. Кроме того, надзорные жалоба, представление подлежат возвращению, если они поданы на судебное решение, не подлежащее надзорному обжалованию, а кассационные жалоба, представление – если они поданы с нарушением правил подсудности, установленных ст. 401.4 УПК РФ.

На практике решение о возвращении кассационных жалоб и представлений принимается также в случаях внесения повторных и новых кассационных и надзорных жалоб, представлений<sup>71</sup>.

<sup>70</sup> См.: Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова. М., 2008. С. 520 (автор гл. 7 – В. А. Давыдов) ; Никитина Л. В. Пределы прав суда надзорной инстанции // Вестник СГАП. 2010. № 1. С. 163 ; и др.

<sup>71</sup> Так, например, письмом исполняющего обязанности заместителя председателя Орловского областного суда была возвращена без рассмотрения Кассационная жалоба, поданная 10 октября 2013 г. в президиум Орловского областного суда в интересах Р. А. Стебы одним из его адвокатов. Такое решение было

Призванное служить гарантией принципа правовой определенности, данное решение, в случае его принятия при отсутствии необходимых оснований или в нарушение закона, может стать причиной существенного нарушения права личности на судебную защиту. В связи с этим полнота, четкость и недвусмысленность в регламентации порядка возвращения кассационных и надзорных ходатайств без рассмотрения имеет исключительно важное значение для обеспечения баланса принципов правовой определенности и права на судебную защиту.

Придание решению о возвращении кассационных и надзорных жалоб, представлений без рассмотрения уголовно-процессуального значения, как представляется, снимает вопрос о самой возможности принятия такого решения кем-либо, кроме судей. Однако остается неопределенность относительно формы, в которую должно быть облечено данное решение. Уголовно-процессуальный закон не упоминает о необходимости вынесения в таких случаях постановления, в связи с чем практика идет по пути оформления данного решения письмами судей. Думается, это неправильно.

Решение о возвращении заявителю его кассационного или надзорного ходатайства является не «техническим», а уголовно-процессуальным. Основанием для такого вывода служит правовое значение данного решения, поскольку принятие последнего ограничивает доступ заявителя к правосудию и препятствует возможности реализовать свое конституционное право на судебную защиту. То обстоятельство, что возвращение надзорных жалобы или представления заявителю не лишает его возможности снова обратиться в тот же суд, сказанного выше не опровергает. Необходимо учитывать, что ст. 401.6 УПК РФ предусматривает предельный срок, в течение которого допустим пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты. Ошибоч-

---

принято со ссылкой на ст. 401.17 УПК РФ и с указанием на то, что постановлением судьи того же суда от 9 апреля 2013 г. было отказано в передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции кассационной жалобы, поданной на те же судебные решения в интересах Р. А. Стебы другим его адвокатом, возможность же принесения жалобы на такое постановление законом не предусмотрена (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П).

ное решение о возвращении без рассмотрения потерпевшему жалобы или прокурору представления может привести к тому, что в результате потери времени сторона обвинения навсегда лишится права на пересмотр состоявшихся по делу судебных решений.

В теории уголовно-процессуального права предлагалось дополнить производство в суде надзорной инстанции специальным этапом (предваряющим предварительное производство), в ходе которого проверялась бы только форма поступивших жалоб и представлений<sup>72</sup>. Думается, реализация такого предложения привела бы к излишнему усложнению процессуальной формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, хотя с мнением автора о том, что решение о возвращении жалобы или представления без рассмотрения должно оформляться постановлением, трудно не согласиться.

*Проверка соответствия жалоб формальным требованиям должна, по нашему мнению, составлять элемент изучения судьей поступивших жалоб и предложений, а решение о возвращении должно являться альтернативой решениям о передаче жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда и об отказе в такой передаче.*

Дополнение перечней решений, принимаемых по результатам изучения кассационных и надзорных жалоб, представлений (ч. 2 ст. 401.8, ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ), решением о возвращении жалобы, представления без рассмотрения по существу, автоматически распространяли бы на данное решение требование его оформления постановлением<sup>73</sup>.

<sup>72</sup> Обухов И. И. Проблемы производства в надзорной инстанции, возникающие на этапе проверки соответствия надзорных жалобы или представления требованиям УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Сыктывкар, 2010. С. 10.

<sup>73</sup> По результатам проведенного анкетирования 1 288 судей и сотрудников прокуратуры с предложением закрепить в УПК РФ положение, согласно которому рассматриваемое решение должно выноситься судьей соответствующего суда в форме постановления, согласились 55,1 % респондентов, против высказались 35,3 %, затруднились ответить – 8,3 %, другое мнение высказали – 1,3 %. Примечательно, что ряд судей Ростовского областного суда, Нижегородского областного суда и Белгородского областного суда в графе анкеты «Другое мнение» указали, что данное решение в этих судах и сейчас оформляется постановлением.

Постановление – универсальная форма, используемая в тех случаях, когда имеется необходимость письменно изложить основания принятого решения. Возвращение кассационных и надзорных жалоб, представлений заявителю в большинстве случаев обусловлено определенными отступлениями от требований уголовно-процессуального закона, которые и служат основанием принятия данного решения. Очевидно, что заявитель должен в обязательном порядке уведомляться об основаниях решения, которым ограничивается его право на судебную защиту.

На практике нельзя исключить возможность вынесения судьями ошибочных решений о возвращении заявителям поданных ими надзорных ходатайств. В связи с этим в законе следовало бы предусмотреть право заявителя обжаловать постановление судьи о возвращении надзорного ходатайства председателю соответствующего суда или его заместителю<sup>74</sup>. В случае, если председатель суда или его заместитель признает решение судьи о возвращении надзорных жалобы или представления незаконным или необоснованным, он должен обладать полномочием отменить данное решение и вынести иное предварительное решение.

Невозможность обжаловать незаконное или необоснованное решение о возвращении жалобы, представления без рассмотрения нарушает баланс ключевых для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений принципов – правовой определенности (гарантией которой, собственно, и является институт возвращения жалоб и представлений без рассмотрения) и права

<sup>74</sup> Проведенное в рамках настоящего исследования анкетирование 1 288 судей и сотрудников прокуратуры показало, что закрепление в законе права обжалования решения о возвращении кассационных или надзорных жалобы, представления без рассмотрения признают целесообразным 47,2 % практических работников, против этого высказались 45,9 %, затруднились ответить 6,7 %, другого мнения придерживаются 0,2 %. Учитывая, что реализация данного предложения предполагает расширение перечня судебных решений, подлежащих обжалованию руководителям судов, вполне закономерно, что среди судей число его сторонников значительно ниже (33,0 %), нежели среди прокурорских работников (62,4 %).

на судебную защиту (которое нарушается в случае возвращения кассационного или надзорного ходатайства при отсутствии к тому оснований).

Следует иметь в виду, что решение о возвращении кассационных или надзорных жалобы, представления без рассмотрения по существу не может влечь за собой те же юридические последствия, что и решение об отказе в передаче надзорных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании кассационной или надзорной инстанции. Последнее пресекает повторное обращение с кассационными или надзорными ходатайствами в тот же суд, тогда как решение о возвращении жалобы или представления заявителю без рассмотрения – нет. Соответственно, возвращение жалобы или представления без рассмотрения (если, конечно, такое решение принято не по причине нарушения требования инстанционности или истечения установленного ст. 401.6 УПК РФ срока) не позволяет заявителю обратиться в вышестоящий суд, так как уголовное дело еще не было предметом оценки того суда, которому оно подсудно. После устранения нарушения, послужившего основанием для возвращения жалобы или представления без рассмотрения по существу, они подаются вновь в тот же суд.

Одним из оснований возвращения кассационных и надзорных жалоб, представлений без рассмотрения является поступление в суд просьбы об их отзыве. Применительно к производству в суде кассационной инстанции Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»<sup>75</sup> разъяснил, что такое решение принимается в том случае, если просьба об отзыве жалобы, представления поступит в суд до принятия решения об их передаче с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Если же такая просьба поступит после вынесения судьей постановления, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ, суд кассационной инстанции, по мнению Пленума, должен вынести

<sup>75</sup> См.: Российская газета. 2014. 7 февр.

другое решение – постановление (определение) о прекращении кассационного производства.

Примечательно, что суд надзорной инстанции в аналогичной ситуации не прекращает производство, а выносит решение об оставлении надзорных жалобы, представления без рассмотрения по существу (п. 8 ч. 1 ст. 412.11, п. 4 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ). Почему применительно к производству в суде кассационной инстанции Пленум не применил аналогию, а рекомендовал принимать не предусмотренное законом решение о прекращении кассационного производства, не совсем понятно. Возможно, Пленум следовал установившейся судебной практике, нашедшей в свое время отражение еще в п. 12 Постановления от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции»<sup>76</sup>.

Обращает на себя внимание изменение позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о последствиях отзыва кассационных жалобы, представления. Напомним, что в п. 12 Постановления от 11 января 2007 г. № 1 содержалось разъяснение, согласно которому решение суда о прекращении надзорного производства в связи с отзывом надзорных ходатайств являлось обстоятельством, препятствующим тому же лицу повторно обратиться в тот же суд надзорной инстанции с жалобой или представлением по тем же правовым основаниям. Теперь же Пленум придерживается иного мнения: решение суда о прекращении кассационного производства в связи с отзывом жалобы или представления не является обстоятельством, препятствующим тому же лицу в течение срока, указанного в ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ, повторно обратиться в тот же суд кассационной инстанции с жалобой или представлением по тем же или иным правовым основаниям (абз. 3 п. 16 Постановления от 28 января 2014 г. № 2). Думается, такой подход является более правильным, поскольку расширяет возможности заинтересованных лиц воспользоваться своим конституционным правом на судебную защиту.

---

<sup>76</sup> См.: Российская газета. 2007. 20 янв.

Вызывает нарекания регламентация срока возвращения жалоб и представлений без рассмотрения. По смыслу ч. 2 ст. 401.5 и ч. 2 ст. 412.4 УПК РФ кассационные и надзорные жалобы, представления, в случае их отзыва заявителем, должны быть возвращены в течение 10 дней *со дня их поступления в суд* кассационной или надзорной инстанции. Очевидно, что этот срок может быть соблюден только в случаях, когда возвращение жалобы или представления обусловлено иными, нежели их отзыв, причинами, то есть когда основания для их возвращения выявляются судьей суда кассационной или надзорной инстанции (например, жалоба, представление поданы лицом, не имеющим права на обращение в суд кассационной или надзорной инстанции)<sup>77</sup>.

Если исходить из того, что отзыв кассационных или надзорных жалоб, представлений сроком не ограничен, соблюдение требования об их возвращении заявителю в течение 10 дней со дня их поступления в соответствующий суд может оказаться невыполнимым.

В связи с этим целесообразно было бы изменить ч. 2 ст. 401.5 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «2. Кассационные жалоба, представление должны быть возвращены в течение 10 дней со дня их поступления в суд кассационной инстанции, а в случае их отзыва – в тот же срок с момента поступления в суд соответствующего заявления». Аналогичные изменения следует внести в ч. 2 ст. 412.4 УПК РФ.

Уголовно-процессуальный закон по-прежнему не определяет, кто пользуется правом отзыва кассационного или надзорного представления прокурора. В частности, без законодательного разрешения остался вопрос о том, вправе ли вышестоящий прокурор отозвать представление, поданное нижестоящим прокурором.

В советский период вопрос об отзыве протеста вышестоящим прокурором решался положительно. Как писал В.И. Басков, исходя из принципа централизации органов прокуратуры, выше-

---

<sup>77</sup> Дикарев И. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам производства в суде кассационной инстанции // Уголовное право. 2014. № 2. С. 111.

стоящий прокурор вправе до начала судебного заседания отозвать протест, принесенный нижестоящим прокурором, если он не соответствует закону и материалам уголовного дела<sup>78</sup>. В современной юридической литературе высказываются противоположные суждения. В частности, отмечается, что отозвать представление может только прокурор, принесший его<sup>79</sup>.

Думается, что и в настоящее время вышестоящий прокурор должен обладать полномочием отзывать кассационное представление, внесенное нижестоящим прокурором<sup>80</sup>. Будучи ходатайством о пересмотре вступившего в законную силу судебного решения, такое представление призвано выражать позицию не отдельного сотрудника прокуратуры – автора представления, но прокурорского надзора в целом. Составляя единую федеральную централизованную систему органов и учреждений, прокуратура России действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Такая регламентация исключила бы саму возможность отстаивания в ходе уголовного судопроизводства нижестоящим прокурором такой позиции, которая не соответствовала бы позиции вышестоящего должностного лица или всего ведомства в целом. Однако для обеспечения определенности законодательной регламентации данное положение следовало бы прямо закрепить в законе<sup>81</sup>. В связи с этим п. 4 ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ следовало бы дополнить предложением следующего содержания:

<sup>78</sup> Басков В. И. Деятельность прокурора по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора. М., 1975. С. 51.

<sup>79</sup> Герасимов С. И., Коротков А. П., Тимофеев А. Ф. 400 ответов по применению УПК РФ : Комментарий. М., 2002. С. 179.

<sup>80</sup> Анкетирование 1 288 судей и сотрудников прокуратуры показало, что данное предложение поддерживается 69,7 % респондентов. При этом число прокурорских работников, положительно ответивших на данный вопрос, меньше (62,4 %), чем у судей (76,6 %), что объясняется, по нашему мнению, тем, что наделение вышестоящего прокурора полномочием отзывать кассационное представление, принесенное нижестоящим прокурором, неизбежно затронет процессуальную самостоятельность прокурорских работников и ограничит в целом их полномочия.

<sup>81</sup> См. об этом: Дикарев И. Отзыв кассационных и надзорных представлений в уголовном процессе // Законность. 2013. № 1. С. 32.

---

«Кассационное представление может быть отозвано прокурором, его подавшим, или вышестоящим прокурором».

2. Строгость формальных требований, предъявляемых законом к кассационным и надзорным жалобам, представлениям, по сути является одним из тех регуляторов, с помощью которых законодатель обеспечивает сбалансированность принципов правовой определенности и права на судебную защиту в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Чем строже требования, тем выше удельный вес правовой определенности и меньше возможностей реализовать право на судебную защиту, и наоборот.

Одним из таких формальных требований является правило, предусматривающее обязанность заявителей прилагать к кассационным и надзорным жалобам, представлениям заверенные копии судебных решений, принятых по данному уголовному делу (ч. 5 ст. 401.4 и ч. 4 ст. 412.3 УПК РФ). Возвращая кассационные жалобы, поданные с нарушением данного требования, суды в своих письмах заявителям ссылаются на то, что без надлежаще оформленных копий судебных решений проверить доводы жалобы о незаконности этих решений не представляется возможным<sup>82</sup>.

В ряде случаев получение копий судебных решений вызывает для лиц, обжалующих судебные решения, определенные затруднения. Дело в том, что закон требует прилагать к жалобам и представлениям не любые, а заверенные соответствующим судом копии судебных решений<sup>83</sup>. В результате заявители вынуж-

---

<sup>82</sup> См., например: Архив Саратовского областного суда за 2013 г. Материалы № 4у-2027/2013, № 4у-2155/2013 ; Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Материалы № 4у-465/2015, № 4у-1043/2015.

<sup>83</sup> Несоответствие представленных копий судебных решений требованиям п. 7.8 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде (см.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»), когда решения не удостоверены подписями судей и секретаря суда с приложением гербовой печати суда, либо не прошиты, либо не содержат отметки о дате вступления в законную силу, является весьма распространенным основанием для возвращения кассационных жалоб без рассмотрения (см., например: Архив Саратовского областного суда за 2013 г. Материалы № 4у-1921/2013, № 4у-2145/2013, № 4у-2150/2013).

дены специально обращаться в суд, что в ряде случаев бывает затруднительно сделать. Именно этими сложностями объясняются встречающиеся в кассационных жалобах граждан просьбы о возвращении им прилагаемых к жалобе документов<sup>84</sup>.

Чтобы указанные затруднения не превратились в препятствие для реализации права на судебную защиту, закон должен обеспечивать заинтересованным лицам возможность своевременного получения копий обжалуемых судебных решений.

Согласно ч. 2 ст. 24 Конституции РФ органы государственной власти и их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что реализация права на обжалование тех или иных процессуальных решений предполагает обеспечение заинтересованному лицу права ознакомления с самими этими решениями<sup>85</sup>. Не ознакомившись с вынесенным по делу решением, заинтересованные лица лишены возможности обосновывать перед судом собственную позицию, представить вышестоящему суду доказательства в ее подтверждение, а также выразить свое мнение относительно позиции, занимаемой процессуальным оппонентом и приводимых им доводов.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве право заинтересованных лиц на ознакомление с выносимыми по делу процессуальными решениями обеспечивается оглашением всех решений в судебном заседании (принцип гласности) и требованием вручения их копий сторонам.

В случае обращения в суд кассационной или надзорной инстанции заинтересованные лица могут столкнуться с необходимостью повторного получения копий приговоров, определений и постановлений суда. Дело в том, что в случае вынесения опре-

<sup>84</sup> См., например: Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. Кассационное производство № 44у-27/2013.

<sup>85</sup> См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2. С. 36–41.

деления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции кассационные жалоба, представление, а также копии обжалуемых судебных постановлений остаются в суде кассационной инстанции (п. 14.7 Инструкции по судебному делопроизводству).

До недавнего времени Инструкцией по судебному делопроизводству было предусмотрено, что повторная выдача копий судебных постановлений во всех случаях возможна только при условии оплаты государственной пошлины (абз. 2 п. 10.6). Однако далеко не каждый гражданин имел возможность оплатить государственную пошлину. В частности, с такой проблемой сталкивались лица, осужденные к лишению свободы и не имевшие собственного дохода. При этом налоговое законодательство, устанавливая размер государственной пошлины, уплачиваемой при подаче заявления о повторной выдаче копий судебных решений (п. 10 ч. 1 ст. 333.19 НК РФ), не предусматривало права судьи полностью освободить гражданина с учетом его имущественного положения от уплаты государственной пошлины.

Конституционный Суд РФ счел, что такое положение лишает суды соответствующих дискреционных полномочий, необходимых для обеспечения беспрепятственного доступа граждан к правосудию. В Определении от 13 июня 2006 г. № 274-О он признал, что подп. 10 п. 1 ст. 333.19 НК РФ в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с п. 2 ст. 333.20 НК РФ, не позволяющий суду (судье) принимать по ходатайству физических лиц решения о снижении (вплоть до нулевого размера) государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче заявления о повторной выдаче копий решений, приговоров и т. д., если иное уменьшение размера государственной пошлины или предоставление отсрочки (рассрочки) ее уплаты не обеспечивают беспрепятственный доступ к правосудию, как не соответствующий Конституции РФ утрачивает силу и не может применяться судами, другими органами и должностными лицами<sup>86</sup>.

---

<sup>86</sup> Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 6. С. 12.

В настоящее время рассматриваемые препятствия для получения сторонами копий судебных решений, вынесенных по уголовным делам, устранены: подп. 10 п. 1 ст. 333.19 НК РФ утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 374-ФЗ<sup>87</sup>, а Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 18 марта 2013 г. № 60<sup>88</sup> из Инструкции по судебному делопроизводству был исключен абз. 2 п. 10.6. Таким образом, в отношении сторон уголовного дела законодателем созданы все необходимые условия для беспрепятственного выполнения ими требований, содержащихся в ч. 5 ст. 401.4 и ч. 4 ст. 412.3 УПК РФ.

А вот лица, не участвовавшие в производстве по уголовному делу, если они намерены обжаловать в кассационном или надзорном порядке судебное решение, считая, что оно затрагивает их права и законные интересы, могут столкнуться с серьезными трудностями.

Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденная Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36<sup>89</sup>, допускает выдачу копий судебных актов, вступивших в законную силу, иным лицам, чьи интересы непосредственно затрагиваются судебным актом. Такая выдача осуществляется с разрешения председательствующего судьи или председателя суда (в случае отсутствия – заместителя председателя суда) по письменному заявлению соответствующего лица, в котором указывается, какие права или законные интересы нарушены этими судебными актами (п. 12.5). По смыслу приведенного положения, рассматривая заявление, поступившее от лица, не участвовавшего в деле, председательствующий судья или председатель суда должны решить, действительно ли права и законные интересы этого лица затрагиваются су-

<sup>87</sup> См.: Российской газета. 2009. 29 дек.

<sup>88</sup> См.: Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 4.

<sup>89</sup> См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде».

дебным актом. Однако ни в уголовно-процессуальном законодательстве, ни в инструкциях по делопроизводству не регламентируется порядок обжалования отказа в выдаче копий судебных решений, если председательствующий судья или председатель суда сочтут, что права и законные интересы заявителя не затрагиваются данным судебным решением.

На проблемы, связанные с получением копий судебных решений лицами, не относящимися к числу участвующих в деле, обращается внимание и в теории гражданского процессуального права. В связи с этим И.В. Рехтина предложила распространить действие положения ч. 6 ст. 378 ГПК РФ<sup>90</sup> лишь на лиц, участвующих в деле<sup>91</sup>.

По нашему мнению, освободить от обязанности прилагать к кассационным и надзорным жалобам, представлениям заверенные соответствующим судом копии судебных решений, принятых по данному уголовному делу, необходимо всех лиц, обращающихся в суды кассационной и надзорной инстанций. Современные информационные технологии позволяют создать условия для того, чтобы судьи, изучающие кассационные и надзорные жалобы, представления, имели возможность ознакомиться с содержанием принятых по делу решений без помощи заявителей.

Все тексты судебных актов, а также сведения об их обжаловании и о результатах такого обжалования подлежат опубликованию в сети Интернет<sup>92</sup>. Эти тексты могли бы изучать судьи, рассматривая поступившие кассационные и надзорные жалобы. Однако в настоящее время это неосуществимо, поскольку в сети Интернет тексты судебных решений размещаются в таком виде,

<sup>90</sup> В настоящее время данная норма закреплена в ч. 5 ст. 378 ГПК РФ (см.: Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6611).

<sup>91</sup> Рехтина И. В. Надзорное производство в гражданском процессе: вопросы теории и практики. С. 41–42.

<sup>92</sup> См.: подп. «г» п. 2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

который исключает возможность идентифицировать участников судебного процесса (ч. 3 ст. 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»). Как следствие, ознакомление с текстами, подвергшимися подобным сокращениям, не обеспечивает судьям возможность проверить доводы кассационных и надзорных жалоб, представлений<sup>93</sup>.

Сама по себе обоснованность исключения персональных данных из размещаемых в открытом доступе судебных решений, которые, к слову, выносятся и оглашаются в *открытом* судебном заседании, вызывает серьезные сомнения. Ни представители общественности, ни участники уголовного процесса, ни суды вышестоящих судов не могут получить из этих публикаций полную и достоверную информацию о результатах рассмотрения конкретного уголовного дела. Абсолютно непонятно, на каком основании доступ к информации, с которой любой желающий может ознакомиться абсолютно свободно, посетив открытое судебное заседание, ограничивается, когда те же сведения лицо пытается получить посредством сети Интернет. Ну и, конечно, ни о какой эффективности использования информационных технологий в условиях, когда на практике невозможно обойтись без «бумажных носителей», говорить не приходится.

В судейской среде уже давно обсуждается вопрос о переводе судопроизводства на «безбумажную технологию с формированием «электронных судебных дел»<sup>94</sup>. В настоящее время в пилотных зонах осуществляется внедрение комплекса программ

<sup>93</sup> Практика размещения решений судов с сокращениями имеет и еще один недостаток. Как отмечается в юридической литературе, текст судебного решения с исключениями вероятнее всего потеряет в значительной мере юридическое содержание и не будет представлять интерес для публики, тем более если решение оглашалось в судебном заседании в другом виде (см.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / [М. Р. Воскобитова, Г. В. Диков, С. А. Насонов [и др.]] ; под ред. д-ра юрид. наук Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 561).

<sup>94</sup> См.: Куликов В. Судить надо не по бумажке // Российская газета. 2010. 8 дек.

«Электронное хранилище судебных документов Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Правосудие”». Судебным департаментом подготовлен проект регламента по ведению электронного архива суда, который должен регулировать вопросы создания электронного архива суда, формирования единой системы автоматизированного ведения учета и комплектования архивных судебных документов, хранения и использования электронных архивных документов в судах общей юрисдикции, а также деятельность аппаратов судов общей юрисдикции по сканированию судебных документов, размещению их в текущем электронном архиве и обмену электронными копиями электронных судебных документов (электронными судебными документами) между судами общей юрисдикции, а также установлению режима пользования (обмена) судебными документами, находящимися в производстве суда и (или) архиве суда<sup>95</sup>.

Создание комплекса сканирования и хранения электронных образов судебных документов, а также проведение работ по переводу судебных архивов в электронный вид значится в числе мероприятий, предусмотренных Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»<sup>96</sup>.

Когда этим планам суждено осуществиться – сказать трудно. Однако очевидно, что формирование базы полнотекстовых судебных решений позволит судьям экономить время на истребование копий приговоров, вынесенных по другим уголовным де-

---

<sup>95</sup> См.: Постановление президиума Совета судей РФ от 10 апреля 2014 г. № 393 «О мероприятиях, проводимых Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации по подготовке нормативного правового акта, регулирующего деятельность аппарата судов общей юрисдикции по формированию текущего архива и переводу сформированного архива судебных документов в электронный вид». URL: <http://www.ssrf.ru/page/13705/detail/> (дата обращения: 18.06.2014).

<sup>96</sup> См.: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 25 декабря 2014 г.) «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лам, оперативно решать вопросы, связанные с применением преюдиции, а также освободит лиц, обращающихся в суды кассационной и надзорной инстанций, от необходимости получать заверенные копии вынесенных по делу судебных решений.

В связи с этим полагаем, что после завершения работы по переводу архивов судебных документов в электронный вид положения ч. 5 ст. 401.4 и ч. 4 ст. 412.3 УПК РФ должны быть из уголовно-процессуального закона исключены.

3. Согласно ст. 401.17 УПК РФ не допускается внесение повторных или новых кассационных жалобы, представления по тем же или иным правовым основаниям, теми же или иными лицами в тот же суд кассационной инстанции, если ранее эти жалоба или представление в отношении одного и того же лица рассматривались этим судом в судебном заседании либо были оставлены без удовлетворения постановлением судьи.

Недопустимость принесения повторных и новых жалобы, представления в суд кассационной инстанции после того, как данное дело уже рассматривалось в судебном заседании, вполне объяснимо. В этом правиле проявляется свойственное данной стадии уголовного процесса требование инстанционности, согласно которому после рассмотрения судом кассационной инстанции уголовного дела в судебном заседании дальнейшее обжалование состоявшихся по делу судебных решений возможно только в вышестоящую судебную инстанцию. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 401.5 УПК РФ кассационные жалоба, представление, поданные с нарушением установленных ст. 401.3 УПК РФ правил подсудности, возвращаются лицу, их подавшему, без рассмотрения.

Новшества законодательной регламентации, привнесенные в процедуру пересмотра вступивших в законную силу судебных решений Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, связаны с последствиями вынесения судьей, ведущим предварительное производство в суде кассационной инстанции, постановления об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (п. 1 ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ). По смыслу, придаваемому положению ст. 401.17 УПК РФ судебной практикой, вынесе-

ние судьей такого решения исключает возможность подачи заинтересованными лицами в отношении того же лица (осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено) не только повторных, но и новых кассационных жалоб или представлений.

Напомним, что ранее действовавший закон (ч. 1 ст. 412 УПК РФ) запрещал внесение в суд надзорной инстанции только *повторных* жалоб и представлений, не ограничивая право сторон и иных заинтересованных лиц на подачу *новых* жалоб и представлений.

Запрет обращения в суд кассационной инстанции не только с повторными, но и с новыми кассационными жалобами, представлениями является препятствием для исправления судебных ошибок, нарушая баланс принципов правовой определенности и права на судебную защиту. В юридической литературе отмечается, что такой запрет противоречит принципу состязательности, нарушает равноправие сторон<sup>97</sup>. По нашему мнению, ни право обращения в Верховный Суд РФ после отказа в передаче кассационных жалоб, представлений для рассмотрения в судебном заседании президиума областного или равного ему по уровню суда, ни применение ревизионного порядка предварительного рассмотрения судьей поданных кассационных жалоб, представлений не могут компенсировать ограничение права заинтересованных лиц на судебную защиту, обусловленное запретом подачи в суд кассационной инстанции новых жалоб и представлений.

Единственным решением данной проблемы представляется возврат к регламентации последствий принесения повторных и новых жалоб, представлений, действовавшей до внесения в УПК РФ изменений Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ. Учитывая изложенное, в ст. 401.17 УПК РФ следовало бы внести изменения, изложив ее в следующей редакции: «Не допускается внесение повторных или новых кассационных жалобы, представления в суд кассационной инстанции, рассмот-

<sup>97</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения. Ч. II. С. 69 (автор гл. 14 разд. 3 – Н. И. Маняк).

ревший уголовное дело в судебном заседании, а также повторных кассационных жалобы, представления в случае, если постановлением судьи было отказано в передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции ранее поданных по тем же основаниям и в отношении тех же лиц кассационных жалобы, представления».

Впрочем, независимо от того, поддержит законодатель высказываемые в юридической литературе предложения об изменении редакции ст. 401.17 УПК РФ или нет, судебная практика принятия решений по повторным и новым кассационным жалобам, представлениям нуждается в корректировке.

Дело в том, что складывающаяся в настоящее время практика применения ст. 401.17 УПК РФ, когда любые повторные и новые кассационные жалобы, представления возвращаются лицам, их подавшим, *без рассмотрения*, противоречит правовым позициям Конституционного Суда РФ.

В свое время, оценивая конституционность ч. 1 ст. 412 УПК РФ, также не допускавшей внесение повторных надзорных жалоб или представлений в суд надзорной инстанции, ранее оставивший их без удовлетворения, Конституционный Суд РФ указал, что данная норма *не предполагает отказ в рассмотрении повторной надзорной жалобы в случае обнаружения судебной ошибки, которая ранее не была выявлена и потому подлежит исправлению*. И только обращение с такой жалобой *без надлежащих правовых оснований к отмене или изменению судебного решения* влечет оставление ее без рассмотрения со ссылкой на данную норму<sup>98</sup>.

В Постановлении от 25 марта 2014 г. № 8-П Конституционный Суд РФ вновь повторил ранее выраженную им правовую позицию<sup>99</sup>, согласно которой *запрет на подачу кассационной жа-*

<sup>98</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1468-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

<sup>99</sup> См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1460-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

*лобы тем же лицом, в том числе после того, как предыдущая его жалоба была отвергнута, не является препятствием для устранения судом экстраординарной судебной инстанции существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, которые не предполагают отказ в рассмотрении жалобы в случае обнаружения ранее не выявленной судебной ошибки, подлежащей исправлению.*

Таким образом, и в настоящее время – в условиях новой законодательной регламентации – *возвращению повторных или новых кассационных жалоб, представлений лицам, их подавшим, должно каждый раз предшествовать их изучение в порядке, установленном ст. 401.8 УПК РФ*. Решение о возвращении кассационных жалоб, представлений без рассмотрения со ссылкой на ст. 401.17 УПК РФ может быть принято судьей только при условии отсутствия в них ссылок на обстоятельства, подтверждающие наличие судебной ошибки, подлежащей исправлению в кассационном порядке<sup>100</sup>.

В контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ толкует положение ст. 401.17 УПК РФ и Заместитель Председателя Верховного Суда РФ – председатель Судебной коллегии по уголовным делам В.А. Давыдов. По его мнению, повторные кассационные жалоба, представление подлежат рассмотрению в общем порядке, но другим судьей, у которого может быть совершенно иное мнение относительно правосудности обжалуемых судебных решений. И в этом смысле *решение судьи по первичным жалобе, представлению никоим образом не препятствует рассмотрению повторных жалобы, представления*, а поэтому нет надобности в отмене такого решения «для открытия кассационного производства».

Кассационные жалоба, представление, внесенные по иным правовым основаниям, то есть новые жалоба, представление, подлежат рассмотрению по правилам рассмотрения первичных жа-

<sup>100</sup> См.: Дикарев И. С. Повторные и новые кассационные жалобы и представления в уголовном процессе // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 39–42.

лобы, представления, как это имело место до 1 января 2013 г. в надзорном производстве<sup>101</sup>.

4. Действующему уголовно-процессуальному праву неизвестен институт приостановления исполнения вступивших в законную силу судебных решений. Однако сама по себе возможность такого приостановления вполне согласуется с присущим судебным решениям свойством исполнимости. Необходимость в этом возникает в тех случаях, когда имеются основания полагать, что судебное решение содержит существенную (фундаментальную) ошибку, которая в соответствии с законом может служить основанием для отмены или изменения приговора, определения или постановления суда. В подобной ситуации исполнение судебного решения (как сопряженное с риском причинения вреда правам личности) может объясняться лишь очевидной несбалансированностью на законодательном уровне таких правовых ценностей, как правовая определенность и право на судебную защиту.

Приостановление исполнения вступившего в законную силу судебного решения означает временный перерыв в реализации содержащихся в нем решений. По сути, это своего рода «дезактивация» требования исполнимости, его «отключение» на период времени, требующийся вышестоящему суду для проверки правосудности обжалованного решения.

Как в зарубежном, так и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве на разных этапах его развития закреплялась возможность приостановления исполнения судебного акта в случае принятия уполномоченным субъектом решения о начале процедуры пересмотра вступившего в законную силу (окончательного) судебного акта. Другими словами, такого рода решениям закон придавал супензивное (от лат. *suspensus* – «отсроченный, приостановленный») значение.

Так, еще во французском Кодексе уголовного следствия 1808 г., который, как известно, во многом послужил образцом для

---

<sup>101</sup> Давыдов В. А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 56.

российского Устава уголовного судопроизводства 1864 г., было закреплено, что приговор ассизного суда не приводится в исполнение в течение трех дней, отведенных для объявления осужденным о подаче жалобы в кассационный суд, а в случае принесения такой жалобы – до вынесения кассационным судом приговора (§ 373)<sup>102</sup>.

Аналогичным образом решался вопрос о приостановлении исполнения приговора и Уставом уголовного судопроизводства для Германской империи 1877 г., в § 383 которого было оговорено, что своевременной подачей ревизии законная сила приговора, в той части, в которой он был обжалован, приостанавливается<sup>103</sup>.

По российскому Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. специального решения о приостановлении исполнения судебных решений при подаче кассационных жалоб не требовалось, так как к этому времени приговор еще не вступал в законную силу (п. 2 и 3 ст. 941 Устава<sup>104</sup>), а значит, не исполнялся. Исключение составляли только случаи вынесения приговора, оправдывавшего подсудимого, который исполнялся «при самом провозглашении сущности его» (ст. 358 Устава). Однако приостановление исполнения такого приговора составители Судебных уставов 1864 г. сочли нецелесообразным, указав: «едва ли было бы сообразно с видами человеколюбия отлагать исполнение оправдательных приговоров присяжных, впредь до вступления их в законную силу, по одному предположению о возможной отмене их в порядке кассации. Такое приостановление оправдательных приговоров может только поколебать ту силу и то нравственное значение, которые вообще имеют приговоры присяжных в глазах общества»<sup>105</sup>.

В советском уголовно-процессуальном праве институт приостановления исполнения приговора окончательно сформировал-

<sup>102</sup> Code d'instruction criminelle et Code pénal. Paris, 1912. P. 172.

<sup>103</sup> Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 года / пер. И. Соболева. СПб., 1878. С. 74.

<sup>104</sup> Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е доп. изд. Часть вторая. СПб., 1867. С. 339.

<sup>105</sup> Там же. С. 374, 348.

ся после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года<sup>106</sup>.

Право приостановления исполнения судебного решения являлось производным от права его опротестования. «Поэтому, – писал И.Д. Перлов, – каждое лицо, имеющее право принести протест в порядке судебного надзора, должно быть наделено и правом приостановления исполнения»<sup>107</sup>.

Статья 48 Основ наделяла Генерального прокурора СССР, Председателя Верховного Суда СССР, их заместителей правом приостанавливать до разрешения дела в порядке надзора исполнение опротестованного приговора, определения и постановления любого суда СССР, союзной и автономной республики. Главный военный прокурор и Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР имели полномочие на приостановление исполнения приговора любого военного трибунала, а заместитель Главного военного прокурора – приговора военного трибунала армии, флотилии, соединения и гарнизона. Таким же правом в отношении опротестованного приговора, определения и постановления любого суда союзной республики и входящих в нее автономных республик пользовались прокурор и председатель верховного суда соответствующей союзной республики и их заместители. При этом закон допускал приостановление исполнения судебных решений не только в случае принесения надзорного протеста, но и до их возможного опротестования на срок не свыше трех месяцев – при наличии данных, свидетельствующих о явном нарушении закона.

Соответствующие положения нашли свое закрепление в ст. 372 УПК РСФСР. Примечательно, что, как и в законодательстве дореволюционной России, в советском уголовном процессе

<sup>106</sup> См.: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

<sup>107</sup> Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974. С. 197–198.

не допускалось приостановление исполнения оправдательного приговора и решения о прекращении уголовного дела<sup>108</sup>.

После принятия Конституции РФ 1993 г. полномочие должностных лиц органов прокуратуры на приостановление исполнения вступивших в законную силу судебных решений вошло в не-примиримое противоречие с конституционными принципами независимости судей, состязательности сторон и др. Было очевидно, что в новом уголовно-процессуальном законодательстве России таким нормам не должно быть места.

В Модельном УПК для государств – участников СНГ<sup>109</sup> предусматривалось сохранение института приостановления исполнения приговора, но соответствующим полномочием наделялись только судьи. Согласно ст. 508 данного Кодекса, при наличии оснований полагать, что приведение приговора в исполнение или дальнейшее его исполнение может привести к тяжким или необратимым последствиям для жизни и здоровья осужденного, одновременно с истребованием дела суд вправе распорядиться о приостановлении исполнения приговора.

Однако российский законодатель, принимая УПК РФ 2001 г., придал требованию исполнимости судебных решений гипертрофированное значение: права приостанавливать исполнение вступивших в законную силу судебных решений лишились не только должностные лица органов прокуратуры, но и судьи.

Надо сказать, что в гражданском процессе институт приостановления исполнения обжалованных в кассационном и надзорном порядках судебных решений сохранился (ч. 1 ст. 381, ч. 1 ст. 391.5 ГПК РФ). Соответствующее решение может быть принято судьей, изучающим кассационные или надзорные жалобу, представление, в случае истребования дела при наличии просьбы об этом в жалобе, представлении прокурора или ином ходатайстве.

<sup>108</sup> См.: Уголовный процесс / отв. ред. Н. С. Алексеев [и др.]. С. 472 ; Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. С. 201.

<sup>109</sup> См.: Модельный УПК для государств – участников СНГ, принятый в качестве рекомендательного законодательного акта на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Парадокс состоит в том, что изначально в российском законодательстве (по Судебным уставам 1864 г.) институт приостановления исполнения судебных решений был характерен именно для уголовного судопроизводства, тогда как в гражданском он отсутствовал. «В процессе гражданском, – писал И.Я. Фойницкий, – кассационным жалобам не присваивается супензивной силы; причина этого различия с уголовным процессом понятна: в гражданском процессе дело идет о правах восстановимых, уголовными же приговорами по большей части нарушаются такие права, которые восстановлены быть не могут (свобода, жизнь)»<sup>110</sup>. Приведенная цитата является лишним подтверждением абсурдности сложившейся ситуации.

Не случайно отсутствие в новом уголовно-процессуальном законодательстве института приостановления исполнения судебных актов вызвало резкую критику со стороны как ученых-процессуалистов, так и практических работников. Все они, как правило, выступают за восстановление института приостановления исполнения пересматриваемых судебных решений<sup>111</sup>, расходясь лишь в деталях предлагаемых вариантов законодательной регламентации соответствующих процедур.

Ряд авторов высказались за наделение правом приостановления исполнения вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений судью, ведущего предварительное производство.

Так, М.Н. Алиев полагает, что право приостановления исполнения приговора должно принадлежать судье, рассматривающему надзорные жалобу или представление. Соответствующее решение должно, по мнению автора, приниматься одновременно с вынесением постановления о возбуждении надзорного производства<sup>112</sup>.

---

<sup>110</sup> Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С. 529.

<sup>111</sup> Закрепить порядок приостановления исполнения судебных решений предлагается также и применительно к процедуре возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (см.: Камчатов К. В., Чашина И. В., Великая Е. В. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : монография. М., 2015. С. 77).

<sup>112</sup> Алиев М. Пути усовершенствования порядка рассмотрения надзорных жалоб и представлений // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 60.

Другие ученые считают, что правом приостановления исполнения судебного решения следует наделять не судей, ведущих предварительное производство, а руководителей судов надзорной инстанции.

Н.Н. Ковтун и А.С. Подшибякин пишут: «Обращает на себя внимание то, что в нормах УПК РФ отсутствует упоминание о возможности временного *приостановления исполнения приговора* при наличии данных в надзорном ходатайстве или материалах проверки, свидетельствующих о явном нарушении закона, как это имело место в нормах УПК РСФСР (ст. 372). Учитывая важность данной процессуальной гарантии для обеспечения прав осужденного, считаем необходимым устранить этот пробел в законодательном регулировании надзорного производства. На наш взгляд, при явном наличии указанных данных судья, осуществляющий проверку, обязан одновременно с вынесением *постановления о возбуждении надзорного производства* обратиться к председателю соответствующего суда с тем, чтобы он... вынес постановление о временном приостановлении исполнения обжалуемого приговора»<sup>113</sup>. Данное предложение поддерживает и Т.С. Османов<sup>114</sup>.

В.В. Дорошков предложил дополнить УПК РФ статьей 406.1 следующего содержания: «Лица, указанные в статье 406 УПК РФ, при наличии данных, свидетельствующих о явном нарушении закона, вправе одновременно с истребованием уголовного дела приостанавливать исполнение приговора, определения или постановления до разрешения дела в порядке надзора»<sup>115</sup>. В слу-

<sup>113</sup> Ковтун Н. Н., Подшибякин А. С. Производство в суде надзорной инстанции: вопросов больше, чем ответов. С. 17. См. также: Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: Понятие, сущность, формы : дис. ... д-ра юрид. наук. С. 425–426.

<sup>114</sup> См.: Османов Т. С. Процессуальный порядок рассмотрения надзорной жалобы (представления) по УПК РФ // Российский судья. 2005. № 2. С. 29 ; Его же. Актуальные проблемы совершенствования деятельности суда надзорной инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. С. 16, 99–100, 172.

<sup>115</sup> Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. С. 248–249.

чае реализации данного предложения право приостановления исполнения обжалованного судебного решения принадлежало бы и судье, ведущему предварительное производство, и руководителям соответствующего суда – в случае отмены ими «отказного» постановления судьи и возбуждения процедуры пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда.

Мы также придерживаемся мнения, что исполнение вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда должно приостанавливаться в тех случаях, когда в ходе предварительного производства по кассационным и надзорным жалобам, представлениям обнаруживаются предусмотренные законом основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

Думается, соответствующее полномочие должно принадлежать тем субъектам, которые вправе принять решение о передаче кассационных или надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ, то есть судье, изучающему кассационные или надзорные жалобу, представление в порядке, предусмотренном ст. 401.8 или 412.5 УПК РФ, а также руководителям судов кассационной или надзорной инстанции при реализации ими полномочий, предусмотренных ч. 3 ст. 401.8 или ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ.

Закрепление в законе специальной процедуры обращения к председателю суда или его заместителю с ходатайством о приостановлении исполнения приговора представляется нам нецелесообразным. *Приостановление исполнения приговора должно рассматриваться не как административная функция руководителя суда, а как процессуальное полномочие, производное от права возбуждения кассационного или надзорного производства.*

Учитывая, что до изучения истребованного уголовного дела судья не имеет возможности с большой долей вероятности установить наличие оснований для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта, приостановление исполнения приговора

и иных судебных решений одновременно с истребованием уголовного дела было бы преждевременным. Следовательно, *решение о приостановлении исполнения приговора должно приниматься одновременно с решением передаче жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ* (п. 2 ч. 2 ст. 401.8, п. 2 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ). В этом случае вынесения отдельного постановления о приостановлении исполнения приговора не требуется – данное решение могло бы включаться в резолютивную часть постановления о передаче жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда соответствующей инстанции (с изложением в описательно-мотивированной части постановления оснований принятого решения).

При этом, как представляется, решение о приостановлении исполнения обжалуемого судебного решения не должно выноситься автоматически в каждом случае передачи жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда. Данный вопрос следует разрешать в зависимости от конкретных обстоятельств дела по усмотрению судьи, то есть должен действовать порядок, который К.И. Комиссаров именует правилом *интерцессии*<sup>116</sup>.

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным дополнить ст. 401.8 и 412.5 УПК РФ нормой, предусматривающей право судьи, а также председателя суда или его заместителя приостанавливать исполнение обжалованного приговора, определения или постановления суда до вынесения решения судом кассационной инстанции / Президиумом Верховного Суда РФ.

Проведенное анкетирование практических работников показало, что они в большинстве своем не поддерживают данное предложение. Из числа сотрудников прокуратуры за него высказались только 32,5 %, против – 60,1 %; из числа судей за – 34,1 %, про-

---

<sup>116</sup> Комиссаров К. И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 12.

тив – 59,4 %. Думается, одной из причин отрицательной оценки респондентами данного предложения послужило отсутствие в предложененной формулировке оговорки о том, что данное полномочие не распространяется на приговор в части осуждения лица к лишению свободы.

Действительно, приостановить исполнение приговора фактически возможно далеко не во всех его частях. Приостановление исполнения приговора в части лишения осужденного свободы на определенный срок на практике неосуществимо. В связи с этим, полагаем, что в законе должен быть исчерпывающее определен перечень решений суда, исполнение которых может быть приостановлено. К их числу следует отнести решения:

- о взысканиях по гражданскому иску;
- конфискации имущества;
- судьбе вещественных доказательств;
- об исполнении наказаний в виде: штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения по военной службе и принудительных работ.

С учетом изложенного в настоящем и предыдущих параграфах предлагается следующая редакция ст. 401.8 УПК РФ:

«1. Судьи, указанные в статье 401.7 настоящего Кодекса, изучают кассационные жалобу, представление по материалам, приложенным к жалобе, представлению или истребованным судьей по собственной инициативе, в том числе по материалам истребованного уголовного дела, по которому вынесены обжалуемые судебные решения, или иного законченного производством уголовного, гражданского, административного дела либо дела об административном правонарушении.

2. По результатам изучения кассационных жалобы, представления судья выносит постановление:

1) об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке. При этом кассационные жалоба, представление и копии обжалуемых судебных решений остаются в суде кассационной инстанции;

2) о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции;

3) о возвращении кассационных жалобы, представления без рассмотрения при наличии оснований, указанных в части первой статьи 401.5 настоящего Кодекса.

3. Лицо, подавшее кассационную жалобу, представление, а равно его защитник, законный представитель, представитель в случае вынесения решения, предусмотренного пунктами 1 и 3 части 2 настоящей статьи, вправе в течение 30 дней обжаловать данное решение председателю суда или его заместителю, который проверяет законность и обоснованность постановления судьи и в срок не позднее 10 суток со дня поступления жалобы, представления выносит одно из следующих постановлений:

1) об оставлении жалобы, представления без удовлетворения;

2) об отмене постановления судьи и о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции;

3) об отмене постановления судьи и об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции либо о возвращении жалобы, представления без рассмотрения при наличии обстоятельств, предусмотренных частью первой статьи 401.5 настоящего Кодекса.

4. Установив незаконность или необоснованность решения, предусмотренного пунктом 2 части 2 настоящей статьи, председатель суда или его заместитель вправе по собственной инициативе отменить данное постановление и вынести решение об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, если отсутствуют основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке, либо о возвращении кассационных жалобы, представления без рассмотрения при наличии оснований, указанных в части первой статьи 401.5 настоящего Кодекса.

5. Установив, что решение, предусмотренное пунктом 1 части 2 настоящей статьи, вынесено с нарушением требований настоящего Кодекса, председатель суда или его заместитель вправе по собственной инициативе отменить данное постановление и передать кассационные жалобу, представление на рассмотрение другому судье.

6. Судья в случае вынесения постановления, предусмотренного пунктом 2 части второй настоящей статьи, а председатель суда или его заместитель – в случае вынесения постановления, предусмотренного пунктом 2 части третьей настоящей статьи, вправе приостановить исполнение обжалованного приговора, определения или постановления суда до вынесения решения судом кассационной инстанции. Допускается приостановление исполнения решений суда о взысканиях по гражданскому иску; конфискации имущества; судье вещественных доказательств; исполнении наказаний в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения по военной службе и принудительных работ.

7. Лицо, подавшее жалобу, представление, незамедлительно уведомляется о принятом решении».

В аналогичной редакции следовало бы изложить и ст. 412.5 УПК РФ, регламентирующую предварительное производство в суде надзорной инстанции.

Внесение предлагаемых изменений позволило бы, на наш взгляд, повысить эффективность предварительного производства, обеспечив оптимальный баланс принципов правовой определенности и права на судебную защиту в надзорно-кассационной форме пересмотра судебных решений.

## Глава 4

# НАДЗОРНО-КАССАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕСМОТРА ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОРОВ, ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ПОСТАНОВЛЕНИЙ СУДА

---

## § 1. Фундаментальное нарушение закона как основание пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном порядках

Закрепленное в уголовно-процессуальном законе основание пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда является одним из важных *процессуальных условий, обеспечивающих баланс принципов правовой определенности и права на судебную защиту*. Однако это условие – не рядовое. Его особое значение обусловлено тем, что именно с его наличием в п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод связывается возможность преодоления окончательной силы судебного решения и повторного рассмотрения уголовного дела.

Принцип правовой определенности, выступающий важной гарантией обеспечения в уголовном судопроизводстве публичных и личных интересов, предполагает в качестве общего правила неопровергимость вступивших в законную силу судебных решений. Соответственно, далеко не каждое нарушение закона может служить достаточным основанием для пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда. Недопустимо, чтобы в рамках процедур, предназначенных для пересмотра таких судебных решений, исправлялись те же судебные ошибки, которые подлежат устраниению в рамках ординарных судебных процедур (апелляция). Из этого следует, что основа

*вания пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда должны быть четко отграничены в уголовно-процессуальном законе от оснований отмены и изменения судебных решений, еще не вступивших в законную силу.*

Между тем в советском уголовно-процессуальном законодательстве такого разграничения не было. Норма ч. 1 ст. 379 УПК РСФСР 1960 г., регламентировавшая основания к отмене или изменению вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда, отсылала правоприменителя к ст. 342 УПК РСФСР, закреплявшей основания к отмене и изменению приговора в кассационном порядке. В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.<sup>1</sup> основания к отмене или изменению приговора в кассационном порядке и в порядке судебного надзора были изложены в одной статье.

Та же регламентация сохранилась и в УПК РФ, принятом в 2001 г. В ч. 1 ст. 409 УПК РФ говорилось, что основаниями отмены или изменения приговора, определения либо постановления суда при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора являются основания, предусмотренные ст. 379 УПК РФ, носившей название «Основания отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке».

Единство кассационных и надзорных оснований было предопределено сформировавшимся в советской уголовно-процессуальной науке взглядом на производство в надзорной инстанции как на ординарный способ исправления судебных ошибок, отличающийся от кассационного порядка лишь тем, что оно служило средством исправления ошибок и нарушений закона в судебных решениях, которые уже вступили в законную силу (только по этой причине его и именовали исключительным). Такой взгляд на назначение надзорного производства возобладал практически сразу после установления в России советской власти и возникновения этой формы пересмотра судебных решений, о чем свидетельствует, например, тот факт, что уже в 1920-х гг. предлагалось пе-

<sup>1</sup> См.: Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

редать полномочия по отмене вступивших в законную силу судебных решений кассационной инстанции. Об этом, в частности, писал В. Бабичев: «Что же касается приговоров нарсудов, вступивших в законную силу, то право отмены их следует предоставить не пленуму губсуда, не обладающему судебными функциями, а угол.-кассац. коллегии губсуда... Для рассмотрения этой категории дел вовсе нет оснований создавать какой-либо особый порядок, отличный от общего кассационного порядка»<sup>2</sup>. И хотя данное предложение не нашло поддержки у законодателя, отделившего кассационный порядок от надзорного, идея об отсутствии коренных различий между двумя этими порядками на десятилетия предопределила парадигму развития уголовно-процессуального права и судебной практики.

Противопоставление надзорного пересмотра судебных решений кассационному порядку признавалось в теории советского уголовного процесса неправильным<sup>3</sup>. Ученые-процессуалисты сходились во мнении, что в порядке надзора должны устраниться любые судебные ошибки, не исправленные в силу каких-либо причин в кассационном порядке<sup>4</sup>.

Перед производством в надзорной инстанции ставились те же задачи, что и перед кассационным производством<sup>5</sup>. В свою очередь, из общности задач выводилось единство кассационных и надзорных оснований отмены и изменения приговоров, определений и постановления суда. А.Л. Ривлин писал по этому поводу следующее: «Задачи пересмотра в порядке надзора такие же, как

<sup>2</sup> Бабичев В. Об изменении кассационного производства // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 3–4. С. 67.

<sup>3</sup> Алексеев В. Б. Оценка доказательств в надзорной инстанции в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 3.

<sup>4</sup> См.: Грун А. Я. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. М., 1969. С. 5 ; Алексеев В. Б. Оценка доказательств в стадии надзорного производства. М., 1971. С. 5, 7 ; Смоленцев Е. Повышать уровень работы судов надзорной инстанции // Социалистическая законность. 1985. № 11. С. 4 ; и др.

<sup>5</sup> См.: Гродзинский М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. Изд. 2-е, доп. М., 1953. С. 20 ; Цыпкин А. Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965. С. 70–71.

и задачи пересмотра в кассационном порядке. Отсюда неизбежен вывод, что основания для пересмотра приговоров в порядке надзора те же, что и для пересмотра в кассационном порядке, то есть *кассационные основания*<sup>6</sup>. Т.В. Альшевский отмечал, что установление различных оснований для отмены и изменения приговоров в кассационном и надзорном порядке ничем не может быть оправдано<sup>7</sup>. По мнению же О.П. Темушкина, сужение оснований пересмотра приговоров в надзорном порядке по сравнению с кассационным производством привело бы к такому положению, когда за внешним благополучием скрывались бы недостатки судебной практики<sup>8</sup>.

Противоположные суждения были в юридической литературе большой редкостью. В частности, К.С. Банченко-Любимова подчеркивала, что ввиду исключительного характера института пересмотра решений в порядке надзора основаниями для отмены вступивших в законную силу судебных решений могут быть лишь *особенно существенные нарушения*<sup>9</sup>.

По понятным причинам идея придания надзорным основаниям особого характера встречала в советской уголовно-процессуальной теории возражения. Ведь если какое-либо нарушение закона не может служить основанием для надзорного пересмотра уголовного дела, то такое нарушение оказывается невозможным устраниить после вступления судебного акта в законную силу. А это уже прямое посягательство на принцип законности. В связи с этим, например, А.Л. Цыпкин писал: «Ненормальным было бы такое положение, что чем выше судебная инстанция, призванная решить вопрос о законности и обоснованности приговора, тем меньше

<sup>6</sup> Ривлин А. Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958. С. 244.

<sup>7</sup> Альшевский Т. В. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. С. 14.

<sup>8</sup> Темушкин О. П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 20–21.

<sup>9</sup> Банченко-Любимова К. С. Пересмотр судебных решений, вошедших в законную силу, в порядке надзора. М., 1959. С. 53.

требовательности проявляется ею в отношении строгого и неуклонного соблюдения законов»<sup>10</sup>.

Надзорный пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, таким образом, рассматривался как своего рода «запасной вариант», который действовался в ситуациях, когда судебную ошибку по каким-либо причинам не удавалось исправить до вступления приговора в законную силу.

В некоторых случаях пересмотр уголовных дел в порядке надзора фактически подменял собой кассационное производство. Так, в соответствии со ст. 44 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. приговоры Верховного Суда ССР и верховных судов союзных республик не подлежали обжалованию и о протестованию в кассационном порядке. Как следствие, проверка законности и обоснованности вынесенных этими судебными органами приговоров осуществлялась исключительно в рамках производства в суде надзорной инстанции.

Теоретической основой практики исправления в порядке надзора любых допущенных в ходе производства по уголовному делу нарушений закона служила концепция объективной истины. Н.Н. Полянский по этому поводу писал: «Еще решительнее начало объективной истины, как определяющее структуру советского уголовного процесса, проявляется в институте пересмотра в порядке надзора решений и приговоров, вошедших в законную силу. Необходимость такого пересмотра вытекает из самой природы советского уголовного процесса, который не может примириться с формальным признанием начала истины как направляющего начала, без обеспечения всех средств к достижению объективной истины»<sup>11</sup>.

Фактически же отсутствие в советском уголовном процессе гарантий стабильности вступивших в законную силу судебных

<sup>10</sup> Цыпкин А. Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. С. 77.

<sup>11</sup> Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д. С. Карева. М., 1956. С. 139.

решений объяснялось возведением в абсолют социалистической законности, требовавшей устраниния любых нарушений закона независимо от того, когда – до или после вступления судебного решения в законную силу – их удавалось обнаружить. Социалистическая законность рассматривалась одновременно как средство укрепления советского строя и как необходимое условие строительства социализма и коммунизма. В контексте советской идеологии это придавало законности значение наивысшей ценности, которой должны приноситься в жертву любые иные ценности, в том числе права личности и интересы общества, страдающие в результате посягательства на стабильность приговора и установленных им правовых отношений.

Ратификация Россией в 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод стала импульсом к ревизии предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством процедур (в том числе проверки и пересмотра судебных решений) на предмет их соответствия европейским стандартам.

Ключевую роль в этом процессе сыграл Конституционный Суд РФ, чьи правовые позиции, сформулированные на основе оценки конституционности проверяемых норм с учетом положений Конвенции и прецедентов Европейского Суда по правам человека, оказали существенное влияние на уголовно-процессуальное законодательство. Ряд значимых правовых позиций был сформулирован Конституционным Судом РФ и по вопросу об основаниях пересмотра вступивших в законную силу судебных актов (Постановления от 17 июля 2002 г. № 13-П<sup>12</sup> и от 5 февраля 2007 г. № 2-П<sup>13</sup>, Определение от 16 декабря 2008 г. № 1065-О-О<sup>14</sup> и др.).

Прежде всего, Конституционный Суд РФ подверг критике характерную для уголовно-процессуального закона общность оснований отмены вступивших и не вступивших в законную силу судебных решений, как не учитывающую коренных отличий пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу, от

<sup>12</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

<sup>13</sup> См.: Там же. 2007. № 7. Ст. 932.

<sup>14</sup> См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 3. С. 28–31.

осуществляемой судом второй инстанции проверки судебного решения, которое законную силу еще не приобрело.

В Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П отмечается, что установление общих оснований к отмене или изменению приговора в судах надзорной и кассационной инстанций ведет к искаложению конституционно-правовой природы надзорного производства и обусловленных ею критериев допустимости пересмотра и отмены окончательных приговоров. Не сформулировав «безусловные» основания к их отмене с достаточной определенностью, точностью и ясностью, с тем чтобы исключить произвольное применение закона судом, законодатель тем самым исказил критерии допустимости отмены окончательных приговоров, вытекающие из положений Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод<sup>15</sup>.

Европейский Суд по правам человека также обращал внимание на то, что единство оснований для надзорного и кассационного пересмотра дела «само по себе мало способствовало обеспечению правовой определенности» и в некоторых делах приводило к ситуациям, когда суды надзорной инстанции не оценивали последствия своего решения для принципа правовой определенности, возобновляя окончательно завершенные производством дела со ссылками «на чрезвычайно неясно сформулированные и зыбкие основания»<sup>16</sup>.

Пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу, возможен лишь как дополнительная гарантия обеспечения законности и предполагает установление применительно к стадиям уголовного процесса, в которых осуществляется такой пересмотр, особых оснований и процедур производства, соответствующих правовой природе и предназначению этих стадий.

В Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П Конституционный Суд РФ, развивая свою позицию по вопросу об основаниях

---

<sup>15</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

<sup>16</sup> См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10. С. 119–132.

надзорного пересмотра дела, указал, что поскольку проверка вступивших в законную силу судебных актов означает, по существу, возможность преодоления окончательности этих судебных актов, законодатель должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия их пересмотра в порядке надзора, которые исключали бы возможность затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения и вместе с тем – правовую определенность<sup>17</sup>.

В юридической литературе также обращается внимание на необходимость сообразовать основания для отмены или изменения судебных актов, вступивших в законную силу, с требованием *res judicata*, что предполагает запрет на дублирование оснований для отмены судебных актов, вступивших в законную силу, с теми, что установлены для их пересмотра в ординарном – апелляционном – порядке<sup>18</sup>.

Основания для отмены или изменения вступивших в законную силу судебных актов должны быть сформулированы таким образом, чтобы соответствовать конституционно значимым целям и выступать гарантой принципа правовой определенности, обеспечивая баланс справедливости судебного решения, с одной стороны, и его стабильности – с другой.

Ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод потребовала обеспечения соответствия процедуры пересмотра вступивших в законную силу судебных решений положению п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, согласно которому повторное рассмотрение дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальным нормами соответствующего государства допустимо, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

<sup>17</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

<sup>18</sup> См.: Вишневский Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости // Современное право. 2013. № 11. С. 76–83.

Эффективное применение на практике данного положения невозможно без определенности в вопросе о том, что следует понимать под существенным нарушением, повлиявшим на исход дела. Связывая допустимость повторного рассмотрения дела с наличием такого рода нарушения, законодатель тем самым признает его основанием пересмотра вступившего в законную силу судебного акта. Отсутствие четких законодательных предписаний и единой доктринальной концепции на этот счет влечет нестабильность правовых отношений, открывает возможность произвольного изменения установленного судебными решениями правового статуса их участников и тем самым ведет к нарушению общепризнанного принципа правовой определенности.

Еще в Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П<sup>19</sup> Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель, предусматривая возможность отмены вступившего в законную силу приговора и пересмотра уголовного дела, обязан сформулировать точные и четкие критерии и основания подобной отмены, с учетом того, что речь идет о таком решении судебной власти, которое уже вступило в законную силу и которым, следовательно, окончательно решены вопросы о виновности лица и мере наказания. Однако законодатель к позиции Конституционного Суда РФ долго не прислушивался и не вносил в закон изменений и дополнений, направленных на конкретизацию оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

Импульсом к законодательному определению и теоретической разработке понятия фундаментального нарушения стало вынесенное Конституционным Судом РФ 11 мая 2005 г. Постановление № 5-П<sup>20</sup>, в котором уже содержалось прямое указание федеральному законодателю внести в уголовно-процессуальный закон соответствующие изменения и дополнения, с тем чтобы не допустить произвольный, не ограниченный по времени и основаниям пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, влекущий ухудшение положения осужденного или оправданного.

<sup>19</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

<sup>20</sup> См.: Российская газета. 2005. 20 мая.

Текст соответствующего законопроекта был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 19 января 2008 г. и принят в трех чтениях соответственно 11 апреля 2008 г., 18 февраля 2009 г. и 25 февраля 2009 года. Федеральный закон № 39-ФЗ был подписан Президентом РФ 14 марта 2009 года<sup>21</sup>. Введенная этим Федеральным законом новая редакция ч. 3 ст. 405 УПК РФ впервые закрепила нормативное определение *фундаментального нарушения*.

Конституционный Суд РФ, хотя и не давал в своих решениях четкого определения понятия «фундаментальное нарушение», которое повлияло на исход дела, тем не менее наметил его общие, ключевые черты. В частности, в Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П было сказано, что исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших<sup>22</sup>.

Еще до внесения изменений в ст. 405 УПК РФ в юридической литературе высказывались самые разные суждения по вопросу о том, что необходимо понимать под фундаментальным (существенным) нарушением закона, могущим служить основанием для пересмотра уголовных дел в порядке надзора. При этом предлагаемые варианты решения указанной проблемы, как правило, представляли собой интерпретации правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Так, по мнению Р.В. Ярцева и Н.А. Гордеевой, существенные (фундаментальные) нарушения характеризуются тем, что могут: 1) повлиять на исход дела; 2) стать причиной судебной ошибки; 3) искажить суть правосудия, смысл приговора как акта

<sup>21</sup> Федеральный закон от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 18 марта.

<sup>22</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

правосудия; 4) разрушить необходимый баланс конституционно-значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и оправданных<sup>23</sup>.

Д.П. Чекулаев пришел к выводу, что Конституционный Суд РФ сформулировал следующие общие признаки существенного нарушения, которое может повлечь за собой отмену вступившего в законную силу судебного решения: «1) нарушение не могло повлиять, а непосредственно повлияло на исход дела; 2) неисправление такого нарушенияискажало бы саму суть правосудия и смысл приговора как акта правосудия; 3) перечень этих нарушений должен быть ограничен по сравнению с предусмотренными для отмены не вступившего в законную силу судебного решения»<sup>24</sup>.

По мнению А.В. Смирнова, «фундаментальными следует считать лишь такие нарушения закона, которые: 1) неправомерно приносят в жертву интересам государства права и свободы личности, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права и Конституции РФ; 2) неправомерно ущемляют права, свободы и законные интересы лица в пользу других лиц»<sup>25</sup>.

Высказывались в юридической литературе и конкретные предложения относительно того, как должна быть сформулирована новая редакция ст. 405 УПК РФ<sup>26</sup>.

В Федеральном законе от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ законодатель указал, что «к фундаментальным нарушениям относятся нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлекли за собой постановление приговора незаконным составом суда или

<sup>23</sup> Ярцев Р. В., Гордеева Н. А. Надзорное производство в контексте принципа правовой определенности // Уголовный процесс. 2008. № 4. С. 47–48.

<sup>24</sup> Чекулаев Д. П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М., 2006. С. 133.

<sup>25</sup> Смирнов А. В. О понятии фундаментальных нарушений закона в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 5.

<sup>26</sup> См., например: Волощенко А. В. Основания отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в порядке надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2008. С. 13 ; и др.

вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, а равно лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такие лишения или ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда» (ч. 3 ст. 405 УПК РФ).

Предложенное законодателем определение имело ряд недостатков.

Следуя буквальному смыслу приведенной нормы, в порядке надзора судебные решения следовало пересматривать всякий раз, если в ходе производства по уголовному делу были допущены и не устраниены нарушения уголовно-процессуального закона (ведь все они неизбежно влияют на законность судебного решения и обязательно затрагивают права участников процесса). Понятно, что при таком подходе стирались различия между основаниями для пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, и основаниями отмены или изменения не вступивших в законную силу судебных решений. В этом отношении законодательное определение фундаментального нарушения по своему смыслу оказалось чрезмерно широким.

В иных аспектах рассматриваемое определение было слишком узким: в ч. 3 ст. 405 УПК РФ речь шла лишь о нарушениях уголовно-процессуального закона, тогда как к искажению самой сути правосудия и смысла приговора как акта правосудия, несомненно, может приводить и неправильное применение норм материального права.

Впрочем, относительно возможности отмены вступивших в законную силу судебных решений в связи с нарушениями, выразившимися в неправильном применении уголовного закона, в юридической литературе высказывались различные суждения.

Так, М.Л. Поздняков выступил за сужение перечня оснований к возбуждению надзорного производства путем исключения тех, что связаны с вопросами о вине, мере наказания и квалификации. Такие основания, по убеждению автора, должны ограничи-

ваться лишь процессуальными нарушениями, но вместе с этим быть эже, чем ст. 381 УПК РФ: возможность отмены приговора должна быть связана только с фактически установленными правовыми последствиями процессуального нарушения<sup>27</sup>.

Против данной позиции возражали П.А. Колмаков и И.И. Обухов, по мнению которых основания отмены вступивших в законную силу судебных решений не должны ограничиваться лишь процессуальными нарушениями. Существенными (фундаментальными), влияющими на исход дела, являются нарушения не только уголовно-процессуального, но и уголовного закона<sup>28</sup>.

На необходимость исправления судебных ошибок, связанных с неправильным применением уголовного закона, в том числе в тех случаях, когда приговор уже вступил в законную силу, указал и Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П<sup>29</sup>.

Как представляется, нарушения, связанные с неправильным применением норм уголовного права, допущенные при рассмотрении судом уголовного дела, могут иметь фундаментальный характер и в этом случае должны влечь за собой пересмотр вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда. Отсутствие соответствующих указаний в ч. 3 ст. 405 УПК РФ, несомненно, являлось очевидным недостатком действовавшей в тот период законодательной регламентации.

Далее, по смыслу ч. 1 ст. 405 УПК РФ, пересмотр вступившего в законную силу судебного акта по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения стороны защиты, допускался лишь в тех случаях, когда фундаментальные нарушения имели место в ходе судебного разбирательства. Однако очевидно, что такого рода нарушения возможны и в досудебном производстве, и в стадии

<sup>27</sup> См.: Поздняков М. Л. Эволюция надзорной стадии в уголовном судопроизводстве. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>28</sup> Колмаков П., Обухов И. Что понимать под существенными (фундаментальными) нарушениями, повлиявшими на исход дела? // Уголовное право. 2007. № 6. С. 90.

<sup>29</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

назначения судебного разбирательства<sup>30</sup>. Данный аспект также не был учтен законодателем при регламентации оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

Накопленные судебная практика и опыт доктринальной разработки оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений были отчасти учтены законодателем в ходе реформы проверочных стадий в уголовном процессе, связанной с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ<sup>31</sup>.

Характерной чертой новой законодательной регламентации стала четко выраженная в законе *дифференциация* оснований отмены и изменения вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда в зависимости от того, влечет ли за собой пересмотр судебного решения ухудшение положения стороны защиты.

Своими корнями эта дифференциация восходит к первоначальной редакции УПК РФ 2001 г.<sup>32</sup>, который, как известно, ввел абсолютный запрет поворота к худшему после вступления в законную силу приговоров, определений и постановлений суда. Соответственно, основания отмены и изменения судебных решений, предусмотренные ст. 379 УПК РФ, применялись только в тех случаях, когда пересмотр приговора, определения или постановления суда *не был связан* с ухудшением положения стороны защиты. Оснований, по которым допускался бы пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, сопряженный с поворотом к худшему, уголовно-процессуальное законодательство вообще не предусматривало.

Следующий этап развития идеи дифференциации оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в уголовном процессе начался в 2009 г., когда Федеральным законом от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ была изменена редакция ст. 405 УПК РФ

<sup>30</sup> См.: Ковтун Н. Н. Правило недопустимости поворота к худшему в суде надзорной инстанции (в контексте законодательных новелл от 14.03.2009) // Уголовный процесс. 2009. № 5. С. 10.

<sup>31</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

<sup>32</sup> См.: Российская газета. 2001. 22 дек.

и предусмотрено, что пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается, «если в ходе судебного разбирательства были допущены фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда».

Действующее уголовно-процессуальное законодательство также предусматривает два вида оснований пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядках. Законодатель выделяет «существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела» (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ), с одной стороны, и «повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия» (ст. 401.6 УПК РФ), с другой стороны. Поскольку искажение сути правосудия и смысла приговора как акта правосудия составляет тот признак, который, по мнению Конституционного Суда РФ, присущ фундаментальному нарушению закона, в дальнейшем изложении нарушения закона, предусмотренные ст. 401.6 УПК РФ, будут именоваться фундаментальными.

Критерием разграничения указанных нарушений закона является их тяжесть. Так, последствия нарушений второй группы (ст. 401.6 УПК РФ) – искажение самой сути правосудия и смысла судебного решения как акта правосудия – настолько значительны, что ради их устранения законодатель допускает отмену вступившего в законную силу судебного акта даже тогда, когда это сопряжено с ухудшением положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

Если же пересмотр судебного акта не сопряжен с поворотом к худшему, то основаниями для отмены или изменения вступивших в законную силу приговора, определения или постановления суда могут выступать и не влекущие столь серьезных последствий существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела (ст. 401.15 УПК РФ).

Именно так трактуется закон в комментариях уголовно-процессуального законодательства. Например, А.В. Смирнов полагает, что понятие «существенное нарушение» шире понятия «фундаментальное нарушение»: всякое фундаментальное нарушение – существенное, но не всякое существенное является фундаментальным. Критерием существенных нарушений служит то, что они реально способны воздействовать на исход дела, то есть причинить ему вред. Фундаментальными же являются только такие существенные нарушения, которые искажают саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Это нарушения, которые имеют особо тяжкие последствия для осуществления правосудия, то есть «существеннейшие из существенных»<sup>33</sup>. На необходимость различать основания отмены, изменения актов суда в исключительных процессуальных порядках в сторону, улучшающую положение осужденных, и в сторону, ухудшающую их положение, обращают внимание и другие исследователи<sup>34</sup>.

В Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П<sup>35</sup> Конституционный Суд РФ со ссылкой на уголовно-процессуальный закон прямо поддержал дифференциацию оснований кассационного и надзорного пересмотра судебных решений, указав, что существенное нарушение уголовного закона, повлиявшее на исход дела, является основанием для отмены или изменения вступивших в законную силу судебных решений; если же в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, то при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационной и надзорной инстанциях допускается поворот к худшему.

<sup>33</sup> Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М., 2012. С. 697–698.

<sup>34</sup> См., например: Потапов В. Д. Категории «существенное нарушение закона» и «фундаментальное нарушение закона» в контексте оснований для отмены окончательных судебных решений в суде надзорной инстанции // Вестник СГАП. 2011. № 2. С. 181–182 ; Ковтун Н. Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 29–30.

<sup>35</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

Таким образом, идея дифференциации оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений получила признание и в уголовно-процессуальном законодательстве, и в теории уголовного судопроизводства, и в правовых позициях Конституционного Суда РФ. И все же такая дифференциация представляется не соответствующей принципу правовой определенности и прямо противоречащей общепризнанным принципам и нормам международного права.

Ключевое значение для регламентации в национальном законодательстве процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных решений имеет положение п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку, как указал Европейский Суд по правам человека, надзорное (а в настоящее время – и кассационное) производство в целях *non bis in idem* подпадает под действие данного положения как отдельный вид возобновления судебного разбирательства<sup>36</sup>. Согласно этой норме, условием повторного рассмотрения дела, а значит, и отмены ранее вынесенного окончательного судебного решения, является допущенное в ходе предыдущего разбирательства существенное (а точнее – фундаментальное<sup>37</sup>) нарушение, повлиявшее на исход дела. Тем самым формулируется универсальная для всех случаев отмены окончательных судебных решений гарантия принципа правовой определенности – наличие специального основания их пересмотра (фундаментального нарушения)<sup>38</sup>.

<sup>36</sup> См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>37</sup> Напомним, что в тексте упомянутого Протокола на английском и французском языках (а именно на этих языках данный протокол был совершен в Страсбурге 22 ноября 1984 г.) используются термины *a fundamental defect* и *in vice fundamental*, буквально переводимые на русский язык именно как «фундаментальный изъян / дефект».

<sup>38</sup> В этой связи вполне закономерно, что и с точки зрения Европейского Суда по правам человека понятия «существенное нарушение» и «фундаментальное нарушение» являются тождественными (см.: Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 111, 131).

Никакой градации оснований пересмотра в зависимости от его правовых последствий в п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции не предусматривается. В связи с этим и в национальном законодательстве недопустимо вкладывать в используемое в данной норме понятие «существенное нарушение, повлиявшее на исход дела», являющееся единым и общим основанием отмены любых окончательных судебных актов, различный смысл в зависимости от того, связан пересмотр судебного решения с поворотом к худшему или нет.

Неопровергимость окончательного судебного акта, будучи условием реализации принципа правовой определенности, должна обеспечиваться независимо от того, какие последствия влечет для стороны защиты отмена судебного решения. *Гарантии неопровергимости (res judicata) окончательных судебных решений должны быть универсальными, общими для всех окончательных приговоров, определений и постановлений суда.*

Если же исходить из того, что существенные нарушения закона (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) характеризуются иными, нежели фундаментальные нарушения закона (ст. 401.6 УПК РФ), признаками, в частности, менее значимыми последствиями, то придется признать, что существенные нарушения закона, служащие основанием пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, являются эквивалентом существенных нарушений уголовно-процессуального закона, с которыми закон связывает отмену или изменение судебных решений в апелляционном порядке (п. 2 ст. 389.15 УПК РФ).

В настоящее время действительно наблюдается совпадение ключевых признаков оснований отмены судебных решений в апелляционном и в кассационном (надзорном) порядках. Так, ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ предусматривает, что основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются «существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые... повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения». В ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ речь идет о «существенных нарушениях уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела». Поскольку исход дела определяется

вынесенным по данному делу решением, значит, нарушение закона, влияя на вынесение законного и обоснованного судебного решения, одновременно влияет и на исход дела. Следовательно, существенные нарушения закона, *повлиявшие на исход дела*, в настоящее время являются одновременно основаниями пересмотра приговоров, определений и постановлений суда как в апелляционном, так и в кассационном (надзорном) порядках.

Такое положение вещей коренным образом противоречит выраженным в решениях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ правовым позициям о недопустимости совпадения оснований пересмотра вступивших и не вступивших в законную силу судебных решений<sup>39</sup>. На необходимость разграничения оснований пересмотра вступивших и не вступивших в законную силу судебных решений обращается внимание и в юридической литературе<sup>40</sup>. Совпадение же оснований пересмотра судебных решений в апелляционном и кассационном (надзорном) порядке нарушает принцип правовой определенности, поскольку гарантии неопровержимости таких решений, учитывая глубокое различие их юридического значения, не могут и не должны обеспечиваться на одинаковом уровне.

Даже само использование законодателем для обозначения оснований кассационного и надзорного пересмотра судебных решений термина «существенное нарушение» (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) вместо «фундаментальное нарушение» представляется серьезной ошибкой. В условиях применения общей терминологии для обозначения оснований отмены и изменения судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке у практических работников может сложиться неверное и опасное по своим последствиям убеждение в том, что вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда подлежат

<sup>39</sup> См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации». С. 119–132 ; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

<sup>40</sup> См., например: Аширбекова М. Т. Некоторые вопросы реформы судебного производства по пересмотру приговора // Вестник СГАП. 2010. № 6. С. 32.

отмене или изменению по тем же самым основаниям, что и не вступившие в законную силу судебные решения.

В целях обеспечения необходимых гарантий принципа правовой определенности необходимо *отказаться от принятой в настоящее время дифференциации оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных актов и закрепить в уголовно-процессуальном законе, что основанием пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, независимо от того, связан такой пересмотр с поворотом к худшему или нет, является фундаментальное нарушение закона.*

**Фундаментальное нарушение закона – это нарушение уголовно-процессуального закона или неправильное применение уголовного закона, которое повлияло на исход дела и искажает саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.** Данное определение целесообразно закрепить в ст. 5 УПК РФ, дополнив ее пунктом 58.1.

Важно заметить, что реализация предлагаемой идеи закрепления в законе единого основания отмены или изменения судебных решений в кассационном и надзорном порядке не приведет к изменению судебной практики и снижению уровня стабильности судебных решений. Как будет показано в следующем параграфе, и в настоящее время основаниями для пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном порядке *de facto* выступают лишь такие нарушения закона, которые отвечают критерию фундаментальности. В таких условиях сама идея дифференциации надзорно-кассационных оснований утрачивает всякий смысл.

По общему правилу, нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, «носят оценочный характер, то есть являются они таковыми или нет, решает суд, исходя из конкретных обстоятельств дела и характера нарушения»<sup>41</sup>. Однако некоторым нарушениям закона

<sup>41</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : монография. В 2 ч. Ч. I / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Колоколова. М., 2015. С. 536 (автор гл. 9 разд. 3 – В. А. Давыдов).

в УПК РФ придается значение «безусловных» оснований отмены вступивших в законную силу судебных решений. К их числу, в частности, относятся допущенные в ходе досудебного производства по уголовному делу нарушения, служащие основанием для возвращения уголовного дела прокурору. Согласно ч. 3 ст. 401.15, п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ приговор, определение, постановление суда и все последующие судебные решения отменяются с возвращением уголовного дела прокурору, если при рассмотрении уголовного дела в кассационном или надзорном порядке будут выявлены обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Тем самым закон презюмирует, что данные обстоятельства во всяком случае являются фундаментальными нарушениями, то есть отвечают критериям, предусмотренным в п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Такое законодательное решение, видимо, предопределено тем, что основаниями возвращения уголовного дела прокурору признаются лишь такие нарушения уголовно-процессуального закона, в силу которых исключается сама возможность постановления судом приговора или иного решения. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, подобные нарушения требований УПК РФ, допущенные в досудебном производстве, исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости<sup>42</sup>. Препятствуя постановлению справедливого приговора, такие нарушения искажают суть правосудия, а значит, являются фундаментальными.

В то же время *вызывает сомнения правильность решения законодателя (ч. 3 ст. 401.15, п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ) возложить на суды кассационной и надзорной инстанций обязанность возвращать уголовные дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ*, то есть когда после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. Данная

<sup>42</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

обязанность не только выходит за пределы установленного законом предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций, проверяющих *законность* вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, но и практически не может быть реализована в силу отсутствия у данных судебных инстанций средств установления или признания доказанными новых обстоятельств, ранее не установленных или отвергнутых *нижестоящими* судами.

При разрешении уголовного дела суд не ограничивается применением норм лишь уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В российском законодательстве, как и в законодательствах многих других европейских государств, издавна стало традицией совместное рассмотрение и разрешение уголовным судом требования обвинителя об осуждении и наказании лица, виновного в совершении преступления, с одной стороны, и требования потерпевшего об имущественном возмещении ему ущерба, причиненного преступным посягательством – с другой («соединенный» процесс).

Требование правовой определенности предполагает стабильность и неизменность судебных актов независимо от того, какие вопросы – об уголовной или гражданско-правовой ответственности – ими разрешаются. В силу принципа *res judicata* ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в части гражданского иска. Однако на практике судам кассационной инстанции регулярно приходится сталкиваться с необходимостью отмены и изменения судебных решений в связи с неправильным применением *нижестоящими* судами норм гражданского права. В настоящее время суды вынуждены ссылаться в обоснование своего решения на ст. 401.15 УПК РФ и положение п. 1 ст. 299 УПК РФ, согласно которым при постановлении приговора в совещательной комнате суд разрешает

вопросы по заявленному гражданскому иску: подлежит ли он удовлетворению, в чью пользу и в каком размере<sup>43</sup>. Другими словами, неправильное применение норм гражданского права расценивается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, что вряд ли правильно.

В Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П<sup>44</sup> Конституционный Суд РФ указал, что пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений по гражданским делам допустим в случае, если по делу допущена фундаментальная ошибка. Опираясь на данную правовую позицию, законодатель сформулировал основания отмены или изменения судебных постановлений по гражданским делам в кассационном порядке (ст. 387 ГПК) и в порядке надзора (ст. 391.9 ГПК РФ). Как представляется, именно эти основания должны применяться судами кассационной и надзорной инстанций в уголовном процессе в тех случаях, когда допущенные нарушения повлияли на правильность разрешения судом гражданского иска. При этом мы исходим из того, что применение различных оснований пересмотра судебных решений в части гражданского иска в уголовном и гражданском судопроизводствах нарушало бы конституционный принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ).

На основании изложенного представляется целесообразным внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, изложив ч. 1 ст. 401.15/ ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ в следующей редакции: «1. Основанием отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке / в порядке надзора является фундаментальное нарушение закона, а в части гражданского иска – основания, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке / в порядке надзора».

---

<sup>43</sup> См., например: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-57/2015.

<sup>44</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

## § 2. Критерии фундаментальности нарушения закона

Пересмотр окончательных судебных решений, обладающих силой *res judicata*, допустим только при условии, что значимость и последствия допущенного по делу нарушения закона столь существенны, что ради его устраниния необходимо и оправданно отступление от принципа правовой определенности. Как неоднократно отмечал Европейский Суд по правам человека, власти должны уважать обязательную природу окончательного судебного решения, позволяя возобновление уголовного судопроизводства только в случаях, когда правовые основания *перевешивают* принцип правовой определенности<sup>45</sup>.

Определяя критерии<sup>46</sup>, которым должно отвечать нарушение (неправильное применение) закона для того, чтобы служить основанием пересмотра вступивших в законную силу судебных решений (являться фундаментальным), законодатель стремится достичь баланса принципов правовой определенности и права на судебную защиту в надзорно-кассационной форме пересмотра судебных решений. Чем эже круг нарушений закона, признаваемых основаниями для пересмотра вступившего в законную силу судебного решения, тем оно неопровергимее, а значит, крепче позиции принципа правовой определенности. Чем этот круг шире – тем больше у заинтересованных лиц возможностей добиться отмены или изменения судебного акта и тем самым реализовать свое право на судебную защиту.

Ранее мы уже определили фундаментальное нарушение закона как такое нарушение уголовно-процессуального закона или неправильное применение уголовного закона, которое, во-первых,

<sup>45</sup> См., например: Решение Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2006 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasy Semenovich Bratyakin) против Российской Федерации» // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 76.

<sup>46</sup> Критерий – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо, мерило оценки (см.: Современный словарь иностранных слов : ок. 20 000 слов. М., 1992. С. 320).

искажает саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, во-вторых, повлияло на исход дела. Именно эти два признака и являются критериями фундаментальности допущенного по делу нарушения закона.

Очевидно, что для квалификации того или иного нарушения закона как фундаментального необходимо, чтобы у правоприменителя было четкое понимание того, что представляет собой каждый из двух указанных признаков.

### **КРИТЕРИЙ 1. Искажение сути правосудия и смысла судебного решения как акта правосудия.**

Насколько сложным является раскрытие данного критерия фундаментальности нарушения закона для теории уголовного процесса, настолько же оно значимо для правоприменительной практики.

Правосудие представляет собой деятельность суда, составляющую его исключительную компетенцию и заключающуюся в рассмотрении и разрешении в особой процессуальной форме правовых споров. Неотъемлемой качественной характеристикой этой деятельности является соответствие как процедуры ее осуществления, так и ее результата (судебного решения) требованию справедливости. «Правосудие, – говорится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П, – по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах»<sup>47</sup>. По мнению А.А. Шамардина, сущностью правосудия является деятельность суда по *справедливому* разрешению споров о праве (юридических конфликтов)<sup>48</sup>.

Начало справедливости охватывает и всю уголовно-процессуальную деятельность, им проникнуты цели и задачи уголовного

---

<sup>47</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

<sup>48</sup> См., например: Шамардин А. А. К вопросу о формах осуществления судебной власти // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международ. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 2005. С. 398.

судопроизводства, его принципы, все его стадии и институты, все действия и все решения<sup>49</sup>. Будучи общеправовым, этот принцип оказывает влияние как на законотворческую деятельность, связанную с регламентацией процедуры уголовного судопроизводства, так и на правоприменение в сфере уголовного процесса.

Исходя из определения сущности, под которой понимается «то, что составляет суть вещи, совокупность ее существенных свойств, субстанциональное ядро самостоятельно существующего сущего»<sup>50</sup>, можно заключить, что *соответствие деятельности суда требованию справедливости составляет сущностное свойство правосудия, признак, без которого правосудие перестает быть самим собой, превращается в нечто иное. Таким образом, именно несоответствие правосудия требованию справедливости приводит к искажению его сути. Если к искажению сути правосудия приводит отступление от требования справедливости, значит, фундаментальным следует признавать только такое нарушение (неправильное применение) закона, которое посягает на общеправовой принцип справедливости*<sup>51</sup>.

<sup>49</sup> См.: Цыпкин А. Л. Очерки советского уголовного судопроизводства. Саратов, 1975. С. 75.

<sup>50</sup> Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 444.

<sup>51</sup> На то, что основным критерием фундаментальности нарушения закона является именно отступление от требования справедливости, нами было обращено внимание еще в 2009 году (см.: Дикарев И. С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 51), и в последующем данная позиция была поддержана и другими исследователями проблем пересмотра вступивших в законную силу судебных решений (см.: Никитина Л. В. Пределы прав суда надзорной инстанции // Вестник СГАП. 2010. № 1. С. 166). Разделяется такой подход и в теории гражданского процессуального права. Как пишет Г. А. Вишневский, «отмена вступившего в законную силу судебного акта может иметь место лишь в том случае, если допущенные в ходе рассмотрения дела ошибки свидетельствуют о том, что правосудие не состоялось, дело было разрешено вопреки требованиям справедливости (имеется в виду как неправильное распределение прав и обязанностей участников социально-правового конфликта, так и лишение или ограничение права сторон на справедливую процедуру разрешения спора)» (Вишневский Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости. С. 76–83).

Таким образом, **первым признаком искажения сути правосудия и смысла судебного решения как акта правосудия является нарушение принципа справедливости.**

Как верно замечает С.А. Голубок, никакие другие гарантии, имеющие, по сути, инструментальный характер, никогда не восполнят изначальную порочность судебного разбирательства, если оно является несправедливым<sup>52</sup>.

Правда, некоторые авторы связывают категорию справедливости исключительно с назначением наказания. Так, например, И.А. Пикалов пишет, что «...справедливости можно требовать лишь в отношении наказания за совершенное преступление, уголовный процесс же, являясь механизмом реализации норм уголовного (материального) права, абсолютно справедливым быть не должен и не может (исходя из самой его сущности)»<sup>53</sup>. Схожего взгляда придерживается и Т.Г. Бородинова, по мнению которой основным содержанием требования справедливости приговора является справедливость наказания<sup>54</sup>.

Такая позиция представляется спорной и явно не соответствующей выработанному в теории уголовного судопроизводства пониманию справедливости как требования (принципа), распространяющего свое действие на всю уголовно-процессуальную деятельность<sup>55</sup>. Некоторые авторы специально акцентируют внимание на ошибочности узкого понимания справедливости, применимого только лишь к характеру соразмерности наказания в при-

<sup>52</sup> Голубок С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 117.

<sup>53</sup> Пикалов И. А. Принципы отечественного уголовного процесса. М., 2012. С. 179.

<sup>54</sup> Бородинова Т. Г. Законность приговора как предмет судебного разбирательства в современном кассационном производстве // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 34.

<sup>55</sup> См.: Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. С. 9, 11–12 ; Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 10 ; Рудич В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

говоре<sup>56</sup>. Справедливость, пишет О.В. Евстигнеева, характеризует не только назначенное судом наказание, но и всю процедуру судопроизводства, что позволяет говорить на сегодняшний день о материальной и процессуальной справедливости<sup>57</sup>.

Достижение справедливости в уголовном процессе выражается в правильной, основанной на истинном знании об обстоятельствах криминального события, правовой оценке содеянного и вынесении законного и обоснованного решения. Важнейшей гарантией установления истины служат уголовно-процессуальная форма и принципы уголовного процесса, лежащие в ее основании. Судебный акт, как результат судопроизводства, зависит от всей предшествующей его вынесению процессуальной деятельности. Ведь если процессуальная форма является средством достижения истины в судопроизводстве, то соблюдение такой формы в ходе правоприменения приобретает значение условия постановления справедливого судебного решения.

Из этого следует, что вынесение справедливого судебного решения может быть результатом только такой процедуры, которая сама организована на началах справедливости. Как пишет Н.Н. Вопленко, результат человеческой деятельности и акты предшествующего ему поведения всегда жестко связаны между собой системой причинно-следственных отношений. Поэтому справедливость или несправедливость поведения субъектов программирует и предопределяет соответствующий результат их активности<sup>58</sup>.

В связи с этим в юридической литературе обоснованно обращается внимание на то, что справедливость правосудия заключается не только в справедливости принимаемого решения, но и в

<sup>56</sup> См.: Ягофаров С. М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 15.

<sup>57</sup> Евстигнеева О. В. Справедливость как принцип уголовного судопроизводства // Вестник СГАП. 2010. № 6. С. 48.

<sup>58</sup> Вопленко Н. Н. Понятийный ряд справедливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2010. № 2 (13). С. 7.

справедливости процедуры его принятия<sup>59</sup>. Как верно заметила П.А. Лупинская, справедливость выносимых решений определяется тем, насколько справедлива сама процедура, путь к решению<sup>60</sup>.

Более того, некоторые исследователи отмечают, что в смысле Конвенции о защите прав человека и основных свобод понятие «справедливое судебное разбирательство» предполагает справедливость именно судебного процесса, а не его результата<sup>61</sup>. Схожего взгляда придерживается О.И. Рабцевич, полагающая, что право на справедливое судебное разбирательство «вовсе не гарантирует, что в процессе должна быть установлена истина и в соответствии с ней восстановлена социальная справедливость»<sup>62</sup>.

Такая позиция представляется дискуссионной. Во всяком случае, судья Европейского Суда по правам человека Лукас Г. Лукайдес имеет на этот счет иную точку зрения: «Мое личное мнение, – пишет он, – состоит в том, что право на справедливое судебное разбирательство также предполагает право на справедливый результат или справедливое судебное решение»<sup>63</sup>.

<sup>59</sup> См., например: Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 110 ; Нажимов В. П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам : межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. В. П. Нажимов. Калининград : КГУ, 1989. С. 9 ; Володина Л. М., Володина А. Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М., 2010. С. 113 ; и др.

<sup>60</sup> Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 157.

<sup>61</sup> См., например: Рожкова М. А., Афанасьев Д. В. Комментарий к информационному письму ВАС РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» // Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ / под ред. Л. А. Новоселовой, М. А. Рожковой. Вып. 5. М., 2008. С. 194–244.

<sup>62</sup> Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 7.

<sup>63</sup> Лукайдес Лукас Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 9.

Справедливость судебного решения и справедливость процедуры – это два неразрывно связанных элемента, из которых слагается понятие справедливости правосудия. В чем бы ни выражалась несправедливость – в ошибочности судебного решения или грубом нарушении процессуальной формы, – она неизбежно приведет к искажению сути правосудия, которое, собственно говоря, уже не будет являться правосудием. Ведь правосудие может быть только справедливым, нет справедливости – нет и правосудия.

Приговор как акт правосудия – есть собственно итог справедливой процедуры рассмотрения и разрешения уголовного дела, проведенной в соответствии с требованиями действующего закона<sup>64</sup>. Поэтому и законодатель, утверждая справедливость в качестве исходного начала регулирования общественных отношений, сосредоточивает свое внимание прежде всего на процессуальной деятельности.

В международном праве требование справедливости имеет значение общепризнанного принципа уголовного судопроизводства, которому отводится ключевая роль в механизме регламентации процедуры осуществления правосудия по уголовным делам.

Так, ст. 10 Всеобщей декларации о правах человека гласит: «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом». Общее требование справедливости к судам при производстве по уголовным и гражданским делам сформулировано также в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

<sup>64</sup> См.: Володина Л. М., Володина А. Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. С. 32 ; Александров А. С., Лапатников М. В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12 ; Рудич В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 11–12.

В ряде международных соглашений (п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; п. 1 ст. 6 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека) нормативные требования к процедуре судопроизводства закладываются в содержание признаваемого за личностью субъективного права – права на справедливое судебное разбирательство (справедливое рассмотрение дела).

В юридической науке право на справедливое судебное разбирательство рассматривается как выражение принципа справедливости, как нормативное положение, в котором раскрывается его содержание<sup>65</sup>, а само это право относят к разряду общепризнанных принципов международного права, действующих в уголовном процессе<sup>66</sup>.

По мнению М.В. Преснякова, процедурная справедливость связывается с выработанными в практике Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ принципами справедливого судебного разбирательства<sup>67</sup>. Аналогичный подход используется и авторами Доктринальной модели уголовно-процес-

---

<sup>65</sup> См., например: Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 15 ; Бурмагин С. В. Справедливость уголовного правосудия в интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., 22 марта 2013 г. / сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. СПб, 2013. С. 103–104 ; Амасьяц А. Э. Принцип справедливости в уголовном судопроизводстве (философско-правовой анализ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 11. С. 106.

<sup>66</sup> См., например: Девятова О. В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования. М., 2010. С. 89–90 ; Евстигнеева О. В. Справедливость как принцип уголовного судопроизводства. С. 47 ; Качалова О. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство как принцип современного российского уголовно-процессуального права // Российский судья. 2014. № 6. С. 12 ; и др.

<sup>67</sup> Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 32.

суального доказательственного права РФ, которые, предлагая закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве принцип справедливости (ст. 2.7), прямо увязывают его содержание со стандартами, разработанными Европейским Судом по правам человека<sup>68</sup>.

На этом основании можно прийти к выводу, что *право на справедливое судебное разбирательство является процессуальным проявлением общеправового принципа справедливости, формой его бытия и инструментом (средством) достижения справедливости в сфере уголовного судопроизводства*.

Поскольку же, как мы выяснили ранее, к искажению сути правосудия приводит отступление от принципа справедливости, а формой бытия последнего в сфере уголовного судопроизводства является право на справедливое судебное разбирательство, то *нарушение уголовно-процессуального закона будет являться фундаментальным только в том случае, если оно выражается в нарушении права на справедливое судебное разбирательство и повлияло на исход дела*<sup>69</sup>.

Предлагаемый подход к определению критерия фундаментальности нарушения позволит правопримениителю, опираясь на выработанное Европейским Судом по правам человека и национальной судебной практикой толкование ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, четко и единообразно решать

<sup>68</sup> Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. М., 2015. С. 31.

<sup>69</sup> Можно с уверенностью констатировать, что данное положение вполне соответствует позиции Пленума Верховного Суда РФ, который в Постановлении от 28 января 2014 г. № 2 (см.: Российская газета. 2014. 7 февр.) отнес к числу нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, «иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом *прав на справедливое судебное разбирательство* (выделено нами. – И. Д.) на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда».

вопрос о необходимости отмены и изменения в кассационном или надзорном порядке вступившего в законную силу судебного акта.

Под справедливым судебным разбирательством следует понимать такой порядок судопроизводства, при котором стороны поставлены в равные условия и имеют одинаковые возможности добиться вынесения судом решения в свою пользу. В идеале процессуальная форма должна обеспечивать такое положение, при котором исход дела определялся бы исключительно фактической стороной дела, а не процессуально выгодным положением или иными преимуществами той или иной стороны. Таким образом, важнейшей характеристикой справедливости является равноправие, а наиболее отвечающей требованиям справедливости признается состязательная форма уголовного судопроизводства.

Содержание права на справедливое судебное разбирательство раскрывается через комплекс взаимосвязанных нормативных положений, без соблюдения которых в ходе правоприменения процессуальная деятельность и вынесенное по ее результатам решение *a priori* не могут быть признаны справедливыми. Исчерпывающее перечня таких положений не содержится ни в одном нормативном акте. Более того, те перечни конкретных прав и процедурных условий обеспечения справедливого судебного разбирательства, которые приводятся в текстах международных договоров (например, п. 3 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основанных на нем свобод), образуют лишь необходимый *minimorum* – минимальные гарантии, соблюдение которых не всегда достаточно для обеспечения справедливого разбирательства дела<sup>70</sup>.

<sup>70</sup> См.: Замечание общего порядка Комитета по правам человека ООН № 13 «Статья 14 (отправление правосудия)» // Международные договоры по правам человека. Т. I. Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека (HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). 27 May 2008). URL: [http://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9\\_ru.pdf](http://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9_ru.pdf) (дата обращения: 20.05.2011) ; Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / [М. Р. Воскобитова, Г. В. Диков, С. А. Насонов [и др.]] ; под ред. д-ра юрид. наук Т. Г. Морщовой. М., 2012. С. 41.

Право на справедливое судебное разбирательство представляет собой правовое явление, не сводимое к составляющим его элементам – отдельным процессуальным правам и процедурным условиям. Задействованные в одном правоприменительном процессе, эти права и условия количественно переходят в новое качество, придавая судопроизводству справедливый характер. Соответственно, система, которую образуют элементы права на справедливое судебное разбирательство, эффективна лишь при условии соблюдения всего комплекса правовых предписаний.

В связи с этим принципиально некорректно говорить о частичном соблюдении права на справедливое судебное разбирательство, поскольку реализация одних его элементов при несоблюдении других не позволяет в целом охарактеризовать процедуру уголовного судопроизводства как справедливую. Как верно замечает О.И. Рабцевич, реализация права на справедливое судебное разбирательство возможна только через обеспечение и реализацию тех процессуальных прав и обязанностей, которые входят в его содержание, а значит, нарушение права на справедливое судебное разбирательство будет иметь место даже тогда, когда нарушается хотя бы одно из процессуальных прав<sup>71</sup>.

Международно-правовые акты, раскрывая содержание права на справедливое судебное разбирательство, делают акцент на правах обвиняемого как лица, находящегося в наиболее уязвимом положении. Однако из этого не следует делать вывод, что данным правом пользуется только сторона защиты. Принцип справедливости является всеобщим, в связи с чем условия, обеспечивающие возможность эффективного отстаивания своих прав, должны создаваться всем участникам судопроизводства, являющимся сторонами дела<sup>72</sup>.

<sup>71</sup> См.: Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 6 ; Ее же. О содержании права на справедливое судебное разбирательство // Мировой судья. 2004. № 2. С. 24.

<sup>72</sup> Аналогичную позицию занимают и авторы упомянутой выше Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ, которые в ч. 1 ст. 2.7 модели указывают, что право на справедливое уголовное судопроизводство в равной мере имеют и обвиняемый, и потерпевший.

Согласно п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод правом на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, пользуется любое лицо («каждый»), когда рассматриваемый спор касается его гражданских прав и обязанностей. Следовательно, наравне с обвиняемым право на справедливое судебное разбирательство должно обеспечиваться потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику. Как считает А.А. Тимошенко, гарантии справедливости процесса распространяются на всех лиц, «во-лею деликтного производства, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства»<sup>73</sup>.

Вместе с тем гарантированное Конвенцией «право на справедливое судебное разбирательство устанавливает гарантии для частных лиц, а не для государств – членов Совета Европы»<sup>74</sup>. Означает ли это, что участники уголовного процесса, отстаивающие в деле не частный, а публичный интерес, не вправе рассчитывать на справедливую процедуру и справедливый результат рассмотрения дела? Думается, такой вывод был бы ошибочным, поскольку означал бы, что и общество, включая всех его членов, чей совокупный интерес и именуется публичным, не может рассчитывать в сфере уголовного судопроизводства на справедливый исход дела.

Итак, если в результате допущенного по делу нарушения закона стороны оказываются в неравных условиях или лишаются возможности добиваться с использованием предоставленных законом средств вынесения судом решения в свою пользу, процедура утрачивает справедливый характер, а значит, в силу взаимосвязи деятельности и результата, и вынесенный по делу судебный акт не может быть признан справедливым. Такой результат судопроизводства искажает суть правосудия, в связи с

<sup>73</sup> Тимошенко А. А. Справедливость как ценностный ориентир уголовного процесса // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 155.

<sup>74</sup> Лукайдес Лукас Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод). С. 8.

чем нарушение, его повлекшее, должно квалифицироваться как фундаментальное.

На практике суды кассационной и надзорной инстанции и сейчас отменяют и изменяют вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда в связи с такими нарушениями уголовно-процессуального закона, которые приводят к несправедливости судебного разбирательства.

Так, например, Президиум Верховного Суда РФ отменил в надзорном порядке определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2013 г. в отношении У., В., Кор-ва и Куз-ва в связи с тем, что при рассмотрении уголовного дела по заключению прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств было допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела, выразившееся в следующем: в состав судебной коллегии, вынесшей определение, входила судья Верховного Суда РФ Х., которая ранее принимала участие в рассмотрении данного уголовного дела в кассационном порядке в качестве прокурора <sup>75</sup>.

По другому делу Президиум Верховного Суда РФ изменил судебные решения по уголовному делу Н., помимо прочего, в связи с тем, что суд первой инстанции вопреки позиции государственного обвинителя, предложившего в ходе прений квалифицировать действия осужденного по ч. 3 ст. 111 УК РФ, поскольку обвинение по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ не нашло подтверждения, квалификацию не изменил <sup>76</sup>.

Очевидно, что в обоих приведенных примерах имели место нарушения гарантированного ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права личности на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом.

<sup>75</sup> См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 октября 2013 г. по делу № 163-П13ПР. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=564480](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=564480) (дата обращения: 10.11.2015).

<sup>76</sup> См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 марта 2015 г. по делу № 79-П14. URL: [http://vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1250330](http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1250330) (дата обращения: 10.11.2015).

*Неправильное применение уголовного закона может признаваться фундаментальным нарушением также только при условии, что его последствием является нарушение принципа справедливости.*

Понятие «применение уголовного закона» в юридической науке трактуется по-разному. М.С. Строгович считал, что применение судом права – это квалификация преступления и определение наказания<sup>77</sup>, Я.М. Брайнин – подведение конкретного факта под соответствующий уголовный закон и принятие соответствующего решения, имеющего обязательную силу<sup>78</sup>. По мнению Е.В. Благова, «применение уголовного закона – это принятие и закрепление решения о предусмотренности (или непредусмотренности) установленных фактических обстоятельств в соответствующей норме и об определении (или неопределении) содержащейся в ней меры уголовно-правового характера»<sup>79</sup>.

Уголовно-процессуальный закон (ч. 1 ст. 389 УПК РФ) раскрывает понятие неправильного применения уголовного закона посредством детализации правоприменительных ошибок, в которых оно может выражаться: 1) нарушение требований Общей части УК РФ; 2) применение не той статьи или не тех пункта и (или) части статьи Особенной части УК РФ, которые подлежали применению; 3) назначение наказания более строгого, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Применение данного основания при рассмотрении уголовного дела в кассационном или надзорном порядке в полной мере соответствует предмету судебного разбирательства в этих судебных инстанциях (законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу), поскольку не связано с оценкой правильности установления фактической стороны

<sup>77</sup> Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 64.

<sup>78</sup> Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 92.

<sup>79</sup> Благов Е. В. Общая теория применения уголовного права : монография. Ярославль, 2003. С. 79.

дела. Проверка правильности применения уголовного закона предполагает лишь сопоставление выводов нижестоящего суда относительно применения норм уголовного права и фактических обстоятельств дела в том их виде, как они установлены в судебном решении, законность которого подлежит оценке.

Сформулированный нами выше вывод о том, что нарушение закона должно признаваться фундаментальным в том случае, если оно приводит к нарушению принципа справедливости, в полной мере распространяется на оценку с позиций фундаментальности неправильного применения уголовного закона.

В уголовном законодательстве принцип справедливости закреплен в ст. 6 УК РФ и выражается в том, что: 1) наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; 2) никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Как видно, в уголовном праве законодатель сводит принцип справедливости прежде всего к индивидуализации наказания и иных мер уголовно-правового характера. В юридической литературе высказывается предположение, что данный подход объясняется узостью описания следующего принципа – гуманизма. «В действительности, – пишет Е.В. Благов, – справедливость призвана нейтрализовать безбрежность гуманизма»<sup>80</sup>.

Соответствующим образом определена несправедливость приговора и в уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 389 УПК РФ).

Выше мы уже отмечали, что справедливость судебного решения не может быть сведена лишь к соразмерности наказания, иных уголовно-правовых мер характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Конечно, данный аспект справедливости весьма важен, но он не единственный.

<sup>80</sup> Благов Е. В. Общая часть уголовного права в 20 лекциях : курс лекций. М., 2012. С. 12.

Социальная справедливость, писал Ю.И. Ляпунов, – категория универсальная, можно сказать, всеобъемлющая. Однако в уголовном праве этот фундаментальный принцип имеет специфические формы проявления, и назначение судом соразмерного наказания – лишь одна из них<sup>81</sup>.

По мнению А.В. Наумова, справедливость в уголовном праве в известном смысле аккумулирует в себе и другие важнейшие его принципы, и в первую очередь принципы законности, равенства граждан перед законом и гуманизма. Каждый из них характеризует определенную качественную сторону (или аспект) справедливости в уголовном праве, без которой нет и не может быть справедливости в целом<sup>82</sup>.

В сфере властной правореализации справедливость проявляет себя как ожидание от государства такого ведения общих дел, делегированных ему всем обществом, которое отвечало бы нравственным идеалам всех членов общества, их представлениям об общем благе, пользе, добре и пр.<sup>83</sup>

Очевидно, что при таком – безусловно, на наш взгляд, правильном – подходе справедливость судебного решения не может ограничиваться лишь вопросами, связанными с назначением наказания или применением иных мер уголовно-правового характера. Неправильное применение уголовного закона, в чем бы оно ни выражалось, всегда приводит к несправедливости результата правосудия. Данный вывод подтверждается результатами проведенного анкетирования 1 288 судей и сотрудников прокуратуры: с утверждением о том, что неправильное применение уголовного закона приводит к нарушению принципа справедливости, полностью согласились 80,9 % респондентов (81,7 % сотрудников прокуратуры и 80,2 % судей).

<sup>81</sup> См.: Ляпунов Ю. Принципы уголовного законодательства // Соц. законность. 1989. № 2. С. 32–33.

<sup>82</sup> См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций. М., 1996. С. 52.

<sup>83</sup> См.: Актуальные проблемы уголовного права: Курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов. В 3 т. Т. 1 / под ред. Л. В. Лобановой. Волгоград, 2012. С. 120.

Согласно ст. 18 Конституции РФ правосудие призвано обеспечивать права и свободы человека и гражданина. Следовательно, всякий случай нарушения прав и свобод личности в ходе осуществления правосудия прямо противоречит его предназначению, то есть искажает его суть.

**В связи с этим вторым признаком искажения сути правосудия является причинение допущенным нарушением вреда правам и свободам личности.**

Данный признак присутствует в каждом случае нарушения уголовно-процессуального закона: любое отступление от установленной законом уголовно-процессуальной формы так или иначе приводит к нарушению гарантированных законом прав. Соответственно, всякий раз, когда в ходе уголовного судопроизводства нарушаются права сторон, гарантированные ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, судебное решение подлежит пересмотру.

Так, постановлением президиума Волгоградского областного суда от 18 декабря 2013 г. отменено апелляционное постановление Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 21 августа 2013 года. Основанием для такого решения стало лишение судом апелляционной инстанции осужденного П. права на защиту тем адвокатом, с которым у того было заключено соглашение. Помимо этого, в материалах дела отсутствовало подтверждение вручения осужденному извещения о дате и времени судебного заседания по рассмотрению апелляционной жалобы потерпевшего на постановление мирового судьи о взыскании процессуальных издержек<sup>84</sup>.

Что же касается случаев неправильного применения уголовного закона, то здесь данный вопрос решается не столь однозначно.

Суть правосудия искажает судебная ошибка, результатом которой стало необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности или назначение ему излишне сурового наказания<sup>85</sup>. В по-

<sup>84</sup> См.: Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. Кассационное производство № 44у-4/2014.

<sup>85</sup> С этим согласились 82,3 % участвовавших в анкетировании сотрудников органов прокуратуры и 70,7 % судей. В целом данную позицию разделяют 76,3 % респондентов, против высказались 16,0 %, затруднились ответить 4,3 %, другого мнения придерживаются 3,4 %.

добных случаях неправильное применение уголовного закона прямо нарушает права и свободы личности – осужденного.

Так, Приговором Балаковского районного суда Саратовской области П. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, а также ч. 1 ст. 228 УК РФ. В качестве смягчающих наказание П. обстоятельств судом первой инстанции установлены следующие: наличие у него малолетних детей, признание им своей вины, раскаяние в содеянном, активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, состояние здоровья его и близкого родственника. Отягчающих наказание обстоятельств не установлено.

Применив положения ч. 1 ст. 62, ч. 3 ст. 66 УК РФ, суд назначил П. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ максимально возможное наказание в виде 7 лет 6 месяцев лишения свободы. При этом суд не принял во внимание другие смягчающие обстоятельства, указанные в приговоре. При таких обстоятельствах президиум Саратовского областного суда пришел к выводу о необходимости снижения размера назначенного наказания, в связи с чем приговор суда первой инстанции изменен<sup>86</sup>.

Подтверждением сформулированного выше тезиса о том, что суть правосудия искажается судебной ошибкой, в результате которой лицо необоснованно привлекается к уголовной ответственности или несет излишне суровое наказание, может служить позиция Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая в одном из своих решений охарактеризовала неправильное применение норм Общей части УК РФ, повлиявшее на исход рассмотрения ходатайства осужденного В. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, как «искажающее само существоство правосудия»<sup>87</sup>.

<sup>86</sup> См.: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-1/2015.

<sup>87</sup> См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. по делу № 86-УД15-4. URL: [http://www.vscr.ru/stor\\_pdf.php?id=1373902](http://www.vscr.ru/stor_pdf.php?id=1373902) (дата обращения: 10.01.2016).

Если же в результате неправильного применения уголовного закона действия осужденного были ошибочно квалифицированы по статье (части, пункту) УК РФ, предусматривающей ответственность за менее тяжкое преступление, либо назначено меньшее наказание и т. п., то такая судебная ошибка не причиняет вреда правам и свободам личности, а значит, не может признаваться искажающей суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Другими словами, *неправильное применение уголовного закона, в результате которого положение осужденного фактически оказалось улучшенным, не может признаваться фундаментальным нарушением закона, служащим основанием для отмены или изменения вступившего в законную силу приговора*. Именно этим объясняется то, что случаи пересмотра судебных решений по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, в нынешней судебной практике единичны.

Кроме того, исправлению такого рода ошибок путем пересмотра вступивших в законную силу судебных решений препятствует правовая позиция Европейского Суда по правам человека, согласно которой риск совершения ошибки прокуратурой или даже действительно судом, должно нести государство, и эти ошибки не должны исправляться за счет заинтересованного лица<sup>88</sup>.

Частным случаем и третьим признаком рассматриваемого критерия (искажение сути правосудия и смысла судебного решения как акта правосудия) является ситуация, когда **правосудие не может быть признано состоявшимся в силу незаконного освобождения лица от уголовной ответственности или наказания**.

Так, Дзержинский районный суд г. Волгограда, признав Е. виновным по ч. 2 ст. 162 УК РФ, освободил его от наказания на

---

<sup>88</sup> См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации». С. 119–132 ; Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 2011 г. Дело «Гладышева (Gladysheva) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6. С. 3, 46–61.

основании п. 2 ч. 1 Постановления Государственной Думы от 18 декабря 2013 г. № 3500-6 ГД, согласно которому освобождаются от наказания осужденные к лишению свободы на срок до пяти лет включительно за преступления, совершенные в возрасте от 16 до 18 лет, и ранее не отбывавшие наказание в воспитательных колониях. При этом суд не учел положение п. 10 Постановления, согласно которому действие постановления не распространялось на осужденных, совершивших, помимо прочих, преступление, предусмотренное ст. 162 УК РФ. Президиум Волгоградского областного суда своим постановлением № 44у-74/2014 отменил приговор суда первой инстанции и направил дело на новое судебное рассмотрение<sup>89</sup>.

В приведенном примере суд кассационной инстанции принял обоснованное решение об отмене приговора по основанию, ухудшающему положение осужденного, поскольку последний был не законно освобожден от наказания.

О том, что правосудие не состоялось, можно говорить и в тех случаях, когда суд при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, не присоединяет неотбытую часть наказания по предыдущему приговору суда. Тем самым ранее вынесенный приговор фактически аннулируется, что несогласно с принципами уголовного права, противоречит самой идее правосудия, а потому недопустимо в правовом государстве<sup>90</sup>.

*Изложенное приводит к выводу, что для признания нарушения закона искающим суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия необходимо сочетание первого признака (нарушение принципа справедливости) со вторым (причинение допущенным нарушением вреда пра-*

---

<sup>89</sup> См.: Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за 2014 год : утв. постановлением президиума Волгоградского областного суда от 18 февраля 2015 г. URL: [http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud&id=856](http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=856) (дата обращения: 13.08.2015).

<sup>90</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П. Ст. 3160.

*вам и свободам личности) и/или третьим (правосудие не может быть признано состоявшимся).*

### **КРИТЕРИЙ 2. Влияние на исход дела.**

Если допущенное в ходе предшествовавшего разбирательства дела нарушение закона не повлияло на исход дела, то очевидно, что оно не может служить достаточным основанием для преодоления законной силы судебного решения и отступления от принципа правовой определенности. Пользуясь терминами науки уголовного права, можно сказать, что фундаментальное нарушение закона имеет не формальный, а материальный состав.

Наиболее очевидным является влияние на исход дела неправильного применения уголовного закона. Как верно отмечает А.В. Смирнов, «неправильное применение уголовного закона (неверные квалификация преступления, назначение или неназначение наказания) и есть неверный исход дела, т.е. разрешение его по существу»<sup>91</sup>.

Законодательный подход к регламентации оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в части использования рассматриваемого критерия полностью соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ, который исходит из того, что такой пересмотр возможен лишь в случаях, когда ошибка, допущенная в ходе предыдущего разбирательства, предопределила исход дела<sup>92</sup>.

Некоторые авторы высказываются против закрепления «влияния на исход дела» в качестве признака фундаментального нарушения, влекущего пересмотр окончательного судебного акта. Так, по мнению Д.А. Гарбатовича, попустительство нарушению фундаментальных основ уголовного судопроизводства, которые даже и не повлияли на итоговое решение по делу, будет отрицательно влиять на правопорядок в целом и на уважительное отно-

<sup>91</sup> См.: Смирнов А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: кассация. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

<sup>92</sup> См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2031-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

шение граждан к правосудию как функции государственной власти. В связи с этим автор высказывает надежду, что «законодатель в скором времени снова вернет возможность отмены или изменения приговора при нарушении уголовно-процессуального закона как такового без наличия обязательного условия – неверный исход дела»<sup>93</sup>.

Данная позиция вызывает возражения.

Во-первых, п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод прямо связывает возможность повторного рассмотрения дела с такими существенными нарушениями, которые *повлияли на исход дела*.

Во-вторых, необходимо отдавать себе отчет в том, что законодатель допускает отступление от принципа правовой определенности, предусматривая возможность пересмотра окончательного судебного решения, исключительно ради восстановления прав и свобод лиц, нарушенных вследствие судебной ошибки, но вовсе не во имя формальной законности. Если допущенное нарушение никак не повлияло на исход дела, говорить о причинении вреда правам и свободам личности не приходится, а раз так, нет и той ценности, ради которой необходимо жертвовать правовой определенностью.

Так, например, право на справедливое судебное разбирательство включает в себя требование, согласно которому продолжительность судебного разбирательства на должна выходить за пределы разумного срока<sup>94</sup>. Следовательно, нарушение в ходе предшествующего производства по уголовному делу принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) вполне соответствует рассмотренному выше критерию фундаментальности. Однако очевидно, что отмена судебного решения ввиду подобного нарушения приводила бы к абсурдному результату – влекла бы еще большее увеличение продолжительности судопро-

<sup>93</sup> Гарбатович Д. А. Новый взгляд законодателя на нарушение УПК РФ как на основание к отмене или изменению приговора // Российский следователь. 2012. № 20. С. 15.

<sup>94</sup> Гомьеен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 212.

изводства, вследствие чего правам и свободам личности причинялся бы еще больший вред. Именно в целях недопустимости такого положения и вводится такой критерий фундаментальности нарушения закона, как влияние на исход дела. Отсутствие данного критерия указывает на неоправданность отступления от принципа правовой определенности и недопустимость преодоления окончательности судебного решений.

В обязательном порядке признак влияния на исход дела должен учитываться судами кассационной и надзорной инстанций и в тех случаях, когда в ходе предшествующего разбирательства по уголовному делу был нарушен принцип гласности судопроизводства<sup>95</sup>. Несмотря на то, что гласность является непременным атрибутом справедливого судебного разбирательства, ее незаконное ограничение, если только оно не повлекло вынесения судом ошибочного решения, не может признаваться достаточным основанием для преодоления окончательности судебного решения.

### **§ 3. Система законодательного закрепления надзорно-кассационных оснований пересмотра судебных решений**

Как уже было сказано выше, определение оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений (их критериев) является одним из ключевых инструментов обеспечения в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций баланса принципов правовой определенности и права на судебную защиту.

В связи с этим отнюдь не второстепенное значение имеет вопрос о системе<sup>96</sup> закрепления в законе оснований для пересмот-

---

<sup>95</sup> См.: Пункт 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. 2012. 13 дек.

<sup>96</sup> Одно из значений слова «система» в русском языке – «форма, способ устройства, организации чего-либо».

ра вступивших в законную силу судебных решений. Любая судебная реформа, затрагивающая проверочные судебные стадии, неизменно поднимает этот вопрос.

Примеры из истории уголовного судопроизводства, а также обращение к действующему уголовно-процессуальному законодательству России и зарубежных стран позволяют выделить три системы закрепления оснований пересмотра судебных актов: перечневую, смешанную и дефинитивную.

**Перечневая система** характеризуется тем, что в уголовно-процессуальном законе исчерпывающие перечисляются все нарушения закона, служащие законными поводами пересмотра судебных решений.

Данная система также именуется *французской*, поскольку была принята французским Code d'instruction criminelle 1808 г.: перечень нарушений, при установлении которых кассационный суд отменял приговор и направлял дело для пересмотра, содержался в ст. 429 Кодекса<sup>97</sup>. И. Я. Фойницкий критиковал эту систему, считая, что она, несмотря на всю простоту и удобство, «оказалась на деле весьма неправильной... Опытом выяснено, что законодатель не был в состоянии предусмотреть все нарушения, которые могли иметь существенное значение для дела. Пробелы в законе очень часты, и французская практика принуждена была расширять закон, допуская отмену приговоров и при нарушении таких обрядов, которые по закону отмены не допускают»<sup>98</sup>.

**Смешанная система** состоит в том, что одни основания определены с точностью самим законом, а другие охарактеризованы законом не точно, а только в самых общих чертах, причем закон предоставляет самому кассационному суду решение вопроса, следует ли признать данное несоблюдение предписаний закона основанием к отмене данного обжалованного приговора или нет<sup>99</sup>.

<sup>97</sup> Code d'instruction criminelle et Code pénal. Paris, 1912. Р. 194.

<sup>98</sup> Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд-е 3-е, пересмотр. и доп. СПб., 1910. С. 524.

<sup>99</sup> Пусторослев П. П. Из лекций русского уголовно-судебного права. Вып. I. Введение. Источники уголовно-судебного права. Система уголовных судов. Юрьев, 1909. С. 213.

Другими словами, смешанная система определения оснований пересмотра окончательных судебных решений характеризуется тем, что наряду с дефиницией, раскрывающей ключевые признаки нарушения закона, являющегося основанием пересмотра судебного решения, в законе также содержится перечень нарушений, соответствие которых данным признакам презумируется самим законом.

При такой системе возрастает роль судейского усмотрения, ведь опираясь на дефиницию, суд вправе признать основанием пересмотра судебного акта и такое нарушение, которое в предложенном законодателем перечне не указано.

В законодательствах XIX столетия смешанная система определения оснований отмены судебных решений была представлена в германском законодательстве. Немецкий законодатель, учитывая недостатки французской системы, первым ввел в закон понятие существенного нарушения закона как кассационного повода. «Французская система, – писал Миттермайер, – не могла быть признана удовлетворительною, потому что число случаев кассации было в ней слишком ограничено, а потому в законах Германии избран другой путь: дозволять кассацию по причине всякого нарушения *существенных* законных форм или означать в самом законе множество случаев, в которых кассация должна последовать, или устанавливать законные формы под угрозою кассации за неисполнение их»<sup>100</sup>.

Правда, смешанная система возникла не сразу. Она стала соединением законодательного опыта различных немецких княжеств, в одних из которых вводилось общее правило, согласно которому поводами для кассации объявлялись существенные нарушения форм судопроизводства, а в других использовалась французская перечневая система.

В общегерманском процессуальном законодательстве эти две системы были соединены, в результате чего и возникла смешанная, или, как ее еще называют, *германская* система.

---

<sup>100</sup> Миттермайер К. Ю. А. Законодательство и юридическая практика, в новейшем их развитии, в отношении к уголовному судопроизводству / пер. В. Бартенева. СПб., 1864. С. 557.

Так, в § 376 Устава уголовного судопроизводства для Германской империи, введенном в действие в 1877 г., было предусмотрено, что ревизия может опираться только на то, что приговор основывается на нарушении закона. И далее указывалось, что закон нарушен, если какая-либо правовая норма не была применена или была применена неправильно. В данном положении, таким образом, формулировались общие признаки основания отмены судебного решения. А в § 377 содержался перечень случаев, когда приговор признавался (презюмировался) основанным на нарушении закона: 1) если решающий суд, или скамья присяжных, не были законно составлены; 2) если в приговоре участвовал судья, присяжный или шеффен, который в силу закона устранился от судейских обязанностей; 3) если в приговоре участвовал судья или шеффен, после того как он из опасения пристрастия был отведен и отвод был объявлен основательным, или же неправильно был отвергнут; 4) если суд признал неправильно свою компетенцию; 5) если главное следствие происходило в отсутствие прокуратуры или такого лица, присутствие которого предписывается законом; 6) если приговор последовал на основании устного следствия, при котором были нарушены правила гласности производства; 7) если приговор не содержал мотивов; 8) если защита в существенном для решения пункте определением суда была недопустимо ограничена<sup>101</sup>.

Достоинством немецкой системы считалось то, что «она дает твердые начала для оценки допущенных судом нарушений, но не связывает кассационный суд казуистическим перечислением поводов кассации»<sup>102</sup>.

**Дефинитивная**<sup>103</sup> система характеризуется тем, что в уголовно-процессуальном законе даются лишь признаки (дефиниция) основания для пересмотра судебного решения, выраженные

<sup>101</sup> Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 года / пер. И. Соболева. СПб., 1878. С. 72–73.

<sup>102</sup> Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С. 525.

<sup>103</sup> Дефиниция (от лат. *definition*) – краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления (см.: Современный словарь иностранных слов : ок. 20 000 слов. С. 193).

в общих указаниях на характер нарушения закона, а на суд возлагается обязанность определения существенности нарушения закона и решения вопроса о признании его (то есть нарушения закона) основанием для пересмотра судебного решения.

Очевидный недостаток дефинитивной системы – чрезвычайно широкая сфера усмотрения кассационного суда при решении вопроса о том, какие нарушения закона должны служить основанием для пересмотра судебного акта. При этом следует иметь в виду, что обходиться в судебной практике совсем без перечня конкретных нарушений закона, выступающих в качестве кассационных поводов, весьма затруднительно. А потому при дефинитивной системе законодатель фактически уступает право разработки этого перечня судебной практике. Но такой порядок сопряжен с серьезной опасностью: разработанный судебной системой перечень будет отражать интересы судебной системы, которые не всегда совпадают с интересами, отстаиваемыми законодателем. Как следствие, направление развития кассационной практики может заметно разойтись с замыслами законодателя.

Тем не менее именно дефинитивная система была принята Судебными уставами 1864 г. Законодатель, не указывая конкретных нарушений закона, влекущих пересмотр окончательного судебного акта, ограничился указанием в ст. 912 Устава уголовного судопроизводства случаев, когда допускалось принесение жалоб и протестов на окончательные приговоры: 1) в случае явного нарушения прямого смысла закона и неправильного толкования его при определении преступления и рода наказания; 2) в случае нарушения обрядов и форм столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения; 3) в случае нарушения пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебному установлению. В основе этой нормы лежало более общее положение, закрепленное в ст. 104 Основных положений уголовного судопроизводства 1862 года<sup>104</sup>.

---

<sup>104</sup> См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е доп. изд. Часть вторая. СПб., 1867. С. XXVIII.

Изначально российский законодатель, следуя французскому образцу, также намеревался использовать в Уставе уголовного судопроизводства перечневый тип определения кассационных поводов. Этой системе в теории уголовного судопроизводства отдавалось предпочтение даже спустя полвека после Судебной реформы. Так, П.П. Пусторослев в 1909 г. писал: «В самом деле, при основательном знании науки уголовно-судебного права и надлежащем изучении уголовно-судебной практики, законодатель культурного государства имеет полную возможность заранее определить и перечислить в законе все те категории несоблюдений закона, при каждой из которых обжалованный уголовно-судебный приговор является в огромном большинстве случаев действительно в более или менее сильной степени неправомерным... А между тем достаточно полная перечневая система сильно уменьшает в сфере кассационного уголовно-судебного производства как судебский произвол, так и отклонение уголовного правосудия кассационными судами, под влиянием министра юстиции, в угоду правительству, от права и правды»<sup>105</sup>.

Однако в период разработки проектов Судебных уставов выработать и закрепить в законе исчерпывающий перечень кассационных поводов не представлялось возможным из-за невозможности обобщения судебной практики, которая к тому времени еще не сформировалась.

По этому поводу в объяснительной записке к проекту Устава уголовного судопроизводства говорилось следующее: «Полное и точное исчисление всех форм судопроизводства, ограждающих право судебной защиты, невозможно, а неполное и неточное поведет к развитию формализма в одних случаях на счет других и даст полную возможность прикрыть формую всякую неправду. Поэтому, в статье 147-й, равным образом как и в статье 912-й сего устава,держаны лишь общие выражения закона о случаях кассации решений, что самое дает нашей практике возможность

---

<sup>105</sup> Пусторослев П. П. Из лекций русского уголовно-судебного права. С. 215.

разработать этот вопрос согласно с потребностями и условиями русского юридического быта»<sup>106</sup>.

Таким образом, российский законодатель ограничился изложением общего правила, объемлющего все роды дел и предоставившего кассационному суду определить, посредством судебной доктрины, какие формы и обряды в каждом роде дел надлежит признать более или менее существенными<sup>107</sup>.

В советском уголовном процессе практически сразу была принята смешанная система. Традиционным стало введение в закон наряду с общей дефиницией существенного нарушения (форм судопроизводства, уголовно-процессуального закона) также перечня так называемых «безусловных» оснований отмены приговора.

УПК РСФСР 1923 г. среди оснований отмены приговоров в кассационном порядке называл существенное нарушение форм судопроизводства (п. 2 ст. 413 УПК РСФСР). В ч. 1 ст. 415 УПК РСФСР давалось определение существенных нарушений форм судопроизводства, которыми признавались «нарушения статей Уголовно-процессуального кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав сторон, при рассмотрении дела или иным путем, помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на вынесение правильного приговора», а в ч. 2 той же статьи приводился перечень нарушений закона, при которых приговор «во всяком случае» подлежал отмене: 1) при неправильном составе суда; 2) в случае непрекращения дела судом при наличии условий, обязательно влекущих прекращение; 3) при рассмотрении дела в отсутствие подсудимого, когда такое рассмотрение по закону не допускается; 4) в случае рассмотрения без участия защитника дела, в котором участие защитника является обязательным<sup>108</sup>.

<sup>106</sup> Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. С. 86.

<sup>107</sup> Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года / соч. сенатора Н. Бушковского. СПб., 1874. С. 43, 44.

<sup>108</sup> Уголовно-процессуальный кодекс : официальный текст с изменениями на 1 ноября 1946 г. и с приложениями постатейно-систематизированных материалов. М., 1947. С. 97.

До этого аналогичная норма была закреплена в ст. 361 УПК РСФСР 1922 года<sup>109</sup>.

Не отказался советский законодатель от смешанной системы и в УПК РСФСР 1960 г. Применительно к таким основаниям отмены приговоров, определений и постановлений суда, как односторонность или неполнота доказывания, предварительного или судебного следствия (ст. 343 УПК РСФСР), а также существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 345 УПК РСФСР), законодатель наряду с общей дефиницией давал перечни нарушений, служащих «безусловными» основаниями отмены или изменения приговора. Что же касается несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 344 УПК РСФСР), неправильного применения уголовного закона (ст. 346 УПК РСФСР) и несоответствия назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного (ст. 347 УПК РСФСР), то для их раскрытия законодатель использовал перечневую систему. Как отмечалось в советской юридической литературе, перечень «безусловных» оснований отмены приговоров положительно влияет на правосознание лиц, осуществляющих судопроизводство, поскольку они заранее знают, что отрицательная реакция вышестоящих судов на указанные в перечне нарушения неизбежна. Это помогает судьям осознать ценность правовых норм, соблюдение которых столь строго охраняется законом<sup>110</sup>.

В несколько измененном виде та же система определения оснований отмены и изменения судебных решений была закреплена в ст. 379–383 УПК РФ 2001 г. При этом законодатель отказался от такой характеристики нарушений уголовно-процессуального закона, как существенность. В ч. 1 ст. 381 УПК РФ было закреплено: «Основаниями отмены или изменения

<sup>109</sup> См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержден 3-й сессией ВЦИК от 28 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 320.

<sup>110</sup> Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / отв. ред. О. П. Темушкин. М., 1987. С. 121.

судебного решения... являются такие нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных настоящим Кодексом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора». В ч. 2 ст. 381 УПК РФ содержался перечень нарушений закона, служивших «безусловными» основаниями отмены или изменения судебного решения.

Некоторое изменение подхода к определению оснований пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда произошло в связи с принятием Конституционным Судом РФ Постановления от 11 мая 2005 г. № 5-П<sup>111</sup>. Введя в юридический оборот понятие «фундаментальное нарушение» как основание пересмотра вступившего в законную силу судебного решения, Конституционных Суд РФ сделал важный вывод о том, что «исходя из критерия, установленного пунктом 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола № 11), круг оснований такого пересмотра – в силу его исключительного характера – должен быть уже предусмотренных для обжалования в порядке апелляционного и кассационного производства судебных решений, не вступивших в законную силу».

Данное постановление Конституционного Суда РФ имело значимые последствия как для теории уголовного процесса, так и для уголовно-процессуального законодательства. В юридической науке активизировалась выработка предложений относительно того, каким должен быть новый перечень нарушений, отвечающих определенным Конституционным Судом РФ критериям фундаментального нарушения<sup>112</sup>, а законодатель принял Федераль-

---

<sup>111</sup> См.: Российской газета. 2005. 20 мая.

<sup>112</sup> См., например: Решетова Н. Поворот к худшему при рассмотрении уголовных дел в порядке надзора // Законность. 2005. № 12. С. 3–4 ; Чекулаев Д. П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. С. 135 ; и др.

ный закон от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ<sup>113</sup>, которым была изменена редакция ст. 405 УПК РФ<sup>114</sup>.

Суть произошедших в законодательстве изменений свелась к отказу от смешанной системы определения оснований пересмотра судебных актов. Основное содержание новой редакции ст. 405 УПК РФ составляло определение фундаментальных нарушений, которые законодатель определил как «нарушения уголовно-процессуального закона, которые... лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такие лишения или ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда». Перечня конкретных нарушений закона в ч. 3 ст. 405 УПК РФ не было, имелось лишь указание, позволяющее безусловно относить к фундаментальным нарушениям закона, выражавшиеся в незаконности состава суда или коллегии присяжных заседателей. Таким образом, на смену смешанной системе определения оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных актов пришла система, явно тяготеющая к дефинитивному типу.

В таком подходе, конечно, отразилась позиция Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П обратил внимание на то, что использование федеральным законодателем для обозначения основания отмены или изменения вступивших в законную силу судебных решений такой оценочной характеристики, как существенность нарушения, обусловлено тем, что *разнообразие обстоятельств, подтверждающих наличие соответствующих оснований, делает невозмож-*

---

<sup>113</sup> См.: Российская газета. 2009. 18 марта.

<sup>114</sup> По мнению Т. Г. Бородиновой, именно правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в Постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П, послужили основаниями изменения уголовно-процессуального законодательства в этой части (Бородинова Т. Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на пересмотр судебных решений и приговоров // Российский судья. 2013. № 6. С. 47).

*ным установление их перечня в законе.* В этом решении Конституционного Суда РФ отмечается, что предоставление судам некоторой свободы усмотрения при решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для отмены или изменения судебных решений – при условии единообразного толкования указанной нормы в процессе правоприменения – не противоречит принципу доступности правосудия и отвечает роли, месту и полномочиям суда как независимого органа правосудия<sup>115</sup>.

По сути, обеспечение субъектам правоприменения определенной меры свободы в толковании правовой нормы посредством возможности наполнения оценочного термина собственным содержанием в зависимости от фактической ситуации и является целью использования в законе оценочных понятий. Как пишет Н.А. Власенко, нормоустановитель использует оценочные понятия вполне сознательно, с тем чтобы юридическими предписаниями, их диапазоном наиболее полно и последовательно охватить те или иные общественные отношения и учесть динамику их развития<sup>116</sup>.

В данном случае неопределенность в праве – не дефект, а положительное явление – сознательно избранный законодателем способ правового регулирования, позволяющий учитывать динамику, изменения общественных отношений в будущем<sup>117</sup>.

Конституционный Суд РФ ориентировал судебную практику на использование неспецифических для российского уголовного судопроизводства (но от того ничуть не уступающих по эффективности отечественным) форм аргументации принимаемых решений. Суд, пересматривающий вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда, должен в своем решении раскрывать значение допущенного нарушения, убеждать в том, что неисправление судебной ошибки неизбежно исказит саму суть правосудия, разрушит баланс конституционно защищаемых

<sup>115</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

<sup>116</sup> Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 37.

<sup>117</sup> См.: Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13 ; Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография. М., 2015. С. 72–73.

ценностей. Наконец, суд должен показать, что допущенное нарушение является настолько значимым, что ради его устраниния можно (или, точнее, необходимо) пожертвовать стабильностью судебного решения.

Позиция Конституционного Суда РФ о невозможности установления в законе исчерпывающего перечня существенных нарушений норм права в силу многообразия возникающих в процессе правоприменения обстоятельств нашла некоторую поддержку среди ряда ученых<sup>118</sup>.

Однако в основной массе представители юридической науки и практики восприняли переход к дефинитивной системе определения оснований пересмотра судебных решений в порядке надзора крайне негативно. Это вполне объяснимо, учитывая склонность отечественной уголовно-процессуальной традиции к формализации судопроизводства и закреплению в правовых нормах четких инструкций по большинству процедурных вопросов. В подобных предпочтениях проявляется, с одной стороны, сформировавшаяся на протяжении десятилетий привычность к конкретности правовых предписаний, а с другой – стремление к установлению гарантий против произвола, в который может перерасти любая свобода усмотрения в судебном правоприменении.

Неоднократно в юридической литературе высказывалось мнение о том, что в уголовно-процессуальном законе должен быть закреплен хотя бы примерный перечень оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений<sup>119</sup>.

Что же касается вопроса о том, каким должно быть содержание данного перечня, то здесь мнения исследователей существенно расходятся.

<sup>118</sup> См., например: Вишневский Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости. С. 76–83.

<sup>119</sup> См., например: Никитина Л. В. Прокурор в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций // Вестник СГАП. 2010. № 6. С. 39 ; Абдулин Р. С. Доступность правосудия на стадии надзорного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 9. С. 77 ; Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук. С. 141 ; и др.

Одни авторы предлагали взять за основу перечень нарушений, содержащийся в ст. 379 УПК РФ<sup>120</sup>.

Другие ориентировались на перечень существенных нарушений, содержащийся в ст. 381 УПК РФ<sup>121</sup>.

Третья полагали, что к числу фундаментальных должны относиться не все, а лишь некоторые из нарушений закона, предусмотренных в ч. 2 ст. 381 УПК РФ<sup>122</sup>.

В ходе реформы проверочных стадий в уголовном процессе (Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ), регламентация оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных актов вновь существенно изменилась.

Законодатель сформулировал общую дефиницию оснований отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке и в порядке надзора, признав таковыми «существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона (-ов), повлиявшие на исход дела» (ч. 1 ст. 401.15 и ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Тем же способом определены и основания пересмотра вступившего в законную силу судебного решения в худшую для защиты сторону, под которыми закон понимает «повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия» (ст. 401.6 УПК РФ).

<sup>120</sup> См., например: Безмельницина Э. О. К вопросу о трансформации «фундаментальных нарушений» в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 1. С. 103 ; Безмельницина Э. О., Зайцева Е. А. Участие прокурора в судах второй, кассационной и надзорной инстанции. Волгоград, 2011. С. 178 ; Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М., 2011. С. 128.

<sup>121</sup> См.: Фоменко А. Н. Проблемные аспекты обеспечения права потерпевшего на обжалование судебного решения в надзорном порядке // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 130 ; Быков В. Новые законы о производстве в надзорной инстанции // Законность. 2009. № 8. С. 11.

<sup>122</sup> См.: Османов Т. С. Нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене (изменению) приговора в порядке надзора: спорные вопросы регламентации // Российский судья. 2009. № 8. С. 26.

Однако ныне действующая система уже не является дефинитивной. Указывая в ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ, что приговор, определение, постановление суда и все последующие судебные решения отменяются с возвращением уголовного дела прокурору, если при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке будут выявлены обстоятельства, указанные в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, законодатель фактически приводит перечень «безусловных» оснований отмены вступивших в законную силу судебных решений. Аналогичное положение содержится и в п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ.

Внес свою лепту в выработку перечня оснований пересмотра вступивших в законную силу решений суда и Пленум Верховного Суда РФ, который в п. 21 Постановления от 28 января 2014 г. № 2 указал: «К числу нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, могут быть отнесены, в частности, нарушения, указанные в пунктах 2, 8, 10, 11 части 2 статьи 389.17, в статье 389.25 УПК РФ, а также иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда»<sup>123</sup>. Тем самым Пленум Верховного Суда РФ отчасти восполнил законодательные пробелы в регламентации оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

Суды кассационной инстанции, следуя приведенному разъяснению, ссылаются в своих постановлениях на перечень, приведенный в ст. 389.17 УПК РФ.

Так, осужденным С. к кассационной жалобе приложена копия обжалуемого приговора Волжского городского суда Волгоградской области от 3 апреля 2013 г., которая, согласно имеющейся в материалах уголовного дела расписке, вручена осуж-

<sup>123</sup> См.: Российская газета. 2014. 7 февр.

денному в день провозглашения приговора. Согласно указанной копии приговора, С. за совершение преступлений назначено наказание с учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ. Аналогичная копия обжалуемого приговора истребована и получена судом кассационной инстанции из личного дела осужденного по месту отбывания С. наказания.

Из материалов уголовного дела установлено, что, в отличие от представленных осужденным и администрацией исправительного учреждения копий приговора Волжского городского суда Волгоградской области от 3 апреля 2013 г. в отношении С., в подлиннике приговора наказание за совершенные преступления назначено без учета положений ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Данное обстоятельство, порождающее неустранимые сомнения о внесении в приговор после его провозглашения изменений не предусмотренным законом способом, расценено президиумом как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, предусмотренное п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, повлекшее отмену приговора и состоявшегося впоследствии апелляционного определения, которым обжалуемый приговор оставлен без изменения<sup>124</sup>.

**Смешанная система законодательного закрепления оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений является наиболее соответствующей традициям российского уголовного процесса и адекватной современным условиям осуществления правосудия<sup>125</sup>.** Отсутствие в законе перечня нарушений, допущенных *в ходе судебного производства* и служащих основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, объясняется, по нашему мнению, тем, что в распоряжении законодателя не было достаточной судебной практики. Как верно отмечает А.С. Алек-

---

<sup>124</sup> См.: Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. Кассационное производство № 44у-93/2014.

<sup>125</sup> Примеры использования рассматриваемой системы можно встретить и в законодательстве зарубежных стран, в частности, в уголовно-процессуальном законодательстве Украины (ст. 438 УПК Украины).

сандров, право – все в тексте закона, и одновременно вне него: оно в смысле, рожденном интерпретацией от этого закона. Интерпретация закона ведет не к выявлению воли законодателя или «истинного смысла», который законодатель заботливо вложил в текст так, что нам остается только деловито подставлять свои уши, чтобы «оказаться осведомленными о праве». Интерпретация – это самостоятельная область порождения собственных смыслов, которые обратным ходом приписываются тексту закона. Так новый смысл прописывается в законе<sup>126</sup>.

В ходе проведенного в рамках настоящего исследования анкетирования перед практическими работниками был поставлен вопрос о наиболее приемлемом варианте регламентации оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. За закрепление в УПК РФ перечня «безусловных» оснований отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке и в порядке надзора высказались 79,6 % из 1 288 судей и сотрудников прокуратуры. Мнение о том, что такой перечень должен содержаться в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, высказали 11,2 % респондентов. Вообще ненужным такой перечень считают 7,7 % респондентов. Другое мнение на этот счет высказали 1,5 % респондентов.

Изложенное приводит к следующему выводу. По мере накопления судебной надзорно-кассационной практики сформируется перечень конкретных нарушений закона (случаев неправильного применения закона), признаваемых судами существенными (фундаментальными). Этот перечень необходимо закрепить в УПК РФ. При этом такой перечень должен оставаться открытым, так как в условиях смешанной системы закрепления надзорно-кассационных оснований судебная практика будет подводить под закрепленную в законе дефиницию фундаментального нарушения все новые и новые случаи нарушений (неправильного применения)

<sup>126</sup> Александров А. С. Интерпретация и право // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса : сб. материалов Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 30–31 окт. 2009 г. / сост. К. Б. Калиновский. СПб., 2010. С. 10.

закона. Обобщение этой практики позволит Пленуму Верховного Суда РФ периодически давать разъяснения, конкретизирующие и расширяющие нормативно закрепленный перечень надзорно-кассационных оснований пересмотра вступивших в законную силу судебных решений<sup>127</sup>. Тем самым системе надзорно-кассационных оснований будет придана необходимая для эффективного правоприменения гибкость.

---

<sup>127</sup> Примечательно, что в ряде случаев именно такую позицию изложили судьи (в частности, Верховного Суда РФ, Нижегородского областного суда), высказавшие в ходе анкетирования «другое мнение». Суть позиции этих респондентов сводится к следующему: примерный перечень «безусловных» оснований должен быть закреплен в УПК РФ и конкретизирован в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

## Глава 5

# ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ БАЛАНС ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В НАДЗОРНО-КАССАЦИОННОЙ ФОРМЕ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

---

### **§ 1. Срок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в надзорно-кассационной форме**

Всякое допускаемое законом исключение из правового принципа должно быть ограничено четкими объективными пределами. Институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровергаемости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов<sup>1</sup>.

Принцип правовой определенности предполагает, что если уголовно-процессуальное законодательство и допускает возможность пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда по основаниям, ухудшающим

---

<sup>1</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 1. С. 71–80.

положение осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, то такая возможность должна быть ограничена предельным, причем достаточно коротким, сроком. Тем самым исключается угроза долговременного (а следовательно, несовместимого с правовой определенностью) пересмотра вступившего в законную силу судебного акта<sup>2</sup>.

Согласно ст. 401.6 УПК РФ пересмотр приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения стороны защиты, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу<sup>3</sup>.

Данный срок выступает и как гарантия принципов правовой определенности и права на судебную защиту в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций, и как регулятор баланса этих принципов в процедуре<sup>4</sup>. С одной стороны, установление в законе данного срока допускает саму возможность пересмотра судебного решения, связанного с поворотом к худшему, что обеспечивает потерпевшему право на судебную защиту.

<sup>2</sup> В этой связи вызывают категорические возражения предложения некоторых авторов снять временное ограничение кассационного пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты (см.: Гехова Д. Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе : генезис и перспективы развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10–11).

<sup>3</sup> Вынесение решения о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по основаниям, связанным с поворотом к худшему, по истечении установленного данной нормой годичного срока расценивается в судебной практике как безусловное основание к его отмене (см., например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. по делу № 26-УД14-6. URL: [http://www.vsrif.ru/stor\\_pdf.php?id=622634](http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=622634) (дата обращения: 10.01.2016); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 марта 2015 г. по делу № 26-УД15-2. URL: [http://www.vsrif.ru/stor\\_pdf.php?id=1247068](http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1247068) (дата обращения: 10.01.2016)).

<sup>4</sup> Процессуальные сроки, если их рассматривать с функциональной, активно-действенной стороны, являются средствами правового регулирования темпоральных сторон общественных отношений между субъектами в сфере уголовного судопроизводства (см.: Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / под ред. В. М. Корнукова. Саратов, 2006. С. 36).

С другой стороны, этим сроком право обжалования вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда и ограничивается. Соответственно, регулируя продолжительность срока, установленного ст. 401.6 УПК РФ, законодатель имеет реальную возможность влиять на соотношение принципов правовой определенности и права на судебную защиту: чем этот срок продолжительнее, тем больше возможностей обеспечить судебную защиту, чем короче – тем сильнее позиции принципа правовой определенности.

До принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.<sup>5</sup> советское уголовно-процессуальное законодательство не содержало нормы, ограничивавшей период, в течение которого допускался пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в сторону ухудшения положения осужденного или оправданного. В юридической литературе того времени прямо отмечалось, что «если приговор, вынесенный с нарушением закона, не был оспорен в кассационном порядке, прокурор, которому это право предоставлено по закону, обязан оспорить его в порядке надзора, в чем он не ограничен сроками». Прокурорам лишь рекомендовалось стремиться к принесению протестов в максимально короткие сроки<sup>6</sup>.

Однако в период разработки нового уголовно-процессуального законодательства многие ученые-процессуалисты высказывали предложения установить срок, в течение которого может быть оспорен приговор в порядке надзора оправдательный приговор и определение о прекращении дела, а также обвинительный приговор по мотивам мягкости наказания<sup>7</sup>. Как писал В.П. Маслов, пред-

<sup>5</sup> См.: Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

<sup>6</sup> Лебединский В. Г., Каленов Ю. А. Прокурорский надзор в СССР : (очерки по курсу) / под общ. ред. В. А. Болдырева. М., 1957. С. 174.

<sup>7</sup> См.: Штерн Б. А. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1954. С. 12 ; Альшевский Т. В. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. С. 7–8 ; Шинд В. И. Рассмотрение уголовных дел президиумами судов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958. С. 3.

ложении ограничить пересмотр дел в порядке судебного надзора определенным сроком были направлены на повышение стабильности вступивших в законную силу приговоров и других судебных решений и тем самым на повышение их роли в защите правопорядка, в охране прав и интересов граждан<sup>8</sup>.

Норма, ограничившая годичным сроком пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, определения и постановления суда в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении, за мягкостью наказания или по иным основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, а также оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении дела появилась сначала в ст. 48 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а затем и в ст. 373 УПК РСФСР 1960 г.

В первоначальной редакции УПК РФ 2001 г. подобной нормы не содержалось, поскольку уголовно-процессуальный закон закреплял в ст. 405 УПК РФ абсолютный запрет пересмотра в порядке надзора приговоров, определений и постановлений суда по основаниям, ухудшающим положение осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

После признания Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П положения ст. 405 УПК РФ не соответствующим Конституции РФ<sup>9</sup> законодатель Федеральным законом от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ<sup>10</sup> внес в УПК РФ изменения, во-первых, допустив пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в сторону ухудшения положения стороны защиты, а во-вторых, ограничив такую возможность годичным сроком, исчисляемым со дня вступления соответствующего судебного решения в законную силу.

Разрабатывая соответствующие поправки в УПК РФ, законодатель опирался на позиции Конституционного Суда РФ и практику Европейского Суда по правам человека.

<sup>8</sup> Маслов В. П. Пересмотр уголовных дел в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 63.

<sup>9</sup> См.: Российской газета. 2005. 20 мая.

<sup>10</sup> См.: Там же. 2009. 18 марта.

В Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П<sup>11</sup> Конституционный Суд РФ признал, что положение ст. 373 УПК РСФСР, допускавшее возможность пересмотра приговоров, определений и постановлений суда по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, лишь в течение одного года с момента вступления приговора в законную силу, направлено на то, чтобы исключить долговременную угрозу пересмотра приговора, и как таковое не нарушает баланс конституционно защищаемых ценностей. При этом Конституционный Суд РФ сослался на Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. по делу «Никитин против России», в котором указано, что возможность рассмотрения требования о пересмотре оправдательного приговора в течение одного года с момента вступления его в силу согласуется с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Вообще, в советский период установление срока, в течение которого допускается пересмотр вступившего в законную силу судебного решения, было характерно только для уголовно-процессуального законодательства. В гражданском процессе подобных ограничений не было. Впервые срок надзорного обжалования вступивших в законную силу судебных решений по гражданским делам был предусмотрен в ГПК РФ 2002 г. Сначала, в соответствии с ч. 2 ст. 376 ГПК РФ, обжалование судебных постановлений в суд надзорной инстанции допускалось в течение года со дня их вступления в законную силу. Позднее, Федеральным законом от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ<sup>12</sup>, этот срок был сокращен до шести месяцев<sup>13</sup>.

Таким образом, на рассматриваемом этапе развития судебного права возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений была ограничена сроками как в уголовном, так

<sup>11</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

<sup>12</sup> См.: Там же. 2007. № 50. Ст. 6243.

<sup>13</sup> Такой же срок установлен и в настоящее время для обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений в суд кассационной инстанции (ч. 2 ст. 376 ГПК РФ в ред. Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ (см.: Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6611)).

и в гражданском процессах. Однако конструкция этих сроков различна: ст. 376 ГПК РФ устанавливала *срок обжалования* судебных решений в порядке надзора (то есть срок, в течение которого могут быть поданы надзорные жалоба или представление), тогда как ст. 405 УПК РФ закрепляла *срок пересмотра* в порядке надзора соответствующих судебных актов (то есть срок, в течение которого суд надзорной инстанции мог реализовать свое полномочие пересмотреть вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда).

В результате реформы проверочных стадий в уголовном процессе, связанной с принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ<sup>14</sup>, регламентация сроков пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в уголовном процессе существенно изменилась.

В частности, в УПК РФ появилась норма, ограничивающая возможность подачи кассационных и надзорных жалоб, представлений годичным сроком со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного решения (ч. 3 ст. 401.2 и ст. 412.2 УПК РФ). Другими словами, в уголовном процессе был установлен *срок обжалования* судебных решений, вступивших в законную силу. Причем этот срок применялся независимо от того, по какому основанию сторона или иное заинтересованное лицо обжаловали вступившее в законную силу судебное решение.

Ряд ученых-процессуалистов и практических работников положительно оценили введение в уголовном процессе срока обжалования вступивших в законную силу судебных решений. Так, по мнению Л. В. Никитиной, единый срок – один год – для обжалования вступивших в законную силу судебных решений для стороны обвинения и защиты следует рассматривать как один из шагов по устранению их процессуального неравенства<sup>15</sup>. Н. Н. Ков-

<sup>14</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

<sup>15</sup> Никитина Л. В. Исключительность производства в порядке надзора по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения) : сб. тез. докл. (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.). Саратов, 2011. С. 305.

тун отметил, что рассматриваемые новеллы согласуются и с актами международно-правового характера, и с позициями высшего органа конституционного правосудия относительно соблюдения принципа *res judicata*. Практическое значение этих норм состоит в том, что они не позволяют заинтересованным лицам неограниченно долго ставить под сомнение окончательные акты судебной власти<sup>16</sup>.

Действительно, Европейский Суд по правам человека в Постановлении по делу А.И. Рябых от 24 июля 2003 г. (п. 51 и 54) указал на недопустимость правовой неопределенности, когда возможность обжалования решения, вступившего в законную силу, не ограничена во времени, так что судебные постановления могут быть оспорены на протяжении неопределенного срока<sup>17</sup>.

В.А. Давыдов объяснил ограничение срока кассационного обжалования чисто практическими соображениями. По его словам, такое ограничение было введено из-за вала совершенно необоснованных жалоб. На протяжении многих лет суды перегружены надзорными жалобами несмотря на то, что обоснованность решения суда уже несколько раз была проверена, в том числе и в порядке надзора<sup>18</sup>. Ранее, в своей кандидатской диссертации, В.А. Давыдов прямо указывал на необходимость установления конкретного срока, в течение которого соответствующий субъект доказывания вправе обратиться в надзорную инстанцию с надзорным ходатайством<sup>19</sup>.

<sup>16</sup> Ковтун Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе : изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 51.

<sup>17</sup> См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110–119.

<sup>18</sup> Принятие Федерального закона № 433-ФЗ – весьма значимый этап судебной реформы : (интервью с членом Президиума Верховного Суда РФ В. А. Давыдовым) // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 16.

<sup>19</sup> Давыдов В. А. Производство в надзорной инстанции в уголовном процессе: проблемы и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

Однако установление в уголовном процессе общего срока обжалования вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда заметно снизило возможности стороны защиты добиваться исправления судебных ошибок, ведь установленный ч. 3 ст. 401.2 и ст. 412.2 УПК РФ ограничительный годичный срок касался прежде всего случаев обжалования судебных решений в интересах осужденного, оправданного и лица, уголовное дело в отношении которого прекращено<sup>20</sup>.

В этой связи в юридической литературе высказывалось предложение вообще исключить из уголовно-процессуального закона положения о сроке обжалования вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда (ч. 3 ст. 401.2 и ст. 412.2 УПК РФ)<sup>21</sup>. Обоснованно критиковала рассматриваемые положения уголовно-процессуального закона и В.А. Лазарева: «Один год со дня вступления приговора в законную силу всегда служил предельным сроком для отмены оправдательного приговора или отмены обвинительного приговора в целях ухудшения положения осужденного. Но срок для восстановления справедливости, реабилитации незаконно осужденного – нонсенс»<sup>22</sup>. Надо заметить, что на недопустимость установления каких-либо сроков проверки обвинительных приговоров, когда речь идет о реабилитации человека или о другом решении, улучшающем положение осужденного, обращалось внимание еще в советской уголовно-процессуальной науке<sup>23</sup>.

В конце концов, несовершенство регламентации сроков обжалования вступивших в законную силу судебных решений в кас-

---

<sup>20</sup> На это, в частности, обратила внимание В. А. Лазарева (см.: Лазарева В. А. Какие недоработки в Законе № 433-ФЗ важно устраниить до вступления его в силу? // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 42–43).

<sup>21</sup> См., например: Дикарев И. С. Срок пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда: вопросы новой законодательной регламентации // Судья. 2012. № 10. С. 33.

<sup>22</sup> Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011. С. 138 (автор парагр. 3.15 – В. А. Лазарева).

<sup>23</sup> См., например: Рахунов Р. Д. Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов. М., 1956. С. 27.

сационном и надзорном порядках было осознано и законодателем, который Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ<sup>24</sup> исключил из уголовно-процессуального закона соответствующие положения. Таким образом, в настоящее время пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке ограничен только годичным сроком, по истечении данного срока суды кассационной и надзорной инстанций лишаются полномочия принимать решения, ухудшающие положение осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено (ст. 401.6 УПК РФ). Возможности же исправления судебных ошибок, выразившихся в незаконном привлечении лица к уголовной ответственности, назначении ему чрезмерно сурогового наказания и т. п., временными пределами не ограничены. Такое положение в полной мере соответствует позиции Конституционного Суда РФ, отметившего, что оправдание или смягчение наказания не исключается и после вынесения окончательных приговоров, так как в этом случае пересмотр судебного решения служит защите прав граждан от допущенных судебных ошибок<sup>25</sup>.

Некоторые авторы оспаривают правильность решения законодателя об отмене пресекательного годичного срока на подачу кассационных жалоб (представлений). Так, по мнению А.А. Рукавишниковой, отсутствие конкретного срока ставит под угрозу состояние правовой определенности с учетом того, что окончательное судебное решение в любой момент может быть пересмотрено и утратить свою законную силу<sup>26</sup>. Действительно, уст-

<sup>24</sup> См.: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1. Ст. 71.

<sup>25</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

<sup>26</sup> Рукавишникова А. А. Пресекательный срок существования права на подачу кассационной жалобы (представления) // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 62.

ранение из закона положений о пресекательном сроке обжалования судебных решений является отступлением от принципа правовой определенности, но это отступление оправдано и необходимо, поскольку обеспечивает разумный баланс принципов правовой определенности и права на судебную защиту. Необходимо отдавать себе отчет в том, что действовавший ранее ограничительный годичный срок обжалования вступивших в законную силу судебных решений препятствовал лицам, пострадавшим вследствие судебной ошибки, добиться судебной защиты. В результате право на судебную защиту «попиралось» принципом правовой определенности, что указывало на отсутствие должного баланса, обеспечивающего справедливость процедуры судопроизводства. Внесение в закон обсуждаемых изменений как раз и было призвано искомый баланс обеспечить.

На практике возможны ситуации, когда потерпевший не имеет возможности вовремя подать кассационную или надзорную жалобу, в результате чего к моменту принесения жалобы или ее рассмотрения судом предусмотренный ст. 401.6 УПК РФ годичный срок стекает. По смыслу закона, кассационные и надзорные жалобы в подобных случаях удовлетворению не подлежат. Понятно, что при наличии уважительных причин, препятствовавших своевременному обжалованию потерпевшим судебного решения, такая практика не может быть признана отвечающей требованиям справедливости.

Решить данную проблему путем применения по аналогии норм о восстановлении пропущенных процессуальных сроков невозможно. Дело в том, что рассматриваемый срок установлен не для определения периода, в течение которого участник уголовного судопроизводства вправе принести ходатайство о проверке судебного решения в кассационном или надзорном порядке, а для установления временных рамок, в пределах которых суд надзорной инстанции полномочен пересмотреть вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда. Отмеченная специфика указанного срока не позволяет даже ставить вопрос о возможности его *восстановления* – восстановлению подлежат лишь *пропущенные* сторонами сроки, а данный срок, не будучи

сроком реализации стороной своего субъективного права, не может быть пропущен в принципе.

Возможны, по меньшей мере, два варианта решения рассматриваемой проблемы.

Первый вариант предполагает закрепление в законе возможности *продления* рассматриваемых сроков. Однако данный способ сопряжен со значительными сложностями, поскольку предполагает выработку и регламентацию в УПК РФ специальной процедуры, ведь согласно ч. 2 ст. 129 УПК РФ срок может быть продлен лишь в случаях и порядке, которые установлены УПК РФ.

Более предпочтительным нам представляется второй вариант, состоящий в *изменении конструкции* процессуального срока, установленного ст. 401.6 УПК РФ.

Действующая модель регламентации указанного срока – определяющая не период обжалования, а временной промежуток, в течение которого возможна реализация судом полномочия по пересмотру судебного решения, – является рудиментом, доставшимся современному уголовному судопроизводству от советского судебного надзора (ст. 48 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.). Надо понимать, что в условиях советского уголовного процесса иная законодательная регламентация, в частности, установление срока обжалования вступившего в законную силу судебного решения по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, была невозможна в принципе, поскольку ни о каком праве обжалования применительно к судебному надзору говорить не приходилось. Пересмотр в порядке надзора вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда допускался лишь по протестам должностных лиц прокуратуры и суда (ст. 371 УПК РСФСР), а принесение жалоб сторонами и иными заинтересованными лицами уголовно-процессуальным законом вообще не регулировалось<sup>27</sup>.

<sup>27</sup> «Выяснение оснований для принесения протеста, – писал в 1993 г. А. М. Ларин, – носит непроцессуальный характер и регламентируется ведомственными инструкциями, сложившимися обычновениями» (Задача прав потерпевшего в уголовном процессе. М., 1993. С. 241).

В современных условиях такая модель законодательной регламентации срока выглядит явным анахронизмом. Думается, было бы правильнее установить срок, который определял бы временной промежуток, в течение которого стороны имеют право *обжаловать* судебное решение по соответствующим основаниям, а вовсе не период времени, в течение которого суд по таким основаниям полномочен пересмотреть вступивший в законную силу судебный акт. Другими словами, *вместо срока пересмотра судебных решений по основаниям, влекущим ухудшение положение осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, следовало бы установить срок обжалования судебных решений по такого рода основаниям.*

Правда, Конституционный Суд РФ исходит из того, что установление рассматриваемого срока именно как пресекательного является гарантией стабильности и окончательности судебных решений и сложившихся на их основе правоотношений (*res judicata*). «Если бы, – говорится в Определении от 8 декабря 2011 г. № 1616-О-О, – соблюдение срока, установленного для пересмотра судебных актов в порядке надзора, было обусловлено не моментом принятия судом надзорной инстанции своего итогового решения, а моментом обращения заинтересованных лиц с надзорными жалобой или представлением, пресекательный характер данного срока фактически утрачивался бы, поскольку все дальнейшие действия судов по пересмотру решений, а также новому рассмотрению дела в случаях отмены первоначального приговора суда или определения суда кассационной инстанции могли бы осуществляться за пределами этого срока в течение неопределенно длительного времени»<sup>28</sup>.

Думается, для высказанных Конституционным Судом РФ опасений нет оснований. Уголовно-процессуальный закон устанавливает жесткие сроки, в течение которых суды кассационной и

---

<sup>28</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1616-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

надзорной инстанций обязаны рассмотреть поступившие жалобы и представления (ст. 401.9, ч. 1 ст. 401.13, ст. 412.6, ч. 1 ст. 412.10 УПК РФ). Эти сроки и должны выполнять роль временных ограничителей возможности ухудшения положения стороны защиты, то есть быть пресекательными. Как отметил Европейский Суд по правам человека, наличие в законе в дополнение к общему сроку обжалования конкретных сроков рассмотрения кассационных жалоб обеспечивает возможность «определить конечный пункт в судебном споре»<sup>29</sup>.

Предлагаемая регламентация способствовала бы упрощению процессуальной формы и, главное, обеспечила бы возможность восстановления пропущенного стороной обвинения по уважительной причине срока подачи кассационных или надзорных жалоб. Думается, именно в связи с этим предложение о закреплении в УПК РФ рассматриваемого срока как срока обжалования нашло поддержку у 64,8 % из 1 288 судей и сотрудников прокуратуры, принявших участие в проведенном нами анкетировании. При этом против данного предложения высказались лишь 27,4 % респондентов; 7,8 % затруднились ответить.

В настоящее время продолжительность срока, в течение которого допускается пересмотр в кассационном и надзорном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, составляет один год. Такой срок представляется излишне длительным.

Надо сказать, что выбор законодателем именно годичного срока пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда в связи с необходимостью ухудшения положения осужденного, оправданного или лица, в отношении

<sup>29</sup> Решение Европейского Суда по правам человека от 4 июня 2015 г. Дело «Роберт Михайлович Абрамян против России [Robert Mikhaylovich Abramyan against Russia] и Сергей Владимирович Якубовский и Алексей Владимирович Якубовский против России [Sergey Vladimirovich Yakubovskiy and Aleksey Vladimirovich Yakubovskiy against Russia]» (жалобы № 38951/13 и 59611/13) // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 74.

которого уголовное дело прекращено, был в определенной мере предрешен позицией Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П<sup>30</sup> высказал мнение о том, что положение ст. 373 УПК РСФСР о возможности пересмотра в порядке надзора обвинительного приговора по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, лишь в течение года по вступлении его в законную силу направлено на то, чтобы исключить долговременную угрозу пересмотра приговора, и как таковое не нарушает баланс конституционно защищаемых ценностей.

Вместе с тем в более позднем своем решении – Постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П<sup>31</sup> Конституционный Суд РФ отметил, что его позиция *не исключает право федерального законодателя предусмотреть иные сроки и процедуры обжалования и пересмотра вступивших в законную силу приговоров и иных судебных решений*.

Еще до того, как Конституционный Суд РФ сформулировал приведенную выше правовую позицию, в юридической литературе обращалось внимание на то, что один год – это максимальный срок надзорного пересмотра судебных решений. Следовательно, допускалась возможность установления и более краткого срока. Так, заместитель Генерального прокурора РФ С.Г. Кехлеров пишет: «Законодатель должен: ...определить срок, в течение которого вступивший в законную силу приговор может быть отменен в связи с допущенными существенными нарушениями, которые повлияли на исход дела. По нашему мнению, этот срок *не может быть более 1 года* (выделено нами. – И. Д.)»<sup>32</sup>.

На необходимость сокращения сроков обжалования для различных судебных инстанций обращается внимание и учеными-процессуалистами. При этом отмечается, что это касается прежде всего длительного срока обжалования в кассации<sup>33</sup>.

<sup>30</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

<sup>31</sup> См.: Российская газета. 2005. 20 мая.

<sup>32</sup> Кехлеров С. Судебный надзор: за и против // Законность. 2005. № 5. С. 5.

<sup>33</sup> Качалова О. В. Кассационное производство: пути оптимизации // Уголовный процесс. 2014. № 5. С. 23.

Очевидно, что при определении продолжительности данного срока необходимо исходить из того, какой период времени является необходимым и достаточным для обнаружения фундаментального нарушения закона, являющегося основанием для пересмотра вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда. Законодательная регламентация этого вопроса должна гарантировать баланс, с одной стороны, стабильности окончательного судебного решения, а с другой – его справедливости (чего в некоторых случаях невозможно добиться без пересмотра судебного решения). При этом срок должен быть длительным ровно настолько, насколько это необходимо для обеспечения участникам уголовного процесса реальной возможности добиться пересмотра состоявшихся по уголовному делу судебных решений в кассационном и/или надзорном порядках.

Полагаем, что *при должностной активности стороны обвинения в уголовном судопроизводстве для устранения фундаментального нарушения, допущенного в ходе предшествующего производства по уголовному делу, вполне достаточно и шестимесячного срока*<sup>34</sup>. Ссылка на то, что нарушения могут не обнаружиться в столь короткий срок, представляется неубедительной. Теоретически нарушение может быть обнаружено и спустя десятилетие после постановления приговора, но ведь никто всерьез не станет на этом основании удлинять обсуждаемый срок до десяти лет<sup>35</sup>. Нарушения закона, служащие основанием

<sup>34</sup> Предложение об изменении конструкции срока, установленного в ст. 401.6 УПК РФ, и его сокращении до шести месяцев было высказано нами в 2012 г. (см.: Дикарев И. С. Срок пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда: вопросы новой законодательной регламентации. С. 31–34). Позднее схожее предложение о сокращении срока кассационного обжалования по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, до шести месяцев высказала Т. Г. Бородинова, но с некоторыми отличиями. Так, автором предложено закрепить этот срок в ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ; предусмотреть в законе запрет его восстановления; сохранить в законе срок, установленный ст. 401.6 УПК РФ (см.: Бородинова Т. Г. Поворот к худшему при пересмотре приговора судом кассационной инстанции // Российский судья. 2015. № 2. С. 20).

<sup>35</sup> Дикарев И. С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам. М., 2011. С. 206.

для пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном порядках, – это не вновь открывшиеся обстоятельства, о существовании которых участники судопроизводства не знают и знать не могут. Напротив, эти основания вытекают из материалов уголовного дела и не требуют предварительной их проверки путем производства следственных действий. Поэтому фундаментальное нарушение не может обнаружиться «случайно» спустя месяцы после вступления приговора в законную силу, их своевременное выявление – вопрос профессионализма и добросовестного отношения к делу участников процесса. Как показало изучение кассационных производств, в тех редких случаях, когда кассационные жалобы, представления передаются для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, момент принесения жалобы, представления всегда укладывается в шестимесячный срок после вступления судебного решения в законную силу<sup>36</sup>.

Рекомендация сократить сроки пересмотра в порядке надзора судебных решений по основаниям, ухудшающим положение осужденного (оправданного), была высказана еще в Модельном УПК для государств – участников СНГ<sup>37</sup>. В соответствии с ч. 2 ст. 500 этого Кодекса обжалование постановления суда о прекращении дела, обвинительного приговора по мотивам необходимости применения закона о более тяжком преступлении, а также чрезмерной мягкости наказания или по иным мотивам, влекущим ухудшение положения осужденного, должно допускаться в течение 6 месяцев по вступлении их в законную силу.

Однако среди принявших участие в анкетировании практических работников предлагаемое сокращение срока поддержки не нашло: только 36,2 % респондентов отнеслись к нему положительно, 51,1 % высказались против. Особенно велик разрыв в ко-

<sup>36</sup> См., например: Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. Кассационные производства № 44у-99/2013, № 44у-108/2013, № 44у-187/2013.

<sup>37</sup> См.: Модельный УПК для государств – участников СНГ, принятый в качестве рекомендательного законодательного акта на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

личестве положительных и отрицательных ответов среди сотрудников прокуратуры (за 24,1 %, против 57,4 %), что вполне понятно, учитывая, что реализация данного предложения в законодательстве ограничила бы возможности прокуроров, выступающих на стороне обвинения, добиваться пересмотра судебных решений по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты. Что же касается судей, то их голоса разделились практически поровну причем с незначительным перевесом в пользу сокращения срока (за 47,4 %, против 45,2 %). Затруднились ответить на поставленный вопрос 18,5 % сотрудников прокуратуры и 7,4 % судей. Примечательно, что двое респондентов (один судья и один сотрудник прокуратуры) указали в анкетах, что срок пересмотра судебных решений по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, должен, по их мнению, быть равным сроку давности привлечения к уголовной ответственности. Подобные результаты анкетирования приводят к выводу о том, что принцип правовой определенности пока еще не занял должного места в системе ценностей правоприменителей.

Понятно, что шестимесячного срока может оказаться недостаточно для того, чтобы уголовное дело было рассмотрено во всех кассационных инстанциях и в порядке надзора. Между тем положение, при котором устранение допущенного в ходе уголовного судопроизводства существенного нарушения закона требует рассмотрения дела во всех этих инстанциях, является явно неnormalным и противоречит принципу правовой определенности. Объектом пересмотра в этих стадиях служат судебные решения, уже вступившие в законную силу, в связи с чем такой пересмотр не может рассматриваться как ординарный и тем более обязательный. Поэтому при определении срока пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда нет никаких оснований для того, чтобы исходить из времени, необходимого для прохождения дела через все кассационные и одну надзорную инстанции.

Поскольку предлагаемое изменение конструкции процессуального срока, установленного ст. 401.6 УПК РФ, связано с возможностью его восстановления, закон должен предусматривать

гарантии против несовместимой с принципом правовой определенности возможности восстановления срока обжалования судебных решений по истечении продолжительного времени после их вступления в законную силу. Для нейтрализации данной опасности представляется необходимым и достаточным установить в законе запрет восстановления рассматриваемого срока по истечении одного года со дня вступления в законную силу обжалуемого приговора, определения или постановления суда.

С учетом сказанного предлагается следующая редакция ст. 401.6 УПК РФ:

«Статья 401.6. Срок обжалования приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

1. Судебное решение может быть обжаловано в суд кассационной инстанции по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, в течение шести месяцев со дня его вступления в законную силу, если на предшествующих стадиях уголовного судопроизводства было допущено фундаментальное нарушение закона.

2. Отмена приговора, определения или постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается только при условии, что такие основания указаны в представлении прокурора либо жалобе потерпевшего, его законного представителя или представителя.

3. В случае пропуска срока, установленного частью 1 настоящей статьи, вопрос о его восстановлении разрешается в порядке, предусмотренном статьей 389.5 настоящей Кодекса. Восстановление данного срока не допускается по истечении одного года со дня вступления в законную силу обжалуемого приговора, определения или постановления суда».

Внесение в уголовно-процессуальный закон предлагаемых изменений способствовало бы более полной реализации в уголовном процессе принципа правовой определенности. При этом оно

не станет препятствием для осуществления своей деятельности органами публичного уголовного преследования и не нарушит прав потерпевших на доступ к правосудию, поскольку, во-первых, шестимесячного срока вполне достаточно для выявления и устранения в кассационном (надзорном) порядке фундаментального нарушения закона; во-вторых, предлагаемая регламентация допускает возможность восстановления пропущенного по уважительной причине срока обжалования.

Значимостью установленного ст. 401.6 УПК РФ процессуального срока для обеспечения прав и свобод участвующих в деле лиц обусловлена необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве эффективного механизма контроля за его соблюдением.

Логично предположить, что соблюдение указанного срока должно проверяться судьей, предварительно рассматривающим кассационные и надзорные жалобы, представления. Однако найти подтверждение данному предположению в законе не удастся. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 401.8 и п. 1 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ судья выносит постановление об отказе в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления в соответствующий суд только «если отсутствуют основания пересмотра судебных решений в кассационном порядке / порядке надзора». Основаниями же пересмотра судебных решений в кассационном и надзорном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). Следовательно, даже если на момент рассмотрения жалобы или представления, в которых ставится вопрос об отмене судебного акта по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, истек установленный ст. 401.6 УПК РФ срок, судья, по буквальному смыслу приведенных выше законоположений, по данному мотиву отказать в передаче кассационных или надзорных жалобы, представления в соответствующий суд не вправе.

Такое положение не соответствует принципу правовой определенности. Очевидно, нет никакого смысла в том, чтобы передавать на рассмотрение суда кассационной или надзорной инстан-

ции жалобу или представление, в удовлетворении которых в любом случае судом будет отказано. В связи с этим на судью необходимо возложить обязанность проверять, не истек ли установленный ст. 401.6 УПК РФ срок, и наделить его полномочием возвращать по данному мотиву кассационные или надзорные жалобы, представления без рассмотрения.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что исключив Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ из УПК РФ положения о сроках кассационного и надзорного обжалования, законодатель не согласовал внесенные изменения с содержанием гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ, в которых упоминания данного срока сохранились. В частности, в п. 3 ч. 1 ст. 401.5 и п. 3 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ пропуск срока обжалования судебного решения по-прежнему значится среди оснований возвращения кассационных и надзорных жалоб, представлений без рассмотрения. В настоящее время это – дефект законодательной техники. Однако, учитывая высказанное нами предложение о необходимости изменения конструкции процессуального срока, предусмотренного ст. 401.6 УПК РФ, а именно его преобразование в срок обжалования, положения п. 3 ч. 1 ст. 401.5 и п. 3 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ следовало бы в законе сохранить. В этом случае высказанные в настоящем параграфе предложения по совершенствованию действующего законодательства были бы полностью согласованы с предложенной ранее редакцией ст. 401.8 и 412.5 УПК РФ. Напомним, что нами предлагается включить решение о возвращении кассационных и надзорных жалоб, представлений в число решений, принимаемых судьей по результатам предварительного производства. Данное решение принимается судьей в соответствии с основаниями, указанными в ст. 401.5 и 412.4 УПК РФ. Следовательно, обнаружив, что жалоба, представление, в которых ставится вопрос об ухудшении положения стороны защиты, поданы по истечении установленного ст. 401.6 УПК РФ срока обжалования, судья, со ссылкой на п. 3 ч. 1 ст. 401.5 и п. 3 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ (где сохраняются соответствующие основания) обязан будет возвратить поданные жалобу, представление без рассмотрения.

Еще в советское время в науке уголовного процесса поднимался вопрос о том, следует ли расценивать как ухудшение положения стороны защиты изменение приговора в части гражданского иска в сторону увеличения размера взыскания. Е.А. Смоленцев отвечал на этот вопрос отрицательно, считая, что изменение пределов материальной ответственности ухудшением положения осужденного в уголовно-правовом смысле не является<sup>38</sup>. Иначе решал этот вопрос И.Д. Перлов, полагавший, что когда осужденному грозит усиление материальной ответственности, ухудшение положения все же имеет место<sup>39</sup>. Эта последняя точка зрения представляется более правильной. Действительно, если увеличение размера наказания, например, штрафа, ухудшает положение стороны защиты, то на каком основании можно утверждать, что это положение не ухудшается в результате увеличения суммы возмещения, взыскиваемого с осужденного или гражданского ответчика?

Из этого следует, что на пересмотр приговора в части гражданского иска по основаниям, ухудшающим положение осужденного или гражданского ответчика, должен распространяться срок, установленный ст. 401.6 УПК РФ. Если же изменение приговора в части гражданского иска не связано с увеличением размера взыскания или иным ухудшением положения стороны защиты, то пересмотр приговора оказывается вообще не ограниченным никакими сроками.

Однако такое толкование уголовно-процессуального закона неизбежно приводит к нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Дело в том, что гражданское процессуальное право устанавливает совершенно иные, не-

<sup>38</sup> Смоленцев Е. Повышать уровень работы судов надзорной инстанции // Социалистическая законность. 1985. № 11. С. 5–6. Не называет рассматриваемое основание пересмотра приговора в числе влекущих ухудшение положение осужденного и А. Я. Грун (см.: Грун А. Я. Пересмотр приговоров, определений и постановлений суда в порядке судебного надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 9–10).

<sup>39</sup> Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974. С. 130.

жели УПК РФ, сроки, в течение которых допускается обжалование вступивших в законную силу постановлений суда: в кассационном порядке – шесть месяцев (ч. 2 ст. 376 ГПК РФ), в надзорном – три месяца (ч. 2 ст. 391.2 ГПК РФ). Следовательно, правовое положение гражданских истцов и ответчиков будет существенно отличаться в зависимости от того, в каком порядке – гражданского или уголовного – судопроизводства был разрешен гражданский иск. Чтобы избежать этого, в обоих видах судопроизводства должны применяться одни и те же сроки.

Поскольку возможность заявления и разрешения гражданского иска в уголовном процессе является некоторым отступлением от общего правила, согласно которому такой иск должен рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства, приоритет в регламентации сроков обжалования судебного решения в части гражданского иска должен отдаваться нормам гражданского процессуального права. В связи с этим в уголовном процессе обжалование приговора в части гражданского иска в кассационном и надзорном порядках должно допускаться лишь в течение сроков, установленных ч. 2 ст. 376 и ч. 2 ст. 391.2 ГПК РФ. Поданные по истечении указанных сроков жалобы и представления должны возвращаться без рассмотрения по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 401.5, п. 3 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ. Было бы целесообразно, чтобы соответствующие разъяснения дал в своем постановлении Пленум Верховного Суда РФ.

Следует отдавать себе отчет в том, что предлагаемый подход сделает невозможным по истечении определенного периода времени исправление судебной ошибки, в результате которой были нарушены имущественные права осужденного или гражданского ответчика. В подобных ситуациях права и законные интересы указанных участников уголовного процесса должны, по нашему мнению, восстанавливаться в порядке реабилитации (гл. 18 УПК РФ), а не путем пересмотра вступившего в законную силу приговора суда.

## § 2. Запрет поворота к худшему при производстве в судах кассионной и надзорной инстанций

Об эффективном механизме реализации права на судебную защиту можно говорить лишь при условии обеспечения участникам уголовного процесса и иным заинтересованным лицам реальной свободы обжалования. Такая свобода, помимо прочего, предполагает отсутствие у субъекта обжалования оснований опасаться того, что инициированный им пересмотр судебного решения приведет в итоге к ухудшению его собственного положения или положения того лица, в интересах которого подаются жалоба, представление.

Подобные опасения были бы безосновательными в том случае, если бы вышестоящие суды проверяли судебные решения только в пределах доводов сторон, приводимых ими в своих жалобах и представлениях. Однако в судах кассационной и надзорной инстанций действует ревизионное начало, в связи с чем для лица, обжалующего судебное решение, принципиально важно быть уверенным в том, что суд, рассматривая дело по его жалобе, не применит ревизионное начало в целях принятия решения, которым ухудшит его положение по сравнению с первоначальным. Наличие таких опасений вынуждало бы участников уголовного процесса попросту отказываться от реализации права на обжалование, в результате чего неправосудные решения оставались бы без пересмотра, а допущенные судебные ошибки – без исправления.

Для того, чтобы гарантировать свободу обжалования, в уголовном судопроизводстве действует правило, именуемое в теории запретом поворота (преобразования) к худшему (*non reformatio in peius*).

**Поворот к худшему – это принятие вышестоящим судом такого решения, которое ставит осужденного, оправданного или лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено, в худшее положение по сравнению с тем, которое установлено вступившим в законную силу приговором суда или иным решением.**

Основным вопросом уголовного процесса является вопрос о виновности, а потому опасность изменения положения в худшую сторону угрожает прежде всего участникам уголовного процесса со стороны защиты – осужденному, оправданному, лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено. Следовательно, запрет преобразования к худшему направлен прежде всего на охрану прав стороны защиты, в связи с чем в юридической литературе данное правило признается важным элементом процессуальной конструкции благоприятствования защите (*favor defensionis*)<sup>40</sup>.

Примечательно, что запрет преобразования к худшему обеспечивает свободу обжалования через гарантии неопровергимости судебного решения. В этом отчетливо проявляется диалектическая связь принципов правовой определенности и права на судебную защиту, а само рассматриваемое правило выступает, с одной стороны, в качестве результата разрешения данного противоречия в процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, а с другой – как одна из гарантий-условий, посредством которых законодатель обеспечивает полноценную реализацию этих принципов в уголовном судопроизводстве через достижение их оптимального соотношения (баланса).

Однако в основании правила *non reformatio in peius* лежат не только соображения обеспечения стороне защиты свободы обжалования, но также учет законодателем реальных познавательных возможностей судов кассационной и надзорной инстанций, которые весьма ограничены в силу узости предмета судебного разбирательства. В связи с этим закон запрещает судам кассационной и надзорной инстанций самостоятельно вносить в судебные решения такие изменения, которые приводят к реальному ухудшению положения участвующих в деле лиц.

<sup>40</sup> См.: Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 122 ; Михеенкова М. А. Благоприятствования защите (*favor defensionis*) и его проявления в современном уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 26 ; Ивасенко К. В. Пределы прав выше-стоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 157.

Правило о недопустимости поворота к худшему столь значимо, что многие ученые называют его принципом уголовного процесса<sup>41</sup>, относят к основным началам проверки судебных решений<sup>42</sup>.

Следует сразу оговориться, что в ряде случаев запрет поворота к худшему становится препятствием для устраниния судебных ошибок (речь идет о запрещении применения ревизионного начала в целях ухудшения положения стороны защиты). И законодатель это вполне осознает, однако правосудность судебных решений в подобных случаях сознательно приносится в жертву более значимой ценности – свободе обжалования, без обеспечения которой количество неисправленных судебных ошибок было бы куда большим. Как выразился И.Л. Петрухин, обеспечивающая запретом поворота к худшему свобода безбоязненного обжалования приговора дороже, чем достижение истины по уголовному делу<sup>43</sup>.

В стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций запрет поворота к худшему выражен в установлении комплекса взаимосвязанных нормативных положений, выступающих в качестве гарантий, обеспечивающих свободу обжалования. Указанный нормативный комплекс включает в себя следующие положения.

1. Закон наделяет суды кассационной и надзорной инстанций полномочием вносить изменения в приговор, определение или постановление суда (п. 6 ч. 1 ст. 401.14, п. 7 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ). Однако эти суды не вправе принимать решение об изменении всту-

<sup>41</sup> См., например: Лазарева Л. И. Принцип недопустимости поворота к худшему // Правоведение. 1977. № 2. С. 101–104 ; Тертышник В., Щерба С. Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения // Уголовное право. 2001. № 4. С. 75 ; Калинин В. Н. Принцип недопустимости ухудшения положения осужденного при пересмотре судебных решений // Следователь. 2004. № 5. С. 18 ; и др.

<sup>42</sup> Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-роверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография. М., 2012. С. 52.

<sup>43</sup> Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М., 2004. С. 148.

пивших в законную силу судебных решений, если это влечет ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. При наличии оснований для принятия такого решения суд может лишь отменить обжалуемое судебное решение и возвратить уголовное дело в соответствующий суд для нового рассмотрения или прокурору.

В действующем УПК РФ рассматриваемое правило было закреплено сначала в ч. 3 ст. 410 УПК РФ, а затем, применительно к производству в суде кассационной инстанции, – в ч. 3 ст. 401.16 УПК РФ. В его основе – осознание законодателем того, что познавательные возможности судов, пересматривающих вступившие в законную силу судебные решения, весьма ограничены. Суд кассационной инстанции не проводит судебное следствие, не имеет надлежащих средств для установления фактических обстоятельств дела. В таких условиях принятие решений, ухудшающих положение стороны защиты, было бы сопряжено с неоправданно высоким риском судебной ошибки.

В гл. 48.1 УПК РФ данное положение не закреплено, из чего некоторые ученые делают вывод, что Президиум Верховного Суда РФ может своим постановлением изменить обжалуемое решение в сторону, неблагоприятную для осужденного или оправданного (например, изменить квалификацию преступления)<sup>44</sup>. Такое толкование уголовно-процессуального закона представляется дискуссионным. Ни авторитет, которым бесспорно пользуются члены Президиума Верховного Суда РФ, ни их высокая квалификация не могут компенсировать ограниченные познавательные возможности надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений. Думается, принятие решения об изменении приговора, определения или постановления суда в неблагоприятную для осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, судом, не обладающим полномочиями, необходимыми для установления (проверки) фактических обстоятельств дела, недопустимо в принципе.

<sup>44</sup> Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М., 2012. С. 710–711.

С тем, чтобы устраниТЬ почву для всякого рода дискуссий по данному вопросу, было бы целесообразно включить в закон положение о том, что суды кассационной и надзорной инстанции *не вправе самостоятельно усиливать наказание и применять закон о более тяжком преступлении*. Для этого ч. 3 ст. 401.16 УПК следует дополнить словами «но не вправе усилить наказание, а равно применить закон о более тяжком преступлении», а ст. 412.12 УПК РФ дополнить частью 1.1 следующего содержания: «1.1. При рассмотрении уголовного дела Президиум Верховного Суда Российской Федерации может смягчить назначенное осужденному наказание или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, но не вправе усилить наказание, а равно применить закон о более тяжком преступлении».

Не вправе суды кассационной и надзорной инстанций изменять состоявшиеся по уголовному делу судебные решения и иным способом – путем восстановления меры наказания, назначенной по приговору суда первой инстанции и впоследствии смягченной судом второй инстанции. Данное правило было выработано судебной практикой еще в 30-х гг. XX века<sup>45</sup>, хотя, например, И.Д. Перлов считал такой порядок допустимым. Он объяснял свою позицию тем, что возврат к отмененному приговору не ухудшает положение осужденного<sup>46</sup>. Думается, если суд кассационной или надзорной инстанции признает, что суд второй (апелляционной) инстанции без достаточных оснований снизил меру наказания, определенную приговором, он должен отменить апелляционное определение и передать дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

2. Итак, суды кассационной и надзорной инстанций не имеют полномочий самостоятельно изменить пересматриваемое судебное решение, ухудшив положение стороны защиты, но они вправе

<sup>45</sup> См.: Справочник по вопросам судебной практики / сост. С. С. Аскарханов и А. Н. Иодковский. М., 1937. С. 257 ; Лебединский В. Г., Каленов Ю. А. Прокурорский надзор в СССР. С. 175 ; и др.

<sup>46</sup> Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. С. 123.

ве отменить соответствующие приговор, определение или постановление суда и направить уголовное дело в нижестоящий суд на новое рассмотрение. Гарантией свободы обжалования в этих случаях служит следующее правило: суды кассационной и надзорной инстанций вправе отменять судебные решения по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, лишь в том случае, если соответствующие основания указаны в *жалобе потерпевшего, его представителя или представлении прокурора*. В таких условиях осужденный, оправданный, как и любой иной участник процесса со стороны защиты может не опасаться, что его жалоба на вступившее в законную силу судебное решение спровоцирует поворот к худшему.

Однако в гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ, регламентирующих производство в судах кассационной и надзорной инстанций, нормы, которая буквально воспроизводила бы рассматриваемое правило, нет. Лишь отчасти оно раскрывается в ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ. В гл. 48.1 УПК РФ законодатель данный вопрос вообще обошел молчанием.

Конечно, отсутствие в законе соответствующей регламентации не означает, что рассматриваемое правило на данные стадии уголовного процесса не распространяется. И Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»<sup>47</sup> дает судам следующее разъяснение: «При пересмотре судебного решения в кассационном порядке суд вправе вынести постановление (определение), влекущее ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, дело в отношении которого прекращено, лишь по тому правовому основанию и по тем доводам, которые указаны в кассационном представлении прокурора, кассационной жалобе потерпевшего, его законного представителя или представителя» (абз. 4 п. 21). Данное положение призвано восполнить пробельность уголовно-процессуального закона и обеспечить необходимые гарантии права участников уго-

<sup>47</sup> См.: Российская газета. 2014. 7 февр.

ловного судопроизводства и иных заинтересованных лиц на судебную защиту. Именно на него в настоящее время ссылаются суды кассационной инстанции, исправляя допускаемые нижестоящими судами нарушения запрета поворота к худшему<sup>48</sup>.

Вместе с тем для обеспечения единообразного применения закона и исключения судебных ошибок, обусловленных неверным толкованием судами норм УПК РФ, было бы целесообразно закрепить соответствующее положение в УПК РФ. В связи с этим предлагается исключить из закона ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ и замен ее ввести новую норму – дополнить ст. 401.6 УПК РФ частью 2 следующего содержания: «2. Отмена приговора, определения или постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается только при условии, что такие основания указаны в представлении прокурора либо жалобе потерпевшего, его законного представителя или представителя».

Правило, в соответствии с которым вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда могут быть отменены по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, только при условии, что на эти основания прямо ссылались в своих жалобах и представлениях участники уголовного процесса со стороны обвинения, сопряжено с ограничением ревизионного начала. Изложенные в кассационных и надзорных ходатайствах потерпевшего, его представителя и прокурора требования задают пределы рассмотрения судом уголовного дела, ограничивают

<sup>48</sup> Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление Президиума Верховного Суда Республики Северная Осетия – Алания от 17 ноября 2014 г., которым было ухудшено положение осужденного С. (по сравнению с тем, как оно было определено вступившим в законную силу постановлением Промышленного районного суда г. Владикавказа от 7 апреля 2014 г.), по основаниям, которые не были указаны в кассационной жалобе осужденного и по которым не приносилось кассационное представление прокурора (см.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. по делу № 22-УД15-3. URL: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1384196](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1384196) (дата обращения: 10.01.2016)).

полномочия суда по принятию решений, связанных с ухудшением положения стороны защиты.

3. В соответствии с уголовно-процессуальным законом любое ухудшение положения стороны защиты, связанное с пересмотром вступившего в законную силу судебного решения, допустимо лишь в течение одного года с момента его вступления в законную силу (ст. 401.6, ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ). Следовательно, все вышеизложенные правила, ограничивающие поворот к худшему определенными условиями, применяются только в течение одного года с момента вступления приговора в законную силу. По истечении данного срока запрет поворота к худшему приобретает абсолютный характер.

Следует иметь в виду, что коренным отличием рассматриваемого элемента правила о недопустимости поворота к худшему является то, что положения ст. 401.6, ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ не предназначены для обеспечения свободы обжалования. Они служат гарантией принципа правовой определенности, ведь наличие в законе срока, в течение которого допустим поворот к худшему, исключает долговременную (а следовательно, несовместимую с режимом правовой определенности) угрозу пересмотра вступившего в законную силу судебного акта.

4. Если бы нормативное выражение правила о недопустимости поворота к худшему ограничивалось лишь предписаниями, относящимися к полномочиям судов кассационной и надзорной инстанций, обеспечить реальную свободу обжалования вступивших в законную силу судебных решений было бы невозможно.

Суды кассационной и надзорной инстанций наделены полномочиями по отмене обжалуемых судебных решений и направлению уголовных дел прокурору, а также в нижестоящие суды на новое рассмотрение. В таких условиях свободу обжалования стороны защиты обеспечивает правило о том, что *применение уголовного закона о более тяжком преступлении, равно как и назначение более тяжкого наказания, допускается при новом рассмотрении уголовного дела судом первой или апелляционной инстанции только при условии, что первоначальные приговор, определение или постановление суда были отменены выше*

*стоящим судом по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя или его представителя в связи с неправильным применением уголовного закона.*

К сожалению, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, которые ограничивали бы полномочия суда, рассматривающего уголовное дело после отмены вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда. Трудно объяснить, почему законодатель «забыл» о данном положении, хотя оно, например, прямо закреплено в ст. 52 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.<sup>49</sup> и ст. 520 Модельного УПК для государств – участников СНГ<sup>50</sup>.

Отсутствие в законе соответствующей нормы не отменяет данного правила – в юридической литературе и судебной практике оно признается непреложным<sup>51</sup>. Вместе с тем правовая неопределенность, порождаемая этим очевидным пробелом в зако-

<sup>49</sup> См.: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

<sup>50</sup> См.: Модельный УПК для государств – участников СНГ, принятый в качестве рекомендательного законодательного акта на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.

<sup>51</sup> См., например: Воробейников М. А. Запрет преобразования к худшему в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1977. С. 13 ; Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. С. 132–133 ; Лазарева Л. И. Принцип недопустимости поворота к худшему в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 10–11, 25 ; Савицкий В. М., Ларин А. М. Уголовный процесс : словарь-справочник. М., 1999. С. 78 ; Османов Т. С. Актуальные проблемы совершенствования деятельности суда надзорной инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 154 ; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 1038 (автор комментария к гл. 48 – Н. Н. Ковтун) ; Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В. М. Лебедева. М., 2004. С. 312 (автор гл. 18 – В. И. Радченко) ; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 783 (автор гл. 10 – В. А. Давыдов) ; и др.

не, может не только нанести урон единству судебной практики, но также ограничить свободу обжалования.

Дело в том, что в ранее действовавшем законодательстве запрет поворота к худшему при новом рассмотрении судом уголовного дела не был абсолютным. Так, ст. 931 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. не распространяла данный запрет на те случаи, «когда, при вторичном производстве дела, откроются новые обстоятельства, изменяющие существо обвинения»<sup>52</sup>. Сохранилось данное исключение и в советском уголовном процессе: положение осужденного могло быть ухудшено, когда «при новом расследовании дела после отмены приговора будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении обвиняемым более тяжкого преступления» (ст. 353 УПК РСФСР 1960 г.).

Проведение предварительного расследования после отмены в кассационном или надзорном порядке первоначального приговора, определения или постановления суда возможно и по действующему уголовно-процессуальному законодательству. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 401.14 и п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ суды кассационной и надзорной инстанций вправе в случае отмены приговора, определения или постановления суда и всех последующих судебных решений возвратить уголовное дело прокурору. Допустимо ли в таких случаях предъявление лицу, которое ранее было осуждено, обвинения в совершении нового или более тяжкого преступления?

В юридической литературе данная проблема не осталась без внимания. К.А. Савельев пишет, что итогом отмены приговора в такой ситуации «может быть не только ухудшение положения осужденного в пределах предъявленного ему обвинения, но и неограниченное изменение обвинения в худшую сторону»<sup>53</sup>. В связи с

<sup>52</sup> См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е доп. изд. Часть вторая. СПб., 1867. С. 336 ; Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. 3-е изд., пересм. Пг., 1916. С. 541.

<sup>53</sup> Савельев К. А. Проблемы определения границ рассмотрения дела при пересмотре приговора // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В. А. Лазаревой. Вып. 4. Самара, 2009. С. 57.

этим автор высказывается за восстановление безусловного характера недопустимости поворота к худшему в суде надзорной инстанции и исключение любой возможности возвращения уголовного дела на дополнительное расследование<sup>54</sup>.

В свое время решение о возвращении уголовного дела прокурору судом надзорной инстанции, не будучи закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве, было выработано судебной практикой и подтверждено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции»<sup>55</sup>. Позднее данное право было закреплено законодателем в п. 3 ч. 1 ст. 401.14, п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ, и нет никаких оснований рассчитывать на то, что в обозримой перспективе суды кассационной и надзорной инстанции его лишатся. В связи с этим предложения отказаться от института возвращения уголовного дела прокурору, не имея реальных перспектив реализации, никак не способствуют решению проблемы обеспечения свободы обжалования.

Особенную актуальность вопрос об обеспечении запрета поворота к худшему приобрел в связи с принятием Федерального закона от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ<sup>56</sup>, дополнившего ст. 237 УПК РФ частью 1.2, содержащей новые основания для возвращения уголовного дела прокурору. Наряду с судами первой и второй инстанций, суды кассационной и надзорной инстанций обязаны отменять приговор, определение, постановление суда и все последующие судебные решения с возвращением уголовного дела прокурору, если при рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, указанные не только в ч. 1, но и в п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, то есть когда после направления уголовного дела в суд наступили новые

<sup>54</sup> См.: Савельев К. А. Проблемы определения границ рассмотрения дела при пересмотре приговора. С. 58.

<sup>55</sup> См.: Российской газета. 2007. 20 янв.

<sup>56</sup> См.: Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 17. Ст. 2031.

общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Такое законодательное решение представляется дискуссионным.

Начнем с того, что новое полномочие суда выходит за пределы установленного законом предмета разбирательства в судах кассационной и надзорной инстанций. Так, предметом проверки в этих судебных инстанциях является *законность* вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ), а основаниями отмены судебных решений служат только *существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела* (ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Если же в приговоре, определении или постановлении суда остались неучтенные новые (возникшие после направления уголовного дела в суд) общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, то это свидетельствует о *несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела*, выразившемся в том, что «суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда» (п. 2 ст. 389.16 УПК РФ).

На возможный довод о том, что в рассматриваемых ситуациях имеет место существенное нарушение уголовного закона, следует сразу возразить. Констатировать применение не той статьи или не тех пункта и (или) части статьи Особенной части УК РФ, которые подлежали применению, можно лишь сопоставив квалификацию преступления нижестоящим судом с *установленными* им обстоятельствами дела. Однако к моменту рассмотрения уголовного дела в суде кассационной или надзорной инстанции данные обстоятельства судом еще не установлены – собственно говоря, именно по этой причине и возникает необходимость в возвращении уголовного дела прокурору.

Но главное, не могут устанавливать такого рода новые обстоятельства и сами суды кассационной и надзорной инстан-

ции: в законе прямо закреплено, что *в случае отмены судебного решения кассационная и надзорная инстанции не вправе «устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены в приговоре или были отвергнуты им»* (ч. 7 ст. 401.16, ч. 3 ст. 412.12 УПК РФ). Возникает вопрос: как, не имея возможности установить новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому действия, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, суд кассационной или надзорной инстанции может со ссылкой на их наличие принять процессуальное решение о возвращении уголовного дела прокурору?

Причина обнаруженного противоречия, на наш взгляд, вполне очевидна: *вложение на суды кассационной и надзорной инстанций обязанности возвращать уголовное дело прокурору по рассматриваемому основанию попросту не вписывается в существующую систему пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.*

После вступления приговора, определения или постановления суда в законную силу новые обстоятельства, указанные в п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ, должны выясниться в рамках специально предназначеннной для этого процедуры возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ).

Думается, законодатель намеревался упростить процессуальную форму и сократить сроки судопроизводства, полагая, что незачем прибегать к процедуре, предусмотренной гл. 49 УПК РФ, когда о новых обстоятельствах становится известно в ходе рассмотрения уголовного дела в кассационном или надзорном порядке.

Однако при этом законодатель не учел, что у судов кассационной и надзорной инстанций не только *de jure* нет права устанавливать или считать доказанными факты, которые ранее не были установлены нижестоящим судом, но и *de facto* отсутствуют познавательные средства, с помощью которых можно было бы проверить наличие таких новых обстоятельств.

Несовершенство новой законодательной регламентации порядка возвращения судом уголовного дела прокурору проявляется также в несогласованности норм, устанавливающих сроки пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в связи с обнаружением новых обстоятельств.

Если наличие новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния выясняется в рамках возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, то пересмотр приговора, определения или постановления суда допускается *в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных уголовным законом, и не позднее одного года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств* (ч. 3 ст. 414 УПК РФ). Если же такие обстоятельства обнаружатся в ходе рассмотрения уголовного дела судом кассационной или надзорной инстанции, то руководствоваться следует положением ст. 401.6 УПК РФ, согласно которому пересмотр в кассационном и надзорном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается *в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу*.

В результате применения разных по продолжительности сроков пересмотра судебных решений по одним и тем же основаниям правовое положение заинтересованных лиц будет различаться в зависимости от формы пересмотра судебных решений, что явно не соответствует конституционному принципу равенства всех перед законом и судом.

Все названные противоречия, на наш взгляд, подтверждают ошибочность законодательного решения о наделении судов кассационной и надзорной инстанции полномочием возвращать уголовное дело прокурору по основанию, указанному в п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ. В рамках кассационного и надзорного производства окончательные судебные акты не должны проверяться с позиций фактической обоснованности выводов нижестоящих судов. Как уже было сказано выше, у судов *кассационной и надзорной*

*инстанций нет ни юридических полномочий, ни фактической возможности устанавливать или признавать доказанными новые обстоятельства, ранее не установленные или отвергнутые нижестоящими судами.*

В связи с изложенным предлагается внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство:

1. Исключить из ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ слова «и пункте 1 части первой.2».

2. Изменить п. 6. ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «б) отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и возвратить уголовное дело прокурору при наличии обстоятельств, указанных в части первой статьи 237 настоящего Кодекса».

Выявление и учет новых обстоятельств, являющихся основанием для предъявления лицу обвинения в совершении более тяжкого преступления, после вступления приговора, определения или постановления суда в законную силу должны, как и прежде, осуществляться исключительно в порядке, предусмотренном гл. 49 УПК РФ<sup>57</sup>.

На практике может возникнуть ситуация, когда суд кассационной или надзорной инстанции отменит по жалобе стороны защиты вступивший в законную силу судебный акт с направлением уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции, а тот, в свою очередь, придет к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо установит фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Следуя позиции Конституционного Суда РФ, выраженной им в Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П<sup>58</sup>, суд в данном случае

<sup>57</sup> См.: Дикарев И. Возвращение судом уголовного дела прокурору в связи с выявлением новых обстоятельств // Законность. 2014. № 1. С. 46–48.

<sup>58</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

будет обязан возвратить уголовное дело прокурору, вследствие чего положение обвиняемого может существенно ухудшиться<sup>59</sup>.

Вероятность такой ситуации не практике невелика – ведь уголовное дело, прежде чем стать предметом разбирательства в суде кассационной или тем более надзорной инстанции, проходит не одну стадию судопроизводства, что позволяет своевременно исправить ошибку в квалификации, если таковая была допущена. Но все же такая вероятность существует, в связи с чем осужденные и их защитники, опасаясь возможного ухудшения положения обвиняемого в случае отмены приговора, вероятно, в некоторых случаях будут воздерживаться от обжалования судебных решений в кассационном и надзорном порядке.

Обжалование судебных решений является одним из средств восстановления нарушенных неправосудным судебным решением прав и свобод. Отказ стороны защиты от обжалования вступивших в законную силу судебных решений из страха ухудшить свое положение может привести к неисправлению судебных ошибок, что в корне не согласуется с назначением уголовного судопроизводства в части защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

---

<sup>59</sup> Правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в этом решении, представляются весьма спорными. В состязательном уголовном судопроизводстве суд должен быть связан требованиями сторон и только в их пределах рассматривать и разрешать уголовное дело. Лишь в этом случае он имеет возможность принять объективное и беспристрастное решение по существу переданного на его рассмотрение правового спора. Возложение же на суд обязанности контролировать предмет или объем требований стороны обвинения делает его ответственным за результаты той деятельности, которую эта сторона осуществляет. Оказывая такого рода содействие органам предварительного расследования и государственному обвинению, суд неизбежно становится на сторону обвинения, что разрушает состязательную конструкцию судопроизводства (см.: Дикарев И. С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103 ; Бурмагин С. В. Разделение обвинительной и судебной власти в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 893).

В связи с этим, как представляется, уголовно-процессуальный закон следовало бы дополнить статьями 401.18 и 412.14 УПК РФ под названием «Запрет поворота к худшему при новом судебном рассмотрении уголовного дела» следующего содержания:

«При новом рассмотрении уголовного дела суд первой или апелляционной инстанции вправе применить уголовный закон об более тяжком преступлении или назначить более тяжкое наказание только при условии, что первоначальные приговор, определение или постановление суда были отменены по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя или его представителя в связи с неправильным применением уголовного закона».

### **§ 3. Ревизионное начало в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций**

Ревизионное начало (ревизия) представляет собой процессуальное условие деятельности судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, характеризующееся возложением на эти суды обязанности принимать по собственной инициативе и в установленных законом пределах меры по исправлению судебных ошибок, осуществляя посредством реализации полномочий проверять уголовное дело в полном объеме, то есть по всем основаниям пересмотра и в отношении всех осужденных, оправданных и лиц, в отношении которых уголовное дело прекращено, независимо от доводов принесенных жалоб и представлений.

С одной стороны, ревизия обеспечивает вышестоящим судам дополнительные возможности для восстановления субъективных прав и свобод, нарушенных вследствие вынесения неправосудного приговора, определения или постановления суда, тем самым гарантируя право на судебную защиту, а с другой – является необходимым инструментом обеспечения единства судебной практики, составляющей элемент принципа правовой определенности. Именно это дает основание рассматривать ревизию как гарантию-условие реализации в надзорно-кассационной форме

пересмотра судебных решений одновременно и принципа правовой определенности, и права на судебную защиту.

Активное распространение ревизионного начала в судопроизводстве началось после установления в России советской власти. Действовавший ранее Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не содержал положений, которые допускали бы применение в кассации ревизионного начала. Кассационное разбирательство в уголовном процессе дореволюционной России было строго ограничено пределами кассационных жалобы или протеста, выйти за которые суд был не вправе. Соответственно, по смыслу закона, и отмена приговора могла последовать лишь в том объеме, который намечался жалобщиком, и только по отношению к тем лицам, которые принесли жалобы<sup>60</sup>. Впрочем, на практике ревизия все же допускалась: Правительствующий Сенат в ряде случаев отменял приговоры ввиду нарушений, признаваемых им столь существенными, что они лишили состоявшееся решение значения судебного приговора, хотя бы на такие нарушения и не указывалось в кассационных жалобе или протесте<sup>61</sup>.

Произошедшее после Октябрьской революции наследование в уголовном процессе ревизионного начала стало одним из проявлений общей тенденции к переориентации правоохранительной системы на защиту прежде всего публичных интересов. Причем ревизионный порядок проверки уголовных дел был распространен и на кассационное производство, и на проверку судебных решений в порядке судебного надзора.

Помимо этого, установление ревизионного порядка проверки дел вышестоящими судами рассматривалось как средство защиты прав представителей тех социальных слоев общества, защита кото-

<sup>60</sup> Судебная (сенатская) практика допускала, ввиду публичного начала, из этого общего правила лишь несколько исключений (см.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. СПб., 1910. С. 527–528).

<sup>61</sup> См.: Давыдов В. А. Пределы прав суда надзорной инстанции в уголовном процессе и ревизионное начало // Закон. 2009. № 10. С. 118 ; Плашевская А. А. Действие ревизионного начала при обнаружении ошибки в приговоре при апелляционном и кассационном пересмотре в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 г. // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 59 / отв. ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович ; под ред. О. И. Андреевой, И. В. Чадновой. Томск, 2013. С. 192.

рых объявлялась первоочередной задачей рабоче-крестьянского правительства. Дело в том, что в основной своей массе рабочие и крестьяне были неграмотны и, как правило, не имели средств на оплату квалифицированной защиты своих интересов в суде, в связи с чем подаваемые ими жалобы ни по форме, ни по содержанию не могли претендовать на то, чтобы определять пределы проверки приговора вышестоящим судом. Чтобы защитить права таких кассаторов, судам приходилось брать инициативу в свои руки<sup>62</sup>. Так, мало-помалу, кассационные жалобы становились не более чем поводом для проверки уголовных дел судом кассационной инстанции.

В подобных условиях вопрос о ревизии в кассации приобретал политическое, классовое значение. Любые предложения, связанные с ограничением пределов проверки уголовного дела доводами жалоб, подвергались в юридической литературе ожесточенной критике с классовых позиций<sup>63</sup>. Как ни парадоксально, но объявлялось, что жалоба, в которой не указаны кассационные поводы, заслуживает куда большего внимания, нежели жалоба, написанная адвокатом, с перечислением всех нарушений, допущенных судом, и статей закона<sup>64</sup>.

Со временем доктринальное обоснование ревизии в проверочных стадиях уголовного процесса менялось: акцент переносился на необходимость обеспечения публично-правовыми средствами режима законности и достижения объективной истины. Ревизионная проверка уголовного дела рассматривалась и как элемент кассационного рассмотрения дела<sup>65</sup>, и как «одна из наиболее существенных и характерных черт советского института обжалования приговоров»<sup>66</sup>, и как особый метод установления объективной истины в судах кас-

<sup>62</sup> См.: Галкин Б. А., Калашникова Н. Я. Уголовный процесс / отв. ред. Д. С. Карев. М., 1949. С. 186–187.

<sup>63</sup> Нехамкин Н. Упростить или упразднить? // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 32. С. 722.

<sup>64</sup> Галкин А. Кассационный суд // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 50. С. 1157.

<sup>65</sup> Стrogович М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. институтов и факультетов. М., 1946. С. 459.

<sup>66</sup> Куцова Э. Ф. Обжалование приговоров в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. С. 12.

сационной и надзорной инстанций<sup>67</sup>. Наконец, Н.Н. Полянский объявил ревизионное начало одним из принципов пересмотра приговоров в советском уголовном процессе<sup>68</sup>. О кассационно-ревизионном принципе говорил и Я.О. Мотовиловкер<sup>69</sup>. Господство ревизионного начала отразилось даже в названии кассационного порядка рассмотрения дел, который стали называть «кассационно-ревизионным» (или «ревизионно-кассационным»)<sup>70</sup>. При этом советский ревизионно-кассационный порядок, как более совершенная процессуальная форма, противопоставлялся «сухому формализму чистой кассации»<sup>71</sup>, которая, как уже было сказано, характеризовалась «связанностью» кассационного суда доводами жалобы.

После распада Советского Союза российский законодатель, движимый стремлением придать уголовному судопроизводству состязательную форму, пересмотрел многие положения советского уголовного процесса. Не осталось без внимания и ревизионное начало, что вполне закономерно, ведь его применение непосредственно связано с активностью суда. В первоначальной редакции УПК РФ 2001 г. ревизионное начало было полностью исключено из процедуры производства в суде второй (апелляционной, кассационной) инстанции (ч. 2 ст. 360), а для суда надзорной инстанции проверка всего производства по уголовному делу в полном объеме из обязанности превратилась в право (ч. 1 ст. 410). Позднее, в соответствии с Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ<sup>72</sup>, законодатель все же допустил ревизионный порядок проверки уголовных дел в кассационном производстве,

<sup>67</sup> Ривлин А. Л. Пересмотр судебных приговоров в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1955. С. 12.

<sup>68</sup> Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д. С. Карева. М., 1956. С. 84.

<sup>69</sup> Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства / под ред. П. И. Бородько. Кемерово, 1962. С. 181.

<sup>70</sup> См., например: Морозова Л. С. Пересмотр судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам. М., 1959. С. 11.

<sup>71</sup> Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 192.

<sup>72</sup> См.: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 10 июля.

закрепив в ч. 2 ст. 360 УПК РФ обязанность суда проверить уголовное дело в отношении осужденных или оправданных по этому же уголовному делу, в отношении которых жалоба или представление не были поданы, если при рассмотрении уголовного дела были обнаружены обстоятельства, касающиеся интересов этих лиц.

В настоящее время ревизионные полномочия судов кассационной и надзорной инстанций закреплены в положениях ч. 1 и 2 ст. 401.16, ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ. При этом необходимо обратить внимание на один существенный недостаток законодательной регламентации: согласно ч. 2 ст. 401.16 УПК РФ, если по уголовному делу осуждено несколько лиц, а кассационные жалоба или представление принесены только одним из них или в отношении некоторых из них, суд кассационной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении всех осужденных. Однако в действительности суд кассационной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении не только всех осужденных, но также всех оправданных и лиц, уголовное дело в отношении которых прекращено. В этом плане более удачно сформулирована норма ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ, согласно которой Президиум Верховного Суда РФ вправе выйти за пределы доводов надзорных жалобы, представления и рассмотреть уголовное дело в полном объеме, в том числе *в отношении лиц, которые не обжаловали судебные решения в порядке надзора*. Данную формулировку следовало бы использовать и в ч. 1 ст. 401.16 УПК РФ, которую необходимо, на наш взгляд, изменить, изложив в следующей редакции: «1. Суд кассационной инстанции не связан доводами кассационных жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме, в том числе в отношении лиц, которые не обжаловали судебные решения в кассационном порядке». В случае реализации данного предложения регламентация, содержащаяся в ч. 2 ст. 401.16 УПК РФ, оказалась бы излишней, в связи с чем данную норму следовало бы из закона исключить.

В действующем законодательстве речь идет не об *обязанности* вышестоящего суда проверять в ревизионном порядке все производство по делу, а о его *праве* осуществить такую проверку (ч. 1 ст. 401.16, ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ). Однако на порядок реализации соответствующих полномочий это никак не повлияло. Дело в том,

что в силу принципа публичности право проверить уголовное дело в полном объеме и в отношении всех осужденных, оправданных и лиц, в отношении которых уголовное дело прекращено, как любое другое полномочие, предоставляемое государственному органу или должностному лицу, действующим в уголовном процессе *ex officio*, трансформируется в их обязанность осуществлять соответствующие действия всякий раз, когда обнаруживаются основания, с которыми закон связывает реализацию данного полномочия. Поэтому если у соответствующего вышестоящего суда возникают основания полагать, что по уголовному делу были допущены нарушения, влекущие отмену или изменение обжалуемого приговора, определения или постановления, он обязан выйти за пределы жалобы или представления и проверить уголовное дело в этой части.

Сохранение ревизионного начала в уголовном процессе неоднозначно оценивается в науке процессуального права. Нередко на страницах юридических изданий ревизионный порядок деятельности суда критикуется, подчеркивается его несовместимость с принципами современного уголовного процесса<sup>73</sup>. Впрочем, критическое отно-

<sup>73</sup> См., например: Петрухин И. Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 25 ; Кузнецов А. П. Рецензия на книгу: Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. 332 с. // Государство и право. 2004. № 5. С. 118 ; Ковтун Н. Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 181 ; Его же. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 222 ; Кириллова Н. А. Соотношение принципа состязательности уголовного процесса и ревизионных функций суда // Уголовный процесс. 2008. № 10. С. 64 ; Потапов В. Д. Ревизионное начало деятельности суда в контексте установленного предмета проверки // Право и его реализация в XXI веке : сб. науч. тр. (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Сарат. гос. юрид. акад., Саратов, 29–30 сент. 2011 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. С. Н. Туманова. Саратов, 2011. Ч. 1. С. 254 ; Его же. Ревизионное начало проверки в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций: контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 27. С. 69 ; Его же. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-роверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография. С. 239 ; и др.

шение к ревизионному началу в уголовном процессе разделяют далеко не все ученые-процессуалисты – имеются среди них и многочисленные сторонники сохранения данного института<sup>74</sup>.

Надо признать, ревизионное начало действительно является для состязательного уголовного процесса своего рода «инородным телом»<sup>75</sup>. Проверке уголовного дела в полном объеме и инициативному устраниению вышестоящим судом обнаруженных нарушений законности нет места в судопроизводстве, которое сводит задачу суда исключительно к разрешению спора между сторонами. В конце концов, нельзя забывать о том, что ревизия получила распространение в уголовном процессе в первые годы после установления советской власти именно потому, что многие кассаторы, не умея надлежащим образом составить жалобу, фактически оказались неспособными реализовать предоставленные им процессуальные права. В результате советский законодатель, не державшийся, как известно, за состязательную форму, по сути, переложил на суд выполнение процессуальных обязанностей стороны по делу. Таким образом, ревизионная проверка уголовного дела изначально вошла в процедуру как средство ограничения состязательности.

Важным фактором, способствовавшим укоренению ревизии в уголовном процессе, была возможность ее использования в качестве инструмента обеспечения единства судебной практики, по-

<sup>74</sup> См., например: Демидов В. В. Пределы прав надзорной инстанции по уголовным делам // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. М., 1985. С. 108 ; Чебуренков А. А. Полномочия суда надзорной инстанции в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004. С. 9 ; Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 50–51 ; Давыдов В. А. Пределы прав суда надзорной инстанции в уголовном процессе и ревизионное начало. С. 116 ; Дикарев И. С. Апология ревизии в уголовном процессе // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 34–37 ; Бородинова Т. Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России. М., 2014. С. 248–249 ; и др.

<sup>75</sup> По мнению А. В. Смирнова, когда суд действует в ревизионном порядке, «кассационная процедура в интересах публичности становится квазисостязательной» (см.: Смирнов А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: кассация. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

зволяя добиться неуклонного следования нижестоящих судов государственной политике в сфере борьбы с преступностью. Не случайно утверждение ревизии в уголовном процессе совпало с тем этапом российской истории, когда отрицание принципа разделения властей стало одним из устоев нового советского государственного строя, а деятельность, связанная с осуществлением правосудия, оказалась в значительной мере подчиненной исполнительной ветви власти. Последняя не умела и не желала организовать надзор за правосудием в традиционных формах (классические апелляция и кассация), отказываясь связывать себя принципом состязательности или учетом волеизъявления сторон.

Очевидно, что задачей вышестоящего суда должно быть прежде всего разрешение вопроса о соответствии обжалуемого решения предъявляемым к нему требованиям, а не тотальный контроль за законностью результатов деятельности нижестоящих судов. Интерес сторон, их стремление к истине, к правильному разрешению спора должны являться той главной силой, которая обеспечит устранение вышестоящими судебными инстанциями допущенных при расследовании и судебном разрешении уголовных дел ошибок и нарушений закона. В решении задачи выявления оснований для отмены или изменения как вступивших, так и не вступивших в законную силу судебных решений стороны должны полагаться прежде всего на собственные силы и професионализм своих представителей, но отнюдь не на активность суда.

Вместе с тем из сказанного вовсе не следует, что необходимо полностью отказываться от ревизии в уголовном процессе. Угрозу принципу состязательности сторон представляет лишь тотальная (то есть обязательная по всем уголовным делам) ревизия советского образца<sup>76</sup>, поскольку она подавляет инициативу сторон по обоснованию их требований об отмене или изменении обжалуемых судебных решений и полностью перекладывает эту обязанность (а вместе с ней и ответственность) на вышестоящий

<sup>76</sup> Напомним, что согласно ч. 1 ст. 380 УПК РСФСР суд надзорной инстанции, не будучи связанным доводами протеста, был обязан проверить все производство по делу в полном объеме.

суд<sup>77</sup>. В нынешнем виде ревизионное начало, предполагающее проверку уголовного дела в полном объеме не в каждом случае, а лишь тогда, когда имеются основания полагать, что по этому делу допущены нарушения, на которые не указывается в поданных жалобах и представлениях, принципу состязательности сторон не противоречит.

Необходимость сохранения ревизии в проверочных стадиях уголовного процесса обусловлена тем, что в современных условиях это начало приобрело значение процедурного механизма, посредством которого вышестоящие суды реализуют возложенную на государство обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Ревизионное начало составляет, таким образом, элемент публично-правового механизма обеспечения гражданам права на судебную защиту<sup>78</sup>.

Признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина должны в равной мере все государственные органы и должностные лица, участвующие в производстве по уголовному делу *ex officio*, независимо от того, какую процессуальную функцию они выполняют и к какой ветви государственной власти принадлежат. Другими словами, реализация рассматриваемой обязанности – элемент деятельности любого публичного участника уголовно-процессуальных отношений (для суда такая деятельность – элемент функции правосудия).

Ревизионное начало ограничено пределами прав вышестоящего суда, который может изменить или отменить приговор,

<sup>77</sup> Поэтому высказываемые в юридической литературе предложения закрепить в законе не право, а обязанность суда кассационной инстанции проверять производство по каждому уголовному делу в полном объеме (см., например: Идрисов О. Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 10) представляются весьма спорными.

<sup>78</sup> М. Т. Аширбекова рассматривает ревизионный порядок как обусловленную действием принципа публичности особенность процессуального режима надзорного производства (см.: Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 50).

определение или постановление нижестоящего суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, только при условии, что по этим основаниям стороной обвинения были поданы жалоба или представление (ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ). «Ревизионные полномочия, – пишет В.А. Давыдов, – суд надзорной инстанции вправе применять исключительно по благо осужденного и не вправе по своей инициативе ухудшить его положение»<sup>79</sup>. Для обозначения данного свойства ревизионного начала в уголовном процессе М.В. Мерзлякова и А.Д. Прошляков подобрали весьма удачный, на наш взгляд, термин – «асимметрия правил ревизии»<sup>80</sup>. Соответственно, выйти за пределы доводов жалоб, представлений с целью ухудшения положения осужденного, оправданного или лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, суды кассационной и надзорной инстанций не вправе<sup>81</sup>.

Указанное ограничение имеет важное процессуальное значение, поскольку: во-первых, является гарантией свободы обжалования для стороны защиты, которая может не опасаться, что обжалование ею судебного решения приведет к ухудшению положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено; во-вторых, препятствует несовместимому с состязательным строем процесса сращиванию функций правосудия с функцией уголовного преследования.

В.Д. Потапов, отмечая, что ревизионный порядок проверки уголовного дела направлен к обеспечению интересов прав и заинтересо-

<sup>79</sup> Давыдов В. А. Пределы прав суда надзорной инстанции в уголовном процессе и ревизионное начало. С. 116.

<sup>80</sup> Мерзлякова М. В., Прошляков А. Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М., 2011. С. 47.

<sup>81</sup> Ограничение ревизионного начала недопустимостью ухудшения положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого решался вопрос о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, характерно и для уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, в частности, Украины, где данное правило прямо закреплено в ч. 2 ст. 433 УПК (см.: Уголовный процессуальный кодекс Украины / пер. Л. И. Фокина. Харьков, 2012. С. 234).

сованных лиц, вместе с тем переносит акцент в определении назначения ревизии на «обеспечение оптимального отправления правосудия; формирование такой процессуальной формы проверки, которая обеспечивает вынесение именно правосудных судебных решений...»<sup>82</sup>. Однако очевидно, что обеспечение правосудности судебных решений является залогом реализации высшего назначения правосудия – обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим противопоставление или даже разделение таких задач, как обеспечение прав и свобод личности, с одной стороны, и обеспечение оптимального отправления правосудия – с другой, представляется методологически неверным. В процессе реализации ревизионного начала в судопроизводстве эти задачи, будучи неразрывно связанными и взаимно обусловленными, решаются одновременно.

Следует отметить, что в условиях действия запрета поворота к худшему ревизионный порядок обеспечивает инициативное устранение судом лишь таких нарушений законности, которые затрагивают прежде всего права и законные интересы стороны защиты. Это вовсе не означает, что суд принимает на себя не свойственную ему функцию защиты и противопоставляет себя стороне обвинения. Во-первых, в ревизионном порядке не исключается устранение нарушений прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, гражданских истцов, если это не сопровождается ухудшением положения стороны защиты. А во-вторых, активность суда, служащая гарантией против незаконного и необоснованного ограничения прав и законных интересов стороны защиты, ни в коем случае не противоречит законным интересам стороны обвинения. Законный интерес стороны обвинения состоит в том, чтобы к уголовной ответственности был привлечен действительно виновный и назначенное ему наказание полностью соответствовало тяжести содеянного. Суд же, реализуя в своей деятельности ревизионное начало, защищает граждан лишь от *необоснованного* уголовного преследования и осуждения, но ни в коем случае не спасает виновных от заслуженной ответственности.

---

<sup>82</sup> Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография. С. 53.

С учетом сказанного лишение вышестоящих судов полномочия проверять уголовные дела в ревизионном порядке привело бы к ликвидации эффективного правового механизма, посредством которого на практике реализуется обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ)<sup>83</sup>.

<sup>83</sup> Судебная практика изобилует примерами пересмотра судебных решений в кассационном порядке по основаниям, на которые заявители в своих жалобах не указывали (см.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2013 г. по делу № 235-П15. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=574288](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=574288) (дата обращения: 09.11.2015) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 декабря 2013 г. по делу № 83-УД13-1. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=573486](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=573486) (дата обращения: 10.01.2016) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 августа 2014 г. по делу № 1-УД14-3. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=601258](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=601258) (дата обращения: 10.01.2016) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 октября 2014 г. по делу № 18-УД14-26. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=611648](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=611648) (дата обращения: 10.01.2016) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 октября 2014 г. по делу № 24-УД14-4. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=618466](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=618466) (дата обращения: 10.01.2016) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 февраля 2015 г. по делу № 18-УД14-58. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1235250](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1235250) (дата обращения: 10.01.2016) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. по делу № 66-УД14-3. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1240386](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1240386) (дата обращения: 10.01.2016) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2015 г. по делу № 18-УД15-25. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1352072](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1352072) (дата обращения: 10.01.2016) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 октября 2015 г. по делу № 19-УД15-34. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1385020](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1385020) (дата обращения: 10.01.2016) ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 октября 2015 г. по делу № 18-УД15-68. URL: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1387798](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1387798) (дата обращения: 10.01.2016) ; и др.). Во всех этих случаях применение ревизионного начала позволило Президиуму и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ исправить допущенные ниже-стоящими судами ошибки и восстановить нарушенные права и свободы личности.

*Ревизионное начало распространяется не только на пересмотр соответствующих судебных решений в кассационном и надзорном порядке, но также и на этап предварительного производства. Нередко кассационные жалобы, представления передаются судьями для рассмотрения по существу в суд кассационной инстанции совсем по иным основаниям, нежели указаны заявителем.*

Так, в кассационной жалобе на приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 14 октября 2014 г. осужденный З., не оспаривая обстоятельств совершения преступления и доказанность вины, просил изменить приговор, исключить из него осуждение по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и смягчить наказание. Рассматривая кассационную жалобу, судья Саратовского областного суда, сославшись на ч. 1 ст. 401.16 УПК РФ, проверил производство по уголовному делу в полном объеме и передал данную жалобу на рассмотрение президиума Саратовского областного суда по основанию, не указанному осужденным З. Судья пришел к выводу, что по делу допущено нарушение положения Общей части УК РФ: при назначении З. наказания суд первой инстанции руководствовался ч. 3 ст. 69 УК РФ, тогда как применению подлежала ч. 2 ст. 69 УК РФ<sup>84</sup>.

В другом случае основанием для пересмотра судебных решений в кассационном порядке стало обнаруженное судьей существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства:

Осужденная З. в своей кассационной жалобе на приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 24 мая 2013 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 30 июля 2013 г. просила об изменении судебных решений и смягчении назначенного ей наказания. Однако кассационная жалоба З. была передана для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и частично удовлетворена президиумом Саратов-

<sup>84</sup> См.: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-10/2015.

ского областного суда совершенно по иному основанию, не указанному в жалобе, а именно в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Как следует из апелляционного определения, уголовное дело в отношении З. рассматривалось судебной коллегией в составе судей П., М. и С., тогда как в протоколе судебного заседания судебная коллегия указана в ином составе: Р., М. и С. Таким образом, состав судей, рассматривавших дело в апелляционной инстанции, указанный в апелляционном определении, не соответствует протоколу судебного заседания, что ставит под сомнение законность состава суда апелляционной инстанции<sup>85</sup>.

То обстоятельство, что закон не связывает суды кассационной и надзорной инстанций доводами, изложенными в жалобах и представлениях, предполагает не только возможность отмены (изменения) судом вступивших в законную силу приговора, определения или постановления нижестоящего суда по основаниям, на которые лицо, принесшее жалобу или представление, не ссыпалось, но также право судьи, изучающего поступившие в суд жалобу или представление в порядке ст. 401.8 и 412.5 УПК РФ, выйти за пределы доводов сторон и сослаться в своем решении о передаче жалобы или представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании на такие основания, которые заявитель в своем обращении не указывал. Такая позиция находит себе поддержку как в процессуальной теории<sup>86</sup>, так и в судебной практике пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда. В связи с этим позиция тех авторов, которые отри-

---

<sup>85</sup> См.: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-50/2015.

<sup>86</sup> См.: Божьев В. Пленум Верховного Суда России о производстве в суде надзорной инстанции // Законность. 2007. № 4. С. 17 ; Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова. М., 2008. С. 524 (автор гл. 7 – В. А. Давыдов); Якимович Ю. К., Дудко Н. В. Ревизионное начало в суде надзорной инстанции // Избранные труды / Ю. К. Якимович. СПб., 2011. С. 703 ; и др.

цают действие ревизионного начала в предварительном производстве<sup>87</sup>, представляется ошибочной.

К сожалению, закон никак не регулирует пределы реализации ревизионного начала на данном этапе производства в судах кассационной и надзорной инстанций.

В юридической литературе высказывалось мнение о том, что в ходе предварительного рассмотрения жалоб, представлений судьи в ревизионном порядке проверяет производство по уголовному делу в полном объеме *только в отношении лица, о котором ставится вопрос о пересмотре судебного решения*<sup>88</sup>. Данная позиция соответствует сформировавшейся судебной практике и подтверждается Пленумом Верховного Суда РФ, который в абз. 2 п. 12 Постановления от 28 января 2014 г. № 2 разъяснил, что судья может принять решение о передаче кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции по основаниям, не указанным в жалобе, представлении, *лишь относительно лица, в отношении которого ставится вопрос о пересмотре судебного решения*, если изменение или отмена этого решения улучшает положение указанного лица<sup>89</sup>.

Таким образом, в настоящее время судьи, ведущие предварительное производство, не должны реагировать на обнаруживаемые в ходе изучения жалобы, представления существенное нарушение уголовно-процессуального закона или неправильное применение уголовного закона, повлиявшие на исход дела, если они нарушают права лиц, в отношении которых жалоба, представление не приносились. Такой подход нарушает баланс находящихся под защитой Конституции РФ правовых ценностей. Лицо, в отношении которого вынесено незаконное судебное решение, если им не была подана жалоба, лишается судебной защиты, которая могла

<sup>87</sup> См., например: Плашевская А. А. Действие ревизионного начала при обнаружении ошибки в приговоре при апелляционном и кассационном пересмотре в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 г. С. 190.

<sup>88</sup> Никитина Л. В. Пределы прав суда надзорной инстанции // Вестник СГАП. 2010. № 1. С. 166.

<sup>89</sup> См.: Российская газета. 2014. 7 февр.

бы быть ему предоставлена в публично-правом порядке. И это при том, что в иных случаях, как было сказано выше, уголовно-процессуальный закон и судебная практика не только не исключают, но и прямо предусматривают необходимость исправления судом по собственной инициативе (*ex officio*) допущенных нарушений закона при условии, что это не влечет ухудшения положения стороны защиты.

Представляется, что бездействие судьи в случае обнаружения фундаментального нарушения закона, в результате которого пострадали права и законные интересы гражданина, не обжаловавшего судебное решение, ничем не оправдано и никак не согласуется с положением ст. 2 Конституции РФ. В связи с этим полагаем, что в целях обеспечения надлежащих гарантий права на судебную защиту судьи, изучающие кассационные и надзорные ходатайства в порядке ст. 401.8 и 412.5 УПК РФ, должны принимать в ревизионном порядке решение о передаче жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда и относительно тех лиц, применительно к которым вопрос о пересмотре судебного решения не ставился, если изменение или отмена судебного решения улучшил их положение. С этим предложением согласились 67,5 % из числа опрошенных нами практических работников, причем из числа сотрудников прокуратуры его поддержали 70,4 % респондентов, а из числа судей – 64,7 %. Против данного предложения высказались только 23,2 % респондентов, 7,1 % – затруднились ответить, а 2,2 % – высказали другие мнения.

Думается, усиление ревизионного начала в этом направлении способствовало бы повышению уровня судебной защиты прав и свобод личности, в связи с чем Пленуму Верховного Суда РФ следовало бы изменить свою позицию по данному вопросу и дать судам соответствующее разъяснение.

Чтобы проверить обоснованность приведенных в жалобе, представлении доводов и тем более самостоятельно обнаружить допущенные по делу нарушения закона, на которые заявитель в своем обращении не указал, судье, ведущему предварительное производство (ст. 401.8, 412.5 УПК РФ), необходимо изучить не только

поступившие жалобу, представление, но и иные материалы – прежде всего вынесенные по делу судебные решения. В связи с этим уголовно-процессуальный закон предписывает лицам, обращающимся в суды кассационной и надзорной инстанций, прилагать к жалобе, представлению заверенные копии судебных решений, принятых по данному уголовному делу (ч. 5 ст. 401.4, ч. 4 ст. 412.3 УПК РФ).

Еще большие возможности для выявления нарушений закона, допущенных на предшествующих стадиях уголовного судопроизводства, открывает перед судьей непосредственное изучение материалов уголовного дела, право истребования которого (ч. 1 ст. 401.8, ч. 1 ст. 412.5 УПК РФ) составляет, таким образом, важную гарантию реализации ревизионного начала в предварительном производстве.

По буквальному смыслу закона судьи должны изучать кассационные и надзорные жалобы, представления только по тем материалам (документам), которые к ним приложены сторонами, либо по материалам истребованного уголовного дела. Получается, что истребовать по собственной инициативе иные материалы (не являющиеся уголовным делом) для принятия предварительного решения судья не вправе. Однако в ходе рассмотрения поступивших жалобы или представления судьи постоянно сталкиваются с необходимостью изучения документов, которых нет ни среди представленных сторонами дополнительных материалов, ни в материалах истребованного уголовного дела.

В советской юридической науке необходимость наделения суда надзорной инстанции полномочием истребовать дополнительные материалы никем не оспаривалось. При этом одни авторы констатировали реальное наличие у суда надзорной инстанции такого полномочия<sup>90</sup>, тогда как другие – предлагали закрепить его в законе<sup>91</sup>.

<sup>90</sup> См., например: Алексеев В. Б. Оценка доказательств в надзорной инстанции в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 12 ; Айтмухамбетов Т. К. Дополнительные материалы в кассационном и надзорном производстве по советскому уголовному процессу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 10–11.

<sup>91</sup> Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. С. 230–231.

Думается, и в действующем уголовно-процессуальном законе следовало бы прямо закрепить полномочие судьи, изучающего кассационные или надзорные жалобу, представление, истребовать материалы, необходимые для принятия законного и обоснованного предварительного решения. Данное полномочие вполне соответствует ревизионной организации предварительного производства в судах кассационной и надзорной инстанций, а его реализация на практике способствовала бы повышению эффективности обнаружения и устранения допускаемых в уголовном процессе нарушений закона.

Как показало проведенное в рамках настоящего исследования изучение кассационных производств, судьи и сейчас, рассматривая кассационные жалобы, представления, постоянно истребуют иные, помимо уголовных дел, материалы:

- материалы рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в соответствии со ст. 79 УК РФ<sup>92</sup>;
- материалы рассмотрения вопроса об отмене условно-досрочного освобождения в соответствии со ст. 79 УК РФ<sup>93</sup>;
- материалы рассмотрения вопроса об отмене условного осуждения в соответствии со ст. 74 УК РФ<sup>94</sup>;
- материалы рассмотрения вопроса об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда осужденному к лишению свободы<sup>95</sup>;
- материалы рассмотрения вопроса об освобождении от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовно-

---

<sup>92</sup> См., например: Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. Кассационное производство № 44y-143/2013 ; Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационные производства № 44y-19/2015, № 44y-70/2015, № 44y-92/2015, № 44y-97/2015, № 44y-100/2015.

<sup>93</sup> См., например: Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. Кассационное производство № 44y-43/2014.

<sup>94</sup> См., например: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационные производства № 44y-2/2015, № 44y-105/2015.

<sup>95</sup> См., например: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44y-16/2015.

го закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ (о приведении приговора в соответствие с действующим законодательством)<sup>96</sup>;

– материалы рассмотрения вопроса о зачете времени содержания под стражей<sup>97</sup>;

– материалы рассмотрения вопроса о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ<sup>98</sup>;

– материалы о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора<sup>99</sup>;

– материалы рассмотрения судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого<sup>100</sup>;

– материалы рассмотрения жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ<sup>101</sup>; и др.

По одному из изученных нами дел судьей направлялся запрос начальнику исправительного учреждения о том, по какому

---

<sup>96</sup> См., например: Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. Кассационные производства № 44у-134/2013, № 44у-143/2013 ; Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. Кассационные производства № № 44у-20/2014, 44у-21/2014 ; Архив Саратовского областного суда за 2013 г. Кассационные производства № 44у-153/2013, № 44у-186/2013 ; Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационные производства № 44у-26/2015, № 44у-27/2015, № 44у-29/2015, № 44у-49/2015, № 44у-51/2015, № 44у-58/2015, № 44у-61/2015, № 44у-62/2015, № 44у-75/2015, № 44у-101/2015, № 44у-103/2015.

<sup>97</sup> См., например: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-86/2015.

<sup>98</sup> См., например: Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. Кассационное производство № 44у-207/2013 ; Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационные производства № 44у-24/2015, № 44у-99/2015.

<sup>99</sup> См., например: Архив Саратовского областного суда за 2015 г. Кассационное производство № 44у-56/2015.

<sup>100</sup> См., например: Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. Кассационное производство № 44у-176/2013 ; Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. Кассационное производство № 44у-5/2014.

<sup>101</sup> См., например: Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. Кассационные производства № 44у-211/2013, № 44у-212/2013 ; Архив Саратовского областного суда за 2014 г. Кассационное производство № 44у-26/2014.

приговору осужденный отбывает наказание, а также о наличии других неисполненных приговоров<sup>102</sup>.

Таким образом, реализация данного предложения не привнесла бы в уголовный процесс ничего нового, а лишь «узаконила» бы уже сложившуюся судебную практику. Думается, именно поэтому большинство респондентов в ходе проведенного анкетирования поддержали данную инициативу<sup>103</sup>.

Запросы об истребовании дополнительных материалов должны направляться судьями не только в тех случаях, когда об истребовании тех или иных материалов ходатайствуют лица, обжалующие судебные решения (например, осужденные к лишению свободы), но и по собственной инициативе. При наличии оснований полагать, что по уголовному делу допущено нарушение закона, являющееся основанием для пересмотра вступившего в законную силу судебного решения (когда это не связано с поворотом к худшему), судья не вправе пройти мимо такого нарушения, но обязан предпринять все необходимые меры для установления и исправления. Иной подход, по нашему глубокому убеждению, прямо противоречил бы ст. 2 Конституции РФ, лишая эффективности гарантируемую гражданам ст. 46 Конституции РФ судебную защиту.

Утратившая ныне силу ч. 2 ст. 406 УПК РФ содержала положение, согласно которому: «В необходимых случаях судья, рассматривающий надзорные жалобу или представление, вправе истребовать в пределах компетенции, установленной статьей 403 настоящего Кодекса, любое (выделено нами. – И. Д.) уголовное дело для разрешения надзорных жалобы или представления». Данная норма давала основание для вывода о том, что судья мог *истребовать не только то уголовное дело, по которому привнесены жалоба или представление, но и любое другое уголовное дело*.

<sup>102</sup> См.: Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. Кассационное производство № 44у-49/2014.

<sup>103</sup> Полностью согласились с таким предложением 59,0 % респондентов, не согласились – 34,1 %, затруднились ответить – 5,7 %, высказали другое мнение – 1,2 %.

*ловное дело, производство по которому завершено*, если содержащиеся в его материалах сведения могут иметь значение для правильного разрешения ходатайства.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве аналогичной нормы не содержится. Однако данное обстоятельство, по нашему мнению, не является основанием для отказа судьям судов кассационной и надзорной инстанций в праве истребовать любые уголовные и гражданские дела, а также дела об административных правонарушениях, если содержащиеся в них материалы имеют существенное значение для решения вопроса о наличии оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Очевидно, что отсутствие у судьи права истребовать и учитывать при принятии решений материалы иных судебных дел ослабляет ревизионное начало в судах кассационной и надзорной инстанций, что не может не сказаться на уровне гарантий права личности на судебную защиту.

С тем, чтобы не препятствовать осуществлению правосудия по другим делам, такого рода запросы должны исполняться только при условии, что истребуемое дело окончено производством, а вынесенные по нему судебные решения вступили в законную силу.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным слова «по документам, приложенным к ним, либо по материалам истребованного судьей уголовного дела» – в ч. 1 ст. 401.8 УПК РФ и слова «по материалам, приложенным к жалобе, представлению, либо по материалам истребованного уголовного дела» – в ч. 1 ст. 412.5 УПК РФ заменить словами: «по материалам, приложенными к жалобе, представлению или истребованным судьей по собственной инициативе, в том числе по материалам истребованного уголовного дела, по которому вынесены обжалуемые судебные решения, или иного законченного производством уголовного, гражданского, административного дела либо дела об административном правонарушении».

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

---

Раскрытие сущности всякой процессуальной конструкции требует в первую очередь четкого понимания ее назначения. Этот момент является определяющим, ибо он задает проблемное поле и дальнейшую логику теоретического исследования.

Возлагая на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, Конституция РФ в то же время предоставляет личности корреспондирующее данной обязанности право на судебную защиту, выполняющее роль гарантии всех прав и свобод человека и гражданина. При этом содержание права на судебную защиту весьма объемно и включает в себя, помимо прочего, право на исправление судебных ошибок. Реализация этого права предполагает наличие эффективных механизмов проверки правосудности судебных решений и устранения нарушений. Деятельность судов кассационной и надзорной инстанций в уголовном процессе имеет своим назначением именно исправление судебных ошибок и восстановление личности в нарушенных правах.

Таким образом, процессуальная форма пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядках (именуемая в настоящей работе надзорно-кассационной) связана прежде всего с реализацией *конституционного права на судебную защиту*, которое (в отличие от права на обжалование судебного решения) включает в себя не только возможность оспаривания заинтересованными лицами судебного решения в вышестоящие суды, но и публично-правовые механизмы исправления судебных ошибок.

Однако для объяснения специфики процессуального порядка производства в судах кассационной и надзорной инстанций необходимо принять во внимание, что эти суды пересматривают судебные решения, которые уже вступили в законную силу. В этой связи на первый план выдвигается еще один принцип – *правовой*

*определенности*, включающий в себя в качестве элементов требования стабильности и исполнимости правоприменительных (прежде всего – судебных) решений.

Взаимодействуя в рамках правовой системы, эти принципы стремятся занять доминирующее положение, абсолютизироваться, то есть прийти к такому состоянию, когда заложенные в них требования реализовывались бы без каких-либо ограничений. Для принципа правовой определенности такая абсолютизация предполагала бы непреодолимую окончательность вступивших в законную силу судебных решений. Возведенное же в абсолют право на судебную защиту означало бы ничем не ограниченную возможность отмены и изменения судебных решений с целью исправления ошибок и нарушений закона, допущенных в ходе предшествующего производства по уголовному делу.

Ясно, что в таком идеализированном виде указанные принципы радикально противоположны друг другу и образуют антагонию, в рамках которой их практическая реализация невозможна. Но принципы призваны служить регуляторами общественных отношений, и не будучи воплощенными в жизнь, они утрачивают не только свое значение, но и сам смысл своего существования. Следовательно, законодателю необходимо найти юридическую процедуру, в рамках которой рассматриваемые противоположные принципы могли бы стать сторонами единого целого и воплотиться в жизнь. Такой процедурой выступает надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. В ней диалектическое противоречие между принципами правовой определенности и права на судебную защиту находит свое разрешение.

Таким образом, *надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений вызвана к жизни объективной необходимостью практической реализации в сфере уголовного судопроизводства права на судебную защиту и принципа правовой определенности*. Осознание значения рассматриваемых принципов для процедуры пересмотра вступивших в законную силу судебных решений и теоретическое объяснение процесса их реа-

лизации является, на наш взгляд, важнейшим результатом проведенного исследования.

Понимание того, как возникает и чем обусловлена надзорно-кассационная форма пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, позволяет:

- во-первых, объяснить структуру и стадиальность производства в судах кассационной и надзорной инстанций в целом и каждый конкретный элемент процессуальной формы пересмотра судебных решений в отдельности;
- во-вторых, сформировать методологическую основу для правильного толкования и применения на практике нормативно-правовых предписаний, содержащихся в гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ, а также донести сущность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам до тех, кто изучает уголовный процесс в образовательных учреждениях;
- в-третьих, раскрыть значение баланса принципов правовой определенности и права на судебную защиту как критерия оценки эффективности процедуры пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Благодаря этому появляется возможность выявлять недостатки и находить пути совершенствования порядка производства в судах кассационной и надзорной инстанций за счет изменения регламентации отдельных правовых средств и условий, выполняющих функции процессуальных гарантий рассматриваемых принципов и средств обеспечения их сбалансированности.

Кроме того, выработанный подход к исследованию процессов и явлений, связанных с пересмотром приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядках, может быть использован в теории уголовного процесса для дальнейшей разработки проблем возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (где принципам правовой определенности и права на судебную защиту также отводится ключевая роль) и экстраполирован на соответствующие проблемные сферы других наук процессуального права – прежде всего теории гражданского и арбитражного процесса.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

---

### **Нормативно-правовые акты, законопроекты**

1. Конституция РФ : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : (с учетом поправок, внес. законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята на третьей сессии Ген. Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 дек.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – С. 5–11.
4. Замечание общего порядка № 13 «Статья 14 (отправление правосудия)» // Международные договоры по правам человека. Т. I. Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека (HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I) / Ком. по правам человека ООН, 27 мая 2008 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9\\_ru.pdf](http://www.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9_ru.pdf) (дата обращения: 20.05.2011). – Загл. с экрана.
5. Замечание общего порядка № 32 «Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство» (CCPR/C/GC/32, August 23, 2007) / Ком. по правам человека ООН, Женева, 9–27 июля 2007 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/refworld/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=478b2b582> (дата обращения: 11.05.2011). – Загл. с экрана.
6. Замечание общего порядка № 32 (81) по статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятое Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 40 Пакта // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3. – С. 367–386.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 нояб. 1950 г.) и Протоколы к ней // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
8. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Страсбург, 22 нояб. 1984 г.) : (с изм. от 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

9. Рекомендация N R (2000) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека / пер. с англ. О. Митина // Российской юстиция. – 2001. – № 12. – С. 68–69.
10. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 13. – Ст. 1489.
11. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ : принят Постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февр. 1996 г. – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». – Загл. с экрана.
12. Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917–1954 гг. : сб. док. / сост. Л. Н. Гусев ; под ред. С. А. Голунского. – М. : Госюриздат, 1955. – С. 40–44.
13. Декрет ВЦИК от 11 июня 1918 г. «Об учреждении Кассационного отдела при Всероссийском центральном исполнительном комитете Советов и порядке кассации приговоров революционных трибуналов» // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 45. – Ст. 545.
14. Положение о высшем судебном контроле при Народном комиссариате юстиции : утв. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 15. – Ст. 97.
15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. 3-й сессией ВЦИК от 28 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст. 320.
16. Положение о судоустройстве РСФСР : принято Постановлением ВЦИК от 11 нояб. 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.
17. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Постановлением ВЦИК от 15 февр. 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.
18. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 31 октября 1924 г. // Собрание законодательства СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 206.
19. Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик : принят 2-й сес. Верхов. Совета СССР 16 авг. 1938 г. // Ведомости ВС СССР. – 1938. – № 11. – Ст. 206.
20. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утвер-

ждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

21. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Законом РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

22. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» от 14 августа 1954 г. // Ведомости ВС СССР. – 1954. – № 17. – Ст. 360.

23. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1955 г. «О порядке рассмотрения дел президиумами судов» // Ведомости ВС СССР. – 1955. – № 7. – Ст. 166.

24. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

25. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» : (ред. от 05 февр. 2014 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

26. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» : (ред. от 31 янв. 2016 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

27. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» : (ред. от 21 июля 2014 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

28. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» : (ред. от 04 нояб. 2014 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

29. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : (ред. от 30 дек. 2015 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

30. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : (ред. от 30 дек. 2015 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

31. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : (ред. от 30 дек. 2015 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

32. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : (ред. от 30 дек. 2015 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

33. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

34. Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2027.

35. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – 10 июля.

36. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 330-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6243.

37. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» : (ред. от 12 марта 2014 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

38. Федеральный закон от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – 18 марта.

39. Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в статью 45 части первой и в главу 25.3 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившим силу Федерального закона “О сборах за выдачу лицензий на осуществление видов деятельности, связанных с производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции”» // Российская газета. – 2009. – 29 дек.

40. Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6611.

41. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (поправок к законодательным актам) Российской Федерации» : (ред. от 31 дек. 2014 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

42. Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 17. – Ст. 2031.

43. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 382-ФЗ «О внесении изменений в статью 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – 30 дек.

44. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 4 июля.

45. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1. – Ст. 71.

46. Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 36. – Ст. 4312.

47. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”» : (ред. от 25 дек. 2014 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

48. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

49. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» : (ред. от 09 апр. 2015 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

50. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. № 161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» : (ред. от 09 апр. 2015 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

51. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 18 марта 2013 г. № 60 «О внесении изменений и дополнений в Инструкцию по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах авто-

номной области и автономных округов» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2013. – № 4.

52. Постановление президиума Совета судей РФ от 10 апреля 2014 г. № 393 «О мероприятиях, проводимых Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации по подготовке нормативного правового акта, регулирующего деятельность аппарата судов общей юрисдикции по формированию текущего архива и переводу сформированного архива судебных документов в электронный вид». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ssrf.ru/page/13705/detail/> (дата обращения: 18.06.2014). – Загл. с экрана.

53. Законопроект № 465180-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=465180-6&02> (дата обращения: 10.11.2015). – Загл. с экрана.

54. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в статью 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

55. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (пунктов законодательных актов) Российской Федерации”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

## **Постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения Европейского Суда по правам человека, иная судебная практика и статистика**

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р.Н. Самигуллиной и А.А. Апанасенко» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4551.

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уго-

ловно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульгина, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 7. – Ст. 701.

58. Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса судьи Московского областного суда Н.В. Григорьевой». – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». – Загл. с экрана.

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 28. – Ст. 3393.

60. Определение Конституционного Суда РФ от 13 января 2000 г. № 11-О «По жалобе гражданина Насибова Наби Алландар оглы на нарушение его конституционных прав главой 30 УПК РСФСР» // Российская газета. – 2000. – 19 апр.

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 УПК РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан”» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 31. – Ст. 3160.

62. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.

63. Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 2. – С. 36–41.

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива “Содей-

ствие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан» // Российская газета. – 2005. – 20 мая.

65. Определение Конституционного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 274-О «По жалобам граждан Ахалбедашвили Мамуки Гурамовича и Молдованова Константина Викторовича на нарушение их конституционных прав подпунктом 10 пункта 1 статьи 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 6. – С. 9–13.

66. Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 538-О «По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 2. – С. 114–117.

67. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ “Нижнекамскнефтехим” и “Хакасэнерго”, а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 932.

68. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Российская газета. – 2007. – 2 июня.

69. Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2007 г. № 934-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

70. Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1065-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества “Коммерческий инвестиционно-трастовый банк “Казанский” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 1 Федерального закона “О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 3. – С. 30.

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи

392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 11. – Ст. 1255.

72. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Амосовой, Т.Т. Васильевой, К.Н. Жестковой и других» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1734.

73. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // Российская газета. – 2011. – 27 июля.

74. Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1459-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ливерко Валерия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 7, 406, частью первой статьи 412, статьями 413 и 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьей 314 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

75. Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1460-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукашина Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

76. Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1468-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Минакова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 403 и части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

77. Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1616-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Локотковой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

78. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 2. – Ст. 398.

79. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 1. – С. 71–80.

80. Определение Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. № 662-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Председателя Следственного комитета Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 30-П» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 6. – С. 104–106.

81. Определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2012 г. № 2008-О «По жалобе гражданина Жидова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 1 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 51. – Ст. 7325.

82. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”, частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 26. – Ст. 3428.

83. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 3881.

84. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи

399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 13. – Ст. 1526.

85. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других» // Российская газета. – 2014. – 9 апр.

86. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1799-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

87. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2031-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 401.1 и частью первой статьи 401.15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

88. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2573-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

89. Определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исаева Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктами 22, 28 статьи 1 и частью 1 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу от-

дельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

90. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана. – Документ опубликован не был.

91. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции» (ред. от 09 февр. 2007 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

92. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Российская газета. – 2012. – 21 дек.

93. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета. – 2012. – 13 дек.

94. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. – 2013. – 5 июля.

95. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» : (ред. от 03 марта 2015 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

96. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 10. – С. 1–10.

97. Решение Европейского Суда по правам человека от 22 июня 1999 г. по вопросу приемлемости жалобы № 47033/99 «Людмила Францевна Тумилович (Lyudmila Frantsevna Tumilovich) против Российской Федерации» // Журнал российского права. – 2000. – № 9. – С. 58–61.

98. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. Дело «Брумареску (Brumarescu) против Румынии» (жалоба № 28342/95). – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». – Загл. с экрана.

99. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 110–119.

100. Решение Европейского Суда по правам человека от 29 января 2004 г. по вопросу приемлемости жалобы № 31697/03 «Леван Валерьевич Бердзенишвили (Levan Valeryevich Berdzenishvili) против Российской Федерации» // Журнал российского права. – 2004. – № 7. – С. 123–130.

101. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин (Nikitin) против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

102. Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 2006 г. Дело «Нахманович (Nakhmanovich) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 9. – С. 55, 81–99.

103. Решение Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2006 г. по вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин (Afanasij Semenovich Bratyakin) против Российской Федерации» // Российская юстиция. – 2006. – № 11. – С. 73–77.

104. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июля 2006 г. Дело «Фадин против Российской Федерации» (жалоба № 58079//00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 11. – С. 5–12.

105. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 10. – С. 119–132.

106. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2009 г. Дело «Сутяжник» (Sutyazhnik) против Российской Федерации» (жалоба № 8269/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 3. – С. 114–131.

107. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 2009 г. Дело «Колчинаев (Kolchinayev) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 12. – С. 8, 57–61.

108. Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 2011 г. Дело «Гладышева (Gladysheva) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 6. – С. 3, 46–61.
109. Решение Европейского Суда по правам человека от 4 июня 2015 г. Дело «Роберт Михайлович Абрамян против России [Robert Mikhaylovich Abramyan against Russia] и Сергей Владимирович Якубовский и Алексей Владимирович Якубовский против России [Sergey Vladimirovich Yakubovskiy and Aleksey Vladimirovich Yakubovskiy against Russia] (жалобы № 38951/13 и 59611/13) // Российская юстиция. – 2015. – № 9. С. 67–78.
110. Архив Верховного Суда РФ за 2014 г. – Материал № 33-УКС14-99.
111. Архив Верховного Суда РФ за 2015 г. – Материал № 44-ун15-332.
112. Архив Верховного Суда РФ за 2015 г. – Материал № 51-УД15-2.
113. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-27/2013.
114. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-99/2013.
115. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-108/2013.
116. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-134/2013.
117. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-143/2013.
118. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-173/2013.
119. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-176/2013.
120. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-187/2013.
121. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-207/2013.
122. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-211/2013.
123. Архив Волгоградского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-212/2013.
124. Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. – Кассационное производство № 44у-4/2014.
125. Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. – Кассационное производство № 44у-5/2014.

126. Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. – Кассационное производство № 44у-20/2014.
127. Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. – Кассационное производство № 44у-21/2014.
128. Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. – Кассационное производство № 44у-43/2014.
129. Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. – Кассационное производство № 44у-49/2014.
130. Архив Волгоградского областного суда за 2014 г. – Кассационное производство № 44у-93/2014.
131. Архив Саратовского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-153/2013.
132. Архив Саратовского областного суда за 2013 г. – Кассационное производство № 44у-186/2013.
133. Архив Саратовского областного суда за 2013 г. – Материал № 4у-1921/2013.
134. Архив Саратовского областного суда за 2013 г. – Материал № 4у-2010/2013.
135. Архив Саратовского областного суда за 2013 г. – Материал № 4у-2027/2013.
136. Архив Саратовского областного суда за 2013 г. – Материал № 4у-2145/2013.
137. Архив Саратовского областного суда за 2013 г. – Материал № 4у-2150/2013.
138. Архив Саратовского областного суда за 2013 г. – Материал № 4у-2155/2013.
139. Архив Саратовского областного суда за 2014 г. – Кассационное производство № 44у-26/2014.
140. Архив Саратовского областного суда за 2014 г. – Материалы № 4у-315/2014; 4у-318/2014.
141. Архив Саратовского областного суда за 2014 г. – Материал № 4у-317/2014.
142. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-1/2015.
143. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-2/2015.
144. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-10/2015.
145. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-16/2015.



166. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-75/2015.
167. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-78/2015.
168. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-86/2015.
169. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-92/2015.
170. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-97/2015.
171. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-99/2015.
172. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-100/2015.
173. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-101/2015.
174. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-103/2015.
175. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Кассационное производство № 44у-105/2015.
176. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Материал № 4у-465/2015.
177. Архив Саратовского областного суда за 2015 г. – Материал № 4у-1043/2015.
178. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 декабря 2013 г. по делу № 83-УД13-1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=573486](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=573486) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.
179. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 августа 2014 г. по делу № 1-УД14-3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=601258](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=601258) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.
180. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 августа 2014 г. по делу № 18-УД14-11. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=602356](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=602356) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.
181. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 октября 2014 г. по делу № 18-УД14-26. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=611648](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=611648) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

182. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 октября 2014 г. по делу № 24-УД14-4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=618466](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=618466) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

183. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. по делу № 26-УД14-6. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=622634](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=622634) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

184. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 февраля 2015 г. по делу № 18-УД14-58. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1235250](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1235250) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

185. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. по делу № 66-УД14-3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1240386](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1240386) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

186. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 марта 2015 г. по делу № 18-УД14-65. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1243382](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1243382) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

187. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 марта 2015 г. по делу № 26-УД15-2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1247068](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1247068) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

188. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2015 г. по делу № 18-УД15-25. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1334896](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1334896) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

189. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2015 г. по делу № 19-УД15-18. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1346632](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1346632) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

190. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2015 г. по делу № 18-УД15-30. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1352072](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1352072) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

191. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 августа 2015 г. по делу № 18-УД15-38. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1362066](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1362066) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

192. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 сентября 2015 г. по делу № 18-УД15-50. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1371050](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1371050) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

193. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. по делу № 86-УД15-4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1373902](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1373902) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

194. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. по делу № 22-УД15-3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1384196](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1384196) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

195. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 октября 2015 г. по делу № 19-УД15-34. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1385020](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1385020) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

196. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 октября 2015 г. по делу № 18-УД15-68. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1387798](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1387798) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

197. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. по делу № 4-УД15-29. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1388530](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1388530) (дата обращения: 10.01.2016). – Загл. с экрана.

198. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за 2014 год : утв. постановлением президиума Волгогр. обл. суда от 18 февр. 2015 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum\\_sud&id=856](http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=856) (дата обращения: 13.08.2015). – Загл. с экрана.

199. Обзор статистических данных о результатах деятельности Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению гражданских дел, дел об административных правонарушениях и уголовных дел за 2013 год. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.vsrp.ru/catalog.php?c1=Обзоры судебной статистики Верховного Суда Российской Федерации&c2=2013> (дата обращения: 22.12.2015). – Загл. с экрана.

200. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya\\_statistika/](http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/)

OBZOR\_sudebnaya\_statistika\_2013\_g.pdf (дата обращения: 22.12.2015). –  
Загл. с экрана.

201. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов  
общей юрисдикции и мировых судей в первом полугодии 2014 года. –  
Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya\\_statistika/OBZOR\\_sudebnaya\\_statistiki\\_1\\_pol\\_2014\\_g.pdf](http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnaya_statistiki_1_pol_2014_g.pdf) (дата обращения: 22.12.2015). – Загл. с экрана.

202. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 9 октября  
2002 г. по делу Маркина и Мишушина : [извлечение] // Бюллетень Верхов-  
ного Суда РФ. – 2003. – № 6. – С. 11–12.

203. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 октября  
2013 г. по делу № 163-П13ПР. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:  
[http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=564480](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=564480) (дата обращения: 10.11.2015). –  
Загл. с экрана.

204. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 декабря  
2013 г. по делу № 235-П15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:  
[http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=574288](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=574288) (дата обращения: 09.11.2015). –  
Загл. с экрана.

205. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 2 апреля 2014 г.  
по делу № 9-П14. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=589016](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=589016) (дата обращения: 09.11.2015). – Загл. с экрана.

206. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 ноября  
2014 г. по делу № 109-П14. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:  
[http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=670594](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=670594) (дата обращения: 09.11.2015). –  
Загл. с экрана.

207. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12 ноября  
2014 г. по делу № 107-П14. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:  
[http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=697446](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=697446) (дата обращения: 09.11.2015). –  
Загл. с экрана.

208. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19 ноября  
2014 г. по делу № 153-П14. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:  
[http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=908258](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=908258) (дата обращения: 09.11.2015). –  
Загл. с экрана.

209. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 декабря  
2014 г. по делу № 150-П14. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:  
[http://www.vsrp.ru/stor\\_pdf.php?id=1230214](http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1230214) (дата обращения: 09.11.2015). –  
Загл. с экрана.

210. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 марта  
2015 г. по делу № 79-П14. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:

[http://vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1250330](http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1250330) (дата обращения: 10.11.2015). – Загл. с экрана.

211. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 апреля 2015 г. по делу № 16-П15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1280184](http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1280184) (дата обращения: 10.11.2015). – Загл. с экрана.

212. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 апреля 2015 г. по делу № 17-П15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1280178](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1280178) (дата обращения: 09.11.2015). – Загл. с экрана.

213. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 апреля 2015 г. по делу № 19-П15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1280426](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1280426) (дата обращения: 09.11.2015). – Загл. с экрана.

214. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 апреля 2015 г. по делу № 22-П15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1334100](http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1334100) (дата обращения: 10.11.2015). – Загл. с экрана.

215. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 июня 2015 г. по делу № 46-П15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1352246](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1352246) (дата обращения: 09.11.2015). – Загл. с экрана.

216. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2015 г. по делу № 167-П15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [http://www.vsrf.ru/stor\\_pdf.php?id=1409636](http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1409636) (дата обращения: 08.02.2016). – Загл. с экрана.

## **Монографии, учебники, пособия и комментарии**

217. Актуальные проблемы уголовного права : Курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов. В 3 т. Т. 1 / под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Лобановой. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – 282 с.

218. Александров, С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе : учеб. пособие / С. А. Александров. – Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1976. – 124 с.

219. Алексеев, В. Б. Оценка доказательств в стадии надзорного производства / В. Б. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1971. – 128 с.

220. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 250 с.
221. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. – М. : Юрист, 2011. – 188 с.
222. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : монография. В 2 ч. Ч. I / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Колоколова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 552 с.
223. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : монография. В 2 ч. Ч. II / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Колоколова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 528 с.
224. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам : монография / М. Т. Аширбекова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 240 с.
225. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф. Н. Багаутдинов. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 544 с.
226. Байтин, М. И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) : монография / М. И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
227. Банченко-Любимова, К. С. Пересмотр судебных решений, вошедших в законную силу, в порядке надзора / К. С. Банченко-Любимова. – М. : Госюриздан, 1959. – 103 с.
228. Басков, В. И. Деятельность прокурора по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора / В. И. Басков. – М. : Юрид. лит., 1975. – 200 с.
229. Батищев, Г. С. Противоречие как категория диалектической логики / Г. С. Батищев. – М. : Высш. шк., 1963. – 120 с.
230. Безмельницина, Э. О. Участие прокурора в судах второй, кассационной и надзорной инстанции / Э. О. Безмельницина, Е. А. Зайцева. – Волгоград : ВА МВД России, 2011. – 192 с.
231. Благов, Е. В. Общая теория применения уголовного права : монография / Е. В. Благов. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 2003. – 260 с.
232. Благов, Е. В. Общая часть уголовного права в 20 лекциях : курс лекций / Е. В. Благов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 344 с.
233. Бозров, В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : монография / В. М. Бозров. – Екатеринбург : Издат. дом «Урал. гос. юрид. акад.», 2012. – 96 с.

234. Бозров, В. М. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу / В. М. Бозров, Н. В. Костовская. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 160 с.
235. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
236. Борисова, Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам / Е. А. Борисова. – М. : Городец, 2006. – 304 с.
237. Бородинова, Т. Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России : монография / Т. Г. Бородинова ; под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста Рос. Федерации Г. И. Загорского. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 288 с.
238. Брайнин, Я. М. Уголовный закон и его применение / Я. М. Брайнин. – М. : Юрид. лит., 1967. – 239 с.
239. Бурмагин, С. В. Уголовный суд России : монография / С. В. Бурмагин. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 392 с.
240. Валеев, А. Т. Обжалование и пересмотр судебных решений по уголовным делам : монография / А. Т. Валеев. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 200 с.
241. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография / Н. А. Власенко. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2015. – 157 с.
242. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 304 с.
243. Володина, Л. М. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту / Л. М. Володина, А. Н. Володина. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 232 с.
244. Вопленко, Н. Н. Законность и правовой порядок / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 136 с.
245. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 898 с.
246. Вышинский, А. Я. Курс уголовного процесса / А. Я. Вышинский. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. – 222 с.
247. Галкин, Б. А. Уголовный процесс / Б. А. Галкин, Н. Я. Калашникова. – М. : Госюриздан, 1949. – 228 с.
248. Герасимов, С. И. 400 ответов по применению УПК РФ : [комментарий] / С. И. Герасимов, А. П. Коротков, А. Ф. Тимофеев. – М. : Экзамен, 2002. – 192 с.

249. Гомъен, Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика / Д. Гомъен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М. : МНИМП, 1998. – 600 с.
250. Гродзинский, М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. – Изд. 2-е, доп. – М. : Госюриздан, 1953. – 232 с.
251. Громов, Н. А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ : учеб.-практ. пособие / Н. А. Громов, С. А. Куршин. – М. : Изд. дом И.И. Шумиловой, 2005. – 135 с.
252. Грун, А. Я. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора / А. Я. Грун. – М. : Юрид. лит., 1969. – 160 с.
253. Гуляев, А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А. П. Гуляев. – М. : Юрид. лит., 1976. – 144 с.
254. Гуреев, П. П. Гражданский иск в советском уголовном процессе / П. П. Гуреев. – М. : Госюриздан, 1961. – 95 с.
255. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головко, Б. А. Филимонов. – М. : Зерцало-М, 2001. – 480 с.
256. Давыдов, В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок : монография / В. А. Давыдов. – М. : Юрайт, 2011. – 313 с.
257. Давыдов, В. А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам (производство в надзорной инстанции) : науч.-практ. пособие / В. А. Давыдов. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 280 с.
258. Девятова, О. В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования / О. В. Девятова ; под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. Г. Татьяниной. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 200 с.
259. Диалектический материализм : учеб. пособие / подред. А. П. Шептулина. – М. : Вышш. шк., 1974. – 328 с.
260. Диалектическое противоречие. – М. : Политиздат, 1979. – 343 с.
261. Дикарев, И. С. Предварительное производство в суде надзорной инстанции / И. С. Дикарев. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 176 с.
262. Дикарев, И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе : монография / И. С. Дикарев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – 175 с.
263. Дикарев, И. С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам / И. С. Дикарев. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 432 с.

264. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 304 с.
265. Дорошков, В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности / В. В. Дорошков. – М. : Норма, 2004. – 320 с.
266. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М. : Тип. А. П. Поплавского, 1910. – 448 с.
267. Жидкова, Е. И. Формирование пределов производства по делу в досудебных стадиях уголовного процесса : монография. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 152 с.
268. Жуйков, В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В. М. Жуйков. – М. : ГОРОДЕЦ, 1997. – 320 с.
269. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе. – М. : Наука, 1993. – 245 с.
270. Ильинков, Э. В. Диалектическая логика : очерки истории и теории / Э. В. Ильинков. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1984. – 320 с.
271. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг. : сб. док. / сост. Л. Н. Гусев ; под ред. С. А. Голунского. – М. : Госюриздан, 1955. – 635 с.
272. Калинкина, Л. Д. Повторное производство в российском уголовном процессе : монография / Л. Д. Калинкина. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 2010. – 304 с.
273. Камчатов, К. В. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : монография / К. В. Камчатов, И. В. Чащина, Е. В. Великая. – М. : Проспект, 2015. – 140 с.
274. Кац, С. Ю. Возбуждение производства в порядке надзора по гражданским делам / С. Ю. Кац. – М. : Юрид. лит., 1965. – 75 с.
275. Кобликов, А. С. Юридическая этика : учеб. для вузов / А. С. Кобликов. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 2002. – 168 с.
276. Ковтун, Н. Н. Европейская конвенция и акты Европейского Суда по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод личности при осуществлении уголовного судопроизводства России : учеб. пособие / Н. Н. Ковтун, А. С. Симагин. – Н. Новгород : [б. и.], 2007. – 126 с.
277. Колоколов, Н. А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности / Н. А. Колоколов. – М. : Юристъ, 2010. – 400 с.
278. Комаров, С. А. Личность. Права и свободы. Политическая система / С. А. Комаров, И. В. Ростовщиков. – СПб. : Изд-во Юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.

279. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации : в 2 т. / отв. ред. Б. С. Эбзеев. – М. : Юристъ, 2000. – Т. 2: Защита прав и свобод граждан. – 974 с.
280. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2010. – 1254 с.
281. Корнуков, В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков ; под ред. В. А. Познанского. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 179 с.
282. Краткая философская энциклопедия / сост. Е. Губский, Г. Короблева, В. Лутченко. – М. : Прогресс – Энциклопедия, 1994. – 576 с.
283. Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : монография / А. А. Кухта. – Н. Новгород : Нижегор. акад. МВД России, 2009. – 569 с.
284. Куцова, Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э. Ф. Куцова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 115 с.
285. Лазарева, В. А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу : монография / В. А. Лазарева. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 168 с.
286. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1986. – 160 с.
287. Лебединский, В. Г. Прокурорский надзор в СССР (очерки по курсу) / В. Г. Лебединский, Ю. А. Каленов ; под общ. ред. В. А. Болдырева. – М. : Госюриздан, 1957. – 330 с.
288. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П. А. Лупинская. – М. : Юрид. лит., 1976. – 168 с.
289. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П. А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2006. – 174 с.
290. Малько, А. В. Теория правовой политики : монография / А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
291. Манова, Н. С. Уголовный процесс : курс лекций / Н. С. Манова. – М. : Эксмо, 2010. – 400 с.
292. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. – 905 с.
293. Мартынчик, Е. Г. Гарантии прав осужденного в надзорном производстве / Е. Г. Мартынчик ; отв. ред. В. И. Мокряк. – Кишинев : Штиинца, 1985. – 160 с.

294. Маслов, В. П. Пересмотр уголовных дел в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе / В. П. Маслов. – М. : Юрид. лит., 1965. – 103 с.
295. Маслов, И. В. Правовая регламентация уголовно-процессуальных сроков (досудебное производство) / И. В. Маслов. – М. : Юрлитинформ, 2004. – 160 с.
296. Мельников, В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства / В. Ю. Мельников. – М. : Юриспруденция, 2006. – 592 с.
297. Мерзлякова, М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора / М. В. Мерзлякова, А. Д. Прошляков. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
298. Миттермайер, К. Ю. А. Законодательство и юридическая практика, в новейшем их развитии, в отношении к уголовному судопроизводству / К. Ю. А. Миттермайер ; пер. В. Бартенева. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1864. – 584 с.
299. Михайловский, И. В. Основные принципы организации уголовного суда : Уголовно-политическое исследование / И. В. Михайловский. – Томск : Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1905. – 336 с.
300. Моисеева, Т. В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции / Т. В. Моисеева. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 152 с.
301. Морозова, Л. С. Пересмотр судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам / Л. С. Морозова. – М. : Госюриздан, 1959. – 76 с.
302. Морщакова, Т. Г. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) / Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин ; отв. ред. О. П. Темушкин. – М. : Наука, 1987. – 240 с.
303. Мотовиловкер, Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства / Я. О. Мотовиловкер ; под ред. П. И. Бородько. – Кемерово : Кемер. кн. изд-во, 1962. – 296 с.
304. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Н. Г. Муратова. – Казань : Каз. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004. – 346 с.
305. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций / А. В. Наумов. – М. : БЕК, 1996. – 560 с.
306. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. д-ра юрид. наук, проф., Пред. Верхов. Суда РФ В. М. Лебедева. – М. : Норма, 2004. – 448 с.

307. Обеспечение прав и свобод граждан в СССР : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук Е. Г. Мартынчика. – Кишинев : Карта Молдовеняскэ, 1988. – 107 с.
308. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / науч. ред. Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 159 с.
309. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1987. – 797 с.
310. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. АН, Рос. фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.
311. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года / соч. сенатора Н. Буцковского. – СПб. : Тип. Скарятина, 1874. – 614 с.
312. Перлов, И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 256 с.
313. Петрова, Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельность / Г. Б. Петрова ; под ред. В. М. Корнукова. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2006. – 184 с.
314. Петрухин, И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса России. Ч. I / И. Л. Петрухин. – М. : ТК Велби, 2004. – 224 с.
315. Петрухин, И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса России. Ч. II / И. Л. Петрухин. – М. : ТК Велби, 2005. – 192 с.
316. Петрухин, И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография / И. Л. Петрухин. – М. : Проспект, 2009. – 192 с.
317. Петрухин, И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И. Л. Петрухин. – М. : Юристъ, 1999. – 392 с.
318. Пикалов, И. А. Принципы отечественного уголовного процесса : монография / И. А. Пикалов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 256 с.
319. Поздняков, М. Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе : монография / М. Л. Поздняков. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 160 с.
320. Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский ; под ред. Д. С. Карева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 272 с.
321. Потапов, В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография / В. Д. Потапов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деят. науки Рос. Федерации О. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 376 с.

322. Потапов, В. Д. Основные начала проверки судебных решений в уголовном судопроизводстве России : монография / В. Д. Потапов. – Сыктывкар : КРАГСиУ, 2011. – 236 с.
323. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 824 с.
324. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Н. И. Матузов, А. В. Малько, К. А. Струсь [и др.]; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько ; ГОУ ВПО «Сарат. гос. акад. права». – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2010. – 704 с.
325. Пусторослев, П. П. Из лекций русского уголовно-судебного права. Вып. I. Введение. Источники уголовно-судебного права. Система уголовных судов / П. П. Пусторослев. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1909. – 330 с.
326. Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. Ч. 1. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. – 512 с.
327. Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. Ч. 2. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. – 464 с.
328. Рахунов, Р. Д. Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов / Р. Д. Рахунов. – М. : Госюриздан, 1956. – 132 с.
329. Рехтина, И. В. Надзорное производство в гражданском процессе: вопросы теории и практики : монография / И. В. Рехтина. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 208 с.
330. Ривлин, А. Л. Пересмотр приговоров в СССР / А. Л. Ривлин. – М. : Госюриздан, 1958. – 312 с.
331. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство / Н. Н. Розин. – 3-е изд., пересмотр. – Пг. : Изд-е Юрид. книж. магазина «ПРАВО», 1916. – 599 с.
332. Ростовщиков, И. В. Юридические процедуры и реализация прав человека: вопросы теории / И. В. Ростовщиков, А. Г. Тарасова. – Волгоград : Изд-во ВолГМУ, 2014. – 252 с.
333. Рудковский, В. А. Правовая политика и осуществление права : монография / В. А. Рудковский ; под ред. Н. Н. Вопленко. – Волгоград : ВА МВД России, 2009. – 336 с.
334. Савицкий, В. М. Уголовный процесс : словарь-справочник / В. М. Савицкий, А. М. Ларин. – М. : Юрид. фирма КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 1999. – 271 с.
335. Словарь латинских юридических афоризмов / сост. Ю. А. Кузнецова. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2009. – 76 с.

336. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 4-е изд., доп. и перераб. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». – Загл. с экрана.
337. Смирнов, А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – СПб. : Питер, 2005. – 272 с.
338. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 5-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 768 с.
339. Современный словарь иностранных слов : ок. 20 000 слов. – М. : Рус. яз., 1992. – 740 с.
340. Соловьева, Н. А. Юридико-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве : монография / Н. А. Соловьева, Н. Т. Тришина. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
341. Справочник по вопросам судебной практики / сост. С. С. Аскарханов и А. Н. Иодковский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – 280 с.
342. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / [М. Р. Воскобитова, Г. В. Диков, С. А. Насонов [и др.]] ; под ред. д-ра юрид. наук Т. Г. Морщаковой. – М. : Мысль, 2012. – 584 с.
343. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. II / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1970. – 516 с.
344. Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М. С. Строгович ; отв. ред. Б. С. Никифоров. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 384 с.
345. Строгович, М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров / М. С. Строгович. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 319 с.
346. Строгович, М. С. Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и фак. / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. – 512 с.
347. Суд присяжных по законодательствам Германии. Общий обзор и положение немецких законодательств по этому предмету, с кратким указанием на законодательства других государств, преимущественно на французское, шотландское и северо-американское / Э. Брауэр ; пер., прим. В. Бартенев. – Спб. : Журн. М-ва юст., 1865. – 482 с.
348. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова. – М. : Юрайт-Издат, 2008. – 732 с.
349. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Часть

вторая. – 2-е доп. изд. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1867. – 523 с.

350. Терехова, Л. А. Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования / Л. А. Терехова. – М. : ВолтерсКлувер, 2009. – 184 с.

351. Тетерин, Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе / Б. С. Тетерин. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1959. – 116 с.

352. Уголовно-процессуальный кодекс : офиц. текст с изм. на 1 нояб. 1946 г. и с прил. постатейно-систематизир. материалов. – М. : Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1947. – 272 с.

353. Уголовный процесс / отв. ред. Н. С. Алексеев [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1972. – 584 с.

354. Уголовный процесс : учебник / под ред. И. Л. Петрухина. – М. : Проспект, 2001. – 520 с.

355. Уголовный процесс : учебник / отв. ред. А. В. Гриненко. – 3-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 496 с.

356. Уголовный процессуальный кодекс Украины. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України» / пер. Л. И. Фокина. – Харьков : Одиссей, 2012. – 384 с.

357. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов / отв. ред. А. Е. Лебедев и Е. Б. Мизулина. – М. : Норма, 2007. – 800 с.

358. Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 года / пер. И. Соболева. – СПб. : Тип. и хромолитография А. Траншеля, 1878. – 120 с.

359. Устав уголовного судопроизводства Франции / пер. Н. Неклюдова. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1860. – 133 с.

360. Филиппов, П. М. Судебная защита и правосудие в СССР / П. М. Филиппов ; науч. ред. В. И. Коломыцев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 182 с.

361. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II / И. Я. Фойницкий. – Изд-е 3-е, пересмотр. и доп. – СПб. : Сенатская тип., 1910. – 572 с.

362. Францифоров, Ю. В. Противоречия уголовного процесса / Ю. В. Францифоров. – М. : Приор-издат, 2006. – 176 с.

363. Цыпкин, А. Л. Очерки советского уголовного судопроизводства / А. Л. Цыпкин. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1975. – 120 с.
364. Цыпкин, А. Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора / А. Л. Цыпкин. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1965. – 152 с.
365. Цыпкин, А. Л. Право на защиту в советском уголовном процессе / А. Л. Цыпкин. – М. : Коммунист, 1959. – 336 с.
366. Чекулаев, Д. П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба / Д. П. Чекулаев. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 264 с.
367. Чельцов-Бебутов, М. А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб. : Равенна, Альфа, 1995. – 846 с.
368. Шинд, В. И. Рассмотрение уголовных дел президиумами судов / В. И. Шинд. – М. : Госюриздан, 1960. – 190 с.
369. Экимов, А. И. Справедливость и социалистическое право / А. И. Экимов. – Л. : ЛГУ, 1980. – 120 с.
370. Якимович, Ю. К. Избранные труды / Ю. К. Якимович. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. – 772 с.
371. Code d'instruction criminelle et Code pénal. – Paris : Librairie Dalloz, 1912. – 635 p.
372. Code de procédure pénale. – Electronic text data. – Mode of access: [http://perlpot.net/cod/procedure\\_penale.pdf](http://perlpot.net/cod/procedure_penale.pdf) (date of access: 28.07.2010). – Title from screen.
373. Garnot, M. De l'instruction criminelle, considérée dans ses rapports généraux et particuliers avec les lois nouvelles et la jurisprudence de la Cour de Cassation. T. V. / M. Garnot. – Paris : V.P.J. DE MAT, à la librairie nationale et étrangère, 1882. – 422 p.
374. Ortolan, J. Éléments du droit penal. Pénalité – juridictions – procédure / J. Ortolan. – 7-me éd. – Paris : Librairie Plon, 1886. – T. 2. – 668 p.
375. Rogron, J.-A. Code d'instruction criminelle expliqué par ses motifs, par des exemples, et par la jurisprudence / J.-A. Rogron. – Nouv. éd. – Bruxelles : Société belge de librairie, 1846. – 428 p.

## Статьи и тезисы

376. Абдулин, Р. С. Доступность правосудия на стадии надзорного производства / Р. С. Абдулин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 9. – С. 73–78.

377. Александров, А. С. Интерпретация и право / А. С. Александров // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса : сб. материалов Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 30–31 окт. 2009 г. / сост. К. Б. Калиновский. – СПб. : Сев.-Зап. фил. Рос. акад. правосудия, 2010. – С. 9–22.
378. Александров, А. С. Суд на осуд, а не на россуд / А. С. Александров, М. В. Лапатников // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 4. – С. 6–12.
379. Алиев, М. Пути усовершенствования порядка рассмотрения надзорных жалоб и представлений / М. Алиев // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 59–60.
380. Амасьянц, А. Э. Принцип справедливости в уголовном судопроизводстве (философско-правовой анализ) / А. Э. Амасьянц // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 11. – С. 105–108.
381. Амирбеков, И. А. Функции прокуратуры России в уголовном судопроизводстве / И. А. Амирбеков, С. Е. Егоров, А. Г. Халиуллин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2011. – № 6. – С. 70–80.
382. Анишина, В. И. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе / В. И. Анишина, Т. Н. Назаренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 2. – С. 40–47.
383. Арсеньев, К. Реформа кассационного суда и кассационного производства / К. Арсеньев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1876. – Кн. 4. – С. 42–143.
384. Артамонова, Е. А. О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиций справедливости / Е. А. Артамонова // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 40–43.
385. Аширбекова, М. Т. Влияние принципа правовой определенности на построение систем судебно-роверочного производства УУС и УПК РФ / М. Т. Аширбекова // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 3. – С. 6–10.
386. Аширбекова, М. Т. Некоторые вопросы реформы судебного производства по пересмотру приговора / М. Т. Аширбекова // Вестник СГАП. – 2010. – № 6. – С. 30–33.
387. Аширбекова, М. Т. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности / М. Т. Аширбекова, А. С. Омарова // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 61–63.
388. Бабичев, В. Об изменении кассационного производства / В. Бабичев // Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 3–4. – С. 66–68.

389. Байтин, М. И. Теоретические вопросы правовой процедуры / М. И. Байтин, О. В. Яковенко // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 93–102.
390. Безмельницина, Э. О. К вопросу о трансформации «фундаментальных нарушений» в уголовном судопроизводстве / Э. О. Безмельницина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 1. – С. 100–104.
391. Белкин, А. Р. О некоторых странностях кассационного и надзорного производства / А. Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 3. – С. 25–29.
392. Бобылев, М. В чью пользу состязательность в уголовном процессе? / М. Бобылев // Законность. – 2003. – № 11. – С. 28–29.
393. Божьев, В. Пленум Верховного Суда России о производстве в суде надзорной инстанции / В. Божьев // Законность. – 2007. – № 4. – С. 17–22.
394. Бозров, В. М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве / В. М. Бозров // Российский судья. – 2005. – № 4. – С. 15–18.
395. Бозров, В. М. Проблема справедливости в правосудии по уголовным делам / В. М. Бозров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/525> (дата обращения: 20.07.2014). – Загл. с экрана.
396. Бозров, В. М. Справедливость как критерий оценки качества судебной деятельности / В. М. Бозров // Уголовный процесс. – 2013. – № 2. – С. 70–77.
397. Бойков, А. Д. Жертвы преступности / А. Д. Бойков // Мировой судья. – 2006. – № 10. – С. 23–26. – (Окончание).
398. Бородинова, Т. Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на пересмотр судебных решений и приговоров / Т. Г. Бородинова // Российский судья. – 2013. – № 6. – С. 46–48.
399. Бородинова, Т. Г. Деятельность вышестоящих судов по проверке приговоров / Т. Г. Бородинова // Российская юстиция. – 2013. – № 6. – С. 34–37.
400. Бородинова, Т. Г. Законность приговора как предмет судебного разбирательства в современном кассационном производстве / Т. Г. Бородинова // Российская юстиция. – 2014. – № 12. – С. 33–35.
401. Бородинова, Т. Г. Конституционное право на пересмотр судебных решений и эффективность его реализации в современном уголовном судопроизводстве / Т. Г. Бородинова // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса : сб. материалов Междунар. науч.

- конф., Санкт-Петербург, 30–31 окт. 2009 г. / сост. К. Б. Калиновский. – СПб. : Сев.-Зап. фил. Рос. акад. правосудия, 2010. – С. 54–61.
402. Бородинова, Т. Г. Поворот к худшему при пересмотре приговора судом кассационной инстанции / Т. Г. Бородинова // Российский судья. – 2015. – № 2. – С. 18–20.
403. Бородинова, Т. Г. Формы и виды пересмотра приговоров в современном уголовном судопроизводстве России / Т. Г. Бородинова // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2015. – С. 56–64.
404. Булгаков, В. В. Принцип справедливости в праве / В. В. Булгаков // Вопросы теории государства и права: ист.-правовые исслед. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – С. 36–81.
405. Бурмагин, С. В. Разделение обвинительной и судебной власти в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней / С. В. Бурмагин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5. – С. 885–896.
406. Бурмагин, С. В. Справедливость уголовного правосудия в интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации / С. В. Бурмагин // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., 22 марта 2013 г. / сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. – СПб. : Сев.-Зап. фил. ФГБОУ ВПО «Рос. акад. правосудия», 2013. – С. 102–109.
407. Бутенко, Т. П. К вопросу о праве обжалования вступившего в законную силу приговора в Верховный Суд Российской Федерации / Т. П. Бутенко, М. Г. Петров // Российский судья. – 2014. – № 1. – С. 36–39.
408. Буцковский, Н. А. Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам 1864 года / Н. А. Буцковский // Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года / соч. сенатора Н. Буцковского. – СПб. : Тип. Скарятина, 1874. – С. 1–218.
409. Быков, В. Новые законы о производстве в надзорной инстанции / В. Быков // Законность. – 2009. – № 8. – С. 8–9.
410. Вишневский, Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости / Г. А. Вишневский // Современное право. – 2013. – № 11. – С. 76–83.
411. Власенко, Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н. А. Власенко // Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 32–44.
412. Власов, А. Возмещение вреда жертвам преступлений / А. Власов // Законность. – 2000. – № 2. – С. 40–42.

413. Вопленко, Н. Н. Понятие и виды юридической справедливости / Н. Н. Вопленко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2011. – № 2 (15). – С. 7–17.
414. Вопленко, Н. Н. Понятийный ряд справедливости / Н. Н. Вопленко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2010. – № 2 (13). – С. 6–17.
415. Воскобитова, Л. А. Международная судебная защита как средство внесистемного контроля судебной власти / Л. А. Воскобитова // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства : материалы науч.-практ. конф. (Томск, ТГУ, 29–31 янв. 2004 г.) / под ред. д. ю. н., проф. М. К. Свиридова. – Томск : Изд-во НТЛ, 2004. – С. 17–21.
416. Воскобитова, Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции / Л. А. Воскобитова // Lex Russica. – 2012. – № 5. – С. 976–991.
417. Вырастайкин, В. Восстановить право потерпевшего на надзорную жалобу / В. Вырастайкин // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 50.
418. Вяккераев, Ф. Ф. Предметное противоречие и его теоретический «образ» / Ф. Ф. Вяккераев // Диалектическое противоречие. – М. : Политиздат, 1979. – С. 59–76. – (Над чем работают, о чем спорят философы).
419. Гаджиев, Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения / Г. А. Гаджиев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 16–28.
420. Газетдинов, Н. И. О соотношении понятий судебного контроля, судебного надзора и правосудия / Н. И. Газетдинов // Российский судья. – 2009. – № 3. – С. 16–18.
421. Галкин, А. Кассационный суд / А. Галкин // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 50. – С. 1157–1158.
422. Гарбатович, Д. А. Новый взгляд законодателя на нарушение УПК РФ как на основание к отмене или изменению приговора / Д. А. Гарбатович // Российский следователь. – 2012. – № 20. – С. 14–16.
423. Головко, Л. В. «В ходе реформы судебных инстанций можно исправить ошибки в построении проверочных стадий» / Л. В. Головко // Уголовный процесс. – 2013. – № 12. – С. 32–40.
424. Головко, Л. В. Отечественное понятие «право на судебную защиту» и европейское понятие «право на доступ к правосудию»: попытка функционального сравнения / Л. В. Головко // Право на судеб-

ную защиту в уголовном процессе: европейские стандарты и российская практика : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20–22 сент. 2007 г.) / под ред. М. К. Свиридова. – Томск : Изд-во ТГУ, 2007. – С. 3–13.

425. Голубок, С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту / С. А. Голубок // Правоведение. – 2007. – № 1. – С. 112–124.

426. Давыдов, В. А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного суда РФ / В. А. Давыдов // Уголовный процесс. – 2013. – № 9. – С. 52–56.

427. Давыдов, В. А. О некоторых вопросах, возникающих в связи с признанием статьи 405 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ / В. А. Давыдов // Российский судья. – 2005. – № 11. – С. 36–43.

428. Давыдов, В. А. О некоторых проблемах надзорного производства в уголовном процессе / В. А. Давыдов. – Электрон. дан. – Режим доступа: [http://www.movs.ru/about/vestnik/2\\_2006/davidov.php?sphrase\\_id=493](http://www.movs.ru/about/vestnik/2_2006/davidov.php?sphrase_id=493) (дата обращения: 05.05.2010). – Загл. с экрана.

429. Давыдов, В. А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения / В. А. Давыдов // Уголовный процесс. – 2012. – № 11. – С. 44–50.

430. Давыдов, В. А. Порядок совещания судей при рассмотрении уголовного дела в президиуме суда нуждается в более детальном урегулировании / В. А. Давыдов // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 35–37.

431. Давыдов, В. А. Пределы прав суда надзорной инстанции в уголовном процессе и ревизионное начало / В. А. Давыдов // Закон. – 2009. – № 10. – С. 114–119.

432. Давыдов, В. А. Толкование сомнений в пользу осужденного: пробел в новеллах УПК РФ / В. А. Давыдов // Уголовный процесс. – 2011. – № 6. – С. 12–15.

433. Демидов, В. В. Пределы прав надзорной инстанции по уголовным делам / В. В. Демидов // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. – М. : Ин-т государства и права АН СССР, 1985. – С. 108–114.

434. Демидов, В. Обеспечить положение потерпевшего реальными правами / В. Демидов // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 20–21.

435. Демидов, В. Производство по уголовным делам в суде надзорной инстанции / В. Демидов // Российская юстиция. – 2003. – № 3. – С. 31–33.

436. Дикарев, И. Возвращение судом уголовного дела прокурору в связи с выявлением новых обстоятельств / И. Дикарев // *Законность*. – 2014. – № 1. – С. 46–48.
437. Дикарев, И. Отзыв кассационных и надзорных представлений в уголовном процессе / И. Дикарев // *Законность*. – 2013. – № 1. – С. 30–32.
438. Дикарев, И. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам производства в суде кассационной инстанции / И. Дикарев // *Уголовное право*. – 2014. – № 2. – С. 107–111.
439. Дикарев, И. С. Исключительность пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам / И. С. Дикарев // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секции «Уголовно-процессуальное право» и «Юридическая психология» : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Россия, г. Волгоград, 13–14 дек. 2012 г. / Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Прокуратура Волгогр. обл. ; сост.: И. С. Дикарев, А. В. Боровков, Е. И. Елфимова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 137–144.
440. Дикарев, И. С. Контрольные полномочия председателя Верховного Суда РФ и его заместителя в стадиях производства в судах кассационной и надзорной инстанций / И. С. Дикарев // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция*. – 2014. – № 1 (22). – С. 25–29.
441. Дикарев, И. С. Повторные и новые кассационные жалобы и представления в уголовном процессе / И. С. Дикарев // *Российская юстиция*. – 2014. – № 7. – С. 39–42.
442. Дикарев, И. С. Понятие «фундаментальное нарушение» в уголовном процессе / И. С. Дикарев // *Российская юстиция*. – 2009. – № 6. – С. 49–52.
443. Дикарев, И. С. Предмет пересмотра судебных решений по уголовным делам в кассационном и надзорном порядках / И. С. Дикарев // *Библиотека криминалиста*. – 2015. – № 1 (18). – С. 128–138.
444. Дикарев, И. С. Президиум Верховного Суда РФ – высший кассационный суд / И. С. Дикарев // *Библиотека криминалиста*. – 2015. – № 2 (19). – С. 319–328.
445. Дикарев, И. С. Принцип осуществления правосудия только судом / И. С. Дикарев // *Российская юстиция*. – 2008. – № 5. – С. 2–4.
446. Дикарев, И. С. Срок пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда: вопросы новой законодательной регламентации / И. С. Дикарев // *Судья*. – 2012. – № 10. – С. 31–34.

447. Дикарев, И. С. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка как участник уголовного судопроизводства: постановка проблемы / И. С. Дикарев // Российская юстиция. – 2012. – № 2. – С. 45–47.
448. Доклад тов. Крыленко по п. 4 повестки дня: «Вопросы судебного надзора». – Содоклад тов. Стучки // Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 11. – С. 263–265.
449. Евстигнеева, О. В. Справедливость как принцип уголовного судопроизводства / О. В. Евстигнеева // Вестник СГАП. – 2010. – № 6. – С. 46–49.
450. Евстигнеева, О. В. Справедливость как ценностный ориентир и его отражение в Основном законе / О. В. Евстигнеева // Юридическая наука и правоприменение (V Саратовские правовые чтения) : сб. тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 1–2 июня 2012 г.). – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2012. – С. 168–169.
451. Егоров, А. Ю. Пересмотр вступившего в законную силу приговора в свете международно-правовых и конституционных принципов / А. Ю. Егоров // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. Ч. 1.–Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. – С. 272–276.
452. Еременко, О. В. К вопросу о понятии и сущности процессуальных гарантий прав участников гражданского судопроизводства / О. В. Еременко // Вестник СГАП. – 2010. – № 1. – С. 93–96.
453. Жемчужников, А. Незыблемость судебных решений перед кассационной практикой Сената / А. Жемчужников // Юридический вестник. – 1872. – Кн. 6–7. – С. 1–11.
454. Заксон, А. Ю. Институт пересмотра судебных решений в уголовном процессе Франции в связи с вынесенным постановлением Европейского Суда по правам человека / А. Ю. Заксон // Журнал российского права. – 2010. – № 3. – С. 142–151.
455. Заржицкая, Л. С. Преюдициальное значение актов Европейского суда по правам человека и других международных судов / Л. С. Заржицкая // Мировой судья. – 2013. – № 5. – С. 28–32.
456. Калинин, В. Н. Принцип недопустимости ухудшения положения осужденного при пересмотре судебных решений / В. Н. Калинин // Следователь. – 2004. – № 5. – С. 18–22.
457. Качалова, О. В. Кассационное производство: пути оптимизации / О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2014. – № 5. – С. 20–23.
458. Качалова, О. В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство как принцип современного российского уголовно-про

- цессуального права / О. В. Качалова // Российский судья. – 2014. – № 6. – С. 11–15.
459. Кехлеров, С. Судебный надзор: за и против / С. Кехлеров // Законность. – 2005. – № 5. – С. 2–7.
460. Кириллова, Н. А. Соотношение принципа состязательности уголовного процесса и ревизионных функций суда / Н. А. Кириллова // Уголовный процесс. – 2008. – № 10. – С. 62–64.
461. Ковтун, Н. Н. *Res judicata* реформированной российской кассации / Н. Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4. – С. 121–130.
462. Ковтун, Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл / Н. Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2011. – № 3. – С. 44–51.
463. Ковтун, Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту / Н. Н. Ковтун // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 3. – С. 3–9.
464. Ковтун, Н. Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года / Н. Н. Ковтун // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 179–184.
465. Ковтун, Н. Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума / Н. Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 26–30.
466. Ковтун, Н. Н. Нужен ли возврат к ревизионному началу в кассационном и надзорном производстве? / Н. Н. Ковтун // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – С. 68–74.
467. Ковтун, Н. Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок / Н. Н. Ковтун // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 219–225.
468. Ковтун, Н. Н. Правило недопустимости поворота к худшему в суде надзорной инстанции (в контексте законодательных новелл от 14.03.2009) / Н. Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2009. – № 5. – С. 9–11.
469. Ковтун, Н. Н. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека / Н. Н. Ковтун, Д. М. Шунаев // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 38–42.
470. Ковтун, Н. Н. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ / Н. Н. Ковтун //

тун, А. А. Зорин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2015. – № 3 (28). – С. 143–149.

471. Ковтун, Н. Н. Производство в суде надзорной инстанции: вопрос больше, чем ответов / Н. Н. Ковтун, А. С. Подшибякин // Российский судья. – 2002. – № 9. – С. 15–22.

472. Ковтун, Н. Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ / Н. Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 2. – С. 23–30.

473. Кожухарь, А. Н. Гражданко-процессуальные гарантии реализации гражданами конституционного права на судебную защиту / А. Н. Кожухарь // Обеспечение прав и свобод граждан в СССР : сб. ст. / под ред. [и с предисл.] Е. Г. Мартынчика. — Кишинев : Картия молдовеняскэ, 1988.

474. Колмаков, П. О влиянии оснований отмены и изменения судебных решений на вывод о повторности надзорных жалобы или представления / П. Колмаков, И. Обухов // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 86–90.

475. Колмаков, П. Что понимать под существенными (фундаментальными) нарушениями, повлиявшими на исход дела? / П. Колмаков, И. Обухов // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 87–91.

476. Колоколов, Н. А. Новые элементы в структуре судов общей юрисдикции: подсудность, порядок производства, обжалование / Н. А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2011. – № 3. – С. 18–29.

477. Костанов, Ю. А. Порядок предварительного рассмотрения надзорных жалоб: отказ в правосудии или баланс интересов? / Ю. А. Костанов // Уголовный процесс. – 2011. – № 6. – С. 16–21.

478. Крашенинников, П. А. Новое уголовное судопроизводство – надежная система гарантий прав граждан / П. А. Крашенинников, Е. Б. Мизулина // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Со всеми приложениями : (Официальный текст от 18 декабря 2001 г.) / профессиональный комментарий Кодекса по главам авторского коллектива ученых под руководством В. И. Радченко, В. П. Кашепова, А. С. Михлина. – М. : Агентство Библиотечка Российской газеты, 2002. – С. 3–13. – (Библиотечка Российской газеты ; вып. 5-6).

479. Кузнецов, А. П. Рецензия на книгу: Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. 332 с. / А. П. Кузнецов // Государство и право. – 2004. – № 5. – С. 116–119.

480. Кукушкин, П. Заочное судебное разбирательство / П. Кукушкин, В. Курченко // Законность. – 2007. – № 7. – С. 16–18.

481. Куликов, В. Судить надо не по бумажке / В. Куликов // Российская газета. – 2010. – 8 дек.

482. Кулишер, Е. М. Новые черты кассационного производства / Е. М. Кулишер // Журнал уголовного права и процесса. – 1912. – Кн. 1. – С. 223–233.
483. Лазарева, В. А. Какие недоработки в Законе № 433-ФЗ важно устраниить до вступления его в силу? / В. А. Лазарева // Уголовный процесс. – 2011. – № 3. – С. 37–43.
484. Лазарева, В. А. Судебная защита прав и свобод как функция правового государства / В. А. Лазарева // Государство и право на рубеже веков : (материалы Всерос. конф.) / ред. совет: Б. Н. Топорнин, О. Е. Кутафин [и др.]. – М. : Ин-т гос. и права РАН, 2001. – С. 246–250.
485. Лазарева, Л. И. Принцип недопустимости поворота к худшему / Л. И. Лазарева // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 101–104.
486. Лившиц, Ю. Назначение института гражданского иска в уголовном процессе / Ю. Лившиц, А. Тимошенко // Российская юстиция. – 2002. – № 6. – С. 43–45.
487. Лукайдес, Лукас Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) / Лукас Г. Лукайдес // Российская юстиция. – 2004. – № 2. – С. 8–20.
488. Ляпунов, Ю. Принципы уголовного законодательства / Ю. Ляпунов // Соц. законность. – 1989. – № 2. – С. 32–33.
489. Мальчевский, К. К вопросу об устранении медленности в производстве кассационных дел / К. Мальчевский // Юридический вестник. – 1876. – Кн. 3–4–5. – С. 14–40.
490. Манова, Н. С. Российская кассация: прошлое, настоящее, будущее / Н. С. Манова // Вестник СГАП. – 2010. – № 6. – С. 21–29.
491. Марков, П. Французский кассационный суд решений / П. Марков // Журнал Министерства юстиции. – 1862. – Т. XIV, кн. 12. – С. 465–498.
492. Мачинский, В. Конституция и УПК: коллизии законов / В. Мачинский // Законность. – 2005. – № 6. – С. 5–7.
493. Милицин, С. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? / С. Милицин, Е. Попкова // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 46–48.
494. Митин, Н. Недопустимость поворота к худшему / Н. Митин // Законность. – 2004. – № 11. – С. 51–52.
495. Москвин, С. Рецензия на книгу С. Ю. Кац / С. Москвин // Советская юстиция. – 1965. – № 19. – С. 28–29.
496. Муратова, Н. Г. Апелляция по уголовным делам: история и современность / Н. Г. Муратова // Мировой судья. – 2004. – № 4. – С. 19–22.

497. Нажимов, В. П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР / В. П. Нажимов // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. П. Нажимов. – Калининград : КГУ, 1989. – С. 3–12.
498. Нехамкин, Н. Упростить или упразднить? / Н. Нехамкин // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 32. – С. 721–722.
499. Никитина, Л. В. Законность, обоснованность и мотивированность решений, выносимых по результатам предварительной процедуры рассмотрения судьями кассационных и надзорных жалоб, представлений / Л. В. Никитина // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., [г. Саратов, 28 мая 2015 г.]. – Саратов : [СГАП], 2015. – С. 127–134.
500. Никитина, Л. В. Исключительность производства в порядке надзора по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений / Л. В. Никитина // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения) : сб. тез. докл. (по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.). – Саратов : СГАП, 2011. – С. 304–306.
501. Никитина, Л. В. Пределы прав суда надзорной инстанции / Л. В. Никитина // Вестник СГАП. – 2010. – № 1. – С. 162–169.
502. Никитина, Л. В. Прокурор в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций / Л. В. Никитина // Вестник СГАП. – 2010. – № 6. – С. 34–40.
503. Омарова, А. С. Инстанционность в суде кассационной инстанции / А. С. Омарова // Российский судья. – 2013. – № 7. – С. 11–13.
504. Омарова, А. С. Неоднократность новой кассации и правило инстанционности / А. С. Омарова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 3. – С. 99–102.
505. Османов, Т. С. Нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене (изменению) приговора в порядке надзора: спорные вопросы регламентации / Т. С. Османов // Российский судья. – 2009. – № 8. – С. 25–28.
506. Османов, Т. С. Новая кассация – старый надзор / Т. С. Османов // Судья. – 2012. – № 10. – С. 44–49.
507. Османов, Т. С. Процессуальный порядок рассмотрения надзорной жалобы (представления) по УПК РФ / Т. С. Османов // Российский судья. – 2005. – № 2. – С. 25–29.
508. Петрухин, И. Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 24–25.

509. Плашевская, А. А. Понимание категории «правовая определенность» применительно к уголовному судопроизводству в решениях Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации / А. А. Плашевская // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., 22 марта 2013 г. / сост. К. Б. Калиновский, Т. В. Соколов. – СПб. : Сев.-Зап. фил. ФГБОУ ВПО «Рос. акад. правосудия», 2013. – С. 131–139.

510. Плашевская, А. А. Действие ревизионного начала при обнаружении ошибки в приговоре при апелляционном и кассационном пересмотре в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2010 г. / А. А. Плашевская // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 59 / отв. ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович ; под ред. О. И. Андреевой, И. В. Чадновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 189–196.

511. Подольный, Н. А. Справедливость – критерий правосудности / Н. А. Подольный, Д. А. Урявин // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 32–34.

512. Поздняков, М. Л. Эволюция надзорной стадии в уголовном судопроизводстве / М. Л. Поздняков. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

513. Потапов, В. Д. Категории «существенное нарушение закона» и «фундаментальное нарушение закона» в контексте оснований для отмены окончательных судебных решений в суде надзорной инстанции / В. Д. Потапов // Вестник СГАП. – 2011. – № 2. – С. 181–182.

514. Потапов, В. Д. О коллизиях в предмете кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда / В. Д. Потапов // Российский следователь. – 2012. – № 18. – С. 19–21.

515. Потапов, В. Д. Право заинтересованных лиц на рассмотрение по существу повторных жалоб в суд вышестоящей инстанции / В. Д. Потапов // Российский следователь. – 2012. – № 17. – С. 9–11.

516. Потапов, В. Д. Предварительное производство при пересмотре окончательных актов суда: в контексте правила *res judicata* / В. Д. Потапов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 7. – С. 57–60.

517. Потапов, В. Д. Предварительное производство при пересмотре окончательных актов суда: отказ в правосудии или обеспечение правила *res judicata*? / В. Д. Потапов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2012. – № 1. – С. 152–155.

518. Потапов, В. Д. Ревизионное начало деятельности суда в контексте установленного предмета проверки / В. Д. Потапов // Право и его реализация в XXI веке : сб. науч. тр. (по материалам Междунар. науч.-

практ. конф., посвящ. 80-летию Сарат. гос. юрид. акад., Саратов, 29–30 сент. 2011 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. С. Н. Туманова. – Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2011. – Ч. 1. – С. 253–254.

519. Потапов, В. Д. Ревизионное начало проверки в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций: контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. / В. Д. Потапов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 27. – С. 68–71.

520. Принятие Федерального закона № 433-ФЗ – весьма значимый этап судебной реформы : (интервью с членом Президиума Верховного Суда РФ В. А. Давыдовым) // Уголовный процесс. – 2011. – № 3. – С. 10–17.

521. Разинкина, А. Проблемы правовой регламентации процедур пересмотра судебных актов в апелляционном и кассационном порядке / А. Разинкина // Законность. – 2013. – № 9. – С. 7–10.

522. Рекомендации участников Всероссийской научно-практической конференции «Права человека в России и правозащитная деятельность государства» от 12 мая 2003 г. // Законность. – 2003. – № 7. – С. 59–63.

523. Рехтина, И. В. Правовая определенность (*res judicata*) в истории права Древнего Рима / И. В. Рехтина // История государства и права. – 2011. – № 22. – С. 43–47.

524. Решетова, Н. Поворот к худшему при рассмотрении уголовных дел в порядке надзора / Н. Решетова // Законность. – 2005. – № 12. – С. 2–5.

525. Рожкова, М. А. Комментарий к информационному письму ВАС РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» / М. А. Рожкова, Д. В. Афанасьев // Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. Вып. 5 / рук. проекта Л. А. Новоселова, М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2008. – С. 194–244.

526. Рукавишникова, А. А. Пресекательный срок существования права на подачу кассационной жалобы (представления) / А. А. Рукавишникова // Уголовная юстиция. – 2015. – № 1 (5). – С. 60–63.

527. Рябцевич, О. И. О содержании права на справедливое судебное разбирательство / О. И. Рябцевич // Мировой судья. – 2004. – № 2. – С. 23–25.

528. Савельев, К. А. Проблемы определения границ рассмотрения дела при пересмотре приговора / К. А. Савельев // Актуальные проблемы

- современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 4 / под ред. В. А. Лазаревой. – Самара : Сам. ун-т, 2009. – С. 51–59.
529. Свиридов, М. К. Обеспечение стабильности приговора / М. К. Свиридов // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – Вып. 357. – С. 139–142.
530. Синенко, В. С. Некоторые аспекты принципа правовой определенности в гражданском процессуальном праве / В. С. Синенко // Новая правовая мысль. – 2013. – № 1. – С. 114–119.
531. Смбатян, А. С. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение / А. С. Смбатян // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 2–5.
532. Смирнов, А. В. О понятии фундаментальных нарушений закона в практике Конституционного Суда Российской Федерации / А. В. Смирнов // Российская юстиция. – 2008. – № 5. – С. 4–6.
533. Смирнов, А. Принцип *non bis in idem* и формы пересмотра судебных решений по уголовным делам / А. Смирнов // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 72–74.
534. Смирнов, А. В. Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: кассация / А. В. Смирнов. – Электрон. текстовые дан. – Подгот. для системы «КонсультантПлюс», 2011. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.
535. Смоленцев, Е. Повышать уровень работы судов надзорной инстанции / Е. Смоленцев // Социалистическая законность. – 1985. – № 11. – С. 3–6.
536. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Проект уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (общие положения)», 23 апреля 2001 г. // Уроки реформы уголовного правосудия в России : По материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие : сб. ст. и материалов / отв. ред. Е. Б. Мизулина, А. Е. Лебедев ; вступ. ст. С. М. Миронова. – М. : Норма, 2007. – С. 711–712.
537. Султанов, А. Р. Находится ли защита прав и свобод человека в коллизии с правовой определенностью? / А. Р. Султанов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 2. – С. 60–64.
538. Сысоев, В. Так ли уж неуместен гражданский иск в уголовном процессе? / В. Сысоев, К. Храмцов // Российская юстиция. – 2001. – № 10. – С. 67–68.
539. Тельнов, А. В. Справедливость как необходимое требование к судебному решению / А. В. Тельнов // Мировой судья. – 2005. – № 7. – С. 22–23.

540. Терехин, В. Судебные процедуры в уголовном процессе: некоторые проблемы правового регулирования / В. Терехин // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 69–71.
541. Терехова, Л. А. О концепции надзорного производства в новом ГПК / Л. А. Терехова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса, 2002–2003. – № 2. – СПб., 2004. – С. 70–74.
542. Тертышник, В. Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения / В. Тертышник, С. Щерба // Уголовное право. – 2001. – № 4. – С. 73–76.
543. Тимошенко, А. А. Справедливость как ценностный ориентир уголовного процесса / А. А. Тимошенко // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 3 (4). – С. 151–157.
544. Трубников, П. Я. Пересмотр решений в порядке судебного надзора / П. Я. Трубников // Советское государство и право. – 1970. – № 2. – С. 23–31.
545. Фоменко, А. Н. Проблемные аспекты обеспечения права потерпевшего на обжалование судебного решения в надзорном порядке / А. Н. Фоменко // Бизнес в законе. – 2010. – № 4. – С. 129–131.
546. Фон-Резон, А. К. О границах кассационного рассмотрения в уголовном судопроизводстве (5 ст. учр. суд. уст.) / А. К. Фон-Резон // Журнал министерства юстиции. – 1902. – № 1. – С. 107–150. – (Начало).
547. Фон-Резон, А. К. О границах кассационного рассмотрения в уголовном судопроизводстве (5 ст. учр. суд. уст.) / А. К. Фон-Резон // Журнал министерства юстиции. – 1902. – № 2. – С. 47–73. – (Окончание).
548. Халиулин, А. Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России / А. Г. Халиулин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 11. – С. 29–33.
549. Халиулин, А. Г. Конституционные основы правосудия по уголовным делам / А. Г. Халиулин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2013. – № 5. – С. 38–43.
550. Цепкова, Т. М. Соотношение законной силы судебного решения и принципа *res judicata* в свете постановлений Европейского Суда по правам человека / Т. М. Цепкова, М. С. Борисов // Российская юстиция. – 2010. – № 8. – С. 52–55.
551. Чихачев, К. О юридической силе и практическом значении решений кассационных департаментов Правительствующего Сената / К. Чихачев // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. – 1896. – Кн. 7 (Сентябрь). – С. 40–56.

552. Шамардин, А. А. К вопросу о формах осуществления судебной власти / А. А. Шамардин // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. Ч. 2. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. – С. 397–403.
553. Шинелева, Т. Безусловный запрет поворота к худшему ущемляет права потерпевших / Т. Шинелева // Законность. – 2004. – № 7. – С. 42–44.
554. Щерба, С. Новый закон о преюдиции в уголовном процессе: сущность и значение / С. Щерба, И. Чащина // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 103–109.
555. Эрлих, Е. Ю. О кассации оправдательных приговоров / Е. Ю. Эрлих // Право. – 1914. – № 21. – Стб. 1666–1673.
556. Якимович, Ю. К. Может ли быть модернизирован современный уголовный процесс? / Ю. К. Якимович // Избранные труды / Ю. К. Якимович. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. – С. 761–770.
557. Якимович, Ю. К. Ревизионное начало в суде надзорной инстанции / Ю. К. Якимович, Н. В. Дудко // Избранные труды / Ю. К. Якимович. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. – С. 699–707.
558. Яковлев, Н. М. Ограничение прав потерпевших на свободный доступ к правосудию / Н. М. Яковлев // Журнал российского права. – 2005. – № 5. – С. 71–79.
559. Ярцев, Р. В. Надзорное производство в контексте принципа правовой определенности / Р. В. Ярцев, Н. А. Гордеева // Уголовный процесс. – 2008. – № 4. – С. 43–55.

### Диссертации и авторефераты диссертаций

560. Абрамов, А. В. Надзорное производство как форма судебного контроля в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Абрамов Алексей Викторович. – Н. Новгород, 2003. – 192 с.
561. Айтмухамбетов, Т. К. Дополнительные материалы в кассационном и надзорном производстве по советскому уголовному процессу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Айтмухамбетов Тамас Калмуханович. – М., 1976. – 21 с.
562. Алексеев, В. Б. Оценка доказательств в надзорной инстанции в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Алексеев Владлен Борисович. – М., 1965. – 18 с.

563. Алексеева, Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук / Алексеева Татьяна Михайловна. – М., 2015. – 263 с.
564. Альшевский, Т. В. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Альшевский Тимофей Васильевич. – М., 1955. – 19 с.
565. Астратова, С. В. Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Астратова Станислава Владимировна. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.
566. Афанасьев, С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Афанасьев Сергей Федорович. – Саратов, 2010. – 66 с.
567. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Аширбекова Мадина Таукеновна. – Екатеринбург, 2009. – 61 с.
568. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : дис. ... д-ра юрид. наук / Аширбекова Мадина Таукеновна. – Волгоград, 2009. – 483 с.
569. Аширова, Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Аширова Луиза Мунавировна. – Уфа, 2006. – 27 с.
570. Безмельницына, Э. О. Прокурор в судах второй, кассационной и надзорной инстанций : дис. ... канд. юрид. наук / Безмельницына Эльмира Олеговна. – Саратов, 2013. – 251 с.
571. Борисова, Е. А. Теоретические проблемы проверки судебных актов в гражданском, арбитражном процессах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Борисова Елена Александровна. – М., 2005. – 44 с.
572. Бунина, А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бунина Анна Викторовна. – Челябинск, 2005. – 26 с.
573. Вершинин, В. Б. Судебная защита как комплексный институт российского права : дис. ... канд. юрид. наук / Вершинин Вадим Борисович. – Пенза, 2011. – 224 с.
574. Волощенко, А. В. Основания отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в порядке надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Волощенко Алексей Викторович. – Саранск, 2008. – 30 с.

575. Воробейников, М. А. Запрет преобразования к худшему в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Воробейников Михаил Александрович. – Л., 1977. – 24 с.
576. Воскобитова, Л. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене приговоров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Воскобитова Лидия Алексеевна. – М., 1979. – 25 с.
577. Гехова, Д. Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе : генезис и перспективы развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Гехова Дина Хусеновна. – М., 2016. – 30 с.
578. Гладышева, О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Гладышева Ольга Владимировна. – Краснодар, 2009. – 46 с.
579. Грун, А. Я. Пересмотр приговоров, определений и постановлений суда в порядке судебного надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Грун Александр Яковлевич. – М., 1965. – 18 с.
580. Давыдов, В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Давыдов Владимир Александрович. – М., 2011. – 47 с.
581. Давыдов, В. А. Производство в надзорной инстанции в уголовном процессе: проблемы и перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Давыдов Владимир Александрович. – М., 2005. – 28 с.
582. Давыдов, В. А. Производство в надзорной инстанции в уголовном процессе: проблемы и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук / Давыдов Владимир Александрович. – М., 2005. – 193 с.
583. Демидов, В. В. Производство по уголовным делам в президиуме областного суда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Демидов Владимир Венедиктович. – М., 1977. – 23 с.
584. Демидова, Е. Т. Теоретические и практические проблемы надзорного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Демидова Елена Тимофеевна. – Саратов, 2006. – 21 с.
585. Демидова, Е. Т. Теоретические и практические проблемы надзорного производства по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук / Демидова Елена Тимофеевна. – Саратов, 2006. – 202 с.
586. Демурчев, Г. Г. Основания отмены или изменения решений суда по уголовным делам, вступившим в законную силу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Демурчев Георгий Геннадиевич. – Краснодар, 2010. – 23 с.
587. Закотянская, А. Ф. Обжалование и пересмотр решений суда в ходе досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Закотянская Алия Фаатовна. – Самара, 2012. – 21 с.

588. Зумакулов, А. Д. Институт возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как гарантия прав и свобод личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Зумакулов Аслан Далхатович. – Кисловодск, 2005. – 32 с.
589. Иvasенко, К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : дис. ... канд. юрид. наук / Иvasенко Кристина Вадимовна. – М., 2014. – 265 с.
590. Идрисов, О. Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Идрисов Олег Рафаэлевич. – Томск, 2012. – 23 с.
591. Ишмуратов, А. Р. Решения судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ишмуратов Айдар Рафаэлевич. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.
592. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: Понятие, сущность, формы : дис. ... д-ра юрид. наук / Ковтун Николай Николаевич. – Н. Новгород, 2002. – 520 с.
593. Комиссаров, К. И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Комиссаров Кузьма Иванович. – Свердловск, 1971. – 44 с.
594. Комиссаров, К. И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук / Комиссаров Кузьма Иванович. – Свердловск, 1971.
595. Кузова, Э. Ф. Обжалование приговоров в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кузова Элеонора Федоровна. – М., 1951. – 17 с.
596. Лазарева, В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: Проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук / Лазарева Валентина Александровна. – Самара, 2000. – 420 с.
597. Лазарева, Л. И. Принцип недопустимости поворота к худшему в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лазарева Людмила Ивановна. – М., 1982. – 30 с.
598. Лупинская, П. А. Пересмотр приговоров в порядке надзора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лупинская Полина Абрамовна. – М., 1950. – 20 с.
599. Малиновский, О. Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Малиновский Олег Николаевич. – Краснодар, 2003. – 25 с.

600. Мерзлякова, М. В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора : дис. ... канд. юрид. наук / Мерзлякова Марина Викторовна. – Екатеринбург, 2008. – 181 с.
601. Мизулина, Е. Б. Природа надзорного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мизулина Елена Борисовна. – Казань, 1983. – 16 с.
602. Михеенкова, М. А. Благоприятствования защите (*favor defensionis*) и его проявления в современном уголовном процессе : автореф. дис.... канд. юрид. наук / Михеенкова Мария Андреевна. – М., 2012. – 31 с.
603. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Муратова Надежда Георгиевна. – Екатеринбург, 2004. – 47 с.
604. Назаренко, Т. Н. Неопределенность в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Назаренко Татьяна Николаевна. – М., 2006. – 23 с.
605. Неказаков, В. Я. Конституционно-правовые вопросы реализации в российском праве и правоприменительной практике статей 5 и 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: Право на свободу, личную неприкосновенность и справедливое судебное разбирательство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Неказаков Владимир Яковлевич. – М., 2005. – 29 с.
606. Обухов, И. И. Проблемы производства в надзорной инстанции, возникающие на этапе проверки соответствия надзорных жалобы или представления требованиям УПК РФ : автореф. дис.... канд. юрид. наук / Обухов Иван Ильич. – Сыктывкар, 2010. – 23 с.
607. Омарова, А. С. Кассационное производство как форма юридической проверки законности судебных актов : дис. ... канд. юрид. наук / Омарова Асель Сабетовна. – Волгоград, 2015. – 242 с.
608. Османов, Т. С. Актуальные проблемы совершенствования деятельности суда надзорной инстанции : дис. ... канд. юрид. наук / Османов Тамирлан Сейфуллаевич. – М., 2006. – 250 с.
609. Пацация, М. Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Пацация Малхаз Шотаевич. – М., 2010. – 55 с.
610. Посник, В. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Посник Виктор Сергеевич. – М., 1969. – 267 с.
611. Потапов, В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопро-

изводства России : дис. ... д-ра юрид. наук / Потапов Василий Джонович. – М., 2013. – 483 с.

612. Пресняков, М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Пресняков Михаил Вячеславович. – Саратов, 2010. – 44 с.

613. Рабцевич, О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рабцевич Олеся Ивановна. – Казань, 2003. – 26 с.

614. Ривлин, А. Л. Пересмотр судебных приговоров в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ривлин Абрам Львович. – М., 1955. – 27 с.

615. Рудич, В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рудич Валерий Владимирович. – М., 2013. – 34 с.

616. Сафиуллина, Ю. В. Проблемы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук / Сафиуллина Юлия Владимировна. – Казань, 2006. – 235 с.

617. Темушкин, О. П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Темушкин Олег Петрович. – М., 1980. – 51 с.

618. Францифоров, Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Францифоров Юрий Викторович. – Н. Новгород, 2007. – 76 с.

619. Чебуренков, А. А. Полномочия суда надзорной инстанции в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чебуренков Александр Анатольевич. – Саранск, 2004. – 25 с.

620. Чумаков, А. В. Европейские стандарты в области прав человека в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чумаков Андрей Владиславович. – СПб., 2005. – 25 с.

621. Шикаев, Д. В. Реализация полномочий защитника при производстве в надзорной инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шикаев Денис Владиславович. – Екатеринбург, 2010. – 30 с.

622. Шинд, В. И. Рассмотрение уголовных дел президиумами судов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шинд Владимир Ильич – М., 1958. – 15 с.

623. Штерн, Б. А. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Штерн Б. А. – Киев, 1954. – 15 с.

624. Ягофаров, С. М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ягофаров Самат Мухамедвалеевич. – Челябинск, 2005. – 21 с.

*Для заметок*

Научное издание

*Дикарев Илья Степанович*

**НАДЗОРНО-КАССАЦИОННАЯ ФОРМА  
ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ  
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Монография

Главный редактор *А.В. Шестакова*

Редакторы: *Н.В. Горева, У.В. Наумова*

Верстка *Е.Н. Солоненко*

Техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 26.02 2016 г. Формат 60×84/16.  
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 23,3.

Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 500 экз.

Заказ . «С» 27.

Издательство Волгоградского государственного университета.  
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.  
E-mail: izvolgu@volsu.ru